Герольд Бельгер

Избранное

Второй том

Герольд БЕЛЬГЕР

ИЗБРАННОЕ

второй том

«ЖИБЕК ЖОЛЫ»
АЛМАТЫ
2024

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)
Б 44

Выпущено по программе «Повышение конкурентоспособности сферы культуры и искусства, сохранение, изучение и популяризация казахстанского культурного наследия и повышение эффективности реализации архивного дела», по подпрограмме «Приобретение, издание и распространение социально-важных видов литературы» Министерства культуры и информации Республики Казахстан.

Бельгер Г. К.

Б 44 Избранное. В двух томах. Том 2. Литературные портреты на фоне дневниковых записей / Под ред. Б. М. Канапьянова. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2024.

ISBN 978-601-294-383-2

Т. 2 : Избранное. – 2024. – 400 с. Каз., рус.

ISBN 978-601-294-385-6

Во второй том избранных произведений видного казахстанского писателя и переводчика Герольда Бельгера (1934-2015) вошли литературные портреты, эссе и дневниковые записи о друзьях-писателях Шот-Амане Валиханове, Мурате Ауэзове, Абише Кекилбаеве, Аскаре Сулейменове, Баккоже Мукаи, Абдижамиле Нурпеисове и Леонарде Кошуте, с которыми автор десятилетиями находился вблизи и рядом.

Издание рассчитано на массового читателя и приурочено к 90-летию со дня рождения писателя.

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)

ISBN 978-601-294-385-6 (2 том)
ISBN 978-601-294-383-2

© Бельгер Г. К., 2024
© ТОО «ТПО «Жибек жолы», 2024

Литературные портреты на фоне дневниковых записей

Шота Валиханов

MEIN FREUND ШОТ-АМАН

К 80-летию друга – Шоты Валиханова

Туарда адам ата-ана таңдамайды,
Біреудің баласысың басыбайлы.
Мен бақытты адаммын дүниедегі,
Жалғастырған Шоқан мен Абылайды.

Шота Уәлихан

Напутное слово

Он родился в суровом и голодном 1932 году. Это была трагическая выморочная полоса в казахской истории.

Чудом уцелел, выжил и здравствует поныне.

Ровесников у него мало. Из его окружения на память приходят только поэт Какимбек Салыков и писатель Шерхан Муртаза.

Он очень известен, знаменит. И не только в Казахстане.

Он дипломированный, признанный архитектор. Образование получил в Москве. Всех его званий и регалий я сходу и не перечислю. Академик Международной академии архитектуры стран Востока, автор Государственного Герба Республики Казахстан, монумента Независимости РК в Алматы, академик Академии художеств РК, профессор, заслуженный архитектор РК, лауреат Государственной премии РК, академик Международной академии Чингизхана. Кавалер разных отечественных и зарубежных орденов, медалей, знаков, дипломов, сертификатов, грамот, свидетельств.

И еще: поэт, переводчик, драматург, владелец уникального эпистолярного архива.

Словом, неординарная личность. Интеллектуал. Общественный деятель. Культуртрегер в первоначальном, высоком значении этого слова.

И к тому же фантастически родовит. Белая кость. Степной аристократ. Торе. Чингизид.

Вот его родословное по прямой мужской линии:

Шыңғыс хан – Жошы (Джучи) – Тоқай Темір – Қожа – Бәдік – Орыс хан – Құйыршық хан – Барақ – Әз Жәнібек (Абусағит) – Жәдік – Шығай

хан – Еңсегей бойлы ер Есім – Салқам Жәңгір – Уәли – Қанішер Абылай – Көркем Уәли – Абылай хан (Әбілмансұр) – Уәли – Шыңғыс – Әбілмақызан (Мақы) – Ыдырыс – Шот-Аман (Шота Уәлихан).

Родословное я выписал некогда из какой-то газеты. Заметка называлась «От Чингис хана до Шот-Амана».

А вот еще один любопытный документ, очутившийся среди моих бумаг (Алматы, 31.12.1998 г.):

Родство Валихановых и Ауэзовых
(Төрелер мен қожалардың туыстығы)

Кто из казахстанцев может возгордиться таким родословным? Я лично лишь недавно уяснил своих предков до седьмого колена.

Зовут его Шота. Шота Валиханов.

Но нарекли его, желанного, долгожданного, при рождении именем Шот-Аман. В чем смысл этого редчайшего имени? Аман – значит здоровый, благополучный. Таково главное родительское пожелание. А Шот – тесло. Намек на то, что пуповину дитяти перерубили теслом. Видно, ножа под рукой не оказалось.

Жизнь его сложилась непросто. Точнее: совсем не просто. С лихвой испытал и нужду, и утрату близких, и бог весть каких житейских невзгод, и крутых перипетий бытия. Белоручкой и счастливчиком сызмальства никак не был.

Но упорно шел предначертанной дорогой чести и достоинства славных предков. Генетическая память сидела в нем прочно. И неизменно –

везде и всюду – руководствовался высокой мечтой. Тому способствовали природный талант, целеустремленность, упорство, жажда знаний, трудо- и честолюбие.

Я так понимаю.

Пишу я, однако, не монографический очерк и не трудовую характеристику. Это сделают (отчасти уже сделали) более компетентные люди. Я хочу поделиться частью своих дневниковых записей, в которых Шота преимущественно фигурирует как живой человек, как добрый товарищ и друг. Ведь эти бесхитростные свидетельства, хочу надеяться, могут быть кому-то интересны.

Обрадовался, наткнувшись на шикарно изданный журнал «Shahar–Культура» (№ 3), в котором опубликована «Переписка» Шоты с друзьями. И писем, и фотографий много. Журнал открывается большим цветным портретом Шоты, его словом читателям, а на полях – дружеская надпись: «Барон Гера! «Переписка» деген атпен хаттар жинағын шығарайын деп жатырмын. Бір кемістігі – сенен бірде-бір хат алмаппын. Егер осы идея туралы пікіріңді хатпен жазып жіберсең, кемістіктің орны толады. Өзіңді бек жақсы көретін ағаң Шота. 10.02.2006 ж.»

А среди документов – переписки с Кензо Танге, Олжасом Сулейменовым, Тохтаром Аубакировым, Имангали Тасмағамбетовым, Чингизом Айтматовым, Маркусом Кайнесом, Германом Жессором, Ван Лю, Бахытжаном Канапьяновым, Карл-Хайнцем Кохом, Методи Писарским, Тормой Иожефом, Лоитой Тажиевой, Юрием Каминским – я обнаружил факсимиле моего поздравления с 70-летием друга.

Вот этот текст:

«Дорогой Шота Едрисович!

Светлейший князь!

Қадірлі Шөке!

Сердечно поздравляю тебя с солидным юбилеем и по-братски горячо и крепко обнимаю.

Ты уникальная, знаковая фигура в истории и культуре нашей страны. У тебя много знатных друзей везде и всюду.

Ты заслуженно обласкан всеми почитателями твоего редкого дара.

И я один из тех, кто давно находится под обаянием твоей личности.

Горжусь тобой.

И особенно рад, что ты – увлеченный, вдохновенный, неуемный – уверенно идешь на два шага впереди меня, как бы ведя меня, младшего по летам, по дороге чести, достоинства и благородства

Живи и гори долго!
Будь! Будь! Будь!
Твой бауыр Герольд Бельгер.

26.04.2002 г.

P. S.

Өкінішке қарай, бүгінгі тойында бола алмайтын жағдайым бар. Кеше кан қысымым шырқап кетіп, кризге ұшырадым, қалталақтап қалдым.

Тәуірлеу болсам, «Анкараға» барамын.

Ренжіме!

Г. Б.»

В этом же номере журнала приведены сокровенные мысли Шоты – из записной книжки архитектора.

«Архитектура – большое, сильное, впечатляющее созидательное искусство, которому подвластны и страсти, и желания человека.

Архитектура зависит от многих факторов. Прежде всего от экономической возможности государства, от прозорливости и вкуса вождей нации, интеллектуальных сил страны.

Самая большая радость – радость творчества, она приносит человеку наивысшее наслаждение.

Дружба – основа нравственного бытия человека.

Книга – живая память деяний людей, сокровища мыслей поколений.

Бывают моменты, которые своим глубоким интеллектуалом, человеческим обаянием и высокой порядочностью становятся тебе близкими, родными и дорогими.

Моя судьба предопределена на генетическом уровне, я ею доволен.

От осла рождается осел, а не рысак.

В жизни можно преодолеть любые препятствия, трудности, кроме смерти.

Моя путеводная звезда – Чокан Чингизович Валиханов».

Перу Шоты принадлежит текст «Клятвы Иктина и Калликрата», сочиненный им в 1991 году. В газете «Столичное обозрение» (09.10.1998) была опубликована предыстория создания клятвы архитекторов. Там пояснено, что клятву решили назвать по имени греческих архитекторов Иктина и Калликрата – создателей одного из семи чудес света – Парфенона.

Основные положения клятвы таковы:

– жить светлыми, возвышенными идеями;

– работать с полной отдачей сил, таланта и знаний;

– овладевать тайнами мастерства;

– для меня нет малой или большой архитектуры, сущность вещей иногда наиболее зрима в малом. И поэтому за любое дело обещаю бороться всем сердцем и душою;

– лучше ничего не делать, чем делать плохо;

– оградить архитектуру от пресыщения, косности, лжи и потери чувства меры;

– всюду и во всем следовать целесообразности, гармонии и красоте;

– не быть узким специалистом, глубоко разбираться в смежных областях, работать рука об руку с представителями других профессий;

– шагать в ногу со временем, овладевать новейшими достижениями техники, чтобы экономить время, процесс получения эффективных результатов;

– опираться на практику и опыт. Ничего не принимать за догму. В изучении их не быть педантом, а быть философом, заглядывающим в глубины движения творческих мыслей;

– уважать труд зодчих, совместно работающих, стремиться к свободному обмену мнениями, отдавая должное индивидуальности каждого;

– не только творить самому, всегда самоотверженно защищать и поддерживать тех, кто делает это вдохновенно и талантливо;

– в оценке архитектурных произведений опираться на научные познания, на разум, чувство прекрасного и хороший вкус;

– учиться у всех, кто может дать знание. Интересоваться развитием науки, искусства, культуры и истории в целом. Быть в гуще событий архитектуры не только своей страны, но и всего мира;

– служить людям не ради выгоды и славы, а ради улучшения жизни в местах обитания их на планете;

– проклинать войну и разрушения;

– поддерживать в себе и других жажду жизни, веселый нрав, веру в победу Добра!

Эти положения клятвы архитекторов можно считать нравственным кредо, основополагающим критерием жизни и творчества самого Шоты Валиханова.

Этими принципами он руководствуется неукоснительно.

Обо всем этом я посчитал нужным сказать в первой, вводной части своего очерка. Вторую часть всецело составляют дневниковые записи разных лет.

P. S. ...Как-то раз при встрече у памятника Чокану Шота с пафосом прочитал из своей только что изданной книги стихи:

Я потомок Великих и Славных,
Но впустую я жить не могу.
Груз эпохи делю я на равных,
Предки, с вами я в ближнем кругу...

– Эй, – оборвал я его. – Здорово! Сам что ли сочинил?
– Сам.
– Кто перевел?
– Сам!
И с пафосом прочел все стихотворение дважды. Видно, оно ему понравилось.
– Кто перевел? Говори!
– А что? Хорошо?
– Прекрасно!
– Бахытжан перевел, – признался Шота.
Перевод программного стихотворения Шоты действительно хорош и максимально близок к оригиналу. И я с удовольствием воспроизведу здесь его полностью:

Я потомок Великих и Славных,
Но впустую я жить не могу.
Груз эпохи делю я на равных,
Предки, с вами я в ближнем кругу.

Век железный согну я руками,
Станет другом мне бывший мой враг.
Небожитель я, и с облаками
Проплываю луною сквозь мрак.

И в душе моей много сокровищ,
И в душе моей много любви.
Время всхода, отринув чудовищ,
Бьется током горячей крови.

Для добра нам объятья раскрыты,
В век из века в душе моей степь.
К этой цели идем сквозь события,
Для свободы разорвана цепь...
В этих строках Шота исповедально выразил себя, а Бахытжан адекватно выразил его по-русски.

Герольд Бельгер
06.02.2012 г.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ДНЕВНИКОВ РАЗНЫХ ЛЕТ

Ни память, ни мои дневники (тридцать пять толстых тетрадей!) не запечатлели нашу первую встречу, наше знакомство. Ощущение такое, что я знал его всегда.

Мы с детства и жили где-то рядом. А одно время и вовсе вблизи. Отец его – узнал я позже – учительствовал в колхозе Алқа-Ағаш, находившемся от нашего аула в 13 километрах.

А имя это – Шота – с громкой и гордой фамилией Валиханов – я, полагаю, впервые услышал из уст моих школьных товарищей Салима Курмангужина (известного, кстати, дипломата) и Есляма (Ислама) Акбасова (дипломированного инженера). Когда же он, Шота Валиханов, реально вошел в мое сознание – ей-ей! – не помню. Сознание отчетливо зафиксировало тот день, когда его приняли в члены Союза писателей Казахстана. О членстве его, помню, возвестил на каком-то собрании Олжас Сулейменов, и тотчас на сцену уверенно поднялся невысокого роста, миловидный, курчавый человек, подошел к Олжасу, что-то шепнул ему на ухо, и Олжас, ухмыльнувшись, обратился в зал: «Ну вот! Приняли его на свою голову. Едва став членом Союза, он уже просит машину. Видите ли, ему срочно куда-то надо». Зал засмеялся, а новоиспеченный член СПК, видимо, получив от щедродушного председателя правления машину, деловито куда-то понесся. Вот этот момент и запомнился.

Далее из моих дневников явствует, что мы были на разных тусовках, общественных мероприятиях, сталкивались там-сям, а уж совершенно точно встретились в гостях у покойного ныне художника Абдрашита Сидыханова в 1993 году и у венгерского посла Иожефа Тормы в 1994 году, о чем свидетельствуют застольные фотографии. Позже встречи участились, и возникла добрая дружба.

Привожу непритязательные заметки-наброски из дневников на русском и казахском языках без каких-либо комментариев. Может, они сгодятся беглыми штрихами к портрету незаурядной в общем-то личности.

Итак, альхисса...

31.01.1995 г.

Зашел Шота Валиханов. Пригласил на телепередачу в Общество охраны памятников культуры.

После обеда пошпрехали у него перед камерой, порассуждали о том о сем. В беседе участвовали: Алтыншаш Ж., Кенес Нурпеисов, Шота, Акселеу С. и я. Вела беседу и записывала Назгуль – симпатичная и умная

особа, с которой встречаюсь уже многие годы на разных уровнях. После записи была у Шоты выпивка с тостами. Продолжалась она целый час. И в парламент, таким образом, я уже не успевал. Беседа была приятная: умные, образованные, симпатичные люди.

06.06.1996 г.

Звонит Шота. Диктует цитату Мухтара Ауэзова, которую следует толково перевести на русский язык... Я занят. Не до этого. Однако через час он звонит снова. «Как с переводом? Я жду».

Делать нечего. Перевожу тяп-ляп, одеваюсь, спешу к Шоте. Он радушно принимает, увлеченно демонстрирует проекты (четыре варианта) памятника Аблаю, поздравляет меня с премией ПЕН-клуба, читает кипу цитат от биев XVII века до Каныша Сатпаева, распоряжается принести чай, виски, вино, печенье, конфеты. Отказываюсь. Говорю: «Сердце». Он: «Ты что? Немножко. Символически...»

Принял граммов десять виски, пью чай. В груди тепло, в ушах звон. Начинаем вместе переводить цитату. Верный ход, приемлемую тональность нащупывает Шота. Не буквалим, переводим творчески. Приподнимаем. Всего три фразы, а бьемся час, спорим, улучшаем. Наконец оба довольны, что-то получилось. Шота тут же распоряжается перепечатать текст на машинке. Опять принимаем граммов двадцать-тридцать. Благодарю. Смотрю на часы. Час дня. Шота меня провожает. Дружески. Братски. Искренне.

10.06.1996 г.

Часа четыре читал статьи-эссе Шоты Валихана за этот год. Молодчина! Умница! Талант! Крепко, актуально, по-граждански.

12.06.1996 г.

...Дважды был Шота. Совместно перевели на русский язык высказывания Байтурсынова и Назарбаева. Очень увлекающийся, импульсивный человек (не Назарбаев, а Шота).

16.12.1996 г.

Шота вручил мне приглашение в ресторан, шепнул, что будет и Назарбаев. Но я вряд ли рискну. Мне после инфаркта еще рано по ресторанам шататься. На банкет-прием Президента я тоже не пошел. За пять часов торжества во Дворце я так ухайдакался, что лицо горело и уши закладывало. Еще совсем сырой. И нечего прыгать. Так я Шоте и сказал.

17.12.1996 г.

Президент вместе с Демирелем посетил несколько объектов и проводил его, после чего в числе гостей Шоты Валиханова был в ресторане «Рахат Палас». Со слов Симашко узнал, что застолье прошло на уровне. И президент пел, на домбре играл. Приглашенных было якобы не менее ста. Среди них Кабдолов, Калтай, Абиш, Т. Аубакиров, Имангали, К. Смаилов, Акселеу, Бахытжан К. с братьями и женами. Я так и не пошел. И с учетом моего физического состояния, видимо, правильно сделал.

31.12.1996 г.

...Тут же позвал Шота. Посидел у него с полчасика, попил кумыс. Как всегда, Шота возбужденный, темпераментный, увлеченный. Почитал стихи, показал-толковал проекты, угощал. Приятно с ним.

22.02.1997 г.

Шота попросил сказать о нем по ТВ несколько слов. Беседовал Талгат Теменов. Застигнув меня врасплох, задал по-казахски несколько вопросов, и я что-то прокосноязычил. Талгату вроде как понравилось, но я был обескуражен. Интервьюер сбил меня с панталыку.

06.04.1997 г.

Позвонил Шота: «Майн фройнд!.. Завтра собираюсь лечь в больницу. Черепное давление. Миым басыма сыймай бара жатыр. Маған келіп кетпейсің бе? Есть что показать».

Пошел к нему. Огромный кабинет загружен всякими проектами, макетами. Стол завален книгами, эскизами, папками, альбомами, карандашами, фломастерами. Шота в цветастой безрукавке, вечно воодушевленный, импульсивный, бурный, шумный, бросился ко мне, сходу начал рассказывать, показывать, перескакивать с темы на тему. Показал макет памятника жертвам репрессии. Объяснил, растолковал все символы-детали. Показал макет памятника Аблаю. Опять все объяснил. Показал иероглифы. Расшифровал. Достал блокнот, прочитал свои стихи, переводы, гаклии, фразы, заготовки, наметки. Показал эскизы памятника жертвам атомных испытаний. Увидел я на тумбе «Жалын» № 1–2. Он тотчас прочел оттуда два стихотворения Василия Муратовского. Одно – «Национальность» – действительно прекрасно. Поговорили об опусе А. Нуршаихова в «Жулдызе» с осуждением. Я уточнил кое-какие детали монумента Независимости. Потом Шота показал надгробный памятник Тлеулеса Кажгалиева. Еще какие-то альбомы. Исследование Алтая Аманжолова. Все время предла-

гал чай. Тут позвонила Зина, жена. Сообщила, что качаются люстры, видно, землетрясение. «Не беспокойся, Зина, – утешил он ее. – Просто наши люстры плохо укреплены, – и подмигнул мне. – Ничего, Зина... Завтра лягу в больницу, и потом, выйдя, исполню все твои поручения».

Нравится мне Шота. Немного сумбурный, излишне увлекающийся, азартный. Живой, темпераментный, ищущий, мыслящий, беспокойный, неравнодушный.

Со стен кабинета взирали Чингизхан, Аблай, Чокан, Нурсултан, Букейханов, Абиш...

01.01.1998 г.

Вечером зашел Шота, занес отрывок своей пьесы. Посидели, посудачили, чай-коньяк попили. Приятный, увлеченный мужик. Не мужик – князь.

21.09.1998 г.

На прогулке разыскал меня Шота, вручил свои стихи и пьесу «Террор». Немного походили, поговорили.

24.09.1998 г.

Вчера скончался Абдильда Тажибаев, не дотянув 4 месяца до 90-летия. А сегодня рано утром позвонил Шота, заполошенным голосом спросил: «Нурпеисов... нормально?!». «Вчера в обед еще было нормально», – ответил я. «А мне говорили...» – «Так перепутали. Не он умер, а другой Абеке – Тажибаев». – «Это я знаю... Ұзақ жасайды екен онда», – сказал Шота и бросил трубку.

От одного этого дурного предположения мне стало не по себе.

12.10.1998 г.

Был у Шоты. Отнес ему драму. Он увлеченно показал свои работы. Грандиозно! И стих посвятил, и чаем угостил, и разные материалы дал, и варианты своих проектов объяснил. Очень мобильный, темпераментный князь-чингизид. Приятная личность!

28.04.1999 г.

Утром был у Шоты. Как всегда, увлеченно и живо продемонстрировал свои новые работы и задумки. Мне они показались все интересными. Планов у Шоты всегда много, но для их осуществления не хватает средств. А средства необходимы немалые. Сейчас вместе с Ерланом Канапьяновым

(«Алтын адам») он затеял акцию – выбрать семь человек тысячелетия и семь человек века. Последнее, полагаю, связано с Назарбаевым. Создали комиссию по определению этих личностей. Предлагают в комиссию экспертов войти и мне. Я согласился, но настоял на исключении Шаханова. Шота согласился. Потом он угостил чаем и коньяком. Я отказался, тогда Шота и Ерлан выпили за мое здоровье. У Шоты всегда интересно. Увлеченный, творческий человек. Ну а его заигрывания с властями объясняются просто: художник ради воплощения своих замыслов вынужден заигрывать с сильными мира сего. Иначе его замыслы останутся на бумаге.

Я тут же решил, что среди личностей тысячелетия (в рамках Казахстана), вероятно, назову аль-Фараби, А. Яссауи, Дулати, Аблай хана, Чокана, Абая, Чингис хана.

«Человек века» – это думаю, А. Байтурсынов, М. Ауэзов, К. Сатпаев, К. Байсеитова, М. Шокай, М. Толебаев. Может, Д. Кунаев?

Вручил Шота отпечатанное на машинке стихотворение «Досым Герольд Бельгерге».

Уәделессең уәделес неміспенен,
Екі сөзді болмайды неміс деген.
Тиянақты, сапалы әр жұмысы,
Өмір сүріп келеді минутпенен.
Тапсақ қой дәл осындай қасиетті,
Жеткіліксіз болу тек ақ ниетті.
Өмір қысқа, әр сәттің, әр кезеңнің
Қадірін білетұғын мезгіл жетті.

12.X.1998 ж. *Шот-Аман Ыдырысұлы Уәлихан*

29.04.1999 г.

К вечеру неожиданно зашел Шота. Ему не терпится узнать, кого я выбрал в качестве «Человека тысячелетия» и «Человека века». Заглянув в мой список, он выразил удовлетворение – почти все имена совпадали с его «списком». Правда, в качестве «Человека века», как я и предполагал, он включает Назарбаева. Начал объяснять мне, что я не совсем справедлив, что он, Шота, продолжает ему верить, стал толковать о его достоинствах и заслугах. Да я и не спорю, и не отрицаю, но просто вроде как рано, к тому вопросу надо вернуться через сто лет, тогда все будет абсолютно очевидно.

С аль-Фараби я ошибся: он относится к первому тысячелетию. В последнем варианте мой список «Человек тысячелетия» выглядел так: А.

Яссауи, Мырза Мухаммед Хайдар, Чингис хан, Чокан Валихан, Курмангазы, Абай.

«Человек века» у меня выглядит так: Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Мухтар Ауэзов, Каныш Сатпаев, Дина Нурпеисова, Динмухамед Кунаев, Олжас Сулейменов.

– Включим Олжаса – Нурпеисова обидим. Возьмешь ответственность на себя?

– Возьму.

– Добро. Қарсылығым жоқ. Так и скажу: предложение Геры.

– Договорились.

02.06.1999 г.

Пошел было к Шоте, но он пропадает у Президента, демонстрирует ему свои проекты. Думаю, Президент их одобрит, проекты действительно значительные.

10.06.1999 г.

В Астане отметили годовщину столицы. Сначала всадники проскакали на лошадях, потом провели наряженного верблюда, потом протопали по площади госчиновники. Президент толкнул подобающую речь, где-то мелькнул Абиш, в войлочном колпаке стоял Шота, а Толеген Мухамеджанов объяснил, что той происходит за счет спонсоров. Все казенно и уныло, бессмысленно и убого на фоне жутчайшей нищеты.

28.10.1999 г.

Утром был Шота. Узнав о моем дне рождения, отправился в офис и прислал огромный плакат с выбитой розой с трогательной, шутливой надписью. Еще занес документы по определению людей тысячелетия и века. Все кандидаты меня устроили за исключением одной. Его считать личностью века еще рановато. Надо подождать хотя бы до 2030 года.

15.11.1999 г.

Зашел неугомонный Шота. Занес приглашение на заседание Совета по определению «Человека тысячелетия» и «Человека века» и ознакомил со всеми анкетами.

20.12.1999 г.

Во время прогулки по просьбе Шоты мы, группа аксакалов, выступили по ТВ в защиту памятника Чокану. Потом с Шотой сходил в офис и подписал дипломы «Человека века» – Олжасу, Тохтару и Нурсултану.

12.02.2000 г.

Звонил Шота: 16-го якобы прибудет в южную столицу Президент, и в его резиденции комиссия Шоты намерена вручить ему знак «Человек века». Я сказал, что из-за болезни мое участие проблематично. Нет желания участвовать в каких-либо спектаклях. Все это дурно пахнет.

17.02.2000 г.

Президент, судя по выражению лица, не очень-то восторженно принял группу активистов-бельсенды во главе с Шотой, вручивших-таки ему медаль и диплом «Человек столетия». Мельком показали Снегина, Кайсенова, Козыбаева. Дешевый спектакль! Возникает вопрос: какого столетия – прошедшего или наступающего?

15.03.2000 г.

Впервые за почти семь месяцев (после инсульта) вышел на люди. Отвез меня Шота в Дом дружбы, где чествовали Олжаса и Тохтара – «Человек века». Очутился в среде давних, доброжелательных ко мне знакомых – писателей, журналистов, деятелей науки и культуры, общественников. Было волнительно, торжественно и приятно. После Касыма Кайсенова и Торегельды Шарманова третьим выступил я от имени членов комиссии, сказал кратко, что думаю об Олжасе и Тохтаре. Приняли мое выступление хорошо. Я рад, что исполнил свой долг: к обоим азаматам я испытываю искреннее, братское чувство. К тому же Олжаса на это звание выдвинул лично я. Шота тому свидетель. Оба – Олжас и Тохтар – яркие экземпляры своего народа.

04.12.2000 г.

Позвонил «кінәз» Шота: послезавтра в 12 часов в Доме дружбы состоится вручение знаков «Человека века» покойным избранникам – Ауэзову, Сатпаеву, Момышулы. Я должен быть непременно.

14.12.2000 г.

Звонил Шота: 22-го проводит съезд, просит, чтобы я обязательно присутствовал.

22.12.2000 г.

Шота напомнил о съезде культуртрегеров старины. Не пошел. Не то состояние.

09.11.2001 г.

На прогулке встретил Шоту. Ему 26 апреля 2002 года «стукнет» 70. Он купил второй том казахской энциклопедии и в нем обнаружил и статью обо мне. В казахском понимании это престижно. Правда, не знаю, что там написали. Но фотографию, по всему, дали двадцатилетней давности. Вечером встретил Шоту еще раз. И он вручил мне стихотворение, сочиненное им в 4 утра 7 ноября. Называется «Жан ашуы», и мне оно понравилось.

Соқыр көрсем, ұяламын
Болғанына көзімнің.
Ауру көрсем, қысыламын
Саулығыма өзімнің.
Ашты көрсем, қиналамын
Нанын тартып алдым деп.
Жақсы өлсе, қиналамын
Неге артында қалдым деп.
Жетім көрсем, барлық әлем
Жетімсіреп қалғандай.
Сол мезетте ойнап-күлсем,
Арымды кір шалғандай.
Тағдыр қатал, мүсіркеу жоқ,
Кез келгенді атады.
Кемтарларға атылған оқ
Маған тиіп жатады.

13.11.2001 г.

Сходил к Шоте, выслушал его планы по изданию книги «Автограф», прослушал его стихотворение «Қайран елім-ай, қайран жерім-ай!», потом его сотрудник, композитор Муратхан Егинбаев эффектно исполнил на эти стихи свою песню. Впечатляет. Пришел я раньше обусловленного времени, и по этому поводу Шота малость поворчал, дескать, ты только своим временем дорожишь, а моим – казахским – не считаешься. Ты, мол, нарушил все мои планы. Ты совсем оказахился. Где твое чувство времени?!

Шота, как всегда, полон идей и замыслов. Раза два горестно вздохнул: «Жас та келіп қалды». С Шотой всегда приятно. Живой, импульсивный, нестандартный человек.

14.11.2001 г.

Вчера три, сегодня два часа листал свои дневники последних пятишести лет, пока, наконец, не наткнулся на нужную запись о Шоте. Ну, и

выписал три странички для его будущей книги «Автограф». Сложное это дело – выискать нужное из нескольких пухлых тетрадей. Но из дневников моих – я убедился – можно вычленить сотню статей на разные темы.

15.11.2001 г.

Днем снял ксерокс выписок из дневника о Шоте и отнес ему. Через минуту он выскочил из офиса вдогонку, настиг меня у входа и указал на одну описку в тексте. «Ты, оказывается, по-русски безграмотен. Ты совсем, видно, оказахился».

24.02.2002 г.

В магазине встретил Шоту. Он вручил свое приглашение: 26-го официальное чествование, а 28-го в ресторане «Анкара» банкет. Надо бы побыть, да как в таком кислом состоянии?

28.04.2002 г.

С 4-х до 8-ми вечера побыли с Раей в ресторане «Анкара». Собрались друзья Шоты – сплошь «ығай» и «сығай» – ученые, артисты, писатели, преподаватели. Ермек С., Бибигуль Т., Тохтар А., Зиманов С., разве всех перечислишь? Хороший получился вечер. За нашим столом сидели: Салим, Лейла, Камалиденов с женой, Ш. Алиев, мы с Раей. Побеседовал, пообщался со многими. Продержался неплохо, хоть рожа была красная и временами сердце частило. Шота выглядел молодцом. Живчик!

08.07.2002 г.

Шота занес два немецких перевода своей клятвы архитекторов для сравнения.

09.07.2002 г.

Утром был Шота. Забрал немецкие тексты своей клятвы. «После семидесяти, – говорит, – надо торопиться». Расстояние, мол, до роковой черты слишком сократилось. «Жас та келіп қалды», – повторяет постоянно с грустью.

Шота попросил записать его коронную фразу: «Моя судьба определена на генетическом уровне. Я ею доволен».

Он чингизид. Он может так сказать. Я же простой смертный, потомок аккербауэров, так сказать не могу.

О своей родовитости Шота сказал и в стихах. Вот одно из них:

Жан емеспін сөзі мың,
Бабалардың көзімін.
Күміс емес, мыс емес,
Саф алтынның өзімін.

Ұсақ емес, ірімін,
Даналардың тілімін.
Аман қалған қырғыннан,
Хан ұлының бірімін.

Баяғыда болған деп,
Мен де піскем, толғам деп.
Қол қусырып отырман,
Жақсыдан жаман туған көп.

Тектімін деп таспаймын,
Қиындық деп саспаймын.
Бір адым да ілгері,
Еңбексіз аяқ баспаймын.

Нанындар не нанбаңдар,
Көркейткен қанша қалам бар.
Ойымның асыл перзенті –
Елтаңба – «алтын адам» бар.

Әлі де асыл ойым бар,
Іске асырар, орындар.
Бәрін елге беруге,
Уақыт келді қимылдар.

Он не кичится своей родовитостью, а гордится ей, воодушевляется и как бы подстегивает свою волю, свой талант для новых, неустанных свершений и деяний.

11.07.2002 г.

Позвонил и тут же зашел Шота.

– Посмотри немецкий текст.

– Оу, нарушаешь мой график. Я должен идти на прогулку.

– Нечего бесполезно гулять. Нужно гулять осмысленно. Пошли ко мне.

Что ж... Старших надо слушаться: ведь Шота на два с половиной года родился раньше. Пошли вместе в офис – благо через дорогу. Уже в приемной Шота распорядился принести чай.

– Не, не... Не нужно. Я тороплюсь, – говорю.

– Так я буду пить.

Сели. Я выверил немецкий текст его клятвы. Подправил «β» («эсцет») и «умлауты».

– Подожди. Послушай мои стихи. По мотивам Омара Хайяма.

Прочел. Очень даже прилично и проникновенно.

Келмейді ажал демеңіз,
таң атқанша,
Тек жақсылық жасаңыз,
күн батқанша.
Досқа деген көңілден айнымаңыз,
Бұл өмірдің қызығы қас қаққанша.

Жеуге сенің алдыңда наның болса,
Баспана, ішетұғын шайың болса,
Құл емессің, өзің би, өзің төссің,
Шарқ ұрмай, азға-дағы көңілің толса...

– И сколько у тебя таких рубайятов?

– Не считал. Вот еще один:

Құдайды іздейміз біз күндіз-түні,
«Қайда, – деп,
– неге оның шықпайды үні?»
Әркімнің ішінде ғой
Жаппар Құдай,
Оң істің иесі сол, білші мұны.

– Хорошо. Спасибо за мотивы. Я пошел.

– Подожди. В приемной сидит композитор, написавший на один мой стих музыку.

Кажется, он назвал его Муратбеком. Зашел композитор, взял домбру, сыграл зачин и запел. Спел прочувствованно. Шота восклицал: «Ай, дегенің-ай!» – покачался от удовольствия взад-вперед. Юноша-помощник принес на подносе чай, сливки, конфеты, печенье.

Я похвалил стихи и песню и решительно собрался уходить.

– Подожди, – опять остановил меня Шота. – Сначала я покажу тебе один проект.

Подвел меня к двум изящным макетам мемориального памятника жертвам репрессий и голода в Казахстане. Один вариант мне особенно понравился, о чем я и сказал.

– Вот теперь можешь и чай попить.

И сам налил мне чай в пиалушку.

– Идей много, задумок уйма. Умирать некогда. А время жмет. После семидесяти надо торопиться. Я еще хочу издать альбом своих работ. Еще издать надо книгу «Автографы». Еще... стихи бы издать, статьи, письма. Ой, дел много!

Молодец, Шота! Горит в работе. Полон замыслов. Постоянно подчеркивает: надо торопиться.

22.11.2002 г.

Утром, отправляясь на почту, заглянул по пути к Шоте, чтобы передать ему перевод письма его немецкого коллеги Коха. Было десять утра. Шота, водрузив на нос очки, уткнулся в ворох бумаг. Был он сосредоточен.

– Душно у тебя, затхло, – заметил я.

– У меня же памятники древности, – тотчас ответил он. – Пахнет пылью старины.

Я сказал, что спешу, бросил на стол пакет с переводом.

– Присядь. Не спеши. Спешка – шайтаново дело. Никак не берешь в толк, что пришел к ханскому отпрыску.

Я присел. Он начал читать свои стихи. Вполне зрелые, приличные.

– Хочу издать книгу стихов. В 70 лет, думаю, имею право. Не обязательно, как Туманбай, издать тридцать книг. Можно ведь, как Абай, издать одну книгу.

Потом он проводил меня, сказав своему помощнику:

– По утрам проветривай кабинет. К приходу Геры. А то ему наш воздух не понравился.

23.12.2002 г.

Шота проводит в Доме дружбы 27-го поминки-ас по умершим членам его Фонда – Симашко, Козыбаева, Ахметова, Сахи Романова. Обещал быть.

27.12.2002 г.

...Потом с Шотой съездил в Дом дружбы, где состоялся поминальный обед. Шота умеет создавать атмосферу единения и тепла. Вспоминали Снегина, Ахмедова, Симашко, Козыбаева, Сахи Романова. Очень задушевно. Выступили Кайсенов, Кайдаров, Султангазин, М. Алиев, я, Шарманов, Шота, С. Курмангужин и многие другие. И в мой адрес было сказано немало добрых слов, хотя я и живой.

09.01.2003 г.

Шота подсмеивается надо мной. «Раскрываешь любую газету – Бельгер. Открываешь журнал – Бельгер. Включаешь телевизор – Бельгер. По радио – опять Бельгер».

На самом деле, видно, слишком часто мелькаю. Неприлично для моего возраста.

01.05.2003 г.

Президент принял С. Кирабаева и его жену Алию. Говорили якобы о литературе и экологии. И еще он принял Шоту, который демонстрировал свои проекты.

15.05.2003 г.

Позвонил Шота. «Хочу занести тебе новый журнал со статьей обо мне». – «Ну занеси».

Через полчаса звонит еще: «Приглашаешь в гости, а дверь закрываешь».

Оказалось, он запамятовал код входной двери.

Принес и показал журнал «Стиль». Прочитал свое стихотворение «Это – я», отрывок из биографических заметок.

– Тебе не надоело давать интервью? – спрашивает.

– Надоело, – признался я.

– У меня тоже без конца просят интервью. Все о политике расспрашивают. Но я о политике не говорю.

– А я иногда что-то вякаю.

– Ты не вякаешь. Сен мыңқылдамайсың. Сен тебесің, тіліп түсесің. Пинаешь, наотмашь бьешь. Бекер! Қайтесің? Қой оны! Зачем? Оставь это!

27.08.2003 г.

Утром на остановке 9-го троллейбуса встретился Шота. С портфелем, большой папкой. Как всегда, живо поздоровался, сделал несколько шутливых замечаний («Уж не в гости ли ко мне собрались?!»), потом показал нам с Раей эскиз памятника Алматы. Объяснил что к чему. Мы дружно одобрили. Не успел я вернуться из больницы, Шота звонит: «Что? Уже вернулись из театра?» Подумал про себя: «Хорош театр, когда мне в онкологии щеку облучили!» Шота прочел только что утром сочиненный стих.

Тыныштық жоқ жаныма

Бір тыныштық таппаймын,
Тер ағызбай жатпаймын.
Аламанға шабатын,
Жаратылған аттаймын.

Арман қуып кетемін,
Жел жетпеске жетемін.
Адами өр мінезді
Жанға қорек етемін.

Тұңғиыққа бойлаймын,
Сұлу ойлар ойлаймын.
Сұлудың да сұлуын
Іске асырмай қоймаймын.

Он дважды прочел по телефону стихотворение, а часа через два зашел ко мне, занес отпечатанный на компьютере текст, присовокупив историю его создания и поблагодарив меня и Раю, как вдохновителей. «Жақсы адаммен кездессең, жақсы ой туады, жаман адаммен кездессең, жаман ой туады», – заметил он.

Хотел угостить его компотом, а компота не оказалось. Пришлось ему пить минводу и заедать орешками. И он по этому поводу съехидничал: «Спасибо за компот. Я этот день никогда не забуду».

Общаться с Шотой всегда приятно и мило.

28.08.2003 г.

Шота прислал сегодня три своих стихотворения, которые намерен предложить «Қазақ әдебиеті».

05.09.2003 г.

Утром зашел радостно оживленный Шота, занес «ҚӘ» со стихами, где с благодарностью упомянуты и я с Раей, подарил мне трость из Парижа (правда, как выяснилось, китайского производства), посидел, обмыли его стихи... компотом. Нравится мне этот чингизид, князь.

29.09.2003 г.

Вечером, перед моей прогулкой, позвонил Шота.

– Осы сен маған бір кітап берем дегендей болып едің. Қайда сол кітабың?

– Берем ғой.

– Беретің болсаң, қазір бермейсің бе?

Подписал книгу, отправился к нему. Сидит Шота в огромном, заваленном и заставленном всякой всячиной кабинете, полистал, бегло просмотрел мою книгу, поблагодарил, чай заказал, начал увлеченно показывать свои новые проекты: памятник Алматы, памятник Джезказгану, подробно объяснил мне все тайны символов. Все впечатляет, все по уму, все тщательно продумано. Потом, за чаем, повели непритязательно-шутливый разговор о том о сем. Шота посетовал на то, что ему уже семьдесят, но он этого не чувствует, что задумок много, а иногда и на женщин поглядывает. Потом на прощание крепко обнял меня. А вечером, прочитав кое-что об отце моем, еще раз позвонил.

21.06.2004 г.

Утром позвонил Шота. Потом позвонил еще раз и зашел. В моих дневниковых записях в «Парасате» он обнаружил крохотную неточность в отношении его (в записи я утверждаю, что Шота ворчал на меня из-за того, что я якобы зашел к нему раньше обусловленного времени, он же полагает, что я заявился позже). Он исправил это место, внес коррективы, дополнил одну строфу, отпечатал на компьютере и занес дополнение. Вот какой щепетильный! «Ты зануда грешный», – сказал я ему. «Нет, – возразил он, – просто люблю точность. Ал, ол сенен жұққан». Я и раньше замечал, что он дотошен к деталям. Я взял его «жамау» и прямо при нем вложил в соответствующее место дневника, дескать, учту при издании отдельной книгой. Потом покалякали, попили чай. «У меня нет врагов, – заметил Шота, – но есть люди, которые меня не понимают».

Пожалуй, и я могу о себе так сказать.

06.11.2004 г.

Вручил Шота стихотворение, посвященное мне.

Герольд деген досым бар,
Ұрпағы Гёте, Гегельдің.
Жүрегі үлкен, ісі – нар,
Астымен жүрмес жеңілдің.

Шоқанға күнде барады,
Ақырын басып аяғын.
Ақыл-дүкен құрады,
Жиналып дос-ағайын.

Дос үйінде бүгін той,
Келіп қапты жетпіске.
Түк те емес екен ғой,
Жетпіс деген неміске.

Жаса, жаса, Геражан,
Раиса мен екеуің!
Ой тереңдеп, қызып қан,
Көбейе берсін берерің!

11.11.2004 г.

Отнес книги Шоте. С утра он был озабоченным. Приемную увешал своими портретами со знаменитыми людьми. Для будущего музея, что ли?

21.11.2004 г.

Позвонил из больницы Шота. Поднялся сахар и ухудшилось зрение. Он доверительно и весьма оптимистично поведал о своих планах. Необходимо отдельной книгой издать стихи и переводы, отдельной книгой пьесы, потом статьи, записи, письма, потом – автографы, потом – альбомы нематериализованных работ. Хорошие планы! «Надо спешить, – говорит Шота. – Времени остается уже мало. Надо завершить недоделанные дела и что-то оставить потомкам».

А позвонил он, чтобы сообщить о том, что по «Ел арне» передали нашу с ним беседу о памятниках Алматы. Но не видели ни он, ни я. Ему сообщил заместитель.

30.12.2004 г.

Шутливое поздравление прислал Шота. Потом еще позвонил. Он неизменно оригинален. Тоже получил «соғым» от Иманғали и такое же поздравление. «Көңіл ғой. Рахмет! Уж сколько лет не меняет позиции», – говорит Шота об Имангали.

05.01.2005 г.

Вечером был Шота. Читал отрывки из своих записей. Понравились эти строки. Проникновенные, исповедальные.

Еншіге тиген әкемнен,
Мінезді байқап қаламын.
Айнымай бірде шешемнен,
Ашылар қас пен қабағым.

Анамнан болар гүл-сезім,
Мейірмен елге қараймын.
Көкемнен болар өр кезім,
Өзімді ханға балаймын.

Арнадан мың сан, байқасам,
Құйылып шабыт жатады.
Шоқан болып оянсам,
Шота боп күнім батады.

Жаратқан жасап керегін,
Жоқтан барды туғызды.
Қазақтың алып жүрегін
Кеудеме менің сыйғызды.

Адалдық – менің Құраным,
Ақынмын әрі батырмын.
Ұрпаққа қалар мұраның
Іргесін қалап жатырмын.

Ұраным – «Арқар», «Алты алаш»!
«Жаса!» – деп тілек қылайын.
Бақшада сайрап сандуғаш,
Жақсылық болсын ылайым!!!

Стихов накопилось изрядно. Намерен все собрать и издать. Планы его я поддерживаю. За это и выпили. Точнее, выпил я, а Шота пил чай и ел чак-чак, приговаривая, что сахар у него 9, и поэтому ему «можно», а у меня сахар 8, и поэтому мне «нельзя».

С Шотой приятно говорить. Он без пакостей в душе.

07.02.2005 г.

Звонил в своей шутливой форме Шота, прочел стишок, посвященный мне, потом еще одну шутку, спросил: «Чем занимаешься?» Я ответил: «Лежу на диване и строчу». Да-а... Через три минуты позвонил еще и выдал экспромт:

Барон Бельгер диванда жатам дейді,
Небір ұшқыр ойларды атам дейді.
Диванның қызметі басқа емес пе?
Дос сөзіне көңілім еш сенбейді.

10.05.2005 г.

На утренней прогулке встретился Шота. Позвал меня в свой офис, показал свои новые проекты, макеты. Усадил за приставной столик, поставил передо мной огромную бутыль монгольской водки «Чингисхан», бутылку диковинного коньяка, вино типа «Ркацители». Угостил чаем, чебуреками (фирменное в его офисе угощение), печеньем. Так щедро принял меня, что я, махнув рукой на все запреты, выпил вино, съел пару чебуреков, запил чаем и почувствовал себя хорошо. Поговорили. Шота подарил мне стильный журнал «Style» с двумя своими вещами. «Ал, енді такси шақыртайын, – предложил мне в шутку. – Үйіңе жеткізейін». От его офиса до моего дома метров двенадцать, через дорогу. Вышел проводить меня его зам – Аскар. Ну, царский прием! На стенах офиса огромные фотографии Шоты с Назарбаевым, Аубакировым, Олжасом, Имангали, Айтматовым, Кекилбаевым и другими VIP-персонами. Везде теплые автографы. Всех перещеголяла Роза Багланова: «Сен енді Халық Қаһарманы бол! Сен болмағанда, кім болады?!» У Розы Тажибаевны добрый, сладкий язык. Повеселевший пришел домой.

23.05.2005 г.

По телефону Шота прочел стихотворение-посвящение. Отшлифовал хорошо. Оно теперь созрело и по форме. Приглашает Шота почаще за-

ходить к нему в офис и принять на грудь по сто граммов. Договорились на 30-50. На большее ни я, ни он ныне не способны. У обоих сахар за 9. «Какой есть метод борьбы с сахаром?» – «Никогда не измерять», – считает Шота.

04.06.2005 г.

Читаю пьесу Шоты. Драматургия – неподвластный мне жанр. Магия пьес Островского, Чехова, Шекспира, Горького мне не доступна. То же могу сказать о пьесах Ауэзова и Мусрепова. Удивлялся всегда Аскару Сулейменову. Я попробовал что-то состряпать. Жена сказала: «Никому не показывай и больше не пиши».

А Шота рискнул. Написал несколько пьес. В них действуют Чокан, Чернышевский, Сиракозов, царь, великая княгиня. Историческая основа крепка, достоверная. В другой пьесе – сталинский террор. Славные сыны «Алаша». Знакомые литераторы из этого материала выкроили бы запросто роман, повесть, но вряд ли кто взялся бы за пьесу. Так что Шоту следует просто приветствовать за смелость. Говорить об этих творениях задним числом мне не пристало. Пьесы Шоты ставились в пяти театрах Казахстана. Я видел программки, читал театральные рецензии. Драматургия, надо полагать, одна из граней таланта моего друга. Так я это и воспринял.

19.10.2005 г.

Вечером позвонил Шота. Он, оказывается, в больнице. Прочел мое интервью в газете «Айқын». Сообщил о своих планах. Что-то издает у Роллана, что-то у Бахытжана. Сам загремел в больницу с одышкой. Надо бы его проведать, да нет сил, совсем дохлый.

02.12.2005 г.

Заглянул к Шоте. По-дружески попили чай и поели несколько фирменных, горячих чебуреков. На другое мы оба ныне неспособны.

01.01.2006 г.

Радостную весть сообщил Шота. Имангали предоставил ему 5-комнатную квартиру, более 200 метров. Есть теперь Шоте где развернуться, где расположить книги и архивы. Я же вполне довольствуюсь своей старой квартирой, только плохо что завален книгами и рукописями. Мне бы надо еще метров 10-15. И ладно. В конце концов и так пойдет, было бы мало-мальское здоровье.

13.02.2006 г.

На утренней прогулке разыскал меня у Чокана Шота. Вручил шикарный журнал «Shahar – Культура» с его «Перепиской с друзьями». Пока что лишь бегло перелистал. И мое поздравление к 70-летию Шоты воспроизведено.

Потом зашли ко мне. Покалякали, чай по-дружески попили.

24.03.2006 г.

Был Шота. Занес стихотворение с разными шутливыми комментариями. Посидели, пообщались.

04.08.2006 г.

Зашел к Шоте и попросил вернуть журнал с моими портретами.

09.08.2006 г.

Зашел Шота. Занес стихотворение, отпечатанное на компьютере. Называется «Тәңірге наз». Вот оно:

Жаратқан, таңданамыз өзіңізге,
Өмір және бердіңіз өлім бізге.
Өлместей жаратуға болмады ма?
Өмірдің болғаннан соң кілті сізде.

Өмірдің болғаннан соң кілті сізде,
Неге жолға түсеміз бөтен-өзге.
Соқыр болсақ неге жол көрсетпейсіз?
Қисық болсақ түзетіп, салып тезге.

Қисық болсақ түзетіп, салып тезге,
Қол ұшын берсеңіз ғой қиын кезде.
Қамқор болып бізді сіз сақтасаңыз,
Өзіңізге келмес ек екі сөзге.

К стихотворению Шота сделал приписку: «Mein Freund Гера! Я иногда не только с тобой, но и с самим Господом Богом веду достойную беседу. Тому свидетель данное стихотворение, дарю его тебе на добрую память.

Князь Ш. Валиханов
9.VIII.2006. Алматы»

А «Байтерек» и мои портреты, видно, посеял. Досадно!

18.08.2006 г.

Зашел Шота, занес «Ана тілі» с «правдой» Нурпеисова. Посудачили на эту тему.

26.08.2006 г.

Звонил Шота, узнавал, как добраться до виллы Зеке (Зейноллы Кабдолова), чтобы выразить соболезнование.

08.09.2006 г.

Утром зашел Шота. Занес два «Байтерека» с нашими материалами и фотографиями. Выходит, не посеял.

12.09.2006 г.

...Потом сходил к Шоте, снял копию письма. Шота угостил чебуреками и чаем. От водки «Чингисхан» отказался.

01.11.2006 г.

Шота тоже написал что-то к юбилею Имангали. Получится, кажется, приличный сборник.

18.12.2006 г.

Звонил Шота.

– Слушай, я расстроен (это он намекает на то, что мою кандидатуру на соискание Госпремии накануне провалили).

– Ты не один.

– Что, «друг» твой постарался?

– Вполне может быть.

– Втихаря?

– Нет, открытым забралом.

– Даже так?

– По всему.

– Но ты не отчаивайся. В конце концов не ради премии работаем.

– Ты прав.

– Дай Аллах нам силы и здоровья, чтобы закончить задуманное.

– Согласен.

– Ну, бывай!

– Будь!

Такой вот разговор-сочувствие.

22.12.2006 г.

Позвонил Шота и просил меня не особенно переживать-расстраиваться по поводу кончины великого сардара – Туркменбаши.

06.03.2007 г.

Шота снял копию моей заметки и сам занес, что меня явно смутило: князь, величина, весь в регалиях, старше меня, наконец, а сходил в офис, снял копию и не секретаршу прислал, а сам лично занес.

Он был у меня до обеда, пожаловался на зрение, побыл в больнице, написал два стихотворения, оставил мне. О том о сем поговорили. Тревожит его многое из того, что происходит в мире. По привычке дружески посмеялся по поводу моего скромного угощения. «Ойпырмай, немістің үйінен тойып шығатын болдық қой!»

21.04.2007 г.

...И Шота позвонил, заполошенно назвал меня Георгием (видно, в спешке «Герольд» вылетело из головы), пригласил на какой-то Совет старейшин.

25.05.2007 г.

Был на конференции Общества охраны памятников культуры. Шота провел конференцию артистично, свободно, раскованно и взаимоприемлемо. Делегаты говорили толковые вещи. Я сидел в президиуме (хотя и без галстука) и выдержал физически более двух часов. Со мной были все любезны. Много знакомых. Приятная атмосфера. Нескольким членам Шота вручил значок и удостоверения Почетного члена Общества. И я стал почетным. Снова дружно и единогласно избрали председателем правления Шоту. И сам он очапанился, получил в придачу звание академика архитектуры и медаль Бауыржана Момышулы.

Дружелюбным и щедрым получился фуршет. На радостях и я выпил бокал вина. Довез меня домой афганец Бакытбек. Вернулся с конференции в добром настроении. И Шота, и его жена, и его дочка были весьма любезны. Великолепно! Добрая аура!

12.07.2007 г.

Накануне звонил Шота.

– Занимаешься чепухой?

Камушек в мой огород. Намек на мой давнишний цикл записей «Плетенье чепухи».

– Да.

– Хорошее занятие нашел. А здоровье как?

– По-казахски «шүкір», по-немецки «soso-lala», по-русски «хреново».

– Ну, ничего! Лет пять еще продержимся, а там таблетку долголетия придумают.

– Ну, и ладно.

– Таблетки долголетия будут, а на баб смотреть не будем.

– Обидно. Да что поделаешь? Переживем.

– Ты так думаешь? Тогда я так и запишу.

Вчера он увидел меня на скамейке, подошел. Малость побалагурил.

23.07.2007 г.

Шота, прочитав мое интервью, выразил порицание за мои политические выступления. «И зачем тебе это?»

01.10.2007 г.

Зашел Шота, бодрый, деловой, в хорошем настрое, занес приглашение на свою золотую свадьбу. 14 октября в ресторане «Бахчисарай». Не знаю, смогу ли быть. А надо бы. Шота – достойная личность.

12.10.2007 г.

К Шоте зашел, поздравил, вручил ему стишок собственного изготовления и «ат-чапан».

30.10.2007 г.

В газете «Әдебиет айдыны» опубликована статья Аширбека Сыгаева о Шоте, в которой приводится моя стихотворная шутка.

Кто такой наш Шот-Аман?
Был он с детства атаман,
Теперь, конечно, ақылман,
И, әрине, майталман.
Несомненно, Қаһарман,
Если рядом Зинажан,
Тогда он просто данышпан,
Er ist ein groβer, kluger Mann.
В искусстве признанный он хан,
От всех обрел он агреман,
Князь мой милый Шот-Аман,

Прими мой скромный ат-чапан,
Живи сто лет, будь сау-аман,
Да будет щедрым дастархан!
А я иссяк на рифму «ан».

Не ожидал, что мой дастарханный спич попадет в печать.

11.12.2007. г.

...Зашел Шота, радостно возбужденный. Пришел поделиться новостью. Он стал членом Всемирной академии Чингисхана и почетным президентом ее, также получил знак – золотой ромб с изображением потрясателя Вселенной. Мы вместе порадовались, попили чай. Я вручил ему в качестве көрімдіка свою книжку «Властитель-Слово». Завтра Шота летит в Президентский Центр культуры в Астане.

24.12.2007 г.

Отбоярился кое-как от назойливой дамы, а тут Шота звонит. «Хочу зайти на минутку». – «Я сплю». – «Ка-а-ак?!» – «Вот так! Сплю и все!» – «Ну ты даешь! Слушай, не будь немцем, будь казахом. Прими! Код какой?»

Пришел, принес газету и мою книжку, где нужно было уточнить адрес. Недолго поговорили. Показал я ему черновик моего романа «Зов». Уходя, он вспомнил слова Габидена Мустафина. Посидев у кого-то в гостях, Мустафин попросил разрешения отпустить его домой. И сказал фразу: «Менің атым ерттеулі ғой», т. е. «У меня ведь конь оседлан». Это означало: «Конь мой оседлан для дальнего пути». Никаких жалоб на физическое состояние, ни слова о нездоровье. Просто «Мой конь оседлан».

Через неделю он скончался. И, рассказав это, Шота добавил: «У тебя, я вижу, конь тоже оседлан. Не буду мешать».

Получилось двусмысленно. «Ты что говоришь? Я ведь в дальний путь не собираюсь».

«Но ты нацелился же написать роман», – поспешно поправился Шота.

14.01.2008 г.

Был Шота. Занес длинный, шутливый сказ – 80 строк. Называется «Түс» («Сон»). Стихотворению предпослан эпиграф из Никколо Макиавелли: «Я хочу попасть в ад, а не в рай. Там я смогу наслаждаться обществом пап, королей, герцогов, тогда как рай населен одними нищими, монахами и апостолами».

Вот и Шоте будто приснилось, что попал он в рай, душа его ликует, кругом благодать, райские девы, соблазны, услада, и вдруг ему говорят, что он сюда попал по ошибке, ему здесь не место, и архангел отправляет его в ад. А там он встречает добрых знакомых, которые находятся в кипящем котле для грешников.

Гера, Шерхан, Азиктер
Қол ұстасып алыпты.
Өз кезегін күткендер
Мыңға тақап қалыпты.

В сноске автор объясняет: Гера – Герольд Бельгер, Шерхан – Муртаза, Азик – Азербайжан Мамбетов.

Ну в самом деле, что ему делать в раю, от скуки умрешь. Ведь все лучшие друзья, грешники, очутились в аду. И они настойчиво зовут его к себе. «Эй, Шота! Спеши к нам. Мы тебя заждались!» И архангел, сказав: «Твое место здесь!» – улетел восвояси. Тут автор проснулся.

Көппен көрген ұлы той,
Жұмақты мен қайтейін.
Парыз, борыш, жазса бой,
Достарыммен өтейін.

Стихотворение-сказ написано в ироническом ключе, шаловливо. Шота прочел его дважды. Потом на левом углу листа написал: «Гера! Не обессудь. Я мечтаю всюду быть с тобой».

Меня это стихотворение вдохновило на ответные строки. По мотивам Шоты.

25.03.2008 г.

Был Шота. Взял у меня Шакарима и сообщил, что завтра у него операция. Катаракта. Мы его благословили.

26.03.2008 г.

Позвонил Зинаиде Каримовне, узнал, что Шоте операцию сделали, удачно, и он в палате один. Завтра ему позвоню.

18.04.2008 г.

Встретил Шоту. Вместе немного походили. Он подтвердил, что Кошанов дома, но вроде «не очень».

26.04.2008 г.

Поздравил Шоту с днем рождения. «Не жағдай болсын? Отырған жай. Қартайған адамның жағдайы белгілі. Әйелімнің күтімімен отырмын».

26.07.2008 г.

Вчера звонил Шота. Он все еще в больнице. Написал публицистическое стихотворение «Смысл». «Эй, люди! Что вы делаете? Почему вы убиваете друг друга? Убиваете Джордано Бруно. Земля у нас и так маленькая – с кулачок. Зачем вы ее истребляете? Уймитесь! Опомнитесь!»

В таком вот духе. Такой вот пафос. «В стиле Шаханова», – обмолвился я. Шота оскорбился.

– Кто стихотворение переведет на русский?

– Орынбай!

– Какой Орынбай?

– Жанайдаров.

– Дай телефон.

Дал. Съязвил: «Твой стих по-русски прозвучит лучше». – «Әй, сенің мақтауың да...» – пробурчал в ответ Шота.

Голос бодрый. И весь взрывной, импульсивный. Как всегда.

10.11.2008 г.

Вчера вечером позвонил Шоте. Разговор пошел в шутливом тоне. Оказалось, он три недели лежал в больнице: сахар, давление, сердце. «Дүниенің о жақ, бұ жағы көрініп қалды. Арманым: Дүкенбайға жету». Онысы: көптомдық шығармаларымды жарыққа шығару дегені. Қалжыңы көп.

– Сен әлі сексенге келген жоқсың ғой.

– Сенен кейін келермін.

– Әлі «Чепуханды» жазып жүрсің бе?

– Енді не істеймін? Тірлігіміздің бәрі чепуха болды емес пе?

– Саясат дегенді қоймайсың ба?

– Қалай қоямын? Маңайымыздың бәрі саясат болса.

– Қою керек. Саясат – өрт.

В таком духе поговорили минут 15.

– Жағдайың дұрыс қой?

– Жүрегімнің соғуы кейде сиректеп қалады. Аритмия, – говорю.

– Онда біреуге ғашық болу керек. Сонда жүрегің қаттырақ соғады. Әйтпесе біржола анау жаққа кетесің.

14.12.2008 г.

Нашел среди бумаг свой ответ на шутливое стихотворение Шоты. Воспроизведу для любопытства.

Быть нам в раю или в аду, –
Задумался Шота.
Ей-ей, я тоже не пойму,
Как то решит судьба.

Все стремятся в рай попасть,
Там, дескать, благодать.
Гуляй, ешь, пей, люби дев всласть,
Чего еще желать?

Но скучно в том раю, друзья,
Что тошно и чертям.
Засомневался тут вдруг я:
Чем мне заняться там?

В аду веселье, хохот, той,
Айтыс и пыль столбом.
Куролесят все, ойбой!
Гоморра и Содом.

И все мои друзья, гляжу,
Купаются в котле.
Как счастливы они в аду!
Как радуются мне.

Зовут, ликуют: «Гера аға,
Скорее к нам давай!»
Боялся ада я, балда,
Стремился в скучный рай.

Скажу вам честно: в жизни той
Предпочитаю ад.
«Көппен көрген ұлы той», –
Казахи говорят.

Прочел свой стих Шоте, но он на него впечатления не произвел. Видно, он в нем усмотрел перепев своего стихотворения. Понятно, не шедевр. Шутка на шутку.

07.01.2009 г.

Озабоченный долгим молчанием Шоты, я позвонил ему домой и поговорил с его супругой Зинаидой Каримовной. Моя тревога оправдалась: перенес Шота инфаркт на ногах. И врачи рекомендуют ему операцию на сердце. В больницу он попал с сахаром до 20. Сейчас снизили инъекциями инсулина до 7, готовят его к операции у нас. А операцию на сердце будет делать специалист-кореец в Астане. Такая вот полоса у моего друга. Грустно.

01.02.2009 г.

Утром позвонил Шоте. Говорил с Зинаидой Каримовной. Состояние пока не очень. Операция на сердце состоялась 17 дней назад. Много потерял крови. Пока слаб. Сильно потеет. По четыре простыни меняет жена. Конечно, на восстановительный период потребуются время и терпение. По натуре Шота холерик, нетерпелив, ему хочется все быстрее, быстрее. Увы, и возраст солиден, не попрыгаешь.

09.02.2009 г.

Позвонил Зине-ханым. Она подробно рассказала о положении Шоты. Он в больнице. Прыгает сахар. Обострилась аденома. Я тотчас позвонил ему в больницу. Он бодрится, говорит шутливо, в своей обычной манере. Успокоился.

14.02.2009 г.

Звонил Зинаиде Каримовне. Шота еще в больнице. «Как ремонт?» – спрашиваю. «Ауы мен бауы қалды», – ответила Зина.

20.02.2009 г.

Позвонил Шоте. Голос малость изменился, и я не сразу его узнал. Состояние вроде ничего. Говорит: «Жүрекке операция оңай емес». Сондықтан да нешауа. Опасность миновала. Голос окрепнет. Мне: «Ну, а ты все плетешь чепуху? Плети, плети, только политикой не занимайся. Занимайся человековедением».

23.03.2009 г.

Звонил Шоте. Только что вернулся из санатория. Опять поднялся сахар. Завтра ложится в больницу. «Будем сопротивляться. Тағдырдың салғаны. Не істейміз? Будем бороться до конца».

02.04.2009 г.

Вечером (вчера) дозвонился до Зинаиды Каримовны. Шота все еще в больнице. Очищает кровь. Сахар держится на уровне 16-17. Тоже никак не заладится.

18.04.2009 г.

Шота приглашает нас в гости на день рождения – 26 апреля. Вряд ли доберусь...

22.04.2009 г.

Шота навел справку, буду ли я у него. Нет, не смогу. Он хотел прислать даже машину.

26.04.2009 г.

Поздравил Шоту с днем рождения. Он поблагодарил, но попенял за то, что не пришел к нему в гости. Куда мне, дохлому, по гостям шляться?! Голос его показался мне отнюдь не бодрым.

15.05.2009 г.

Позвонил Шоте. Чувствует себя хорошо. Шутит, балагурит. Слетал с Зиной в Эмираты, взбодрился. Рад за него. Дал он мне три совета:

А) во всем слушаться жены;

Б) путешествовать;

В) верить в то, что неизлечимых болезней нет.

23.05.2009 г.

С утра позвонил Шоте. Голос ясный, бодрый. Шутит. Прочел несколько стихов из разных записей. Довольный. Вчера был в гостях, ел торт, а сахар все равно 7,4. Для диабетика это радость. «За здоровье твое выпью сто граммов... чаю», – говорит. Рад за него. Бодрячок!

27.07.2009 г.

Встретил на прогулке возле Чокана Шоту. Я его не видел месяцев семь. За это время он перенес операцию на сердце, на глаза, побы-

вал в санатории, не однажды в больнице. Внешне заметно изменился. Как-то расплылся. Лицо стало одутловатое. А заговорил – прежний балагур и острослов.

16.09.2009 г.

В обед позвонил Аманхан и сообщил о кончине Акселеу. По просьбе Аманхана я сказал несколько слов для газеты. Вечером по этому поводу позвонил опечаленный Шота. Пожелал: «Аман болайық». Сахар у него поднялся до 14.

21.10.2009 г.

Звонит Шота: «Иә, барон, халің қалай?» – «Хал сол: үстіме грипп мініп алды». – «Не дейді?! Сенің жасыңда біз үстімізге ешкімді мінгізбейтінбіз. Өзіміз мінетінбіз. Мынауың жарамады». – «Енді... не істейміз?» – «Творчествоң қалай?» – «Аздап қыбырлап жүрміз ғой». – «Сенің қыбырлауың біреулердің шапқанымен бірдей». – «Өз жағдайың қалай?» – «Бірде былай, бірде олай». – «Е-е-е... онда осал болмадық...» – «Мен сені жақсы көремін. Мы с тобой одного поля ягоды».

11.11.2009 г.

Звонил Шота. Он пять дней побыл в Японии. Поведал о своих впечатлениях. «Өзгеше ел ғой».

17.11.2009 г.

После моей прогулки зашли ко мне три академика архитектуры – Абдысагит Татигулов, Токтар Ералиев и Шота. Поздравили меня с юбилеем и щедро одарили: итальянский костюм, цветы, коньяк, шампанское, книгу, серьги жене. Я обалдел. Быстро накрыл стол, подписал несколько своих книг. Фотографировались. Побеседовали. Милые, светские, именитые люди. Немного посидели в кабинете. Шота шутил напропалую. Конечно, он все и организовал. Только казахи способны на такое щедродушие.

28.11.2009 г.

Звонил и мило поговорил со мной А. Кошанов. Шота действительно в больнице. «Он себя не бережет», – сказал о нем Кошанов.

05.12.2009 г.

Звонил Молодову и Шоте. Первый в Павлодаре, отмечает свое 80-летие, второй в Астане – то ли в больнице, то ли в какой-то комиссии, то ли готовится ко дню Независимости. Деятелен Шота, чему и радуюсь.

10.12.2009 г.

Вечером позвонил Шота. Он вернулся из Астаны благополучно. Восседал где-то в комиссии с «ығай» мен «сығай».

26.01.2010 г.

Звонил вчера Шота. Готовится к урологической операции. В среду. Держится бодро, балагурит, ерничает. Молодец. Смело идет на риск. И это почти в 78 лет!

27.01.2010 г.

Да, Шоте сегодня сделали операцию, о чем в обед сообщил Бахытжан К. Кажется, нормально. Ничего, выкарабкается.

21.02.2010 г.

На днях звонил Шоте, а никто трубку не брал. Подумал: либо подались в санаторий, либо ходят по гостям. Шоте это не чуждо. А сегодня выяснилось: задержались супруги в больнице. По интонации Зины видно, что она изрядно вымоталась. Ну а Шота по-прежнему шутит, балагурит в своем стиле, хотя ясно, что не все ладно. Столько операций за один год. Шутка ли в его некомсомольском возрасте! «Дос, таныстарымыздың көбі кетіп жатыр. Ничего не поделаешь. И возраст солидный, и хворобы накопилось полный коржун. Мне это все знакомо».

28.02.2010 г.

Звонил Шота. Лечится и перебирает свой архив, подбирая материалы для сборника стихов и книжки статей. Прочел одно стихотворение, посвященное мне еще в 2006 году.

26.04.2010 г.

Поздравил Шоту с днем рождения. Чувствуется, что не совсем ладно. Но крепится. Сообщил, что купил мое «Казахское слово». Присочинил: аж 6 тысяч тенге. Такой – знаю – цены нет. Максимум – 2 тыс. Нужен, говорит, автограф. Я ему в будущем обещал «Дневник» с автографом. По обыкновению, обменялись шутками.

31.07.2010 г.

Встретился с Шотой. Покалякали полчаса. Он лежит в урологии. Лицо опухшее, вид болезненный. Да и я, знаю, выгляжу не лучше.

Темперамент, импульсивность, насмешливость у Шоты прежние. Унынию не предается.

01.08.2010 г.

Вчера с Шотой, посидев на скамейке на аллее Чокана и поговорив о том о сем, отправились к памятнику его пращура. Шота с подчеркнутой любовью относится к памятнику Чокану и к своему творению. Обратил мое внимание на слова Чокана, высеченные на пьедестале, дважды подчеркнул, что «свобода» стоит перед «знанием». Обошли памятник, осмотрели его со всех сторон, потом Шота встал перед ним на почтительном расстоянии и поклонился. Явно озабоченный, погруженный в свои невеселые думы, сказал обо мне добрые, шутливые слова и поднялся по Шевченко в больницу. Шел тяжело, будто нес огромную тяжесть. Мне стало грустно...

14.09.2010 г.

Звонил Шоте. Телефон все время занят. Неужели опять в больнице?

24.11.2010 г.

Вчера дозвонился до Шоты. «Ауырамын аздап, но ничего», – шутил по обыкновению. Занимается своим архивом. Хочет издать том стихов, том пьес, том статей. Издал книгу «Наш Шоқан». «Саған біреуін берем, не сатам». Голос все же тусклый, озабоченный.

31.12.2010 г.

Байбише Шоты, Зина ханым, сломала ногу. Две недели была в больнице, сегодня привезли ее домой. Но Шота бодрости не теряет, шутит по обыкновению.

03.04.2011 г.

Днем раньше звонил Шоте, поговорили с ним и с Зиной. Зина понемногу ходит по квартире, а у Шоты сахар прыгает. Я похвалился: «Придерживаюсь диеты. Держу уровень сахара в пределах восьми». Шота: «Неміссің ғой. Буду брать с тебя пример. Копошусь в архивах. Складываю свои стихи, статьи, воспоминания. Надо бы издать. У тебя в этом смысле все поставлено на поток, как надо. Жақсы. Аман бол!»

26.04.2011 г.

Поздравил Шоту с 79-летием. «Иду по твоей тропе. Ты ведь впереди на два с половиной года. Мне легче: равняюсь на тебя». Пошутили в его духе. Он был на работе. Потому бодр, в добром расположении. Молодец! Стойкий оловянный солдатик!

03.05.2011 г.

Отправился в офис Шоты. Посидели, покалякали, погоревали по поводу кончины художника Абдрашита Сидыханова. Он распорядился принести чай. Явно обрадовался моему визиту. Обнял меня, повеселел. Стал показывать фотографии, комментировать эскизы. Планов у Шоты, как всегда, – вихрь. Оживлен. Импульсивен. Все норовил угостить меня коньяком или виски. Какой там?! Крепче чая ничего не пью. Приятное впечатление произвела его дочь Баян. Мила, обаятельна, умна. Вручила мне сборник Общества охраны памятников культуры. Сагитировала меня участвовать в последующих изданиях. Провожая меня, Шота показал в приемной кипу книг с подписанными автографами. Среди них много изданий давних лет. Обнаружил и две свои книги. «А зачем все это тебе? Выкинул бы!» – заметил я. «Как это?! – возмутился Шота – А вдруг пригодятся... для музея». И он, перебирая эти пожелтевшие от времени книги, прочел несколько торжественных, высокопарных автографов давно умерших авторов.

30.08.2011 г.

Зинаида Каримовна говорит, что все идет с переменным успехом. Шота говорил кратко, скупо, без энтузиазма, без настроения, без обычных шуток. Опять побыл в больнице. Видно, не совсем ладно себя чувствует. После двух-трех фраз сказал: «Аман бол!» И положил трубку. На него не похоже.

28.11.2011 г.

Поздравил Шота меня с 77-летием. Тепло и серьезно.

08.12.2011 г.

Звонила Зина ханум. Шота в больнице, но завтра выписывается для участия в своей выставке «Люди. Памятники. Город». Будут выставлены его работы и книги. Я, понятно, быть не смогу.

15.12.2011 г.

Помощник Шоты, инженер-программист Айдос, занес в пакете «сәлемдеме» от выставки «Люди. Памятники. Город» – милый буклет с интересными фотографиями, сборник «Памятники истории и культуры Казахстана» (выпуск 7) с моей статьей «Русско-киргизский словарь» профессора М. Машанова» и бутылочкой не то сока, не то вина.

* * *

Кончается 11-й год XXI века. В новом году моему другу Шоте Ыдырысұлы Уәлихану исполняется 80 лет.

Этой славной дате я и посвящаю свои незатейливые строки.

А закончу свои записи исповедальными четверостишиями Шоты.

Қайран уақыт, зулап қалай өтесің?
Ертеңгіні тез-ақ бүгін етесің.
Тіршілікке көзің тоймай жүргенде,
Қас қағымда бір күні қапы кетесің.

Жастықта күмәнің аз, үмітің көп,
Алдыңнан соғар дәйім бір жылы леп.
Қартайғанда күдігің көбейеді,
Тұрғандай айналаңда жау ентелеп.

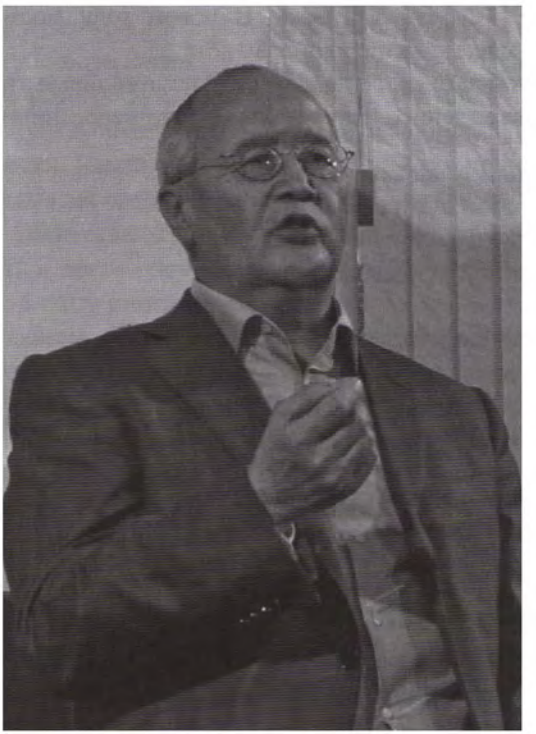
Жүрегім, не боп қалды бүгін саған?
Өлу маған ертерек, ерте маған.
Үйлерім бар әлі де дәм татпаған,
Биігім бар шығатын, бұлт аттаған.

Не стану строчно толмачить. Кто поймет – поймет. Кто-то, может, догадается. Стихи искренние, задушевные, навеянные думами о скоротечности бытия, о неизбежном, о любви к жизни, о предстоящих свершениях.

Передав мне кое-какие материалы, копии газетных вырезок, Шота сделал приписку: «Гера! Мен сені жақсы көремін ғой. Көрген сайын сөйлескім келіп, әр нәрсені ақылдасқым келіп тұрады. Душевное влечение расчету не поддается, оно от бога. Передаю в твои руки кое-какие мои «творения». Будет у тебя время – прочтешь, скажешь свое мнение, если нет, на нет и суда нет. Твой князь Валиханов. 21.IX.98 г.».

Декабрь 2011 г.

Опубликовано в кн.: Г. Бельгер. Mein Freund Шот-Аман. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2012.

Мурат Ауэзов

ТАМЫР ТАМЫРОВ

Мне посчастливилось видеть и слушать его отца – Мухтара Омархановича Ауэзова[1].

Рад, что десятилетиями знаю его самого – Мурата Мухтаровича Ауэзова, который, смею вас заверить, с годами и внешне и внутренне, и физически и духовно становится все более похожим на своего гениального родителя. Имел удовольствие одно время находиться в одной организации и не однажды беседовать в пути-дороге с дочерью Мурата Мухтаровича – блистательным филологом, обаятельной Зифой-Алуой Муратовной Ауэзовой.

Имею честь знать многих отпрысков славного Поэта Ильяса Джансугурова, в опальной семье которого рос, воспитывался и формировался Мурат Ауэзов.

Все это, как мне кажется, дает основание сказать о юбиляре то, что о нем думаю и как его воспринимаю. А думаю о нем почти сорок лет хорошо и воспринимаю его высоко, благородно и благодарно.

Я не намерен здесь разбирать его труды – философские, литературоведческие, обществоведческие, политические. Нет и не может быть у меня претензии охватить и охарактеризовать его многогранную личность. Я очень люблю немецкое слово «культуртрегер» – носитель культуры. Так вот, Мурат Мухтарович – культуртрегер, носитель и радетель знания и просвещения, духовности, гуманности в высшем проявлении.

И еще он – «хоффнунгстрегер» – носитель надежды. Жизнелюб, оптимист, он всегда настроен на волну надежды даже в самых тягостных моментах жизни.

Конечно, я знаю, что любое сравнение хромает, но ведь без каких-либо сопоставлений ничего толком и представить невозможно. Мурат Мухтарович – фигура в общественном сознании нерядовая, неординарная, и мне хочется как-то обозначить, оконтурить его место, занимаемое им заслуженно и с блеском. И если обратиться к истории русской мысли, скажем, первой половины XIX века, то мне на память приходят такие знаковые личности, как Чаадаев, Грановский, Станкевич. Где-то в этом ряду по степени значимости, интеллектуальной мощи, роли и влиянию на общество я

[1] Статья была написана в 2002 году к 60-летию Мурата Ауэзова.

вижу Мурата Мухтаровича. Как и те великие личности, оставившие неизгладимый след в истории российского духа, так и Мурат Мухтарович, наш современник, коллега и собрат, обладает редкой харизмой, магнетизмом интеллекта и обаяния, особенной аурой, притягательной силой светлого разума, к которому искони сознательно или бессознательно тянется любой Homo Sapiens, если Создатель только даровал ему пару-другую извилин.

Совсем юным он организовал из талантливой казахской молодежи движение «Жас тулпар», что было в ту суровую пору сродни «безумству храбрых», то есть осознанным мужественным поступком уже не мальчика. Дерзновенный национально-интеллектуальный вызов Времени и режиму власти «Жас тулпара» осмысливается и поныне. Невозможно переоценить значение этого движения в становлении и росте национального самосознания. Наслышан я был о том тогда. Помню, как неистовствовал по этому поводу один из ярых классовых борцов казахской литературы. Помню сочувственное отношение к «Жас тулпару» и другого аксакала, композитора-академика. Однако молодой, задиристый, норовистый тулпар проскакал тогда мимо меня. Но многие годы спустя, когда уже закаленный в политических, идеологических и житейских бурях Мурат Ауэзов затеял новый кружок под названием «Тамыр», я был удостоен участия на этом пиру интеллектуалов разных национальностей, т. е. я был принят в высокое тамырство страждущих духовной свободы казахстанцев.

Точное слово было найдено Муратом Мухтаровичем. Тамыр – корень, основа. Тамыр – верный друг, побратим. Тамыр – братья среди братьев. Тамыр – сообщество единомышленников, объединенных высоким порывом, благородной целью.

Таковым и был у нас кружок, или союз, как хотите. Под предводительством Мурата мы, человек двадцать неравнодушных к тому, что происходит в нашем обществе, собирались регулярно два раза в месяц в течение нескольких лет и убежденно, искренне и открыто обсуждали злободневные политические, этнографические, государственно-гражданские проблемы и ситуации, осмысливая по всем параметрам все, что творилось вокруг или только-только намечалось или проклевывалось. Со стороны наше тамырство, наши жаркие дебаты могли, возможно, показаться чудачеством, донкихотством, сборищем романтиков-вельтфербессеров (по-немецки: «улучшателей мира»), забавой интеллектуалов, но к нам шли-текли люди, журналисты, писатели, историки, философы, политологи, обществоведы, наши суждения, установки, выводы понемногу расширяли круг единомышленников. Тамыры знали, что их беседы не исчезнут бесследно, что семена рано или поздно дадут всходы, вольные слова будят чьи-то серд-

ца и души. А наш идейный предводитель, тамыр тамыров был абсолютно убежден – о чем он потом скажет в одном из интервью: «А мы жили своей параллельной жизнью, и это не есть пассивное состояние. Потому что наше параллельное бытие рождает особую энергию. Оно готовит отдельные сознания способных людей, которые приумножают все то, что зарождается в наших разговорах... и в конце концов получается какая-то энергия, которая ломает ту самую параллельную химерическую реальность».

Он прав, Мурат Ауэзов! Тихие беседы интеллектуалов, преисполненных любви к своему народу и отечеству, понемногу расшатывают твердыню режима, замешанного на опаре временщиков, на шкурническом интересе рыцарей наживы, не желающих и не способных видеть дальше своего носа.

Сколько произносится речей властями предержащими, речей, выученных записными, ангажированными «мудрецами», – блудливых текстов этих народ вообще не читает, не слушает или забывает в тот же день. А о беседах Сократа мир говорит и поныне. Об идеях, высказанных в кружках Чаадаева, Грановского, Станкевича, Герцена, Петрашевского рассуждают столетиями. Идеи, сформулированные в «Жас тулпаре», в «Тамыре», живут и развиваются в сознании казахов и казахстанцев. Ибо мудрое, искреннее, благородное слово рождает энергию. Мысль будит мысль. Волна следует за волной. И Мурат Ауэзов это понял давно, и именно это роднит его прогрессивно-созидательный дух с нетленным духом его разноязычных тамыров разных эпох и стран. Его многочисленные выступления, интервью, доклады, реплики, мимолетные суждения «по поводу» обладают огромным зарядом энергии, внушения и убеждения. И в этом сила и пафос его общественного подвижничества.

Радостно и тепло была встречена интеллектуальной средой Казахстана публикация дневника Мурата Ауэзова 1978–1979 годов в альманахе «Тамыр». Это было неожиданно. Я живо вспомнил тот отрезок времени, очень знакомый мне по писательским интригам и кляузам, когда писатели занимались не столько литературой, сколько самоуничтожением и самоистреблением. Каждый из наших доморощенных классиков демонстрировал в то время высший пилотаж в искусстве подсиживания. Действительно, тогда у каждого Ермишки были свои интрижки.

И вот, как выяснилось сравнительно недавно, и тогда был человек, который оказался выше всех этих дрязг, думал и видел происходящее вокруг иначе, терзался совсем иными проблемами и обитал неуком-саяком в иной духовной сфере, максималистски размышляя о времени и о себе.

И этот человек был Мурат Ауэзов.

И он тогда уже знал: «В борьбе против тоталитарно-колонизаторского режима система национального мышления вызревает как средство борьбы и как ее бесспорно положительный результат».

Он тогда уже знал: «Сфера, более или менее обозримая для прояснения национальной проблематики – культура»

Он тогда уже отдавал отчет: «Я – эволюционист, другие цели, другой путь». Какие цели и какой путь – мы теперь знаем.

А он этот путь определил так: «После славного полета отца мы (в нескольких поколениях по моей линии) вновь пойдем по миру, как ходили поколения предков-кожа, набирая силу для очередной яркой вспышки. Так нужно истории».

Он и идет по этому пути – твердо, убежденно, сея доброе, разумное, вечное, утверждая высокие истины и цели, верно служа просвещению, познанию, мудрости, чести и достоинству своего народа.

И в этом его сила, слава и миссия.

По словам аксакала Абеке Жаймурзина, многие годы знавшего Ауэзова, Мухтар Омарханович говорил о своем сыне: «Я возлагаю на него большие надежды. Оның қаны бар! В нем бьется горячая кровь предков».

Надежда гениального отца оправдалась. К нашему счастью. Во имя нашего блага.

Опубликовано в газете «Эпоха» от 20.12.02;
в кн.: Г. Бельгер. Земля моей чести. Алматы, 2004;
Г. Бельгер. Избранное. Т. 5. Алматы, 2011.

ПОЛАГАЮ, ЖИТЬ ЕМУ СЛОЖНО

Разбирая развал книг на балконе, наткнулся на тонюсенькую, малого формата книжку Мурата А. «Уйти, чтобы вернуться». Это его дневниковые записи 1978–1979 годов. Я эти записи читал еще в журнале «Тамыр» лет, думаю, шесть назад. Теперь с большим интересом прочел и книжку. Союз писателей Казахстана того времени мне хорошо знаком. Помню атмосферу, консультантов, руководителей тех лет. И большинство героев, обозначенных инициалами в этой книжке, мне знакомо. Симпатичны и все мысли-рассуждения, медитации автора – человека неординарного, искреннего, деликатного, порядочного, воспринимающего все вокруг через призму интеллектуальной, одинокой, порой неприкаянной души. Именно эта сторона привлекает меня в сложной психической организации автора. Мне показалось, что жить ему сложно. А меня привлекают-манят люди, у

которых не все просто. В нем причудливо сочетается, переплетается много сложного, противоречивого, может, даже болезненного. Он рос в репрессированной семье, где все члены ее были сызмальства подбиты, ушиблены жуткой несправедливостью, болью, душевным надломом. По сути, он сам подранок того крутого времени. А с другой стороны, великий отец, тоже сложного, трагедийного склада, интеллектуал, творец, сполна познавший «свинцовые мерзости» не одной эпохи, не одной общественной формации. Человек времени сложного, путаного, противоречивого, жестокого, нередко подлого. И все это затейливым образом отложило отпечаток в ранимой, очень восприимчивой и взыскующей, рано развившейся душе импульсивного, чистого помыслами юноши. Видно, он трудно рос. Трудно складывался душевный мир. Примитив вокруг угнетал, подавлял его, ложь унижала. Другой на его месте, полагаю, либо спился бы, либо свихнулся, либо стал ненужным, чудаковатым эрудитом. (О сводном его брате Азате Сулееве, которого я тоже знавал, поговаривали, помнится, что он эрудит, на что скромный тихоня Азат, улыбаясь, неизменно отвечал: «Эрудит, который ерундит».) Ему очень трудно было сохранить живую душу. Но он выстоял. Однако и взрослому ему жить легче не стало. По сути, он одинок. Мне порой он напоминает героя романа Германа Гессе «Степной волк». Одинок даже среди людей и близких. Трагически одинок. И можно только восхищаться его природным даром, его интеллектом, его культурологической всеохватностью, его способностями мыслить и страдать. Мне кажется, я его понимаю. И еще мне чудится, что многие из его окружения понимают его все же недостаточно, поверхностно. И легкая жизнь ему не светит до скончания дней. Свою смятенную душу он даже выразить в полной мере своего таланта не в состоянии. След, оставляемый им блестящими устными импровизациями, неадекватен его умственной мощи. Душа его в постоянных поисках святого Грааля, в смятении и раздрае. Приспособиться к реальности ему немыслимо. В нем, как и у отца его, странным образом уживается несколько эпох, несколько слоев народной боли, воли судьбы.

Так мне немного сумбурно подумалось при вторичном прочтении его давних дневниковых записей.

Допускаю, что сам Мурат с моими субъективными суждениями может и не согласиться. Но я его воспринимаю именно так.

2009

Опубликовано в газете «Дат»

ДУХОВНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ МУРАТА А.

> У каждой жизненной поры есть свои склонности, свои притязания и вкусы, а может, и свои особые способности и преимущества.
>
> *Томас Манн*

«Иосиф и его братья»

В канун Нового, 2011 года (кстати, как раз к своему 68-летию) Мурат Мухтарович Ауэзов издал свои «Дневники» 1970–1979 годов под названием «Уйти, чтобы вернуться» (Алматы: «Жибек жолы», 2011).

Часть этих дневников под тем же названием была издана несколько лет тому назад и вызвала большой интерес, особенно среди интеллигенции. Теперь книга расширена еще четырьмя блоками – *четырьмя этапами неуемного искателя истины и смысла гражданского бытия.*

«Уйти, чтобы вернуться» – счастливо найденная формулировка, характерная для всякого мыслящего, ищущего, рефлектирующего, медитирующего индивида. Время от времени его неодолимо влечет-манит неведомое, ему становится тесно в своей привычной среде, он вырывается из своего круга, удаляется от постылого быта, от друзей, от самого себя, охваченный духовными поисками своего святого Грааля, удаляется подальше, к черту на кулички, в дремучее захолустье, дабы потом, в свой час, успокоившись и найдя некую гармонию в смуте хаотических треволнений, возвратиться на круги своя.

Автор пишет: «Уйти и вернуться – всеобщая универсальная формула жизни, объективной реальности (для человека и познания). Этим путем идут науки и искусство».

Книга исключительно честная, открытая, исповедальная, доверительная, задушевная и поучительная. Автор щедро делится своими сокровенными мыслями, размышлениями, ощущениями о времени, о себе, о своем окружении, душевном терзании, рассказывает сочно и ярко, живым русским слогом о печали своей стези, о первых юношеских импульсах, устремленных к свободе, к справедливости, к независимости и духовной раскрепощенности колонизированного тюркского «Я».

Путь трудный, тернистый, изматывающий. Но его необходимо пройти во имя высоких целей – становление (восстановление) духа предков, воспитание, культивирование гордости-намыса и независимо-

сти растерявших себя на долгой дороге потомков, построение подлинно гражданского (и национального, туранского) общества, достойного цивилизованного мира.

«В горы путь свой держу» – таков лейтмотив этой книги. И в том ее подспудный пафос.

Главный враг Мурата А. – кедеизм Духа. Его вырождение. Его выражение.

Где бы он ни был, куда бы он ни «уходил» – в Макат, в Дели, в Покатиловку, на Есентай, на Главпочтамп (так географически помечены блоки дневников), – он упорно ищет духовную ориентацию для своей смятенной и деятельной души, сознавая «драму тюркской интеллигенции в условиях советской действительности» и понимая, что «мелкотравчатое копание в тайниках души убогого двойника не приведет к цели».

Жизнь автора «Дневников», можно сказать, с определенного периода прошла на моих глазах. Еще не будучи знакомым с ним, я многое знал о нем. К тому же я ведь тоже жил и живу в это, в его время. И мне знакомы его поиски, его шарахания, увлечения, мысли, суждения, перемены, служебные и многозначительные философские, исторические, литературные дефиниции и выражения с налетом любомудрия, все это высокое «прекрасноречие», культ устных речений-импровизаций, навеянных прилежным чтением и конспектированием; через это в какой-то мере и я прошел, и мои ближайшие друзья-современники (живые и уже ушедшие) – тоже. Так что все, о чем пишет Мурат А. в своих дневниках, мне интеллектуально близко, потому и прочитал я эти дневниковые записи с затаенным дыханием, с дрожью в сердце, натыкаясь на какие-то параллели и иллюзии, созвучные мне в те, уже довольно отдаленные годы. Вывод, к которому пришел автор («С каждым днем становится все более очевидным факт, что формой, средством, способом жизни для меня может быть только литература»), и для меня убедителен, определен, к этой мысли (конечно, из-за заметной разницы в наших возрастах чуть раньше) пришел и я, пройдя через увлечения лингвистикой, сопоставительной грамматикой, лексикологией, педагогикой, грезами о тюркологии etc.

Было любопытно и приятно читать книгу Мурата А. Я несколько дней мысленно беседовал с умным, начитанным коллегой, вслушивался в его речи, в его откровения, а досаду испытывал только оттого, что уже несколько лет мои дневниковые записи («Тень дней минувших») никак не выходят на свет божий, а ведь в них – смею надеяться – также за-

печатлены воздух эпохи и разные перипетии нашего взбаламученного, ощетинившегося, а то застойного, сонного общества.

Мурат А. в силу своих интеллектуальных наклонностей предпочитает устное слово. За многие годы знакомства я убедился: это, в самом деле, его стихия. В нем сидит нечто сократовское. Он как бы странствующий оратор, просветитель, носитель идей, проповедник. И я всегда испытывал огромную досаду и жалость оттого, что его блестящие, оригинальные импровизации по тому или иному значительному поводу пропадают втуне, не перенесенные на бумагу, не зафиксированные на магнитной пленке. Теперь с радостью вижу, что Мурат А. преодолевает эту многолетнюю инерцию, этот сомнительный для нашего времени барьер, воплощая свои творения в книгах. Из «Дневников» я узнал, что после «Уйти, чтобы вернуться» автор заинтриговал нас целым циклом гипотетических публикаций – «Там, за горизонтом», «Здесь Родос, здесь – прыгай», «Иппокрена» и сборником статей на казахском языке.

Пребываю в предвкушении удовольствия от чтения этих изданий.

Л. Н. Толстой, который, как известно, довольно сдержанно относился к творчеству Гёте, записал, однако, в дневнике: «Читаю Гёте, и роятся мысли».

При чтении «Дневников» Мурата А. и у меня роятся разные мысли. Мне просто не удается их точнее и объемнее выразить.

Непростые мысли. Сложная судьба. Извилистая жизненная стезя. Постоянное умственное напряжение. Порой изнурительное. Самоистязающее. Неизменная настроенность на духовность.

А главное – дневники, написанные на исходе 70-х годов прошлого века, очень современны, актуальны, будят мысль, будоражат душу, навевают благотворные порывы, устремления, желание вырваться из теснин убогого и постылого бытия.

Поневоле задумаешься о концепции личности во все времена, о пониженной социальной активности нашей нынешней среды, о губительной инерции равнодушия, о лености ума, о взыскующей совести, о дебилизации общества, о становлении человеческой личности, о ее природе, о традициях духовного беспокойства, по выражению Томаса Манна.

«Дневники» Мурата А., его духовная ориентация, бесспорно, заслуживают внимания, всестороннего осмысления и благодарности.

10.01.11.

Опубликовано в газетах «Daz» и «Дат».

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ДНЕВНИКОВ РАЗНЫХ ЛЕТ

16.12.1990 г.

Прошла телеакция в защиту культуры и духовности. Со страшными натугами наскребли кое-как миллион... Мурат Ауэзов выразил недоумение по поводу того, что в корейской пейзажной лирике – хотя в республике корейцев уже три поколения – Казахстан не воспевается, а бытуют совсем иные детали – берег океана, море, дальневосточные деревья и травы. Любопытное наблюдение.

24.12.1996 г.

Звонил Мурат. Приглашает в консерваторию на новогодние посиделки.

11.02.1997 г.

Мурат А., Баққожа М. похвалили мои штучки в «Новом поколении». Мурат хочет, чтобы я участвовал в телебеседе о Чечне. Баққожа намерен перепечатать в «Парасате» абаевскую часть триптиха. Согласился.

10.06.1997 г.

Показывали по ТВ наших писателей в Париже. Блистал умница Мурат Ауэзов. И, видно, он покорил французскую публику. Великолепно держался, толково говорил, изысканно, аристократично; явил интеллект – любо-дорого смотреть. На высоте оказались импозантные Олжас и Чингиз (Айтматов). Совершенно на их фоне не смотрелся невзрачный, нахохлившийся Нурпеисов: серый, немой, неотесанный, неряшливый. Просто досадно! Сидел рядом с Айтматовым и неприятно, смачно жевал жвачку, будто старый аральский верблюд. Как я понимаю, это он делал от смущения, от того, что чувствовал себя не в своей тарелке. Смотреть на него было неловко. Зря он поехал. Жалко. В таком возрасте предстать в столь невыгодном свете. Сильно из-за него расстроился. Приятно смотрелся Тасмагамбетов – скромно, подтянуто, собранно, сосредоточенно, безупречно в одежде, в манере. А Абе эффектно демонстрировал свое плебейство.

С удовольствием созерцал знакомые парижские места.

12.06.1997 г.

Возмутила «Казахстанская правда». В отчете о юбилее М. О. Ауэзова в Париже ни разу не упомянули Мурата. Как же, «азаматовец», в оппозиции к властям, вольнодумец, и котляки-жандайшапы в чью-ту угоду даже не назвали Мурата, хотя в Париже именно он был фигурой. Мерзавцы!

01.09.1997 г.

Вечером был на заседании правления ФСК («Фонд Сорос-Казахстан»). Бектаса не было, и заседание вел я. Участвовали в работе два новых члена – Мурат Ауэзов и Виталий Воронов, а также Нурболат Масанов, Еркеш и я. Мурат похвалил мои «штучки» в «НП» и посоветовал их издать отдельной книжкой. Он посоветовал обратиться за спонсорством к Кул-Мухаммеду. Тут встрял в разговор Джорж Зарубин (исполнительный директор ФСК, американец), я изложил ему суть, и он сказал: «Давайте вернемся к этому разговору в пятницу».

26.09.1997 г.

В Национальном банке состоялся вечер памяти Ауэзова. К нам – Кабдолов, Дукенбай и я – присоединился Мурат. Кажется, встреча получилась неплохой. Хорошо организовано. Полный зал людей. После наших выступлений и ответов на вопросы состоялся небольшой концерт. Потом провели викторину. Нас одарили чапанами и часами.

6.11.1997 г.

Мурат выставил свою кандидатуру в президенты. Боюсь, что он подставил себя под удар преждевременно. Для президента он слишком умен, образован, интеллигентен, мало в нем хитрости и коварства. И в интригах не искушен. Я сочувствую Мурату, душой с ним, однако испытываю тревогу за все здравое, что еще осталось в нашем обществе. Назревают сложные времена.

13.11.1997 г.

Джордж Сорос, узнав, что Мурат Ауэзов выставил свою кандидатуру в президенты РК, решил, что в таком случае ему нецелесообразно оставаться членом правления фонда. Мурат тотчас подал заявление об уходе. И поскольку Бектас стал советником премьер-министра, то ему до срока разрешается оставаться членом правления ФСК, но не его председателем. Значит, до моего ухода я вынужден быть и. о. председателя фонда «Сорос-Казахстан».

02.12.1997 г.

В Бишкеке избили Своика. Ворвались в 11-м часу вечера четверо в масках в гостиничный номер и избили Петра и его жену. Мурата А. вызвали в суд и за организацию несанкционированного митинга 30 ноября подвергли3 штрафу. По КТК показали, как Мурат спокойно, с достоинством давал интервью о случившемся. Конечно, все это пакостно. Неужто наша демократия

скатится до банальной полицейщины? Стыд и срам! Бедный Мурат, на что уходит его интеллект?.. Ну а что делать на его месте?

19.12.1997 г.

Абильсеитова загнали в каталажку. В знак солидарности – вслед за ним – объявили голодовку Ауэзов и Своик. Ужасно! Я им сочувствую, особенно Мурату. Мне неловко, стыдно, что ничем не могу помочь ему. А поддержать бы этих людей надо. Отсиживаться в углу будет все трудней и опасней.

22.12.1997 г.

По КТК показали голодующих Ауэзова и Своика. Мурат похудел на 5 кг. Досадно и больно. Надо бы как-то проведать его. Сколько горя и свинства творится вокруг, а я только и способен бороться со своим скачущим давлением.

24.12.1997 г.

Абильсеитов попал в больницу после семидневной голодовки. Ауэзов и Своик еще держатся. К ним люди валом валят. Акция это не бессмысленная.

25.12.1997 г.

Абильсеитова, доведя до больницы, освободили из-под стражи. Мурат и Петр, решив, что достигли цели, прекратили голодовку. На два дня был арестован и Даурен, и тоже два дня голодовал.

05.02.1998 г.

В газетах и по радио («Азаттык») усиленно обсуждают переход Мурата А. на государственную службу. Одни обсуждают, другие злорадствуют, третьи находят оправдание, четвертые ищут подспудные причины и мотивы. Мне же чудится, что Мурат в акимате долго не усидит.

18.03.1998 г.

Утром звонил Мурат А., тепло отозвался о моей книжке, попросил сделать филологический анализ по делу Исмаилова. Но из этого вряд ли что получится. Доказать, что подлец не ругательное слово, не могу. Правда, интонационно можно обозвать кого-то ласково и подлецом. Но это уже не из сферы логики и здравого смысла.

05.04.1998 г.

Читал в «Егеменді Қазақстан» кляузы на Мурата А. Неведомый мне писатель бестолково и бездарно обрушился на него. Бедные казахи! Друг друга топчут наперекор заветам Абая.

28.09.1998 г.

Около четырех часов заседали в ПЕН-клубе. Собралось человек двадцать. Прекрасное сообщение сделал Мурат Ауэзов. Мы его приняли в ПЕН и избрали вице-президентом по связям с зарубежом. Члены ПЕН-клуба поделились воспоминаниями об Ахтанове и М. О. Ауэзове, которому сегодня исполнился 101 год. Мурат увидел в этом также волю судьбы. Все мистически сошлось, совпало.

13.10.1998 г.

На заседании ПЕН-клуба присутствовало всего 9 человек. Мурата мы взяли вице-президентом и поставили на зарплату. Из облакимата он ушел, но кандидатуру свою в президенты страны выставлять не будет, ибо имеет административное взыскание. Он обещал мне на днях дать новое издание записей своей матери и улучшенный вариант своей «Иппокрены».

30.10.1998 г.

Мурат преподнес мне изящно изданную книгу матери – Фатимы Габитовой: стихи, проза, переводы, дневники, воспоминания, размышления.

...Несколько часов читал эту уникальную книгу. Поразительная женщина! Ее судьба и судьба ее детей – высокий трагический роман. Жизнь, сплетенная с жизнями Сулеева, Джансугурова, Ауэзова. Жизнь вобравшая в себе весь трагизм эпохи. Какой возвышенный дух, благородство, мужество, достоинство! Какая материнская сила! Вот с кого женщины должны брать пример! Здорово, что такую книгу издали в «Атамура». Помимо всех своих достоинств и качеств, Фатима-апа была еще богато одаренная, талантливая личность. Недаром такие выдающиеся люди делили с ней свои судьбы.

14.11.1998 г.

Мурат летит в Индию на неделю.

27.03.1998 г.

На рассвете прочел выступление Мурата А., которое он сегодня произнесет на курултае партии «Азат». Сильно, толково, убедительно. Мурат башковит. Я ему утром позвоню.

17.05.1999 г.

От Мурата узнал, что пушкинский вечер в музее «Хабар» отказался показывать только из-за того, что организатором его оказался Ауэзов. Господи, какая глупость, тупость, какой идиотизм. Вконец опупела наша власть. Или те, кто около нее ошиваются.

5.07.1999 г.

Часа два был в ПЕНе, где Марат Бержанов, Шуга, Асия и я возвышенно говорили о необходимости спасти культуру. Слова все правильные, но вряд ли есть толк. Мурат Ауэзов и не пришел. Он собирается якобы в Кашгарию.

17.07.1999 г.

Мурат А. укатил в Китай, после возвращения намерен дать интервью.

03.08.1999 г.

Зашел в ФСК, мило поговорил с Джорджем Зарубиным, оставил заявление. К просьбе моей он отнесся благожелательно, обещал 27-го поставить на правление. Надеюсь, оно поддержит: там все еще мои коллеги – Розлана, Жания, Воронов, Жовтис, Людмила. Сам Джордж к Новому году уйдет. На его место желательная фигура – Мурат Ауэзов. Надо ему политику бросать и заняться фондом. Кандидатура идеальная. Поговорили и о Кодаре. Тут наши мнения тоже полностью совпали.

05.08.1999 г.

Вечером собрались в ПЕНе. Мурат А. сделал блистательный доклад о своих поездках в Варшаву и в Китай, блеснул осведомленностью, эрудицией, тактом, умом. Очень приятно было его слушать. Поразительные факты он приводил (главным образом о Китае).

19.12.1999 г.

Утром позвонил Мурат А., трогательно поздравил с наступающим Новым годом. Поговорили о фонде, о Зарубине, о продолжении контактов. Было очень приятно. Мурата я давно люблю и почитаю за интеллект, интеллигентность, культуру и врожденный такт. Таких людей Назарбаев должен был бы ценить и награждать, а не терещенкоподобных субъектов.

25.03.2000 г.

Прочел в «Қазақ әдебиеті» статью Акатаева – упрек в адрес Мурата Ауэзова. Он всячески смягчил свои упреки и обиды, и все же, думаю, неправ. Мурат и выше, и шире, и глубже по всем параметрам, и своему народу он

никак не чужой. Сабетказы при своей образованности тянет казахов назад в феодальные сферы. Это неправильно и неразумно. Мурат, несомненно, на более верном пути.

29.04.2000 г.

По сведениям Мухая, Мурат А. находится в больнице. Что-нибудь серьезное?

01.05.2000 г.

От Ильфы Ильясовны узнал, что Мурат в больнице. Якобы в двух местах желудка обнаружили язву.

04.05.2000 г.

Позвонил Ильфе и узнал тревожные новости о положении Мурата А. Она сильно расстроена и произнесла «жаман ауру» (казахи называют эту хворь «бейдауа»). Здешние эскулапы предлагают срочную операцию. Надо, мол, вырезать большую часть желудка. И Мурат надумал ехать в Голландию, к дочери Зифе, чтобы прооперироваться там. А другие друзья (Своик, Колокольников и Ко) предлагают московский вариант.

Ужас! Шок! Я остолбенел. Ильфа говорит: «Он зашел ко мне прощаться». Завтра у Мурата еще одно важное обследование, а в понедельник он вроде как выписывается.

05.05.2000 г.

Съездил с А. Нурпеисовым в больницу проведать Мурата. Он спокоен, ровен и улыбчив. Испуг, видно, прошел. Диагноз подтвердился: операции не избежать. Нужно, мол, вырезать весь желудок. Две язвы. Одна якобы с канцерогенной тенденцией. Были варианты, но Мурат решил лететь в Голландию, к дочери, где и намерен прооперироваться. Уже 9-го летит. Люди ходят к нему отовсюду. От Мурата исходит свет благородства, ума и обаяния. Высокой пробы личность. «Спасибо! Это мощная поддержка», – сказал он на прощание.

06.05.2000 г.

Был Владимиров. Поведал ему о Мурате А., и тут Слава говорит: «Если действительно так, то он обречен. И очень скоро сыграет в ящик».

Я аж похолодел. «Точь-в-точь повторится история с Лариным. У него тоже случайно обнаружили нечто подобное, и через три недели он ушел».

Ужас! «Алдымда сын тұр? Одан өтуіміз керек», – помню фразу Мурата. Все эти дни думаю только о нем. Ай, обал-ай, обал-ай!..

21.05.2000 г.

Большая радость: диагноз Мурата голландские врачи не подтвердили. Ильфа с радостью сообщила все подробности, потом я позвонил Мурату и немного с ним поговорил. Прекрасно! Я весь испереживался за него. Язва, правда, есть, но она излечима. В крайнем случае предстоит операция по ее удалению. 16-го июля он якобы должен показаться еще раз.

18.07.2000 г.

Звонил Мурат А. по поводу моих статей. Одобрительно.

26.12.2000 г.

Утром звонил Мурат А. Сообщил, что вчера по 31-му каналу выступили шесть человек, говорили якобы и о моей статье и меня упоминали тепло. Обменялись горестной вестью: о кончине Симашко. Знаю: Мурат очень любит и почитает Симашко. И Морис Давидович называл его ласково-нежно: «Муратик».

02.03.2001 г.

Утром встретился мне по Тулебайке Мурат Ауэзов. Он сообщил жуткую весть: на рассвете пятеро ворвались в квартиру Гульжан Ергалиевой, избили мужа, сына, потребовали 100 тысяч долларов, забрали все украшения Гульжан и матери, деньги и даже 4 тыс. долларов гранта партии народного конгресса, в которой Гульжан замещает Олжаса. Кошмар! Ведется следствие. Завтра будет проведена протестная акция на ТВ. Муж и сын в тяжелом положении в реанимации. «Почерк один», – сказал Мурат. Действительно, так. Вопрос в том, кто руководит этими бандитами. Избили Своика, Пака, Лиру, Чернышева, измывались над Масановым, закрывают газеты, творится произвол. Конечно, виновных не найдут.

26.03.2001 г.

Утром звонила Ильфа Ильясовна по поводу моей статьи «Ильяс» в «Культуре». Весьма тепло отозвалась. Потом позвонил и Мурат А., тоже сказал немало весомых, одобряющих слов. Оба готовы мне помочь в издании книги «Этюды о переводах Ильяса Джансугурова».

11.04.2001 г.

Отправился в Дом ученых на презентацию книги об Есеналиеве. Много знакомых, почти половина собравшихся. Со многими пообщался, в т. ч.

с Муратом А. Меня приняли хорошо. Особенно толково сказали Мурат и Гайникен Бибатырова. Потом был банкет. Для группы почетных организовали в зимнем саду отдельный стол. Я посидел среди них минут двадцать и ушел.

19.04.2001 г.

В обед позвонил Мурат А. В голосе почувствовал напряженность. Видно, ему хотелось облегчить душу после ознакомления с «поэмой» Шаханова. Конечно, он не в восторге. Конечно, он смущен отзывами именитых людей, которые восторженно писали о поэме, явно не читая. Я знаю, как это делается нашими шустряками. Эти мнения-лебізы Ш. просто, можно сказать, выцыганил. Я изложил Мурату свою точку зрения, сказав, что есть два выхода: а) решительно отказаться от писания отзыва, ибо это не поэзия, а самая дурная, банальная публицистика, сварганенная дурным языком; б) закрыть один глаз и писать хвалебный отзыв левой ногой; конечно, это гадко, противно, вряд ли Мурат на это способен, ибо вранье видно за три версты. Поговорили и о «Культуре», и о моей возможной книге. Мурат все одобрил, сказав, что Ильфа вернется из Сары-Агача 29.04. Он считает, что 1000 долларов Ильфа раздобудет. С Муратом приятно говорить. Умница и душевный, деликатный, понятливый человек.

09.07.2001 г.

Вечером говорил с Муратом А. Милый, вежливый разговор. Сообщил он мне, что подписал решение Правления о субсидировании моей книги – «Этюды о переводах Ильяса Джансугурова». Но оговорился: меньше 2000 долларов. Это настораживает. Издатель надеется именно на 2 тыс. долларов. Қалғанын кайдан табамын?

11.07.2001 г.

Звонил Мурат А. По поручению Тасмагамбетова передал сборник материалов конференции по тюркским памятникам. Шикарно изданный мощный том.

23.08.2001 г.

Вечером звонил Мурату домой. Мило побеседовали. Говорить с Муратом – удовольствие. Одним своим мягким, доброжелательным голосом он омывает, очищает душу. А еще – умница. О таких немцы говорят: Einmalig, по-казахски – бірегей.

22.10.2001 г.

Позвонил Ильфе Ильясовне. Она сообщила, что Мурат А. вырос на ступеньку, стал Президентом (?) по Средней Азии, а исполнительным директором станет другой.

23.10.2001 г.

Три часа побыл в Музее Ауэзова, где собрались дети, внуки, правнуки клана Сулеевых – Джансугуровых – Ауэзовых и их родичей и доброжелателей. Познакомился с Саятом Джансугуровым. Получился очень теплый, исповедально-искренний вечер. Трогательно и мило. И я что-то сказал. Приняли хорошо. Великолепно вела вечер Динара, дочь Ильфы. И трапеза в татарской тональности прошла весьма мило. Я рад, что присутствовал на таком родном и знаменательном событии. Болат Джансугуров пригласил меня на свой день рождения. Много фотографировались.

24.10.2001 г.

Звонил Мурат А., попросил предложить кандидатуру в члены правления Фонда Сороса. В письменном виде я предложил Госсена, Бооса, Бадикова, Дорженова, Канапьянова, Курманбаева.

22.11.2001 г.

В «Мегаполисе» прочел серьезное интервью Мурата А. Удивляюсь: до чего же образован и начитан. Голова!

10.12.2001 г.

Вечером по зову Абе (Нурпеисова) собрались в ПЕН-клубе Мурат А., З. Кабдолов, Елеукенов, Дулат И., Мереке К., Бадиков, Абе, я. Обсуждали кое-какие текущие делишки. Мурат предложил толковую идею о возможных контактах с литераторами Китая. Мы идею одобрили и предоставили возможность ее осуществить самому Мурату.

20.02.2002 г.

...А после обеда три часа пробыл в Аналитическом центре культуры, где обсуждали дневник Мурата Ауэзова. Собрались его коллеги по «Жас тулпару» (Сембин, Гильманов, Тайжанов etc.), нынешние сподвижники (Своик, Ергалиева), журналисты, писатели, культурологи, живые, неравнодушные люди. Прошло хорошо. Я выступил вторым. Хотел было говорить шире, но, придя, узнал, что речь пойдет только

о Дневнике Мурата. Пришлось по ходу сократить свое выступление на две трети. Но приняли благосклонно. Мурат принес с собой и показал ту давнюю тетрадь – дневниковые записи «Уйти, чтобы вернуться».

29.03.2002 г.

«Круглый стол», организованный «Книголюбом». Вели заседание Мурат А. и Э. Джилкибаев. Шпрехали Арцишевский, Жорж (?), Алим, я, Шашкова и др. В общем небесполезно. Ребята из «Книголюба» понравились. Привез меня Мурат. Мило покалякали. Он пригласил меня в двухнедельную поездку по Азии – по Шелковому пути. Здорово, конечно. Только куда мне?

28.08.2002 г.

В 16.00 Нурпеисов собрал ПЕНовцев. Я еще утром сказал Шуге и Мурату (потом и Бахытжану), что пойти не смогу: два совещания в один день для меня много. То же потом сказал и Мереке.

Чувствовал, что что-то произойдет. Чувствовал, что Нурпеисов затевает какую-то свару.

Действительно, часа два спустя неожиданно и сдержанно-взволнованно позвонил Мурат. Сходу заявил, что написал заявление о выходе из ПЕН-клуба. Причина: нурпеисовские маразматические заявления, низменные представления, убогое мышление, плебейские повадки. Этого следовало ожидать.

Примерно по этой же причине ушел из «Таң-Шолпана» и Кадыр. Кто следующий?

Многие в ПЕН-клубе числятся лишь номинально: Олжас, Шаханов, Шерхан, Фариза, Рымгали, Акселеу, Абдиков, еще двое-трое.

Из активных членов умерли Ахтанов, Бөкеев, Симашко, Дебольский, Калтай, еще кто-то.

«Дела-делишки» Абе решает с Кабдоловым, Елеукеновым, Шугой, Мереке, Куанышем, мной. Все келейно. Пускает пыль в глаза. Выдает пятак за рубль.

По самой своей природе Абе противник ПЕНовского движения. А он заделался президентом. Уход Мурата – серьезный удар по ПЕН-клубу.

15.09.2002 г.

Звонил Мурат А. Коротко сообщил об иссык-кульской встрече, об идее Академии Средней Азии, о некоторых совместных планах Фондов Сороса Киргизии и Казахстана.

Еще Мурат сообщил о звонке Нурпеисова, что тот попросил извинение, ссылаясь на свое песчаное воспитание, уговорил забрать заявление назад, предлагал поехать в Македонию и т. д. Ну, Мурат, добрая душа, и смягчился, пожалел аксакала. И Мурат – интеллигентный, милый, деликатный – попался на простую удочку. Старый бурый лис его мигом околпачил. Вот на эту тему мы и поговорили. В одном полностью согласен: ПЕН-клуб наш своему назначению не отвечает, авторитет и общественное значение скатились, занимается пусканием мыльных пузырей. И у такого ПЕНа будущего нет. Это просто фикция. Все это ужасно. Но, к большому сожалению, это так.

12.11.2002 г.

Мурат прислал три книжки, изданные в Германии. Одна из них – о сталинском терроре – представляет мало-мальский интерес. Остальные – пустышки. Еще он предлагал газету «Die Zeit».

23.12.2002 г.

Сейдахмет прислал «Эпоху» с моей статьей о Мурате. Позвонил и вежливо поблагодарил и сам Мурат. Он был только что на Тайване.

31.12.2002 г.

До Нового года осталось менее четырех часов. Услышал отрывок своего выступления по «Азаттық». Говорил на пару с Муратом А. В одном месте вклинился Масанов.

27.01.2003 г.

Вечером позвонил Мурат А., а через час – Мухтар Кул-Мухаммед из Астаны. Сумасшедшая идея: просят писать для ЖЗЛ книгу об Ауэзове. Надо же! Столько знатоков, столько умников, диссертаций и романов (Дукенбай, Турсын, З. Кабдолов), а предложить ЖЗЛ ничего путного не можем. Вот бишаринское явление! Где сонм ауэзоведов?

Я, конечно, отказался. Ни сил, ни здоровья, ни времени, нет способностей, интеллекта, знаний и морального права писать об Ауэзове. Простонапросто не по зубам. Триптих-эссе, что я написал о нем, – это все, на что я способен. Писать биографический роман об Ауэзове – такого мне Бог не дал. О том я чистосердечно и сказал Мурату и Мухтару. Выслушали, повздыхали. Действительно, нет у нас человека, который мог бы о Мухтаре Ауэзове достойно написать. Досадно и стыдно.

Написать об Абае Кул-Мухаммед хочет попросить Абиша («Әбіштің кең шапанына жармасам деп отырмын»). О Шокае напишет Садыкова. Вероятно, найдутся люди, способные написать об Аблае, о Кенесары. А вот

об Ауэзове – Кул-Мухаммед надеялся на Мурата. Мурат – на меня. Какой там! Явная переоценка моих возможностей. Мухтар предложил вариант: выкроить что-то удобоваримое из книг Турсына Журтбаева. Я и от этого отказался. И автор будет недоволен, и мне не с руки.

19.09.2003 г.

...А то, что Мурат поддерживает партию «Асар», для меня и вовсе непонятно. Неужели ее лидерша могла чем-то его взять? Чем? Что это – простодушие? Какой-то расчет? Или знание того, что мы, грешные, и не предполагаем?

22.09.2003 г.

Много разговоров-кривотолков о будущем партии Дариги и ее сторонников Ауэзова, Алиева М., Султангазина, Бердыбаева. Абсолютно непонятно, как и вокруг чего могли вдруг объединятся Ауэзов и Бердыбаев. В данном вопросе я Мурата не понял. А цель Дариги тем более темна. Что за силы стоят за этой возней – Бог весть. Несерьезно...

25.10.2003 г.

Прочел интервью Мурата А. в «Каз. правде». То, что он сказал об «Асаре», меня не убеждает. Мурат немного романтик. А на душе Дариги – как мне кажется – совсем не романтичные цели и задачи. И нечего ее облагораживать и на котурны ставить.

16.10.2004 г.

Вечером в Оперном театре состоялось чествование лауреатов премии «Тарлан». Много знакомых. Праздничная атмосфера. Среди новых лауреатов много моих друзей. Абиш, Бахытжан, Саин, Гаркавец, Е. Бектуров, Шарманов. Получили премию также Днишев, Кесоглу. Особенно рад за Мурата А. (по номинации «Просвещение»). Вообще все по уму. Торжественно, красиво вели вечер Б. Абилов и «Мисс Вселенная» Оксана Федорова.

Потом был очень теплый, щедрый банкет.

25.11.2004 г.

После обеда был на презентации «Тамыра» (журналу исполнилось пять лет). Хорошо вел вечер Ауэзхан Кодар. Я сидел рядом с Муратом. Приятный, искренний получился вечер. Выступили Мурат, Дулат И., Давыдов (из Москвы), я, Бадиков, какие-то представители, артисты. Все непринужденно, мило. Впервые присуждались премии интеллигенции ин-

теллигентам. Премия называется «Асық». В основе скульптура Сакенова. Три номинации – бронзовая, серебряная, золотая. Серебряный «асык» вручили Давыдову А. П. (он, кстати, подписал мне свою книгу), золотой – Мурату Ауэзову (исключительно справедливо). Я вручил Ауэзхану «Бремя», Мурату – «Землю моей чести» (там как раз статья о М. А. «Тамыр тамыров»). Худо было с сердцем, и Мурат распорядился отвезти меня домой.

16.02.2005 г.

Вечером смотрел по ТВ беседу академика Нысанбаева и М. Ауэзова. Оба толково рассуждали о философии казахов, блистали эрудицией, и мне слушать их было приятно. Молодцы! Знающие мужики!

07.05.2006 г.

Мурат А. вчера сказал мне, что в последнее время прочитал два романа: «Круг пепла» Накипова и «Сны окаянных» А. Жаксылыкова. «Оба трудные романы, – заметил я. – Құйтырқысы көп. «Пепел» я пока не читал. И, боюсь, не смогу. Слишком много там выкрутасов». «Да, – согласился Мурат. – там накручено». А «Сны» я читал. Две книги давно. Чтение тоже не из легких.

Мурат разыскал меня в зале, неожиданно подсел. И мы за вечер обрывочно обменивались разными фразами и репликами. Я признался, что совершенно устал от слов, отравился. «Но читаете охотно? – спросил он. – В тиши, по желанию. Лучшее отдохновение». – «Да, читаю в свое удовольствие. Сейчас охотно беседую со Шкловским». – «О! Понимаю...» – вздохнул Мурат. И мне показалось, что ему пока читать в свое удовольствие не приходится. Все больше по обязанности.

Замечаю: к нему льнут все кому не лень. Часто подозрительные субъекты. И он мягок, уступчив, добр, деликатен. И, вероятно, сам страдает от этого. Конечно, в нем много врожденного, но ему постоянно приходится помнить о том, что он сын великого человека, национальной гордости.

Тяжкий груз. Тяжкая миссия. Никого не смей послать подальше...

14.05.2006 г.

В «Central Asia Monitor» вышла статья Мурата А., написанная в 1976 году. Ее, оказывается, не опубликовали тогда.

15.09.2006 г.

...Великолепное впечатление вынес от презентации книги Махмуда аль-Кашкари в переводе Зифы-Алуы Ауэзовой. Очутился в среде дорогой моему сердцу публики. Все ығаи-сығаи. Умные, образованные, известные люди. Беседовал с Муратом А., Зифой, Ерболом (ему наговорил на диктофон), Болатом Казгуловым, его женой Меруерт Абусеитовой, Маратом, Канапьяновым, братьями-оружейниками Кульменовыми, Кодаром, Енисеевой, Шашковой, Сафаром Абдулло, Сейдахметом, сыном Ахтанова. О, разве всех упомнишь?! И кое-какие дела-делишки обмозговал.

Ну, а сама презентация получилась классной. Приятно было слушать умницу Зифу. Очень все толково, глубоко, возвышенно. Пир ума! Все выступавшие говорили дельно. Мурат хотел было предоставить и мне слово, но я отказался: к чему банальные речи перед специалистами? К чему демонстрировать свое невежество?

В хорошем настроении пришел домой.

21.10.2006 г.

Мурат прислал приглашение на конференцию, предупредив, что я обязательно должен быть.

13.12.2006 г.

...Ну, вот все и решилось. Подробностей не знаю, но вечером, после прогулки, от Мурата А. узнал, что Комиссия по госпремии отвалила мне всего 11 голосов (а я твердо рассчитывал минимум на 16). Значит, многие из самых верных и надежных запросто зачеркнули меня. Пакости я ожидал, но не в такой степени. «Вот вы и получили возможность еще раз убедиться в казахской ментальности. Вы же это лучше нас знаете. Не расстраивайтесь. Совершенно непонятная карусель, – утешал меня Мурат – Немыслимо понять. И объяснить невозможно».

По словам Мурата, 22 голоса набрали Ахметова и Смаил, 21 голос – Раушанов, 20 голосов – Саин; Бодеш (толковый, кстати, поэт) в первом туре набрал 11 голосов, а во втором, в итоге, – 7. Действительно, необъяснимо, по какой логике сработали голоса.

11 дауыс алғаныма да шүкіршілік. Неміске бұл да олжа. Е, мейлі... В казахские игры я больше не играю. Так мне и надо!

01.01.2007 г.

Поздравил Мурата А.: сегодня день его рождения.

09.01.2007 г.

Звонил Мурат. Он тоже гриппует. Собирается в Саудовскую Аравию. Третий день читает «Коран» в переводе Пороховщиковой. Поделились кое-какими суждениями и впечатлениями.

06.04.2007 г.

Мурата застал по телефону около 9 утра дома. Все объяснил, договорились к 12 часам, обещал прислать водителя. Я переписал статью к 10 часам. Получилось 5 страниц.

27.09.2007 г.

Провели презентацию нового перевода «Пути Абая». Торжественно и мощно. Театр был полон. Публика серьезная, праздничная. Всем дали пакет с двумя томами «Пути Абая» и кассетой Олжаса. Все под грифом Фонда Ауэзова, учрежденного Муратом, его детьми – Зифой-Алуой (она прибыла из Голландии, подошла ко мне, мило поговорили), Магжаном (из Казкоммерцбанка) и племянником Диаром. Много знакомых, доброжелательных людей. Выступили Мурат, Ан. Ким, я, еще один кореец. Зал принял всех хорошо. Еще дал интервью по двум каналам – по-русски и по-казахски. Стараниями Бахытжана К. оба тома изданы шикарно. Меня привезли и отвезли домой руководители Нацбиблиотеки. Ко мне все были внимательны. И я вернулся в хорошем настроении.

13.10.2007 г.

В Доме дружбы ПЕН-клуб проводил вечер памяти Мориса Симашко. С жутким давлением и сердцебиением я все же кое-как, с остановками дотащился. Блестяще выступили Нурпеисов, Бадиков. В ударе был Мурат А. Он был в приятно возбужденном состоянии («айттап жүрмін»), но говорил виртуозно, метко охарактеризовал творчество Симашко, выражался ладно-складно, вдохновенно, глубоко. Истинно ораторская речь, высокая импровизация. И я что-то сказал, преодолевая боль в сердце. Потом выступили Гирш, Елеукенов. Я до конца банкета так и не выдержал. Совсем стало худо. И меня проводили и усадили в машину Мурат, Бигельды, какая-то молодуха-поэтесса. И дома весь вечер пребывал под впечатлением речи Мурата. Жаль, что все эти блестящие импровизации не фиксируются, не записываются...

16.12.2007 г.

С Муратом говорили о моей статье по поводу нового перевода Кима, о празднике, о здоровье. Он попросил просмотреть перевод третьего и четвертого томов, выявить огрехи. Предупредил: с оплатой. Видно, кое-что внушил ему и Кул-Мухаммед. Долго и любезно поговорили с Муратом. Полное взаимопонимание. Приятно.

25.10.2008 г.

В «Свободе слова» умное интервью Мурата Ауэзова о «Қилы заман». Все он сказал верно и основательно.

16.20.2009 г.

...Звонок от Мурата Ауэзова. Он начал разговор по поводу моей объемной статьи «Энергия оригинала» в газете «Город», сказал несколько хвалебных слов, потом разговор перетек о переводе третьего и четвертого томов «Пути Абая», о желательности анализа уровня перевода. Я сказал, что, пожалуй, в апреле выберу время для сравнительного чтения. С Муратом беседовать приятно. Он все схватывает на лету и видит самую суть предмета, явления.

18.04.2009 г.

Целый месяц корпел над статьей «Энергия оригинала». Мелькнула мысль: вот перепишу и предложу Мурату идею – издать за счет Фонда Ауэзова две мои работы. Эссе-триптих о Мухтаре Омархановиче и две мои статьи о переводе Ан. Кима. Получится книжица в 5-6 печ. л. Может, клюнет? Небольшой тираж (скажем, 500 экз.), мягкая обложка. А?

07.05.2009 г.

...Обрадовал Мурат Ауэзов. Прочел в «Городе» всю мою статью (более 30-ти страниц). Поблагодарил, принял ее полностью в бюллетень Фонда. Сразу же согласился с моим предложением издать на средства Фонда книжку с двумя статьями «Энергия оригинала» и триптихом «Жизнь-эпопея» (4,5 п. л. у Канапьянова). Получилось, как я хотел. И еще он намекнул, что в октябре мне могут дать премию Фонда Ауэзова. Даже назвал внушительную сумму. Это было бы и вовсе здорово.

10.15.2009 г.

Позвонил Бахытжан К. по поводу моей рукописи «Жизнь-эпопея». Мурат дал ему заказ. Мне поручено прикинуть макет. Что я вчерне сразу

и сделал. Написал аннотацию, текстовку и прочее. Бахытжан издаст за месяц-полтора.

28.05.2009 г.

Мурат А. посчитал нужным предупредить меня, что в «Свободе слова» дали сегодня его материал, в котором допустили оплошность, перепутав «казахскую нацию» с «казахстанской». Казахстанская нация может быть в далеком будущем. Я про себя подумал: в далеком будущем будет скорее всего «хасане-сытань хуацяо»...

...Еще Мурат сообщил, что с Бахытжаном обсудил обложку моей книжки. Мне выдадут 200 экземпляров, а Фонд берет 300. Ну, тогда и нечего издавать 1000 экземпляров, а можно довольствоваться пятьюстами (коли все равно продавать не будут). Так и решили.

02.07.2009 г.

Вечером звонил Мурат А. Как всегда, мягко и деликатно сообщил, что книгу завтра завезут. Что он считает: Ким принципиально не прав, «көңілім суып қалды», «көңілге алмаңыз». Похвалил и мои «Чары Востока», и вообще мило поговорил. Мурат мне неизменно симпатичен. У него умная, нежная, облагороженная знанием душа. Ну а Кима, полагаю, в немалой степени настроил против меня Н. Если и не напрямик, прямой наводкой, то опосредованно, в его манере. Но с переводческим кредо Кима я принципиально не соглашусь. Бесспорно, он художник, стилист, мэтр, но по большому счету и не переводчик вовсе, а обработчик, вышивает узоры по чужой канве.

28.09.2009 г.

В 12.45 Мурат забрал меня в Фонд М. О. Ауэзова. Офис шикарный. Великолепно устроился Мурат со своей командой. В кабинете Мурата в присутствии работников Фонда, Каскабасова, Диара, Бахтиара, «31 канала» телевидения торжественно вручили мне диплом и приз в один миллион тенге. Потом перебрались в театральное кафе и мило отметили день рождения Мухтара Омархановича, заслушали сообщение Мурата, душевно пообщались за обильным дастарханом. Все было прелестно. Хорош коллектив Фонда. И родня Мурата впечатлила. Свежие, умные, молодые лица.

Все отмечены разнообразными талантами. Светлое впечатление произвела и жена (бывшая?) Мурата – доктор наук, химик Зауре. Обаятельная, тактичная женщина. Ко мне все были чутки и внимательны. И я давал интервью – на казахском и русском. Было приятно, хотя я и устал.

27.02.2010 г.

Позвонил Мурат. Мое интервью по ИА Regnum он прочел, и тут же ему позвонил некий Чингиз Кулжанов из Лондона (то ли предприниматель, то ли бизнесмен, ратующий за национальное искусство), изъявив готовность издать мою рукопись «Қазақ дәптері». Как быть? Бауржан Омаров тоже обещал издать. Договорились с Муратом: он даст мой телефон, и я поговорю с данным Кулжановым самолично.

29.09.2010 г.

Звонили из Фонда М. О. Ауэзова: завтра пришлют новую книгу Мурата.

30.09.2010 г.

Мурат прислал книгу «Мұхтар Әуезовтың тегі». Судить об этой книге не могу. Любопытно и познавательно – несомненно.

13.10.2010 г.

Побеседовали per Telefon с Муратом. Фонд Ауэзова выпустил две шикарные книги. Теперь Мурат намерен издать свои дневники, статьи, исследования. Будут, я понял, три тома. Очень рад за Мурата.

27.12.2010 г.

Мурат прислал только что увидевшие свет дневники. Приятно изданы. 18,5 п. л. Испытываю радость чтения.

30.12.2010 г.

Перед сном читал Мурата. Очень интересно.

01.01.2011 г.

Мурату сегодня исполнилось 68. Хороший возраст для философа. Но я до него не дозвонился.

08.01.2011 г.

После обеда дочитал книгу Мурата. Вероятно, страничек две-три о нем напишу (не о нем, а о его книге).

09.01.2011 г.

Без напряга, за 2,5 часа, накатал отзыв (4 стр.) на Дневник Мурата. Писал раскованно, с удовольствием. Завтра перепишу набело.

09.02.2011 г.

Через своего водителя Мурат прислал книгу погибшего в аварии Сакена Таужанова – «Недосказанное». Часа три я эту книгу почитал, полистал. Воспоминания о нем, соболезнования, предисловие, десяток статей. Он был крепкий политический журналист. Сетевой. Острый. А я и не знал. Вдумчивый. Резкий. Вообще должен сказать, что в Казахстане есть мощные журналисты: Куттыкадам, Бапи, А. Омарова, А. Азади, Ергалиева, Жумагулов, Дандыгулов, Тайжанов... Можно назвать десятка три, четыре. Казахские журналисты более действенны и колоритны, нежели писатели. Те большей частью попрошайки, трусливые, приспособленцы, торгаши, «вешалки для наград и титулов». А журналисты (не все, конечно) – молодцы. И среди женщин встречаются асы. А из писателей едва наберешь пять-шесть человек, имеющих гражданский вес и значение. Все больше аллилуйщиков-жандайшапов, пятко- и задолизов.

12.11.2011 г.

Мурат намерен прислать русскую версию родословного древа М. О. Ауэзова и еще пригласил на ас – 50 лет со дня кончины отца. Увы, я ныне нигде не показываюсь.

15.11.2011 г.

Мурат прислал книгу «Родословное древо Мухтара Ауэзова». Издано красиво. И труд серьезный. Мне не совсем по зубам, ибо в казахском шежіре я путаюсь безбожно. И лишние сведения по этой части в мою немецкую башку не лезут.

09.12.2011 г.

Вечером перед сном внимательно прочитал статью Мурата в «Central Asia Monitor» – «Аргументы культуры». Это, скорее, монолог-размышле-

ние. Умно и толково говорит Мурат о болевых моментах казахстанского мировидения и мироощущения. Он затрагивает изъяны Таможенного союза, рассуждает о том, что экономика и политика поставлены во главе угла, а культура, духовность, как всегда, остались на задворках. Одним словом, то, что я инстинктивно, по наитию довольно смутно чувствовал с самого начала в этом вопросе, Мурат выразил открыто и сформулировал точно. Он абсолютно прав, когда говорит: «И одновременно происходит процесс отрыва от Центрально-Азиатского региона». Я совершенно согласен с тем, что власть наша о культуре и духовности очень мало думает или совсем не думает. Таможенный союз, как он задуман нынешними политиками-умниками, напрочь отрывает, отлучает казахов от исторических реалий и исподволь порабощает их духовно. Мурату можно и нужно о том говорить откровенно, мне, представителю иного рода-племени, этого нельзя. Могут неправильно растолковать, превратно понять.

Вот еще несколько ключевых суждений Мурата:

– культура протестовала против доминанты метрополии;

– независимости нашей 20 лет, но, по существу, нет понимания того, ЧТО есть феномен независимости;

– историей сегодня по большей части занимаются люди, отмеченные знаком пожизненного невежества;

– у нас гораздо уютнее пребывать в периферийном состоянии;

– происходит сплошное имитаторство.

Вот примерно о чем размышляет Мурат А., и я эти его мысли полностью разделяю и посильно иногда расписываю в своих «Плетеньях чепухи».

Бесспорен и вывод Мурата: «Неприлично быть богатым, когда рядом с тобой столько бедствующих людей…»

Словом, Мурата надо читать и к нему стоит прислушиваться. А вообще лучше всего было бы, если бы он (или кто-либо другой) собрал все его статьи, интервью, размышления, реплики, дневники, исследования и издал бы, скажем, в пяти томах. Это был бы серьезный вклад в интеллектуальную ауру Казахстана. Надо бы чтобы эта идея реализовалась. Значение подобного многотомья трудно было бы переоценить.

Опубликовано в кн.: Г. Бельгер. Тамыр тамыров. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2012.

Абиш Кекилбаев

ВОЛНЫ ВРЕМЕНИ

ЗАМЕТКИ О ПРОЗЕ АБИША КЕКИЛБАЕВА

> Люди не должны видеть капельки пота на измученном челе мастера, его усталость, отчаяние, мучительно сдвинутые брови, достаточно того, что они видят творение его рук. Для мастера-творца нет большего счастья.
>
> *А. Кекилбаев*

I

Беседовать с ним – одно удовольствие. Рано располневший, грузный, не по возрасту степенный и неторопливый, даже какой-то торжественно-величавый, в живой беседе он по-юношески увлекается, раскрываясь во всей своей добродушной незаурядности, мгновенно располагает собеседника к себе, и мне он в такие минуты упорно мерещится тем смуглолицым, поджарым, курчавоголовым, обескураживающе искренним малым, каким я знавал его еще в те годы, когда он только что окончил университет. И тогда среди шумной ватаги молодых одаренных людей, как-то враз пришедших в казахскую литературу, он привлекал внимание основательностью суждений, пытливостью, начитанностью, сдержанными жестами и необыкновенно образной, по-восточному витиеватой речью. Сверстники его, пребывавшие в том блаженном возрасте, когда душа переполнена неуемной и неведомой радостью и жаждой самовыражения, были тогда более склонны мудрствовать вслух, нежели слушать, и все же, если начинал говорить этот смуглый, курчавый юноша, говорить по обыкновению рассудительно, со ссылкой на множество нам мало известных или вообще не известных имен и названий книг, невольно умолкали даже самые заядлые, горластые спорщики и новоявленные шешены-златоусты. Помнится, любопытство к нему вызывало еще и то, что он был с Мангышлака, с полуострова на Каспии, который в то время казался нам диковинной, недоступной даже воображению глухоманью, – из крохотного аула, затерявшегося на стыке туркменских песков.

Увлекаясь, юноша красочно рассказывал о земле, столь непохожей на те области Казахстана, откуда приехали мы, о жизни, быте, укладе та-

мошних жителей, о легендах и преданиях старины, о судьбе воинственных, дерзких предков-адайцев, о многоликой пустыне, и чудилось, что о родном крае он знает все. И хотя к тому времени он еще только готовил к печати первую книжку стихов и опубликовал одну-две статьи, все, кто знал его, чувствовали, что со временем он, несомненно, скажет свое слово в литературе.

...Немало лет прошло с тех пор. За эти годы, работая то в редакциях газет, то в аппарате Министерства культуры республики, то на киностудии «Казахфильм», то на партийной работе, Абиш Кекилбаев никогда не расставался с творчеством, проявил многогранность своего таланта, успев написать три романа, несколько сборников рассказов и повестей, книжку стихов, книгу критических статей, две книги очерков и при этом активно вмешиваясь в современный литературный процесс. А сколько сил и времени он уделил художественному переводу! В его переводе прозвучали по-казахски несколько глав «Войны и мира», ряд произведений И. Бунина, «Король Лир» и «Ромео и Джульетта» В. Шекспира, «Принцесса Турандот» К. Гоцци, «В ночь лунного затмения» М. Карима, «Дон Жуан, или Любовь к геометрии» М. Фриша, «Привидение» Г. Ибсена, «Сегодня праздник» А. Вальехо.

Это, разумеется, совсем немало, но все же перо Абиша я бы не назвал бойким, пишет он, как и говорит, основательно и неторопливо, точно сказитель ведет свой эпический сказ. И примечательно, что все написанное им не оставляло равнодушным ни читателей, ни критиков, а вызывало неизменный интерес, приковывая внимание к его творческим поискам, вызывая порой противоречивые толки. Примечателен и тот факт, что произведения его переведены на немецкий, венгерский, польский, чешский языки и на ряд языков народов СССР.

За десятилетия дружбы я, кажется, успел понять Абиша, узнать его довольно близко, к тому же большинство его произведений перевел – подстрочно или художественно – на русский язык, но я по-прежнему радуюсь каждой встрече с ним, люблю наши беседы, особенно – слушать его. Заговоришь о казахских народных ремеслах, и он, поблескивая глазами, прочтет тебе блистательную лекцию о древних мастерах-серебряниках, гончарах, седельниках, косторезах и сундучниках, медниках и литейщиках, будто сам всю жизнь просидел возле кузнечного горна или станка горшечника. Спросишь о каком-нибудь хане, чьи кости давным-давно истлели под неприметным бугорком в неоглядной казахской шири, и Абиш, по привычке проведя ладонью по своему широкому лицу, начинает с таким увлечением рассказывать об этом хане, его предках,

женах, детях, внуках и причудливых родовых и фамильных его связях, что поневоле почудится, будто сам рассказчик всю жизнь просидел в ханской ставке и только и делал, что изучал его, хана, генеалогическое древо. Коснешься невзначай проблем современного исторического романа, и Абиш, откинув все еще густые, вьющиеся волосы, обрушит на тебя такое количество названий и имен, поразит таким основательным знанием предмета, что испытываешь неловкость за свое верхоглядство и невежество.

Природа, бесспорно, оказалась к нему щедрой, наделив его особым даром – детской непосредственностью, искренностью и ранней мудростью. И еще он, по-моему, очень в ладу со Временем. Не с тем, что мелькает мимо, скоротечно, в суете бесследных забот, а с тем – неизмеримым, вечным, философским. И чудится мне, что еще в раннем детстве он, улизнув из маленькой кошомной лачуги, в которой жил с рано овдовевшей матерью-солдаткой, взобрался однажды на высокий холм, откуда далеко видать вокруг, и с тех пор с гребня того холма, добродушно усмехаясь, взирает на плоскогорье буден, на бушующие волны времени, на зыбкие, быстролетные тени былых деяний и людских судеб, многое понимая, постигая чутким, совестливым и добрым сердцем художника.

Впрочем, известно: всякое сравнение хромает...

Так называемый ученический, поисковый период у Абиша Кекилбаева длился совсем недолго. Своими первыми стихами, статьями и двумятремя запомнившимися рассказами он как бы заявил о своих потенциальных творческих возможностях, опубликовал одну за другой несколько небольших по объему повестей, которые позволяли говорить об их авторе как о писателе бесспорно одаренном, самобытном и вполне сложившемся. Лучшие прозаические произведения, вошедшие в сборники «Клочок тучи», «Степные баллады» и «Горсть земли», четко определили основной круг проблем его творческих интересов и замыслов и раскрыли его склонность к неторопливой сказовой манере, к философичности, к психологизму, к живописному жизнепознанию и буйной, красочной языковой стихии.

Нетрудно заметить, что начало творческого пути Кекилбаева совпало как раз с довольно бурным периодом пристального, даже, можно сказать, обостренного внимания многих казахских литераторов к прошлому своего народа, к своей почти неведомой истории. Именно там, в таинственных и притягательных глубинах своей истории, зачастую воспринимавшейся в романтико-героическом ореоле, многие черпали материал

вдохновение, в результате чего родился не один десяток повестей и романов, которые по жанровым признакам позволительно было назвать то «чисто» историческими, то историко-биографическими, то хроникой, а то и просто этнографической беллетристикой с упором на экзальтированную экзотику «незабвенной» старины.

По совершенно иному пути пошел прозаик Абиш Кекилбаев. В своих повестях «Баллада забытых лет», «Хатынгольская баллада», «Колодец», «Состязание», он, прибегая к искусной аранжировке древних преданий, сказов, притчей, воссоздает не только нравственный облик яркого и сурового прошлого, но и чутко затрагивает глобальные проблемы современности. В предисловии к его книге «Баллады степей» («Молодая гвардия», Москва, 1975) лауреат Государственной премии СССР Абдижамил Нурпеисов пишет: «Он не щеголяет в своих произведениях громкими историческими именами. Он далек от несерьезной тенденции приукрасить или, наоборот, принизить прошлое народа. Сочетание углубленно-психологического анализа с философским осмыслением социальных сторон человеческого бытия делает его повести особенно искренними и правдивыми».

Критики довольно точно определяют основные темы исторического цикла прозы Кекилбаева. Так, к примеру, Шуга Нурпеисова пишет: «Вопросы, волнующие писателя, непросты: власть, искусство и личность, оказывающаяся в поле их перекрестного воздействия. События, отошедшие в область предания, наполняются новой жизнью под пером Кекилбаева, они ждут своего разрешения и нашего с вами деятельного в них участия» («Дружба народов», 1983, № 9).

Критик Евгений Сидоров в статье «Эхо истории», посвященной творчеству Кекилбаева, на мой взгляд, очень верно охватил суть, генезис, наиболее характерную тональность и значимость его прозы в контексте «большой» литературы: «Плотная ткань этой прозы с ее музыкальной организацией, ритмическими повторами, торжественно-значительной поступью явственно несет на себе следы поэтического первородства автора, выросшего на уроках национальной стиховой стихии. Но это проза по всем признакам структуры и поэтики, ею движет прежде всего мысль, а не эмоциональное чувство. Ей присущ последовательный характер, противостоящий традициям восточного романтизма. Такая позиция заметно выделяет Абиша Кекилбаева среди многих авторов из Казахстана и Средней Азии, посвятивших свое творчество истории родного края».

Верно: достоинство и сила художественной палитры А. Кекилбаева в том, что он по-современному, историко-философски переосмысливает «сказанья старины глубокой», извлекает из древних легенд общечеловеческие гуманистические корни-формулы, по-новому, очень актуально высвечивая «осколок древней правды». В этом, несомненно, и заключается одно из своеобразий Кекилбаева как художника, и, конечно же, правы критики, когда отмечают и подчеркивают его умение затрагивать «существенные проблемы истории и современности» (Ч. Айтматов), подчиненность его повестей-баллад «сквозной большой социальной идее» (А. Нурпеисов), склонность к настойчивому размышлению «над сущностью человека и движущими мотивами его поступков» (А. Руденко-Десняк). В «Балладе забытых лет» автор повествует о том далеком времени, когда «казахи потеснили туркмен с верховьев Устюрта и низовьев Мангышлака... и загнали их на бесплодное, открытое солнцу и ветрам плато». Это повесть об изнурительной вражде и розни племен, о разгуле дикости и жестокости, о звериных нравах, когда смысл жизни для многих батыров и старейшин племен заключался в мести, в неукоснительном почитании волчьих законов во имя сохранения превратно понятых чести и достоинства священного духа предков. Автор находит сочные краски, колоритные, зримые детали для описания раздолья казахской степи и раскаленных зноем, с терпким запахом высохшей травы туркменских пустынь, но в этом огромном мире под чистым, вымытым утренним солнцем небом нестерпимо тесно двум враждующим издревле племенам. Здесь царят произвол и насилие, свирепые набеги, угон скота, умыкание девушек и разбой. Корни вражды настолько глубоки, что уже невозможно определить, кто творит большее зло, кто является жертвой. «У каждой стороны длиннейший перечень обид». На страницах баллады и в устах героев часто звучит слово «месть». Месть ослепила разум, очерствила сердца, опалила души. Даже на поминках мужчины не расстаются с кинжалами и саблями. Даже на сборищах не слышно песен, не звучат переборы домбры. Мрачная фигура туркменского хана Жонеута вызывает страх и оторопь как у его сподвижников, так и у его недругов. «Его мускулистые ноги уверенно попирают землю, жилистые руки скрещены на груди, ястребино зоркие глава пылают ненавистью. Мести жаждет душа, руки. Ради мести ноги готовы без устали шагать по пустыням. Месть привела его сегодня к холмику, затерявшемуся в полыни».

Под стать ему был его младший брат по прозвищу Лютый Волк, свирепый, матерый, по-звериному жестокий, вся жизнь которого состояла из

сплошных набегов. Не уступает ему в дерзости, бесстрашии и ярости казахский батыр Дюимкара. Злым вихрем налетает он на туркменские аулы.

В изнурительной вражде жили соседние племена извечно. «Сколько траченных молью папах пылится в юртах, напоминая о батырах, которым папахи уже ни к чему! Сколько брошенных в степи могил!»

Хан Жонеут глубоко убежден в своей правоте. Творя зло, он искренне печется о славе и могуществе своего народа, родной земли, заботится о нетленной памяти предков, считая себя ревнителем народной чести и справедливости. «Не им установлен этот закон степи, не ему отменять его». Он не в силах подняться над вековыми предрассудками, не может вырваться из плена бесчеловечных порядков и традиций. Он раб древних жестоких канонов, устоявшегося веками уклада нравственных отношений. Он горько переживает свою старость, то, что в некогда славном роду не осталось истинных батыров. Ему больно: старший сын, ловко владевший и кинжалом, и шашкой, рано сложил голову, а средний, драчун и забияка, на чужой стороне нашел свою могилу. Жонеуту непонятно, отчего его младший сын, Даулет, красавец и всеобщий любимец, заразился страстью к музыке и с пятнадцати лет не расставался с дутаром. Чтобы разбудить в пылкой душе Даулета ненависть к кровному врагу, Жонеут прибегает к последнему, крайне «сильному» средству – едет с ним поклониться далекой могиле святого пращура Темир-баба. И этот молчаливый укор и наставление отца становятся потом причиной гибели талантливого юноши, родившегося вовсе не для бранной славы.

На старости лет Жонеут смутно чувствует, что вся его жизнь, полная опасностей и невзгод, была в сущности бесплодна, что люди не могут и не должны, по-видимому, вечно жить ненавистью, местью, злобой и изнурительными распрями. Однако мысль его, отупевшая от жестокости и горя утрат, останавливается на пороге этого откровения. Об этом же настойчиво размышляет и пленник-казах, прославленный домбрист, понимающий, что «человек не зверь, должен же он в конце концов постичь, что является на свет ради мира, продолжения рода». Эту истину, открывшуюся ему, музыканту, давно он решает внушить Жонеуту, и впервые за многие-многие годы домбра заговорила на общем для обоих языке. «Новый кюй наливается крепостью. Звуки все бодрее, определеннее. Обида, боль и печаль отступают перед трезвым разумом. Мелодия взывает к размышлениям, как многомудрая речь, способная указать выход отчаявшимся».

Да, ненависть рождает только ненависть. Поняв это, Жонеут впервые познал душевное смятение, тревогу и сомнения, испытал страх одиноче-

ства, заброшенности. Исповедь домбриста, в которой звучали и боль, и горечь, и упрек, и осуждение, и гнев, и призыв, и сострадание, лишила отныне Жонеута покоя, а в иные минуты приходили трезвое раскаяние и даже жалость, да, да, простая человеческая жалость к несчастному, невинному, невзрачному музыканту, к судьбе которого оказался совершенно равнодушным его соплеменник – грабитель и насильник Дюимкара. Умирая в тяжком горе и сомнениях, Жонеут слышит не свист стрел и брящание сабель, а звуки дутара: его племянник, подросток Курбан, искусно воспроизводит тот самый кюй, который в час откровения играл ему пленный музыкант-казах...

Таковы идейный пафос и содержание «Баллады забытых лет», о которой много добрых слов сказано казахскими, русскими и зарубежными критиками.

«Только из горького опыта минувших лет можно исторгнуть свет для будущего» – эта короткая, но емкая фраза из «Баллады забытых лет» (в оригинале повесть называется «Кюй») является как бы стержневой мыслью, пронизывающей все исторические повести А. Кекилбаева. Это отмечают почти все критики, указывая также на то, что нравственные проблемы, поднимаемые в повестях казахского писателя, отнюдь не замыкаются в узконациональных рамках, а имеют общечеловеческий резонанс. Так, например, критик Л. Теракопян пишет: «Оставаясь верной духу историзма, воспроизводя страничку далекого прошлого, повесть Абиша Кекилбаева отвечает и на нынешнюю злобу дня. Она утверждает в человеке творческое начало, право на самостоятельное мышление»[1].

Об этом же говорит и известный критик из ГДР Герберт Кремпиен в послесловии к книге «Избранное» – сборнику повестей шести советских писателей, изданному дважды в издательстве «Фольк унд Вельт»: «Воспроизведенный эпизод из продолжавшейся столетиями вражды между адайцами и туркменами развеивает миф об отступлении истории у кочевых народов, который, кстати, навязывали и казахам, и доказывает, как на основе, казалось бы, локальных событий, имевших место в степях Средней Азии, можно построить гуманистическую притчу высокого общественного звучания. Хотя казахский писатель обращается к древней национальной истории, он тем не менее затрагивает актуальнейшие вопросы современности, имеющие значение, скажем, для народов Африки»[2].

---

[1] *Теракопян Л.* Разнообразие красок и решений // Литература и современность. М.: Художественная литература, 1970. С. 316.

[2] Erlesenes. Novellen / «Volk und Welt», Berlin, 1974, 419 S.

Одной из излюбленных тем А. Кекилбаева – теме неограниченного могущества и непомерной власти над людьми, власти разрушительной и губительной, противопоставившей себя добру, любви, миру, всему человечеству, незыблемому на земле, мотиву запоздалого прозрения и духовной нищеты, убожества тирана-себялюбца – посвящена другая, широко известная повесть писателя «Хатынгольская баллада». Она также построена на древней легенде о Чингисхане, ради эгоистической прихоти своей поголовно истребившем тангутов, но так и не сумевшем покорить белотелую тангутскую ханшу Гурбельжин, от рук которой он и умирает бесславной смертью. Автор сумел наполнить легенду большим философским смыслом о неистребимости гордого человеческого духа, о бессилии тех, кто возомнил себя всесильным, позволяет себе бездумно и жестоко распоряжаться судьбами народов, о неотвратимости справедливого возмездия, о неминуемой суровой каре, которая непременно постигает всех, кто творил зло, о том, что кровавых властителей покарает не бог, а руки людей.

Две другие повести – «Колодец» и «Состязание», вошедшие в сборник «Баллады степей», – по описываемым событиям и социальной проблематике ближе к нашему времени и, пожалуй, менее «историчны» в том значении, как это понятие соотносимо с «Балладой забытых лет» и «Хатынгольской балладой». И в этих повестях А. Кекилбаев верен своей манере философского и аналитического живописания, однако, на мой взгляд, автор здесь вовсе не задается целью создать свою концепцию какой-нибудь древней притчи или по-своему интерпретировать предание, он просто реалистически разрабатывал внешне не примечательный, но типичный случай, каких бывает много в казахской степи прошлого века, и на основе искусно построенной трагической коллизии поднимает существенные нравственно-этические проблемы, не потерявшие своего значения и поныне.

Это печальная история колодцекопателя Енсепа, талантливого одиночки, вырывшего за свою короткую и нелегкую жизнь немало полноводных колодцев в пустынном краю; история человека, относившегося к своему тяжкому и опасному труду, как к творчеству, приносящему творцу немало мук и душевных треволнений, а людям – радость. Редкий дар скромного труженика не мог быть оценен по достоинству в то несправедливое время, в которое он жил, и, вырыв свой лучший колодец, достигнув желанной цели, колодцекопатель погибает.

Писатель, верный своей неторопливой, сказовой манере, обстоятельно рисует тяжкий труд кудукчи, его вечный страх «перед неумоли-

мо обступающими его немыми стенами, перед маленькой щелью там, далеко вверху, через которую едва-едва брезжит свет, перед пронизывающей, хватающей за ноги, как рак клещами, сыростью». Сомнения терзают душу томящегося в одиночестве колодцекопателя, он нередко проклинает свое ремесло и не раз дает себе зарок: если только выберется из могильного подземелья, то больше никогда, никогда, никогда не подойдет к колодцу. Но неведомая ему властная сила снова и снова толкает его в чрево колодца. И властная сила эта – вовсе не одно лишь желание прославиться, или побороть удачливого соперника, или достигнуть богатства – в ничтожности всего этого бедняк Енсеп давно убедился. Его толкает на постоянные муки, на опасность и страх необоримый зов, проклятие своего родного ремесла. И в судьбе его, на мой взгляд, отразился гибельный жребий художника, творца, чья роковая предопределенность зачастую непонятна, недоступна простым смертным и кончается трагически. Даже посмертная слава творца нередко оказывается зыбкой, и сотворенный Енсепом колодец, который не мелел, не высыхал в самые засушливые годы и снабжал все окрестные аулы отменной пресной водой, потомки назвали опять-таки не «Енсеп-казган» – «Вырытый Енсепом», а «Енсеп-улген», то есть «Колодец, где погиб Енсеп».

Нота трагизма звучит и в повести «Состязание». Прекрасная девушка, дочь степного богача, в силу нелепого стечения обстоятельств, бесправия и старозаветных феодальных нравов и устоев вынуждена стать женой умалишенного. Примечательно, что в «Колодце» и «Состязании» заметно проявились те черты и грани дарования художника, которые впоследствии убедительно и ярко раскрылись в новых повестях и рассказах, посвященных нашей современности, а именно: строгая композиционная продуманность, внимание к бытовым деталям и этнографическим особенностям, углубленный психологизм, пристальный анализ поступков, изящная манера повествования, пронизанная легкой усмешкой, сатирическими нотками.

Следует отметить, что художественно-эстетические и социально-философские достоинства названных повестей получили дальнейшее развитие и воплощение в многосложном повествовании – романе «Конец легенды». Своеобразный цикл исторических баллад А. Кекилбаева обрел, как мне кажется, художественную завершенность именно этим романом. И, бесспорно, повести вкупе с романом образуют существенный перевал на творческом пути художника.

И здесь – в романе «Конец легенды» – автор вновь обращается к тому спокойному, многомерному повествованию, когда сюжет, внешняя канва события отступают как бы на второй план, уступая место всестороннему рас-

крытию многосложной человеческой души, психологизму, анализу побуждений и характеров, внутренним драматическим коллизиям, накалу подспудных страстей, внешне сдержанных, неброских, буйству изобразительных средств и сложных, а порой и усложненных словосцеплений.

Исторический, реальный факт и художественный вымысел, фольклорная основа и реалистическое повествование, пронизанное современным мироощущением, причудливо и занимательно сплелись в этом произведении, выразив наиболее полно и ярко художественно-философскую концепцию автора, своеобразно интерпретирующего легенды и предания народа. Любопытно, что Чингиз Айтматов, рассуждая о том, какой путь литературного освоения фольклора наиболее продуктивен и перспективен, отдает предпочтение художественному использованию мифологии – мифологических структур и в качестве примера называет «книгу талантливого казахского прозаика Абиша Кекилбаева, где автору с помощью мифологических систем и структур удалось затронуть существенные проблемы истории и современности. Эта книга – на очень высоком уровне мышления – есть сплав мифов, легенд и современности, сплав опыта исторического и наших дней, и, на мой взгляд, все эти компоненты (плюс, конечно, талант прозаика) сделали произведение не только насыщенным содержательно, но и художественно значительным»[3].

Все сказанное здесь о повестях Абиша Кекилбаева в полной мере относится и к его роману «Конец легенды».

...Немного о самом романе.

Критик Зигрид Клейнмихель (ГДР) совершенно верно подметила, что сюжетную основу исторических произведений А. Кекилбаева составляют легенды и притчи «с относительно простым действием, которое можно передать всего несколькими словами»[4]. Казалось бы, содержание романа «Конец легенды» также составляет поэтическое предание, которое самаркандские гиды и поныне рассказывают туристам, любующимся реставрируемой мечетью Биби-ханум – любимой жены Тамерлана.

...Отправился великий властелин в далекий поход. Тоскуя по супругу, юная Биби решила построить к его возвращению дивный голубой минарет. И когда осталось лишь достроить купол, молодой зодчий, к тому времени пылко полюбивший прелестную ханшу, заявил ей, что минарет не будет закончен, если она не одарит его, зодчего, поцелуем. Ханша возмутилась и предложила дерзкому мастеру свою самую красивую служанку. Но зодчий

[3] «Вопросы литературы». 1976. № 8.

[4] «Sonntag», 12, 1978, 10 S.

был непреклонен. Между тем властелин уже возвращался из похода. Он вот-вот должен был вступить в столицу. И тогда юная ханша уступила просьбе зодчего. Поцелуй был такой долгий и страстный, что на губах ее остался след. Властелин был восхищен невиданным минаретом. Но след на губах жены заронил в его душе подозрение. И ханша призналась. Повелитель приказал казнить зодчего...

У этой легенды немало вариаций, но суть ее примерно такова, и именно по ней построена сюжетная линия романа А. Кекилбаева. Но писатель не просто воспроизводит по-своему древнее предание, не только расцвечивает его своим художественным видением, а наполняет его глубоким философским смыслом, показывает и раскрывает его подспудное социальное содержание, создает огромный многогранный и многопластовый мир со сложным сплетением человеческих судеб, страстей и волнений, с неизменно актуальными нравственными проблемами.

Центральный образ романа – Великий повелитель – во многом перекликается с Жонеутом из «Баллады забытых лет» и Чингисханом из «Хатынгольской баллады», однако в нем более ярко, объемно и глубоко выражены человеконенавистническая философия тирании и губительная сила непомерной власти. Слава, как достояние величия и вечности, и всемогущество были Повелителем достигнуты не сразу. Все пришлось ему изведать, бывшему малоизвестному предводителю войск эмира: и лишения, и гонения, и унижения от спесивой знати, и тоску, и боль, и муки уязвленного самолюбия. Но он наделен был от природы могучим духом, талантом, неуемным тщеславием и целеустремленностью. Он хотел обессмертить свое имя и очень рано сделал для себя вывод, что в этом непостоянном, лживом и жестоком мире только власть и сила могут обеспечить бессмертие. «Подлинное имя силы – Вечность, – рассуждает он. – Только необузданная сила, мощь в состоянии находить с нею общий язык. Гибель слабого предопределена уже Сегодня; кару для посредственности, для середняка готовит Завтра; и только сильный, не признающий никого и ничего, бессмертен, как сама Вечность». Такова в общем-то несложная философия, таков идеал Повелителя, которому он подчиняет всю свою незаурядную личность.

Он, хорошо изучивший низменные страстишки и слабости подневольного люда, с нескрываемым презрением относится к народу, считая его презренной чернью, которую – по его убеждению – следует держать постоянно «между страхом и надеждой», ибо только тогда она в руках властелина представляет собою реальную силу. Опытный в искусстве

управления, искушенный в дипломатии, не чурающийся откровенно циничных приемов ради достижения своей эгоистической цели, он становится всемогущим деспотом, жестоким, коварным, умным и дальновидным. Некогда гонимый, он становится гонителем. Некогда побежденный, он превращается в «победителя». Некогда пленник, он вознесся до всесильного тирана.

И, возомнив себя земным владыкой, он всю свою жизнь старался, чтобы каждый его поход, каждый поступок, даже каждое изреченное им слово прогремели, как легенды, ласкающие слух его приближенных, устрашающие недругов, внушающие трепет восторга или страха. Своей неограниченной властью над народами и странами, силой и талантом, умом и искусством покорных ему многочисленных безмолвствующих, безропотных рабов он хотел безраздельно завоевать не только весь земной шар, но и грядущие века. Он очень надеялся, что и минарет непостижимой красоты – голубая башня, гордо и величественно устремившаяся к поднебесью, которую построила в его отсутствие младшая ханша в честь очередного победного похода всесильного супруга, будет служить увековечению и без того безмерной славы «самого великого властелина всех времен».

Да, он преуспел в управлении народами; он испытывал радость и гордость, глядя на поверженные троны и короны; он искусно способствовал созданию множества легенд о своем могуществе, о своей исключительности и даже о своей справедливости и доброте. Он верил в магическую силу и нетленность легенд, которые должны были пронести славу «златоголового владыки» через века.

Однако история загадочного минарета стала легендой, перечеркнувшей все ранее бытовавшие и беспощадно обнажившей всю подноготную «легендарной» жизни, сопряженной с неслыханными трагедиями сотен тысяч безвинных жертв во имя головокружительного восхождения одного властолюбца. Мнительному властелину, наделенному злой волей и проницательным умом, относящемуся ко всему и ко всем с недоверием и подозрением, последовательно докопавшемуся до мельчайших подробностей строительства нового минарета, не удалось все же установить подлинную достоверность молвы об измене своей юной супруги, но зато он окончательно убедился в пустоте и никчемности прожитой им жизни.

Запоздалое прозрение осенило его. Он пришел к нему через тяжкие сомнения, через мучительные размышления. Для этого ему необходимо было сделать над собой страшное усилие, вырваться хотя бы ненадол-

го из автоматизма мышления и поступков. Сомнения привели его к откровению, к каким-то простым человеческим истинам, которые раньше казались ему смешными и ничтожными. Парадоксальным оказалось то, что, познав в молодости лишения и рабство и всей душой возненавидев зависимость и унижение, он потом сам, став всемогущим властелином, творил только зло. «На гордые головы он неизменно обрушивал гнев и ярость; на тех, кто униженно припадал к его ногам, смотрел с брезгливой жалостью».

И столь устрашающее всемогущество, несмотря на всю кажущуюся незаурядность, на самом деле оказалось проявлением самого банального человеческого порока – подлости. Злодейство, чем глобальнее по размеру, тем явственнее раскрывает духовное ничтожество своего творца. Эта беспощадность прозрения, разоблачившего его бездуховность, не только стала финалом его физической жизни, но и во всей своей ясности обнажила бессмысленность и призрачность неимоверных усилий этого существа, не знавшего истинного человеческого счастья и тщетно радевшего о бессмертии.

Автор вовсе не рисует однозначного злодея резкими плакатными мазками, не осуждает его прямолинейно, а постепенно, последовательно, как бы изнутри разоблачает, развенчивает философию зла и насилия, философию власти, подавляющей и унижающей человеческое достоинство, личность. Ведь, будучи всесильным, всемогущим, Повелитель, с другой стороны, сам раб, раб обстоятельств, раб слепой, бесчеловечной, жестокой догмы. Да, он всем принес несчастье. Но и сам оказался жертвой своего же могущества, своей же неограниченной власти. Когда-то ему казалось, что в покоренном им мире все живут с невидимой петлей на шее и барахтаются в силках его власти, и только он, сам Повелитель, свободен от всех тенет. Однако к концу жизни он убедился, что невидимая петля, захлестнувшая горло других, незаметно спутала и его руки-ноги. И теперь он изведал самое страшное несчастье – одиночество. Он вынужден сознаться в том, что у ослепленного по его воле молодого зодчего и у младшей ханши, чья молодость и краса вянут в ханских покоях, все же более завидная участь, чем у него. Ведь у них есть хотя бы возможность поведать кому-нибудь о своем несчастье, а Повелитель лишен и этой возможности.

В сущности, всесильный властелин бессилен. Он, творивший зло, сам стал орудием зла. Он знал, что юная ханша невинна. Он не мог возбудить в себе ненависть к молодому зодчему. Но не мог он и решиться на простой человеческий поступок, на благородный жест, ибо в таком слу-

чае разрушил бы легенду о всесильном, всемогущем властелине, легенду, которую он поневоле создавал всю свою жизнь, став таким образом из творца зла жертвой зла.

Больше всего на свете боялся властелин тысячеустой молвы, боялся обнаружить свою немощь, свою несостоятельность. Уже одряхлевший, беспомощный, разуверившийся во всем, он затевает безумный, не угодный ни богу, ни людям поход, страшную, кровавую бойню. «Тем, кто останется в живых, – рассуждает он, – будет уже не до сплетен, не до праздной молвы о Повелителе, его молодой ханше и дерзком зодчем». Он, как маньяк, ревностно оберегает легенду о величии Великого повелителя, но сам же ее разрушает своими человеконенавистническими деяниями и философией зла. Страшное сознание преступно прожитой жизни – вот что унес с собой в могилу герой романа «Конец легенды», человек, поставивший свей незаурядный талант, ум, энергию, всю свою полную хлопот и тревог жизнь на службу эгоистическим устремлениям, тщеславию и честолюбию, все свои порывы подчинивший доказательству своего превосходства над другими, себе подобными.

Бесславный и диалектически закономерный конец тирана, конец легенды. И автор убедительно показывает и раскрывает философскую, социальную и нравственную закономерность его крушения.

Многоликие картины древней жизни предстают перед глазами читателя романа. Бескрайняя пустыня, в зыбучих песках которой бесследно исчезают великие человеческие деяния; шумные и пестрые восточные базары; пышность и великолепие сказочных ханских дворцов, мечетей и городов, как память неиссякаемого и бессмертного народного творчества; подлость придворных интриг и благородные движения человеческой души; сцены любви и ревности, всепоглощающей страсти, смятения и отчаяния, сострадания и бессмысленной жестокости, повальное истребление невинных людей и картины повседневного мирного быта у домашнего очага, глубокие, то проникновенно-затаенные, то обнаженные до цинизма рассуждения героев о славе, могуществе, судьбе, назначении человека на земле и многое, многое другое оживает на страницах романа, вызывая у читателя ответные чувства и мысли.

«Конец легенды» предназначен не для любителей легкого чтива. Как и в своих исторических балладах, автор прибегает к неторопливому, обстоятельному повествованию, шаг за шагом пристально прослеживая движение души, раскрывая внутренний динамизм мышления. Необходимо проникнуться этой манерой степенного сказа, вникнуть в течение мыслей и

многозначные рассуждения. Пожалуй, это та самая книга, которая, говоря словами Пушкина, «читается с расстановкою, с отдохновением – оставляет вам способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете места, вами пропущенные без внимания...»

Не только манера письма, углубленный психологизм, осознание истории и проникновение в историю, драматический накал и социальная насыщенность делают «Конец легенды» произведением современным. Созвучие нынешнему дню ощущается в самой постановке автором вопроса о нравственной цене человеческого счастья, беспокойство об искренности и истинности убеждений, неприятие успокоенности, автоматизма, безмятежности существования, неуемная жажда выявления лучших возможностей человеческой натуры.

В упомянутом предисловии к книге «Баллады степей» Абдижамил Нурпеисов писал: «Абиш, по существу, успешно преодолел первый перевал. На мой взгляд, он, довольно сложившийся, возмужавший писатель, должен теперь идти ко второму, главному перевалу своего художественного творчества».

Видно, в творческом пути каждого истинного писателя рано или поздно наступает очевидный момент, определенная межа, когда уже нельзя развиваться в испытанном, надежном направлении, поскольку это неумолимо приводит к перепеву самого себя, к автовариациям, к благополучному сочинительству на основе в общем-то уже использованных, отработанных материалов и приемов. Должно быть, А. Кекилбаев и сам это почувствовал. После трехлетнего перерыва, в первом номере журнала «Жулдыз» за 1977 год, он опубликовал четыре рассказа, которые в определенной мере оказались неожиданными и открыли новую грань его дарования и творческих поисков.

В них чувствуется несколько иной Кекилбаев, не тот, к которому читатель привык по его историческим балладам. И дело, пожалуй, не просто в том, что он из заманчивой глубины веков вдруг как-то сразу обратился к нашей современности, к весьма злободневным нравственным проблемам нашей действительности, расширил, раздвинул горизонт своих творческих интересов, но и в иной тональности повествования, в крутом переходе от спокойно-величавой, несколько возвышенной отстраненной сказовости к более упругому, динамичному письму, к нервной насыщенности фраз, в сатирических, а порой и саркастических тонах, в скрытом, умном юморе, в обилии диалогов, которых он еще недавно в романе «Конец легенды» так упорно избегал, в более богатой палитре красок

в разнообразной гамме чувств и оттенков, применяемых автором, – от мягкого лиризма, безобидной насмешливости до язвительности, суровости трагизма и беспощадного обличения.

Затейливые нюансы этих мотивов своеобразно зазвучали в рассказах Абиша, которые вместе с четырьмя повестями составили интересную и, на мой взгляд, явно недооцененную казахской критикой книгу под названием «Құсканаты» («Жазушы», 1978). Поэтическое казахское это слово означает последний снег весны, тот самый влажный, пушистый, легкокрылый снег, после которого наступает обновление в природе и очищение в человеческой душе. В рассказах, вошедших в этот сборник, заметны следы поисков, художественного эксперимента. Каждый рассказ написан в ином ключе, в иной тональности, с применением разнообразных художественно-изобразительных средств и прослеживает новые для творчества писателя общественно-социальные объекты и психологические типы. Маленький рассказ «Вот это чудо!» полон сарказма, в нем откровенно звучат фельетонные нотки. Это, скорее, едкая, язвительная зарисовка, в которой высмеиваются повадки и образ мышления современных самодовольных чинуш, обеспокоенных лишь благополучием своего ничтожного мирка. Длинный рассказ «Конечная остановка», наоборот, навеян элегическими раздумьями способного инженера, но робкого, тихого человека, изменившего однажды своей мечте, проявившего постыдную нерешительность и теперь постоянно терзающегося душевной неприкаянностью. Сложные судьбы взрослых из затерявшегося в степи чабанского стойбища в тяжкий послевоенный год психологически достоверно и щемяще-взволнованно показаны глазами любознательного аульного мальчугана в рассказе «Встречный-поперечный», отмеченном искренностью и грустью. В рассказе «Соломинка удачи» в реалистически сдержанной манере, но с внутренним драматизмом поведана жизнь незаурядного человека, решительного, дерзкого, непримиримого, неуемного, однако подбитого войной и новыми веяниями жизни, к которым он не смог приспособиться.

Разумеется, это лишь внешние приметы рассказов, верхний пласт их неоднозначного содержания. Они приоткрыли новые грани Кекилбаевского таланта и стали как бы своеобразной прелюдией к последовавшим за ними четырем повестям: «Автомобиль», «Купы джиды», «Дом на окраине», «Мартовский снег».

Думаю, не случайно эпиграфом к одной из повестей Абиша послужили известные слова И. Бунина: «Не все ли равно, про кого говорить?

Заслуживает этого каждый из живых на земле». Действительно, герои его нового цикла повестей – люди, о которых принято говорить: простые, неприметные, невыдающиеся, ничем не примечательные. Они не вершат судьбы людей, не выражают глубоких, глобальных истин и идей, не выделяются каким-либо необыкновенным даром, неодолимой страстью или незаурядной судьбой, как большинство героев предыдущего цикла исторических баллад Кекилбаева.

Но и старый молчун и труженик Тлеу, проживший в степи нелегкую, но честную, благородную жизнь («Купы джиды»), и сирота Жакан, одним из первых овладевший неведомой потомкам степняков профессией и проложивший в бескрайних просторах пустыни, где вольно паслись косяки куланов, немало новых дорог («Автомобиль»), и красивая женщина, не принявшая в жизни ни одного самостоятельного решения, покорно плывшая по течению и поплатившаяся за свою пассивность и инертность бесплодным одиночеством («Дом на окраине»), и мудрая старуха, оказавшаяся в переломный момент своей жизни в новой, городской, среде, перед непростыми нравственными испытаниями («Мартовский снег»), характеризуют собой разные стороны, разные пласты нашей современной жизни и художественно достоверно раскрывают психологические, социальные и этнические, моральные сдвиги и перемены в духовном развитии. Кажется, автор незатейливо повествует о жизни своих героев, и в жизни их, очень земной, размеренной, переданной живописно, со множеством вещных подробностей, ничего в сущности особенного не происходит, однако внешне монотонное, однообразное бытование их сопряжено с серьезными размышлениями о своем назначении на земле. Мотив прозрения, откровения и трудного постижения истины снова явственно звучит на страницах этих повестей.

Стариком Тлеу руководит обостренное чувство ответственности, долга перед родной землей, сознание того, что жизнь на земле вечна, неистребима, что цепочка рода никогда не должна оборваться, что грешно просто так, бездумно прожить жизнь, ибо человек рождается на свет не для удовлетворения одних своих личных мелких прихотей и страстишек; что нравственный багаж, прекрасные традиции, обычаи, накопленные и сбереженные многими поколениями, имеют свою извечную ценность и высокий человеческий смысл лишь в том случае, если на земле торжествуют мир и благоденствие. Старик понимает, что «и нет, не может быть высшего мужества и геройства, чем неизменная и постоянная честность перед жизнью – самым главным и ценным наследием предков, завещан-

ным грядущим потомкам. А потому, выходит, мы нередко совершенно напрасно сетуем на судьбу, называя нашу повседневную, внешне ничем не примечательную, неброскую, но честную и благородную жизнь серыми, безрадостными буднями, или – того хуже – мелочной, бессмысленной суетой. Разве высший смысл и краса жизни в том, чтобы каждый пришедший в этот мир недолгим гостем прежде всего заботился о себе и о своих потомках, которых он оставляет после себя у своего очага, под кровлей своего дома, на прекрасной земле, называемой прекрасным словом «Родина», и при этом не зарился на чужое добро и благо, довольствуясь только тем, что добыто своим честным, праведным трудом?»

Не задалась жизнь у героини повести «Дом на окраине». Она принимала жизнь такой, какая она есть, безропотно, бесстрастно, безучастно, жила как бы в скорлупе, пустой, эфемерной жизнью, неизменно оставаясь в плену обстоятельств. Красивая, обеспеченная, до поры до времени молодая и беззаботная, она всецело полагалась на слепую судьбу и слишком поздно осознала, что жизнь прошла бесплодно, бесследно. Она оказалась виноватой перед памятью мужа, перед единственным сыном, перед родственниками, перед любовниками. И только перед своей собакой у нее не было вины. Но и верная собака ее покидает. В сущности, эта женщина никому не причиняла зла, но беда ее в том, что и добра никому не сделала. Оказалось, лишь творящий добро достоин полноценной жизни. Творить добро – значит быть активным в жизни, а не сетовать на свою участь, на свою судьбу. Понять это – не всегда и не всем дано. Зухра прожила свою жизнь в сосновом доме на окраине города, за деревянным забором. По сути, вся ее жизнь оказалась на отшибе, бесполезной, никому не нужной.

Иная судьба выпала на долю старухи из повести «Мартовский снег». Ее жизнь безоблачной не назовешь. Ей, выросшей в далеком пустынном ауле, среди барханов и дюн, пришлось изведать немалые тяготы жизни, непосильный труд, лишения, пережить гибель мужа, одинокую вдовью долю, но она не жаловалась на судьбу, не впадала в отчаяние, а с житейской мудростью и стойкостью, веками выработанными в сознании женщин степей, относилась ко всем испытаниям. Она прежде всего мать и всем своим чутким материнским сердцем понимает свой главный долг перед собой, перед погибшим мужем, перед поредевшим родом: она обязана вырастить и воспитать своего единственного сына достойным человеком. И даже теперь, когда он вырос, возмужал, обзавелся семьей, стал зрелым, видным мужчиной, она неизменно рядом с ним, старает-

ся понять его жизнь, его интересы, манеру поведения, друзей, молодую жену, весь незнакомый уклад городской жизни. Случается, не все ей по душе, непросто перебороть привычные, устойчивые представления, однако она не назойлива, не капризна, не сварлива, а опять-таки по-женски, по-матерински мудра, терпелива и чутка, благородна.

Аулу посвящено большинство произведений казахской прозы. И чаще всего об ауле говорится восторженно, любовно, с глубокой благодарностью и с неизбывной тоской, как о некоем романтическом зеленом причале, где царят первозданная благодать, покой и бережно сохраняются нравственные устои. В противовес аулу город и теперь еще зачастую изображается едва ли не исчадием зла и всевозможных пороков. В повести Абиша такое противопоставление отсутствует. Старухе в длинном, до пят, черном платье и белом высоком тюрбане все в городе в новинку. Ей кажется поначалу странным, что одним лишь движением маленького крана в доме появляется вода, что на расстоянии шеста находится базар, где бойкие торговцы в тюбетейках настойчиво уговаривают: «бери-бери», а на расстоянии взмаха камчи – магазины, где смазливые девчонки наперебой предлагают: «пожалуйста-пожалуйста». Обо всем этом автор повествует с юмором, убедительно подчеркивая трезвый ум, насмешливую наблюдательность старухи. Писатель поставил аульную казашку-мать в новые, городские условия и психологически проследил ее путь развития, как бы выверяя вековые нравственные устои на прочность и жизнестойкость в новой среде, и доказал, что подлинная человечность, доброта, любовь – непреходящи.

В своих повестях, как и многие казахские прозаики его поколения, А. Кекилбаев придает большое значение обстоятельному и любовному описанию прекрасных старинных обрядов и традиций, сложных ритуалов, обычаев: он исключительно внимателен к забытым почти ныне этнографическим деталям кочевой жизни, но при этом не поддается соблазнам самодовлеющего экзотизма, а старается раскрыть их социальный смысл, философский аспект, душу народа изнутри.

II

Зимой 1981 года приезжал в Алма-Ату журналист из ГДР Фолькгард Бодэ. Был он недолго, однако успел встретиться и побеседовать со многими литераторами и проявил при этом солидную осведомленность по части казахской литературы. Встретился он, естественно, и с Абишем Ке-

килбаевым и взял у него интервью для Берлинского радио. Среди вопросов, заданных Ф. Бодэ, был и такой: «В чем вы видите причины огромного интереса – как писателей, так и читателей Казахстана – к историческому материалу?» На этот вполне закономерный вопрос Абиш ответил так: «Причина в том, что наше развитие на современном этапе позволяет глубже вникать в историческое прошлое моего народа и осмыслить его во всех его параметрах и динамике. Еще в конце прошлого столетия наш народ находился на отшибе мирового развития. Теперь же он принимает в нем непосредственное участие. Однако народ наш не мог в полную меру открыть свою историю ни для себя, ни перед мировой общественностью. И подобную задачу невозможно решить за один день или за один год. Это является программой многих лет, и для ее осуществления потребуются усилия многих людей, в том числе и художников, и писателей».

Это интервью было потом опубликовано в газете «Зонтаг» (№ 45, 1981).

Действительно, исторический роман в казахской литературе обрел в последние десятилетия огромную популярность. При этом романисты проявили особый интерес к тем болевым точкам народной судьбы, к тем поворотным пунктам своей истории, которые сыграли решающую роль в формировании национального самосознания. В лучших произведениях на историческую тему чувствуется стремление не только репродуцировать правду далекого прошлого, воспроизводить живой облик того времени, а осмыслить деяния минувших дней в общей цепи развития человеческой культуры, увидеть истоки и перспективы долгого, мучительного, подчас трагического пути к подлинной свободе – свободе человеческого достоинства.

Одна из таких поистине неисчерпаемых тем в многотрудной истории казахов – события двухсотпятидесятилетней давности, когда казахская степь, доведенная до отчаяния истребительными разбойничьими походами чужеземцев, приняла прогрессивное решение о добровольном присоединении к России. Это был дальновидный, смелый и закономерный акт, ставший поворотной вехой в истории кочевого народа. Путь к присоединению был тернист и долог, и сам этот процесс происходил негладко, но тяготение к сближению народов ощущалось давно, еще задолго до исторического октября 1731 года, когда тридцать казахских старшин подписали акт о добровольном присоединении Младшего жуза к России, и предпосылки этой дружбы складывались подспудно, постепенно и неумолимо в сознании простого люда. И имелись на то, как мы знаем, веские социально-политические и экономические причины.

Факты и события, предшествовавшие тому историческому акту, запечатлены в многочисленных документах. Известны реальные люди, проявившие себя по-разному в то смутное и тревожное время. На эту тему написано немало художественных произведений: «Гонец» А. Алимжанова, «Отчаяние» И. Есенберлина, «Клятва» Т. Ахтанова, «Петербургский посол» А. Сергеева, «Посольство бия Койбагара» Ю. Плашевского, отражающие разные этапы и моменты истории присоединения Казахстана к России, сии хорошо известны русскому читателю; но романы А. Кекилбаева, С. Сматаева, М. Магауина, пьеса Х. Бекхожина, тематически перекликающиеся с ними, ждут своего переводчика на русский язык.

В конце 1981 года в издательстве «Жазушы» вышла на казахском языке первая книга романа Абиша Кекилбаева «Плеяды – созвездие надежд» – плод долгих раздумий и напряженной работы. На изучение, освоение и осмысление безбрежного исторического материала автор потратил восемь лет. Нетрудно представить, какую гору литературы он перевернул, если одни извлечения составляют кипу общих тетрадей, исписанных мелким, убористым почерком. Пользовался автор и совершенно уникальными источниками. Об одном расскажу подробнее.

Однажды Абиш принес мне фотокопию одной рукописи, хранящейся в библиотеке Риги. Это оказалось своеобразным путевым дневником, точнее, отчетом о путешествии в казахскую степь английского путешественника Джона Кестли, который в 1736 году проделал огромный путь из Оренбурга до ханской ставки Абулхаира и обстоятельно, живо и зорко описал все, что видел, с кем встречался, о чем думал, что случалось в его долгом и увлекательном, а иногда и опасном путешествии. Свой отчет англичанин написал по-немецки, с правилами орфографии двухсотпятидесятилетней давности, с заметным искажением многочисленных казахских имен, названий местностей и казахских слов. Много часов просидел я над фотокопией с лупой в руках, пробиваясь сквозь мелкий готический шрифт, как через джунгли, и потом кое-что пересказал давнему другу писателю. Путешественник испытал немало трудностей, в том числе и языковых: сам-то он не владел ни русским, ни казахским. Было у него два переводчика – один немец-подмастерье по имени Дитрих Юстус, 14 лет, из Оренбурга и татарин-слуга по имени Кулбай, при этом первый переводил немецкую речь Джона Кестли на русский язык, а второй – с русского на казахский. Понятно, такое многоступенчатое общение представляло немало неудобств для обеих сторон. И тем не менее увидел предприимчивый путешественник удивительно много, описал ландшафт, типы людей, убранство юрт, манеры

поведения, обычаи, разговоры, пиршества, одежды, озера, реки, словом, густо снастил свою книгу живыми и сочными реалиями того времени. Он же. Джон Кестли, нарисовал углем портреты хана Абулхаира и сына его, султана Ералы, описал словесно хана, его жену и окружение, назвал поименно много людей, сыгравших определенную роль в устанавливающихся контактах между Россией и казахской степью. Думаю, что для романиста подобные живые свидетельства очевидцев описываемых событий имеют немаловажное значение. Я говорю об этом с той целью, чтобы дать читателю представление, с каким интересом, настойчивостью и основательностью, с какой подготовкой приступил Абиш Кекилбаев к работе над своим широкоохватным романом. Кроме изучения исторических трудов и редких архивных материалов (Ленинград, Киев, Алма-Ата), автор объездил все те места, где происходили крупные события, о которых идет речь в романе. Абиш не раз говорил мне о том, что намерен написать «чисто» исторический роман, подразумевая под этим не былую свою привязанность к философским интерпретациям древних легенд и мифов, что так ярко отразилось в широко известных его «Степных балладах» и «Конце легенды», а желание строго придерживаться фактов и временной последовательности в описании исторических событий, привлечь большое число исторических реальных лиц в их подлинном обличье. «Чистый» исторический роман в понимании Абиша, надо полагать, тот жанр литературы, который наиболее блестяще проявился в широко известных произведениях типа «Дмитрий Донской» и «Звезды над Самаркандом» С. Бородина, «Петр Первый» А. Толстого, «Разин Степан» А. Чапыгина, «Ратоборцы» А. Югова, «Иван III» В. Язвицкого, «Бремя власти» Д. Балашова и др.

Из этих целей и задач и вытекала скрупулезная дотошность и внимательность Кекилбаева к историческому документу, щепетильная честность и правдивость в воссоздании образа драматической эпохи. Автор видел: в произведениях на эту тему, написанных до него, много внимания уделено русско-казахским отношениям, а вот сам процесс присоединения раскрыт недостаточно. С другой стороны, именно знаменательная дата – 250-летие присоединения Казахстана к России – актуализировала большую тему, в которой поразительно четко отражен острый и непримиримый характер современной идеологической борьбы. Ныне, когда кое-кто упорно ставит под сомнение закономерность присоединения Казахстана к России, необходимо со всей исторической и художественной правдивостью выявить корни диалектического акта, решительно способствовавшего этнической консолидации разрозненных племен. И еще нужно было на основе бес-

спорных исторических документов вновь и вновь подчеркнуть очевидную истину, которую буржуазные историки склонны извращать и которая состоит в том, что инициатором присоединения была казахская сторона, и идея эта вынашивалась долго, еще в XVI веке ханы понимали ее необходимость во имя спасения своего народа от джунгарского и цинского экспансионизма. И автор «Плеяды – созвездие надежд» последовательно и аргументированно развеивает миф о случайности этого исторического акта.

Роман А. Кекилбаева объемен, насыщен историческими сведениями и раздумьями о прошлом. Иногда кажется, что роман явно перегружен исторической информацией. Достоинство ли это или недостаток? Кому как... Я понимаю: велико историографическое, познавательное и просветительное значение «Плеяд». С. П. Бородин по этому поводу говорил: «Я пишу трилогию с тем, чтобы историки обращались к ней не только как к художественному произведению, а как к документальному источнику». Тем же принципом, полагаю, руководствовался и Кекилбаев в своем фундаментальном повествовании. К тому же он стремился осмыслить ту эпоху социально и классово, во всех общественных проявлениях и разнообразии. Мне известно, что иные читатели с немалым трудом одолевают частые исторические экскурсы, безнадежно путаясь в лабиринтах фактов и описаний родословных. Иные места романа, действительно, напоминают монотонное шествие каравана по пустыне. Лично мне читать это было интересно, ибо многое из истории Степи, о чем я имел все еще приблизительное представление, открылось четко и ясно. Нередкие эти отступления в историю изложены хорошим, живым языком, и все же ощущение такое, что они выбиваются из контекста художественной прозы. И хотя весь этот огромный информативный материал дается в значительной степени через раздумья хана Абулхаира, прием этот не всегда срабатывает, так как читатель-то отлично чувствует и понимает, что рассказывает обо всем этом «вооруженный до зубов» писатель нашего времени Абиш Кекилбаев. К тому же событийная сторона романа в смысле временной протяженности невелика: мы в начале романа встречаемся с ханом Абулхаиром, отправившим посольство русской царице и погруженным в тяжелые, полные смятения и сомнения думы, а заканчивается первая книга «Плеяд» отъездом русского посла Тевкелева с ханским сыном Ералы, отданным в заложники, назад, в Россию. Иначе говоря, внешняя событийная сторона повествования охватывает небольшой отрезок времени между 1730 и 1732 годами.

Читая роман Кекилбаева, постепенно проникаешься авторской «сверхзадачей». Огромные и разнообразные сведения ему нужны были

для того, чтобы лучше разглядеть все в сумраке истории, верно расставить акценты и – по мере возможности – избегнуть тенет примитивизации, избегнуть конструирования известного материала по расхожим, достаточно привычным рецептам. Чувствуется, что для Кекилбаева важно было не просто рассказать, что и как было, он руководствовался стремлением сформировать у читателя (прежде всего казахского) четкий историко-философский взгляд на свое прошлое, создать своеобразную эстетику историзма, философию историзма. Художественно-стилевые средства, разнообразные формы подачи исторического материала, композиция романа, отправные точки обзора, задача художественного осмысления, «преобразования» документа и т. д., и т. п. – все это подчинено подчеркнутой ранее основополагающей идее. И вот эту «сверхзадачу» А. Кекилбаев, на мой взгляд, постиг, написав именно историко-философский, историко-исследовательский роман с научной, объективной, фундаментально аргументированной, убедительной концепцией. Обращаясь к узловому моменту национальной истории, Кекилбаев отвечает на вопросы: что было, как было, почему было именно так, с какой целью это делалось и почему это не могло быть иначе, какие подспудные субъективные причины и течения привели народ к известной объективной закономерности. В этом романе писатель, пожалуй, менее изображает, менее живописует, а более анализирует. Он и читателя поневоле вовлекает, если можно так выразиться, в историзм мышления. Описывая конкретные поступки конкретных людей, он стремится показать и разъяснить предшествовавшие им мотивы. Вот это настойчивое, скрупулезное исследование мотивов поступка и делает Кекилбаева-историографа современным писателем. В «Плеядах» он стремится переплавить историю в литературу. Стремится к гармонии исторической правды и художественного вымысла.

Автору удалось вылепить немало запоминающихся образов казахских ханов, биев, батыров, народных заступников, степных мудрецов, но среди них особенно возвышается колоритная, противоречивая, сложная фигура хана Абулхаира. Беспокойный, ищущий дух Абулхаира, его пытливый и зоркий ум, желание разобраться в сложных, фантастически переплетенных проблемах, найти себя, свое место, свою историческую роль во времени, его гражданский порыв, сознание долга и ответственности, а также эгоистический расчет, хитрость, маета и тревога незаурядного человека, оказавшегося на гребне народной судьбы, – все это волнует, заряжает, увлекает читателя. Размышления о прошлом и настоящем Степи, об излучистой судьбе и тернистом пути казахов к желанной воле,

о необходимости найти, наконец, выход из исторического тупика даются в романе через хана Абулхаира. И в его мучительных и напряженно-обстоятельных раздумьях слышится иногда перекличка с Властелином из предыдущего романа Кекилбаева «Конец легенды».

Смутные, лихие времена настали, думает Абулхаир, надо быть не безумно храбрым, как тигр, не злым и жестоким, как матерый волк, а хитрым и ловким, как лиса. Веками мечутся по необъятной степи казахи с востока на запад и с запада на восток, с юга на север и с севера на юг. И всю жизнь казахи мечтали о мире, и всю жизнь отбивались от бесчисленных врагов: на раздолье степей издревле зарились и покушались слишком многие. А ведь случались и мирные времена, хотя бы в годы правления мудрого хана Тауке. И Абулхаир помнит ту благодатную пору, когда представители всех трех жузов собирались на холме Мар-тюбе неподалеку от города Сайрам на очередные советы, где проявлялись во всем, бывало, блеске богатство, красноречие, решительность, смелость, щедрость и достоинство казахов. Почему кочевники лишились того единства? Ведь о нем, о единстве, «казахи долдонят везде и всюду едва ли не с сотворения мира», к нему призывают все – и мудрецы, и ханы, и бии, и батыры, и разбойники, и бродяги, и черный люд. А единства нет, потому что никто ничего конкретного ради него не делает. И Абулхаиру становится ясно: к единству ведет не слово, а дело. Однако благие намерения все еще утопают в бесчисленных речах и вековых обидах. Узколобые степные воротилы видят свободу в собственной спеси, это они придумали поговорку: «Лучше свой теленок, чем общий бык». Честолюбивый, жаждущий власти Абулхаир понимает: надо найти общий язык с предводителями родов, ублажать батыров, находить сильных покровителей, пускать в ход расчет, сметливость, хитрость, лесть, иначе достичь желанной цели невозможно.

В степи царит полный разброд – это Абулхаир видит повседневно. Одни безумцы из числа своих же соплеменников предлагают вообще покинуть степь и скрыться где-нибудь за горами. Другие видят выход в грабеже и разбое, в набегах на малочисленные и слабые племена башкир и джунгар. Третьи предлагают пойти в рабство к хунтайчи, тогда, мол, джунгары сразу успокоятся, а в будущем схлестнутся с китайцами и вовсе им будет не до казахов. Абулхаиру понятны беспочвенность и наивность подобных планов. Он убежден, что спасение только в единстве казахских племен, только единство рождает чувство народности. Где нет единства – расцветает ненависть. А где ненависть – там немыслимо говорить о прогрессе.

Абулхаир – зрелый, искушенный политик. Ему известно, что в отношении к России существует среди казахов три точки зрения. Консервативная часть, например, решительно восстает вообще против каких-либо отношений с русскими; вторая часть готова вступить в контакты на строгих паритетных началах; есть и такие, что согласны принять полную зависимость от русских. Политика царской администрации тоже не представляет секрета для Абулхаира. Ему, царизму, невыгодно, чтобы казахи, китайцы и джунгары жили в мире, ему спокойней, когда эти народы находятся в постоянной ссоре, в постоянном состоянии войны. В сплетении этих великодержавных интересов важно найти главную нить, способствующую укреплению в будущем национальной мощи и достоинства народов. К этому и стремится Абулхаир, в этом – вековая мечта Степи.

Многие проблемы, волнующие хана Абулхаира, не дают покоя и многоопытному русскому послу Тевкелеву. Он по пути к ханской ставке размышляет: на чем могут быть основаны дружба, связь, тесные контакты между казахами и русскими. Ведь с первого взгляда нет вроде никаких точек соприкосновения. Одни – христиане, другие – мусульмане. Одни – оседлые, другие – кочевники. Одни – европейцы, другие – азиаты. Одних много, других – мало. Одних знает издревле вся Европа, о других – даже в Азии мало кто имеет представление. И приходит к выводу: близость двух народов может быть только на основе единства цели.

Через думы того же Тевкелева подробно излагается в романе вся история взаимосвязей двух народов, начиная с 1554 года, когда Иван IV отправил к ногайским племенам своего посла Даниила Губина. И шаг за шагом, этап за этапом прослеживает автор длинную цепь исторических событий, приведших в конце концов к закономерному исходу – присоединению Казахстана к России.

Много – повторяю – в романе исторических экскурсов, автор то и дело воссоздает все ответвления пышного генеалогического древа знатных родов, прослеживая сложные родственные связи и отношения тех или иных исторических лиц (например, объясняет, что хан Тауке – потомок Чингисхана в шестнадцатом поколении), подробно описывает, сколько у кого было сыновей, жен, называя их по имени и разъясняя читателю, кто откуда есть и пошел. Это, конечно, любопытно, познавательно, но и нередко утомительно. Читателю иногда приходится приложить немало усилий, чтобы не упускать из виду стержневую мысль объемистого романа. А она выражена в эпиграфе к роману – строчка из государственного гимна Казахской ССР: «Мы, казахи, издревле стремились к свободе». И, присоединившись 250 лет тому назад к России, Казахстан нашел тот

единственно верный путь к желанной свободе, к единству, к силе и мощи, к расцвету национального достоинства. Это был тяжкий, тернистый путь. Долгий-долгий путь надежды, добра и дружбы.

Путь этот глубоко и всесторонне осмыслен в капитальном художественном полотне Абиша Кекилбаева «Плеяды – созвездие надежд».

III

«Легендеэрцэйлер» – рассказчик легенд – такой приподнято-романтический облик, овеянный несколько загадочно-экзотическим флером, сложился об Абише Кекилбаеве в ГДР.

Там его знают и любят. И знание это серьезное и прочное, а любовь – верная и взаимная.

Вспоминается большая фотография в журнале «Фрайе Вельт» (№ 24, 1982): залитая солнцем широкая площадь, аккуратно выложенная камнями, на заднем плане современное многоэтажное здание, перед ним пышный, в стиле барокко фонтан, а по площади широко шагает, щедро улыбаясь, Абиш. Видно, ему хорошо, радостно в стране друзей. Под фотографией читаем: «Рассказчик легенд Абиш Кекилбаев в Берлине, 1982».

Журнал «Фрайе Вельт» и его читатели испытывают давнюю привязанность к казахскому прозаику. Еще в 1977 году двое корреспондентов приехали в Алма-Ату, ближе познакомились с жизнью Абиша и посвятили ему несколько страниц популярного иллюстрированного журнала. Обстоятельный, теплый очерк Гельмута Земке украсили семь дивных фотографий писателя и его семьи. Групповой семейный портрет Кекилбаевых на обложке журнала был потом воспроизведен в ежегодном литературном календаре ГДР. И под этой весьма колоритной фотографией стоит подпись: «Степные баллады рассказывает казахский писатель Абиш Кекилбаев, в доме которого побывала «Фрайе Вельт» в гостях».

Не стану перечислять здесь подобные очевидные свидетельства непреходящего внимания к творчеству и личности Кекилбаева в ГДР, подчеркну только, что все они говорят о неизменной симпатии и любви к прозаику и об устойчивом восприятии его немецким читателем главным образом как исторического писателя, как рассказчика и интерпретатора древних легенд.

Почти все пишущие в ГДР о Кекилбаеве отмечают его личное, человеческое обаяние. Клаус Шнайдер в книге «Алма-Ата. Казахская весна» (Лейпциг, 1978), например, восторженно описывает выступление Абиша в Театре оперы и балета имени Абая на чествовании композитора Нурги-

сы Тлендиева: «Теперь говорит Кекилбаев! И как он говорит!» И, поведав немецкому читателю о реакции зала, укатывающегося от смеха, Клаус Шнайдер заключает: «Как я рад, что, наконец, увидел тебя, Кекилбаев! А произведения твои мне давно знакомы». (Кстати, и в этой книге имеется прелестная фотография, запечатлевшая Абиша и его мать в высоком белом жаулыке.) Гельмут Земке, встретивший Абиша в Берлине через пять лет, отмечает: «Он стал более внушительным, более спокойным, невозмутимым; удовлетворение от спора мыслей, на мой взгляд, стало заметней».

Туристы из ГДР, посещая Дом дружбы в Алма-Ате, первым делом неизменно спрашивают о Кекилбаеве.

Понятно, что суть писательского обаяния – его творчество. Творчество, которое легло на сердце читателя, затронуло его душу. «Казахский писатель Абиш Кекилбаев умеет завораживать картинами, в которых чудится нам нечто сказочное, экзотическое», – пишет известный критик Ирмтрауд Гучке.

Верно: баллады казахского прозаика навеяны магией древних легенд. Магией, которую следует постичь.

И все же: чем объяснить столь широкую популярность Кекилбаева в ГДР?

Еще в 1972 году в берлинском издательстве «Фольк унд Вельт» в сборнике повестей шести советских писателей – «Эрлезенес» («Избранное») – вышла в переводе Тани Цорн повесть Кекилбаева «Баллада забытых лет», сразу же привлекшая внимание критиков и читателей. В 1975 году в том же издательстве в аналогичной серии вышла «Хатынгольская баллада» в переводе Ильзе Чёртнер. В 1979 году в сборник казахской прозы, изданный в Берлине, вошла повесть Кекилбаева «Колодец». В 1981 году в хорошем полиграфическом исполнении вышел в ГДР роман «Минарет, или Конец легенды» (перевод Кристиане Лихтенфельд), через год – сборник повестей под названием «Степной колодец», а в 1983 году – двухтомник, охватывающий весь исторический цикл Кекилбаева – роман и четыре повести. Отрывки из этих произведений печатались также в разные годы в разных журналах и газетах ГДР. Помню: я едва успел вчерне закончить перевод романа «Конец легенды» с казахского на русский, как «Фольк унд Вельт» уже включило его в перспективный план. А переводить роман на немецкий язык начали прямо по верстке русского издания. Потом, прочитав немецкий перевод, знакомые из ГДР нетерпеливо спрашивали в письмах: «Чем порадует нас Кекилбаев в будущем? О чем его новый роман «Плеяды»?»

О творчестве Абиша Кекилбаева писали в ГДР Леонард Кошут, Герберт Кремпиен, Клаус Шнайдер, Ральф Шрёдер, Зигфрид Клейнмихель, Леонора Вайст, Гельмут Земке, Фолькград Бодэ и другие.

Я не веду подробного учета публикаций ГДРовской печати о Кекилбаеве, но то, что оказалось в поле моего читательского зрения, позволяет судить о причине устойчивого интереса к его творчеству. Надо отметить, что – во-первых – Восток всегда привлекал немецкого читателя и ни кто иной как Гёте подчеркивал одинаковую божественность Запада и Востока и говорил, что отныне они неразрывны («Orient und Okzident sind nicht mehr zu trennen»); во-вторых, в послевоенное время в ГДР резко возросло внимание к многонациональной советской литературе, в том числе к казахской (достаточно вспомнить переводы на немецкий язык Джамбула, М. Ауэзова, А. Нурпеисова, Т. Ахтанова, О. Сулейменова, Д. Досжанова, С. Муратбекова, А. Алимжанова, О. Бокеева и других); и – в-третьих – немецкого читателя, очевидно, особенно привлекает зрелый современный уровень кекилбаевской прозы, ее философичность, неоднозначность, актуальность.

Мнения зарубежных коллег о творчестве известного у нас писателя, бесспорно, вызывают отнюдь не праздное любопытство; с другой стороны, как это нередко бывает, именно из уст иноязычных друзей мы порой узнаем о таких гранях, нюансах и фактах творческой биографии художника, которым по причине слишком тесного и постоянного общения с ним и из-за нелюбопытства, нелюбознательности зачастую вообще не придаем значения.

Критик Герберт Кремпиен, отмечая, что казахская литература приобретает в последнее время интернациональное значение, особенно подчеркивает актуальность, злободневность «Баллады забытых лет» – «гуманистической притчи высокого общественного звучания». Он пишет: «Разумеется, для народов Советской Средней Азии все это далекое прошлое, все это забыто, изжито, преодолено. Тем важнее само воспоминание об этом тяжком, богатом жертвами пути к социалистическому братству народов, к тому братству, которое однажды охватит весь земной шар».

Критики ГДР глубоко проникают в суть творческих исканий Кекилбаева, стараются нащупать философский ключ его баллад, отталкиваясь от емкой фразы, обыгрываемой самим автором: «Только из горького опыта минувших лет можно исторгнуть свет для будущего». Леонард Кошут в статье «Занимательно и познавательно», опубликованной в «Берлинер Цайтунг» (№ 263, 1981), отмечает, что Абиш Кекилбаев, подобно Айт-

матову, наполняет древние мифы современной идеей и предлагает свою собственную концепцию; «модифицирует легенды и воссоздает на их основе картину мира большой обобщающей силы». Верно подмечает Л. Кошут и основную художественную манеру казахского прозаика: «Композиция романа «Конец легенды» зиждется на психологическом раскрытии художественных фигур, в передаче ориенталистского образа мышления». В выступлении по радио ГДР (текст выступления автор любезно прислал мне) Л. Кошут посчитал необходимым обратить внимание слушателей на то, что «в «Балладе забытых лет» впервые встретился читателю «манкурт», жестоким образом лишенный памяти, который играет в последнем романе Айтматова многослойную стержневую роль».

О творчестве Кекилбаева часто и проникновенно пишет известный литературовед ГДР, знаток литератур Средней Азии и Казахстана, скрупулезная исследовательница Зигрид Клейнмихель. Замечу, кстати, что она дважды побывала в Алма-Ате, завела большой круг знакомств с казахскими коллегами, всерьез занимается казахским языком, живо интересуется «ранним» М. Ауэзовым и недавно в сборнике «Erbe und Erben» (Берлин, Веймар, 1982) опубликовала серьезное, глубоко аргументированное исследование о драме «Друг Бедел» М. Ауэзова. В статье «Нельзя отлучать камень от земли» («Зонтаг», 1978) она отмечает, что Кекилбаев строит свои произведения на относительно несложном сюжете, который можно пересказать несколькими словами, но для казахского прозаика существенно, как что-то случается, какие социальные силы наряду с тесно, но противоречиво связанными с ними индивидуальными психологическими предпосылками чему-то способствуют. Чтобы это объяснить, говорит далее Клейнмихель, Кекилбаев не разрушает легенды, а своеобразно их интерпретирует. Она называет исторические повести Кекилбаева «драматической прозой в стиле баллад». По ее мнению, их автор требует от читателя смотреть на реальность немного иначе, чем он смотрел до сих пор.

Немецкое издание романа «Конец легенды» завершает большое послесловие З. Клейнмихель, в котором критик анализирует весь исторический цикл Кекилбаева, ищет корни его легенд – сказов, проводит любопытные параллели с древней и современной литературой (Низами, Джансугуров, Тажибаев), выявляет основные мотивы его творчества: мотив состязания (борения), мотив тирании, непомерной власти, ее разрушительной, губительной силы («У тирана нет будущего») и мотив творчества, живительной, созидательной мощи искусства («Гончар и строитель»). То, что казахский писатель в своих произведениях посто-

янно обращается к роли и значению искусства в человеческом обществе всех времен, подчеркивают и Клейнмихель, и Кремпиен. Первая даже назвала свое послесловие к роману Кекилбаева «О силе воздействия искусства» и считает, что «Конец легенды» можно читать как выступление в дискуссии о литературе. А Кремпиен, имея в виду «Балладу забытых лет», пишет: «Искусство в состоянии разбить, растопить корку душевной черствости даже у тех, кто всеми силами противостоит ему, оно разрушает, отвергает старые догмы, потрясает в полном смысле слова. Оно рождает движение, которое уже невозможно остановить».

З. Клейнмихель констатирует, что роман «Конец легенды» неоднозначен, как не может быть однозначным истинное художественное произведение. Конец легенд необозрим, каждое новое исследование есть начало новых легенд.

В обстоятельной статье, написанной группой литературоведов и опубликованной в «Веймарских исследованиях» (№ 4, 1981), раскрываются концепции личности, индивидуальности в произведениях советских писателей 70-х годов. Авторы статьи («Наследие и будни») привлекли огромный материал – литературу многих наших национальных республик. Одну из особенностей творческих стремлений Кекилбаева немецкие критики видят в усилии схватить и отобразить сегодняшний день или современное событие в их мимолетном, скоропреходящем движении, в их характерном состоянии, в стремлении объяснить многозначность события, исходя из социального и исторического опыта.

Очерк Гельмута Земке в «Фрайе Вельт» (№ 36, 1977), помимо множества верных наблюдений и суждений о творчестве казахского писателя, изобилует интересными сведениями о его жизни. Многое из того, что поведал немецкий журналист своим читателям, – сведения о родном крае писателя, его детстве, первых впечатлениях, пути к творчеству, личном окружении, сплетении прошлого и настоящего в судьбе народа, – неизвестно не только русскому или казахскому читателю, но – полагаю – и близким друзьям Абиша. В дни Октябрьских торжеств 1983 года Кекилбаев опубликовал статью в «Казахстанской правде», в которой мое внимание привлекли следующие воспоминания автора: «Помню душераздирающий крик игравших детей, первыми заметивших налетевший внезапно и кружившийся над поселком темно-серый самолет с каким-то, не похожим на нашу красную звезду, замысловатым знаком на крыльях. Это был налет фашистских самолетов, которые тогда совершали рейды и на восточное побережье Каспия, подвергали бомбардировке мирные аулы и поселки, и одна из бомб упала на маленький кирпичный завод в двух километрах от времянки-полуземлянки, где мы тогда жили».

Об этом нетипичном, исключительном для аульных мальчишек, сверстников Абиша, случае я узнал впервые из доверительного очерка Гельмута Земке, как, впрочем, и о многом другом из жизни казахского прозаика, которого близко знаю уже два десятка лет. Встретившись с Абишем в Берлине, Земке опубликовал о нем еще один задушевный, теплый очерк, снабдив его двумя большими фотографиями.

Немало достойного внимания о творчестве Кекилбаева читатель найдет в интервью с ним Фолькгарда Бодэ («Зонтаг»), Кристины Линкс («Дер Бюхеркарен»), Ирмтрауд Гучке («Нойес Дойчланд»), Клауса Вильке («Лаусицэр Рундшау»). В одном из этих интервью, объясняя, почему его, как писателя, властно привлекает историческая тема, Кекилбаев заметил: «Вполне возможно, что немецкие читатели воспринимают меня как писателя, занимающегося исключительно исторической проблематикой. Но это не совсем так. Я пишу и на темы современности».

К сожалению, немецкому читателю неизвестны повести и рассказы Кекилбаева, написанные о современной действительности и составляющие объемистую книгу. Незнаком с ними пока и русский читатель.

Из названных интервью с Кекилбаевым гражданский и писательский облик его вырисовывается более масштабно, колоритно и интимней, чем это мы представляем здесь, у себя, в Алма-Ате. В них он искренне делится своими думами об истории своего народа, о литературе, о своих творческих планах, о своем миропонимании. Так, в беседе с И. Гучке он отметил, что его родители выросли еще в феодально-патриархальной обстановке, и сам он в раннем детстве, живя на отдаленном полуострове Мангышлак, успел увидеть многое из того традиционного жизненного уклада, что он сам является свидетелем грандиозных исторических процессов, и что все это способствует ему в осмыслении прошлого и настоящего. На вопрос Кристины Линкс, ориентируется ли он главным образом на литературные традиции азиатского региона или ему ближе какой-нибудь иной культурный пласт в общем мировоззрении, Кекилбаев ответил, что он, разумеется, не может стоять вне национальных традиций, но как художника его более интересуют западноевропейские искусство и литература, а из азиатских литератур ему более близка японская, в то время как арабская, индийская, а также, скажем, латиноамериканская вызывают лишь его читательское любопытство. Из западноевропейских же писателей ему наиболее близок Герман Гессе.

В самом деле, любопытное признание...

В конце октября и начале ноября 1982 года по приглашению Министерства культуры ГДР и в связи с традиционными Днями советской кни-

ги Кекилбаев гостил у своих давних немецких друзей. Встреча оказалась радостной и полезной. Абиш побывал в Берлине, Веймаре, Зуле, Котбусе, Зоннеберге, Майнингене, давал многочисленные интервью, встретился с читателями в магазине интернациональной книги имени Женни Маркс, выступал в Домах германо-советской дружбы, на празднике советской книги, перед активистами Культурбунда, завел много новых и добрых знакомств. Вернулся он из поездки веселый, восторженный. Говорил: «Будто в родном ауле побывал. Будто родных и близких проведал».

Охотно ему верю. Приятно сознавать, что твое творчество находит столь теплый отзвук в сердцах зарубежного читателя и что писательский труд твой служит высокой миссии взаимопонимания, взаимопостижения, единения и дружбы народов и культур.

Проза Абиша Кекилбаева помогает нам, читателям, серьезно и вдумчиво смотреть на жизнь, взывает к размышлению, к глубоким обобщениям, приковывает наше внимание к неразрывной, диалектической связи времен – прошлого и настоящего. Она наполнена философским содержанием, зиждется на прочной и богатой традиции сочной устной и письменной казахской речи.

И по-прежнему мне чудится, что с вершины того холма, куда взобрался Абиш еще в раннем детстве, он явственно видит, как волны Времени, смывая великие и малые судьбы, неустанно творят новое и нетленное, и в этом вечном кипении и борении страстей в океане жизни неизменным остается благородное стремление к Добру, к Истине, к Человеку. Живое, непосредственное ощущение крутых волн Времени зримо присутствует в прозе Абиша Кекилбаева, и в этом видится мне суть мироощущения его как гражданина и художника.

1978–1983

Опубликовано в кн.: Г. Бельгер. Мотивы трех струн. Алма-Ата: «Жазушы», 1986.

ОН БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПИСАТЕЛЬ, И ШИРЕ, ЧЕМ ПОЛИТИК

В последние годы мы встречаемся и общаемся все реже. И вращаемся в разных сферах. Он, маститый художник и видный государственный чиновник, обитает на олимпе власти. Я, пролетарий пера, все больше тяготею к ропщущим низам. Да и живем мы с некоторых пор в разных городах: он – в стольном граде, я – в провинции, все более обретающей облик покинутой жены. Но нить духовного братства и дружбы, благодарной па-

мяти и родства судеб, скрепленная взаимными творческими интересами, слава Аллаху, не ослабела, не оборвалась…

А встретились мы впервые осенью 1963 года на квартире Абдижамила Нурпеисова, которого молодая литературная поросль уже тогда почтительно называла «шал» – «старик». Чернявый, худощавый, кудрявый, живоглазый юноша с неведомого мне тогда диковинного полуострова Мангышлак обаял меня сразу же. В скромном кабинете Абе мы пробеседовали с вечера до утра. «Умный парень», – записал я тогда в дневнике. Будучи старше на пять лет, я тем не менее явственно ощутил его интеллектуальное, духовное превосходство.

К своим шестидесяти годам Абиш успел написать немало: романы, повести, рассказы, очерки, публицистические и критические статьи, исследования, драмы, переводы, стихи, либретто. Все вместе составит, полагаю, томов двенадцать-пятнадцать. Это добротные художественные творения, отмеченные талантом и высоким философским накалом. Об этом свидетельствует и тот факт, что большинство его произведений переведены на многие языки мира, включены в авторитетные антологии, вошли в оборот научной и художественной мысли, приковали внимание многих издательств и критиков. Особенно популярен он был в бывшей ГДР, где неоднократно издавались наиболее значимые его книги и где особенно активно писали о нем критики. И при этом он умудрялся всегда служить государству, занимая ответственные посты и уделяя этой работе – зачастую невидимой, рутинной, изнуряющей и далеко не всегда благодарной – уйму времени, сил, здоровья, страсти. То, что ему удалось сочетать творчество с высокой службой, достойно изумления и восхищения.

Но сколько осталось неосуществленных творческих замыслов – страшно подумать! Об этом знают лишь он да кое-кто из близких друзей. Разумеется, каждый сам распоряжается своим божьим даром. Однако жертва, принесенная им во имя государственной службы, слишком огромна и, может, неоправданна, несопоставима с неродившимися гипотетическими творениями. Государство поступило опрометчиво, неразумно, использовав его редчайший талант не по назначению. Декоративные регалии, ирреальная, показушная жизнь власти, если и не губительны, то во всяком случае абсолютно бесплодны, обременительны, ничтожны для истинного художника. Конечно, он не просто протирал штаны в высоких креслах: давал в полном смысле ценные указания, формулировал некоторые истины, создавал политически-интеллектуальный фон. И не знаю, кто бы смог сделать лучше, чем он.

Абиш Кекилбай – фигура заметная, колоритная, быть может, даже знаковая в когорте шестидесятников на казахстанском небосклоне. История, которой он верно, по-рыцарски служит, в благодарность отвела ему почетное место на литературном и политическом торе. В формировании национального самосознания соотечественников, в подготовке духовной ауры независимости в сложный переходный период он, несомненно, сыграл видную роль. В казахстанском общественном сознании он больше, чем писатель, и шире, чем политик. Я не очень уверен, применимо ли к нему древнее слово «дееписатель» в его первоначальном, библейском значении. Как мне чудится, и это определение снижает духовное реноме Абиша, ибо одна из граней этого понятия – высокопоставленный чиновник, советник царя, – а это, уверен, явно ограничивает, сужает суть его субстанции. Всей своей внутренней сутью, мощным интеллектом вкупе с примечательным, сановным внешним обликом, дородной статью, крупной головой, шишковатым лбом, цепким, внимательный взглядом – он гармонично вписывается в свою почтенную веху жизни, называемую казахами «ата жасы», возрастом зрелого мужа.

Вполне понятно, что в эти дни в желающих «пролить пузырек хвалебного елея», если воспользоваться выражением Л. Леонова, недостатка не будет. И на правах давнего сотоварища-друга я также позволю порассуждать о нем вольно, не впадая, поелику возможно, в «юбилейный» панегирик.

Итак, что означает в моем понимании явление по имени Абиш Кекилбай? Попробую определить это хотя бы пунктирно. Его постигли ранняя мудрость и проницательность, чему способствовали его истоки. А истоки эти своеобразны и даже уникальны. Я имею в виду его отчий край, диковинный, полный чудес Мангышлак с его Устюртом, с каньонами и меловыми горами, пещерами и склепами, древними тропами и погостами-мазарами, мифическими аулие-святыми и калейдоскопическим сплетением исторических судеб. Любознательный большелобый малец с влажными верблюжьими глазами вырос в этой среде, впитал дух, речь, музыку этой фантастической земли, и эхо древности, баллады забытых лет разбудили его душу, облагородили сердце. К священным истокам его я отношу и мать, которая и поныне, на десятом десятке лет, продолжает поражать нас добрым сердцем, зорким умом, живой памятью, высоким благородством и сочной казахской речью.

Все остальное – дух и зов далеких предков, острое чувство национального, тяга к истории, кругозор, философичность, аналитизм и склонность к широким обобщениям, выявление общих корней истории и культуры, тоска по утраченным идеалам, патриотизм и гуманизм, ответственность перед Временем – производное истоков – матери Земли, матери Истории, матери, давшей жизнь.

Поражает широта и глубина его познаний. То, что он сведущ и искушен в литературных, искусствоведческих, исторических, философских, культурологических, религиоведческих, этнокультурных, политологических, языковедческих премудростях, для гуманитария широкого профиля понятно и объяснимо. Однако помимо этого многие из нас являются свидетелями того, как он, работая в высших представительных органах, вникал в тончайшие нюансы множества других наук и разговаривал на равных с юристами, экономистами, аграриями, демографами, свободно пользуясь их терминологией и делая бесчисленные ссылки на капитальные труды ученых всех мастей. При этом его нельзя упрекнуть в легковесности любознательного всезнайки. Любую тему он склонен разворачивать основательно, широко, дотошно, обрушивая на голову собеседника столько информации, что приходится зачастую молить о пощаде: не всякий мозг в состоянии выдержать подобный груз сведений. Я в этом не раз убеждался, бывая с ним в поездках по Казахстану, в Москве, в Германии, на представительных научно-практических тусовках и на других встречах.

Не стану вдаваться в расшифровки тем и мотивов, характерных для творчества Абиша, но считаю необходимым напомнить основные книги писателя, в которых наиболее мощно и выпукло отразились грани его могучего дарования: мифологические «Баллады забытых лет», психологическая проза в книге «Мартовский снег», философский роман «Конец легенды», историко-философские, публицистические романы «Плеяды – созвездие надежды» и «Всполохи», народная драма «Хан Аблай». Разумеется, это далеко не все, без чего немыслимо представить ни Абиша, ни современную казахскую литературу.

Полагаю, что самые главные юбилеи Абиша впереди, и они отнюдь не в прямой связи с его физическим долголетием. Гарантия тому – его литературные деяния. Именно художественно-творческие. Политические его заслуги, какими бы значительными они ни были, все же явле-

ние временное и преходящее, как туман и самообман, а то, что вышло из-под его пера, насыщено духовностью, соком жизни и национального самосознания, а потому не подвержено тлению. Было бы прискорбно сознавать, что современное поколение читателей знает только политическую деятельность нынешнего госсекретаря Абиша, а не художника, не автора прекрасных книг, которые снискали ему славу десятилетия назад. Не знаю, кому как, но лично для меня тот факт, что Абиш является государственным мужем, – нечто случайное, третьестепенное, что-то наподобие шутовского колпака, все равно как, скажем, Державин – сенатор или Гёте – тайный советник, Пушкин – камер-юнкер или посольские ранги Чингиза Айтматова и Олжаса Сулейменова. Как личность Абиш намного выше этой мишуры. Он и сам публично признавался, не очень, правда, убедительно утверждая, что «литература – верная жена», она, мол, никуда не денется и подождет, пока он занят ветреной особой – политикой. Ой ли?! Для потомков все эти титулы ровным счетом ничего не значат. Да и верные почитатели таланта Абиша вряд ли всерьез относятся к его высоким политическим креслам, на которых он благополучно восседал в разные годы, и вряд ли будут когда-либо перечитывать официальные выступления.

К счастью, значимость Абиша-романиста, Абиша-историка, философа и духовного наставника этим не исчерпывается.

Любая власть ограничивает личность, сковывает ее, одурманивает и оболванивает. Иногда заставляет петь с чужого голоса. И то ли он благовествует? В своих глубоких литературных творениях, без сомнения, – высокую философию, благородный дух, историческое сознание и гуманизм. За это благодать ему и мир! Но тем ли идеалам служит он в политике? Или мимовольно ступил на ложную стезю? Рассудит история.

Возможно, не все, чего я коснулся в беглых заметках, по душе юбиляру. Но так я воспринимаю его неординарную личность и посчитал нужным правдиво (со своей колокольни) поведать о Художнике, Человеке и Гражданине.

1999 г.

Опубликовано в журнале «Огонек-Казахстан», № 4 (декабрь-январь), 2000;
в кн.: Г. Бельгер. След слова. Алматы: «Жазушы», 2002;
Г. Бельгер. Избранное. Т. 5. Алматы, 2011.

АБИШ

Эссе-портрет

> Далеко за горизонтом неотвратимо надвигался новый день – еще неясный, призрачный, но уже суливший извечную надежду. Плыли-зыбились над степью предутренние сумерки.
>
> *А. Кекилбаев «Всполохи»*

Всякий серьезный научный разговор начинается с тщательно разработанной библиографии. Не знаю, существует ли такая библиография жизни и творчества Абиша Кекилбаева. Может, доморощенные умники, специализирующиеся на юбилейных панегириках, спохватятся и наспех, с бухты-барахты что-то сварганят к его семидесятилетию. Но библиография – не юбилейная статья, в которой взбалтываются, как кумыс в бурдюке, «красные словеса». По части дастарханного трепа мы большие мастера. А с подлинной библиографией у нас явная напряженка.

Абиш Кекилбаев – романист, новеллист, эссеист, публицист, критик, историк-исследователь, этнограф, государственный и общественный деятель, мыслитель, драматург, либреттист, энциклопедист, степной Цицерон и Сократ – исключением тут не является. Написано им немало. И все им написанное, как правило, этапное, монументальное, значительное. И о нем написан не один коржун: статьи, диссертации (кандидатские и докторские), сценарии, документальные повести, монографии, романы. Имя его не одно десятилетие у всех на устах. К каждой реплике-лебизу, к каждому мнению этого колоритного абыза-мудреца жадно прислушиваются. Интересуются не только тем, ЧТО он сказал, но и КАК сказал. Ибо он, выразитель национального духа и радетель родного слова, владеет им, как редко какой современный казах. В смысле исконного казахского красноречия он напоминает колодец героя его рассказа-притчи Енсепа, докопавшегося до животворной жилы неукротимого подземного источника, с яростью смывающего все преграды на своем пути.

Да, Абиш копает глубоко, основательно, во всеоружии. Любую тему, любую проблему он видит в контексте исторического времени и пространства, нить своих рассуждений он склонен тянуть от Адама и Евы, он вглядывается зорким оком в глубь степей, в даль истоков. Дабы не рас-

текаться мыслью по древу, ему приходится постоянно сдерживать свои эмоции и груз знаний, крепко натягивать поводья неудержимого скакуна воображения. Он из всего настроен извлечь исчерпывающий ответ. И в отечественной истории, народной философии, литературе, обществоведении он ощущает себя опытным проводником-следопытом. В безмолвной, беспредельной степи его осеняют вдохновение, сила и увлеченность. Вот мы, несколько деятелей культуры, который день колесим по прикаспийской низменности, каким-то образом после долгих часов езды по фантастическому бездорожью выбрались на бескрайний, ровный, как бильярдный стол, Устюрт, носимся взад-вперед, поднимая пыль столбом, и в конце концов сбились-таки с пути. В растерянности наш кортеж остановился, из головной машины выбрался Абиш в легком дорожном одеянии и – откуда такая прыть? – вприпрыжку, при его-то габаритах, взбежал на песчаный бугорок, долго озирался во все стороны, притенив глаза ладошкой, каким-то чудом сориентировался, решительно показал куда-то в сторону, сказал уверенно: «Туда!». Шофер удрученно спросил: «Сколько?» – «Е-е... близко, – ответил наш гид. – Километров сто». Он читал Устюрт как знакомую книгу.

Потом остановились возле одинокого, погруженного в вековую думу стояка-балбала, потемневшего от времени, обточенного ветрами. «Какую тайну он хранит?» – спросил неосторожно кто-из нас. «Ой-бай, – всполошился академик Кабдолов, – ни о чем не спрашивайте. А то его не остановите». И действительно, Абиш сходу встрепенулся, завелся. Темнолицый, разлохмаченный на ветру, дородный, он сам почудился балбалом и начал пространно рассказывать о русской экспедиции времен Петра Великого, о древнем караванном пути в сторону Хивы, о том, что этот балбал, судя по форме и клинописи, скорее всего, относится к XIV–XV векам, здесь когда-то находился колодец, ныне он обвалился, засыпан песком, а неподалеку был оазис, вон там пролегает лощина, там еще лет сорок назад стояли аулы, паслись верблюды... Абиш увлекся, рассказывал так красочно, будто обитал здесь с незапамятных времен, и мы слушали его разинув рты. Позже я спросил: «Откуда ты все знаешь?». И он назвал мне одного крупного археолога из Ленинграда, который в начале 50-х годов прошлого века в летний сезон регулярно приезжал с экспедицией в Мангышлак и брал мальчика Абиша на все лето проводником и переводчиком. «Но почему именно на тебя пал выбор профессора-археолога?» – спросил я. «А я книги читал», – просто ответил Абиш.

Тогда-то смышленый, любознательный мальчик из захудалого аула и привязался сыновней любовью к родному – диковинному краю, исходил его с археологами вдоль и поперек, познал людей, их родовые связи, достоинства и причуды, полюбил степь, меловые горы, обиталища святых, источники-ключи; верблюжьи тропы, овраги-каньоны, водопады, древние бастионы, холмы, погосты, балбалы, курганы – все многоликие чудеса уникального края по имени Мангышлак.

...Многие годы спустя Абиш уговорит меня погостить в его родном краю, и я своими глазами увижу все достопримечательности его малой родины, увижу стоянку его аула, тропу вдоль внушительной меловой горы, по которой он ежедневно ходил в школу, заброшенную, заваленную шахту по-над обрывом, где в годы войны трудилась его мать – удивительная, незабвенной памяти наша апа Айсауле, от которой Абишу досталось много достоинств, и в том числе его языковой дар и жар. Абиш был рад, что показал мне свой край во всем блеске и таинственности, и я проникся почтением и любовью к той загадочной земле, сотворенной Всевышним в час вдохновения и отрешенной мудрости. Я, давний переводчик большинства его произведений – романов, повестей, баллад, рассказов – на русский язык, осознал душой и сердцем, откуда есть и пошел мой мудрый друг, где его истоки, так щедро питавшие его уникальный талант художника и мыслителя.

Делиться своими знаниями, наблюдениями, пережитым – одна из ипостасей его художественной натуры, потребность его общительной, доброй души, необходимость душевного общения. Это его свойство мне раскрылось при первой же нашей встрече.

...Это было, кажется, зимой 1964 года. Я жил несколько дней у Абдижамила Нурпеисова, вместе с ним толмачил первую книгу трилогии «Кровь и пот». Как-то вечером зашел Абиш, в то время худой, длинный, курчавый. Имя его мне было знакомо, а встретились впервые. Мы как-то сразу сблизились и проговорили, перебивая друг друга, до глубокой ночи. В доме Нурпеисова все давно уже спали, а мы в невзрачном кабинете (один книжный шкаф, громоздкий письменный стол, два расшатанных, продавленных кресла) никак не могли наговориться.

Он сразу расположил себя ко мне. Открытый, образованный, начитанный, склонный к юмору, уверенный, раскованный, речистый. Сходу подружились. Где бы он ни работал – в газете «Лениншил жас», на киностудии, в Министерстве культуры, в ЦК КПК, в СПК, в «Социалистик

Казакстан», в Обществе охраны памятников истории и культуры, в Верховном Совете Казахстана, советником президента, Государственным секретарем РК и т. д. – мы находились в постоянном контакте. Бывали вместе в командировках. Встречались в домашних условиях. Имели много общих друзей и знакомых. И с писателями ГДР находились в творческой связи.

Я на пять лет старше Абиша. Но пальма первенства в наших отношениях всегда принадлежала ему. Более того, в нашем содружестве – Ахтанов, Нурпеисов, Кабдолов, Мухамеджанов, А. Сулейменов – незаметно верховодил самый младший из нас – Абиш. Мы только и говорили друг другу: «Абиш сказал», «Абиш считает», «Абиш решил», «Абиш советует». Мудрость его, прозорливость и дальновидность мы безоговорочно признавали. Одна ехидная дама насмешливо говорила нам: «Ваш гуру».

Меня он старательно «тянул» за уши. Настоял на том, чтобы я входил в важные комиссии, комитеты, советы, чтобы согласился стать депутатом Верховного Совета Казахской ССР, включал во всевозможные командировки, давал ответственные поручения, настойчиво приглашал к себе на работу, иначе говоря, благоволил ко мне, проявлял заботу, привлекал к крупным общественным кампаниям. Но я, видно, не проявлял достаточной активности и интереса к тому, что называется карьерным ростом.

Гидом-поводырем моим в Германии тоже был Абиш. Несмотря на мои отнекивания и колебания, он волевым путем, не оставляя мне возможности для отступления, включил меня в состав правительственной делегации участников Дней культуры Казахстана в Германии, уговорил подготовить доклады на немецком языке для встреч в двух германских университетах и повозил меня по городам и весям родины моих предков. Сам он побывал там уже не однажды, живал и в соседних странах, чувствовал себя уверенно, разбирался в истории, географии и достопримечательностях, как в своем Мангышлаке. Он пространно объяснял мне факты из истории разных германских королей и князей, сыпал немецкими фамилиями (немного на казахский лад), показывал диковинные ландшафты, горную площадку у слияния двух германских рек, воспетых в древних сказаниях, сказочные холмы с дивными замками вдоль величавого Рейна, водил по музеям, выставкам, ресторанам, кафе, пивным, радовался моим радостям, восхищался моим восторгам, советовал, где и какие покупать сувениры. Какое это было счастье, что я попал в ту делегацию, что оказался рядом со своим другом, что обогатился впечатлениями, из которых потом родилось немало моих опусов.

Когда Абиш баллотировался в депутаты Верховного Совета Казахской ССР от Павлодарской области, он попросил меня сопровождать его в поездке по районам в качестве доверенного лица. И эта поездка стала для меня знаменательной школой жизни. Мы бывали в сельских клубах, в школах, на стойбищах, на станах, в конторах, слушали и выступали, своими глазами увидели, чем и как живут простые труженики. А время было смутное – начало 90-х годов прошлого века. Тотальная разруха ржой разъедала все общество. Недовольство охватило всех. Все мерещилось в тумане. Абиш увлеченно и складно говорил о текущей политике, о тяжелом переходном периоде, о положении в стране, о духовности, о заповедях предков, взывал к терпению и толерантности, пространно отвечал на вопросы (помню, как старики в аулах допекали его: если, мол, проголосую за тебя, ты мне воз сена доставишь, два мешка отходов раздобудешь, лекарства моей байбише пришлешь?), завораживал слушателей казахским красноречием, шутил, говорил о своих творческих планах, А они были у него привлекательными. Он говорил о поэтах, философах, просветителях Павлодарщины прошлых веков, об их жизни и чаяниях, и мечтал написать о них цикл историко-философских этюдов. И еще он говорил, что должен написать третью книгу своей исторической саги о времени хана Абулхаира.

Слушать Абиша всегда бывало интересно и в официальной обстановке, и за дастарханом, без которого казахи во все времена не обходились. Моя активность как доверенного лица была невелика. Я больше слушал Абиша, нежели говорил о нем. А иногда Абиш становился как бы моим доверенным лицом и всячески превозносил меня. В разное время я написал об Абише полдюжины статей – предисловия и послесловия, рецензии, исследовательские статьи, очерки. Если их собрать вместе, может получиться книжка. Сейчас я не стану перепевать себя, не буду анализировать его романы, философские баллады, повести, рассказы и прочие его творения (о том писали многие умные головы), а попытаюсь поведать о нем исключительно как о человеке, о личности. Я его как-никак знаю около 50 лет, находился годами близко и рядом, и я, понятно, имею ЧТО сказать о нем.

Скажу – точнее, повторю – еще вот что.

Редкий литературный талант и масштаб его дарования общепризнанны. Он известен не только казахскому читателю, но и русскому, немецкому, иноязычному. Двенадцать томов сочинений – еще не все содеян-

ное им. Написал он больше. А мог бы написать более того. Мог бы... Но он, как это ни парадоксально, никогда не был сугубо профессиональным писателем. То есть писательство не было его профессией. Он всегда служил. И служил на ответственных, значительных постах. Он привык видеть себя на высокой государственной службе, освоился со своим неизменным весомым статусом, приноровился ко всем аксессуарам власти, ощутил себя борцом за независимость страны, в когорте первого казахского президента. Это стало отнюдь не его хобби, не его ролью, а органической доминантой, гражданским долгом, душевной потребностью Азамата, его подлинной сутью. Ради этой высокой цели он часто жертвовал своим литературным даром. Его выбор. Его право. И я тут ему не судья. Хотя – по мне – двадцать (допустим) томов сочинений Абиша Кекилбаева казались бы весомей и значительней, чем его долгая-долгая безупречная и верная государева служба.

Достохвально, что Абишу дивным образом удалось совмещать, сопрягать государственную службу и творчество. Это делает ему честь. Кого я считаю вершинами казахской прозы? На мой взгляд, это Жусупбек Аймауытов, Мухтар Ауэзов, Абиш Кекилбаев, Мухтар Магауин. Знаю, не все со мною согласятся. Кто-то наверняка назовет другие имена. Но с моей колокольни эти четыре мощные фигуры, как никто более, символизируют казахскую литературную словесность.

Надеюсь, читатель этих строк еще помнит, что разговор об Абише я начал с гипотетической библиографии. От той самой печки, от которой следует танцевать в культуре, науке, просвещении. Вместо сотни хвалебных статей о достойном юбиляре я предпочел бы иметь перед глазами обстоятельную, выверенную библиографию о культурном, творческом явлении по имени Абиш Кекилбаев.

Абиш (я это знаю) – украшение любого застолья, духовного пира, вольной беседы. И еще: человек он компанейский, добродушный, широкий, склонный к доброй шутке, «красному словцу», розыгрышам, игривому подтексту, насмешкам.

И еще: высокая государственная служба, ответственные должности внесли свои суровые коррективы в априорно вольную натуру Абиша: приходится быть сдержанным, застегнутым на все пуговицы, всегда при галстуке, порою замкнутым, осторожным, предельно уравновешенным, сановитым, ограничивать себя во многом, не позволять себе оплошностей, наступать нередко на горло собственной песне, упаковать себя (а

случается, и душу) в строгое, неприступное облачение. Это очень непросто – чувствовать себя постоянно взнузданным. Но что говорить: искони тяжела шапка Мономаха. На государственной службе важнее всего не допускать очевидных промахов.

И еще: политика и художественная натура, как две соперницы-бабы, плохо и трудно между собой уживаются. То и дело одну из них приходится от себя удалять, отстранять, отодвигать. А это и трудно, и опасно. Грозит раздвоением личности. Оставляет тавро на психике, как Каинова печать.

И еще: надо быть верным раз и навсегда выбранной Судьбе, избранному жребию, высоко поднятой духовной планке.

И еще: необходимо постоянно балансировать между императивом власти и народной любовью.

И еще: везде и всюду быть верным завету предков, священных аруахов, истории родной земли, родного народа на его неимоверно трудном, излучистом пути, не осрамить Дух и Память нации.

Тяжкая миссия Художника.

И, думая обо всем этом, о затейливых испытаниях Судьбы, выпавших на долю моего друга, я вижу его стоящим на вершине песчаного холма в бескрайней, безлюдной степи Мангышлака. Большеголовый, курчавый, крутогрудый, крепконогий, он зорко вглядывается в сизую, окутанную маревом даль и предается мучительным вопросам: где мы? Кто мы? Куда идем? Что ожидает нас там, впереди? Может, он в этот миг бормочет абаевские строки: «Грядущее скрыто туманом от нас...»?

Он мне мерещится караванщиком перед дальней дорогой. Доносится до слуха заключительный эпизод из его романа «Всполохи»:

«В эту смутную пору суток даже самый отчаянный спутник, как бы он ни спешил, не отправляется в путь: он ждет, когда на небе зажгутся звезды, а когда они меркнут, дожидается рассвета. Существует поверье: караван, вышедший в путь до рассвета, подстережет беда. Злые духи непременно собьют его с дороги».

Абиш – опытный караванщик. Он все взвесил. С юных лет. Он определил свою стезю. Он знает, когда караван должен отправиться в путь, духи его с дороги не собьют.

Таким я вижу Абиша. Таким я его воспринимаю.

Он мудр и величав. Он – олицетворение природного степняка-номада, Гражданин независимой страны.

...С переездом его в Астану мы встречаемся все реже. Я иногда вижу его по ТВ, читаю в официальных газетах. Бывает, мимолетно встречаемся на каких-то заседаниях. Получается, обитаем в разных аурах, пребываем на разных уровнях. Однако я в курсе его дел, знаю, что он делает, каков его настрой. Знаю, что неизменно рядом с ним его верная спутница Клара. Как-то в шутку она сказала мне, что у нее четверо детей, но самый трудный и хлопотный ее ребенок – пятый, Абиш.

Пять лет назад, будучи в Алматы, супруги зашли ко мне поздравить с 70-летием. Вручив часы Orient, Абиш заметил: «Теперь тебе следует почаще поглядывать на часы». Эти его слова я ныне могу переадресовать и ему.

Опубликовано в газетах
«Central Asia Monitor» № 32 от 20.08.09;
«Литературная Алма-Ата», № 6, 2009;
в кн.: Г. Бельгер. Избранное. Т. 5.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ДНЕВНИКОВ РАЗНЫХ ЛЕТ

...Абиш Кекилбаев фигурирует в моих дневниках с осени 1963 года. В 70–80-е годы прошлого века я переводил интенсивно большинство его прозаических произведений. В процессе перевода мы часто общались, Абиш основательно разъяснял непонятные мне слова – историзмы, этнографизмы и т. д. Это были увлекательные беседы. Содержательностью они отличались в ту пору, когда я переводил его объемный исторический роман «Елең-алаң». В моем переводе я его переименовал во «Всполохи».

Работа над переводами произведений Абиша всегда была поучительна и интересна. Крохоборство в переводческом деле не было ему свойственно. Он все понимал, был толерантен и мыслил широко, масштабно. О том я в книжке «Записки старого толмача» (А.: «Мектеп», 2011) сказал более подробно.

Далее я привожу фрагменты из дневниковых записей, начиная с 1987 года.

12.02.87

...Удивляет Абиш. Рад за него. В «ҚӘ» вышла его пространная и вполне самостоятельная статья о Пушкине. Вот не думал, что казахский литератор может что-то сказать о Пушкине так свежо. Потом Абиш от-

крыл и заключил итоги литературного года, вел собрание, в тот же день выступил по ТВ, а вечером – по слухам – сделал блистательный доклад на вечере памяти Пушкина. Просто молодчина!

28.02.87

Вечером часа два был Абиш. Говорили обо всем на свете. Потом я его проводил до остановки.

07.03.87

Закончил перевод романа Абиша. Уфф! 743 страницы! Сколько я корпел над этим романом! Сколько сил вложил! Сколько времени ухлопал! Даже на радость сил не хватило. Но это еще не все, далеко не все. Теперь надо всю эту махину отредактировать, пройтись по всему тексту. Потом отдать на чтение Абишу. Потом еще раз просмотреть с учетом его замечаний. Потом отдать на машинку. Потом опять все вычитать и сдать рукопись издателю. Потом ее будут рецензировать. Передадут в Институт истории. Ужас, сколько еще мороки! Но уже то хорошо, что я этот кирпич одолел. Сдюжил. Перетолмачил столь громоздкий романище. И теперь года два аударманы желкемнің шұңқыры көрсін.

15.03.87

С утра приятная весть. Распутину дали Гертруду. Рад за него. За последний месяц он дважды публиковался в «Правде». И Абиш сказал на днях: «Геройды беріп жібермесін...» Как в воду глядел!

12.05.87

После обеда Абиш проинформировал нас с Абе о совещании трех в ЦК КПК: Олжас, Абиш, Калаубек и Отдел – Камал, Устименко, Романов. Разговор состоялся резкий и принципиальный. Молодцом, судя по всему, вел себя Абиш. Речь зашла о создании Президиума из 20 человек. Список подан Камалиденову. В список включен и я. Мне поручено выступить на Пленуме.

06.06.87

Был Абиш. Рассказал, как прошло голосование. 3:6 – таков счет против меня. И в результате «интернационализм» получился такой: пятеро казахов и один уйгур (и то покойный) получили премии. Таков результат всех пленумов об интернационализме. «Ұят болды», – сказал Абиш.

27.06.87

Абиш раскрыл все планы будущих перемен: кто куда. Агитировал меня возглавить парторганизацию СПК. Сказал, что меня могут скоро пригласить на беседу в ЦК. Я сказал, что не соглашусь, но в ЦК обо многом скажу открыто и резко. Дескать, до чего вы допустили СПК!

12.09.87

Вечером часа два был Абиш. Вольная беседа.

20.11.87

Более часа был Абиш, подробно рассказал о своих встречах и беседах с Проскуриным, Личутиным, Бондаревым, Сукачевым, Чернышевой, о встрече в КазГУ. Потом позвонил Абдиков, пригласил в ЦК на обсуждение спектакля «Тоят түні». Обсуждение было небесполезным, длилось два часа, участвовали и выступили Сейдахмет Б., Тарази, Шерхан, Нурлан, Аширбек, Төлен, Баққожа, Асаналы А., Камал С. Все шло на казахском языке.

03.01.88

С 13 до 18-ти были в гостях у Абиша. Было хорошо, уютно, приятно. Преодолевая сугробы, притащились домой. Кончились вольные дни: придется из-за снега сидеть дома.

13.01.88

Абиш подробно поведал о Секретариате и о беседе в ЦК – обсуждение «Жулдыза». По разговору получается, что Абиш был на высоте. И вообще кое-что в Союзе писателей назревает. Абиш прочел текст своего предстоящего выступления. Убедился, что надобно выступить и мне.

27.01.88

Еще одно партсобрание, бестолковое, однобокое. Олжас добился своего: протащил в бюро своих людей. Инструмент удобный, но недееспособный. Отстранены Баққожа, Әбіш, Еслям, я, Илья. Я ничуть не расстроился, наоборот. Ибо в таком составе ни о каком направлении речи быть не может. А вот за Абиша досадно. Он фактически в изоляции.

04.02.88

Заехал Абиш, попросил просмотреть его статью «Перестройка и культура» (стр. 40). Часа три вычитывал, не отрываясь. Потом позвонил

Төлен – позвал на совещание в ЦК. Вернулись с Абишем в седьмом часу вечера.

05.05.88

Часа два был у меня Абиш. Рассказал о своей поездке в Киргизию, о своем выступлении против московского засилия и чванства в драматургии. Обзвонил своих друзей, приглашая в гости. И тут выяснилось, что Д. Д. с женой уезжают, а Еслям с Розой уже приглашены на свадьбу. Значит, будут Абиш с женой и Оразбек. Не получилось, как было задумано.

18.05.88

Зашел Абиш. Прочел текст своего предстоящего выступления в г. Шевченко.

27.05.88

Абиша в Шевченко сразил приступ – почечные колики, и его определили в больницу. Речь шла об операции, но потом якобы обошлось.

02.06.88

С Нурпеисовым съездил в больницу к Абишу, а он уже выписался домой. Отправились к нему. Попили чай, побеседовали. Камень у него застрял в пузыре.

08.06.88

В обед зашел Абиш. Он взял отпуск, собирается на родину, пришел проститься. Попили чай, обменялись впечатлениями о пленуме Фонда культуры.

23.09.88

Забрал меня Абиш к себе домой. Была его переводчица из ГДР – Кристиане Лихтенфельд. Приятная молодайка. Источает тепло и нежность. Изучает грузинский язык. Перевела «Железный театр» О. Чиладзе прямо с оригинала, лишь изредка сверяясь с русским переводом.

07.10.88

Был Абиш. Собирается в Америку.

27.11.88

Зашел ненадолго Абиш. Поговорить толком не успели. Узнал только, что «Худлит» намерен издать двухтомник Абиша, а также «Плеяды».

29.11.88

Был Абиш. Рассказал о своей поездке в Америку. Я в это время был во Франции. Выходит, находились на разных берегах океана.

10.12.88

В обед зашел Абиш. Больше часа калякали. Он пребывает в некоторой растерянности: что дальше делать?

16.01.89

Был часа три Абиш. Напористо агитировал меня пойти к нему на работу старшим консультантом по вопросам пропаганды культуры. Дескать, офис рядом, через дорогу, работа не бей лежачего, а зарплата 260 рублей. Я на мгновение соблазнился было, но потом сказал, что ответ дам завтра. Долго и полезно говорили о статусе казахского языка. Както очень толково и просто Абиш объяснил мне то, к чему я подбирался стихийно. Раскрыл он и кое-какие ошибочные мои представления. Вот голова! 13 человек дважды мололи в ЦК разный вздор и не могли сформулировать то, что так изящно изложил Абиш. Вот кого надо бы брать на работу в ЦК!

Звонил и Мурат Ауэзов. Тоже приглашает на работу в свою контору. Предлагает заведовать информативным отделом. Решительно отказался. Чувствую, что своим отказом огорчу Абиша, но что делать: не гожусь в чиновники, да еще в престижном учреждении.

02.02.89

К вечеру зашел Абиш, прочел свою статью. Толковая, глубокая! Вообще Абиш – умница. Кочан на плечах крепкий.

07.04.89

После обеда с Абишем съездили в АН, в Клубе ученых провели встречу. Я произнес вступительное слово и вел встречу. Людей собралось мало – 54 человека. Оттуда съездили в «Дастан» в поисках моей книжки «Гёте и Абай». Тоже не оказалось.

10.07.89

Приходил Абиш. Читал свое открытое письмо по поводу Ново-Узеньских событий. Весьма крепко, толково.

13.11.89

Прошел Пленум ЦК КПК. Создан новый Отдел международных отношений, и заведующим его стал Абиш. Весьма рад за него. Думаю, до пенсии он и просидит теперь в ЦК. Полагаю, что со временем из него выйдет самый толковый секретарь по идеологии. По сути дел, его надо бы ставить на это место и сейчас.

01.04.90

Выборы депутатов от Компартии Казахстана у всех на устах. Провалили на Пленуме всех, у кого две извилины в голове: Е. Серкебаева, Шерхана, Игнатова, Саина, Головацкого, меня. Я получил «за» 133 голоса, против 153. Никто не ожидал. Я – тоже. Калтай М. тоже где-то провалился. Абиш прошел, получил 53 %.

13.02.91

Вечером позвонил Абиш. Приглашает завтра на бесбармак: сватают его дочь. Выходит, завтра мне надо в горисполком, в Верховный Совет и к Абишу.

14.02.91

Вечером сыновья Абиша заехали за мною. Состоялась у Абиша встреча со сватами. Сватали Саулет, дочь Абиша. Сваты Нуркен (63 года), Жамиля, Марат, Райхан – люди степенные, внушающие доверие, основательные, надежные, крепко стоящие на ногах. Жениха зовут Жанарбек (его не было). Со стороны Абиша присутствовали Абе, я с Раей, Кайролла (из Шевченко, нардеп). Все было хорошо – культурно, изящно, хлебосольно, достойно.

21.02.91

После шести заехали Абиш с Кларой и повезли нас к сватам. Шикарная квартира, шикарная обстановка, шикарный стол. Хорошая, добротная семья. Хорошие, воспитанные дети и внуки. Угощение было сверх-сверх. Принимали на высоком уровне. Вел вечер Сыдык (крупный деятель по внешней торговле, объехал полмира). Фамилия – Абишев. Жена его – Ғайша. Приятные люди – шестеро детей, четверо внуков, а моложавые, коммуникабельные. Я вроде был старшой со стороны невесты. Правда, роль мне незнакомая, непривычная, и я чувствовал себя не в своей тарелке. Абиш предложил: Нуреке, Абе и я должны все обговорить и как решим – так тому и быть.

11.02.92

Заходил Абиш. Рассказал я ему, что в связи с открывающимися посольствами половина казахов станет послами. Полнации – послы. Абиш добавил: «Другая половина – ослы». Так родился афоризм: «Половина казахов – послы, половина – ослы». И Абиш заразительно рассмеялся.

11.06.92

Завтра Абиш летит в Германию на неделю. Перед поездкой решил заглянуть, свидеться, проститься. Жаловался на усталость, на трудности и оплошности везде и всюду, на тревогу по поводу национальных проблем, на нервные перипетии, переговоры с МИДом России, на то, что невестка отняла у них внука. Попили какао и расстались по-доброму. «Бәрін тастап кетер едім, бірақ күнкөріс қиындап кетті».

04.09.92

Звонил Абиш: обещал меня забрать на аэропорт.

09.11.92

После обеда заехал Абиш. Прочел мой очерк, посидел, поговорил, чай попил.

29.11.92

Сочинил часть своего диалога с Абишем и отпечатал свою долю – страницы четыре. Не знаю, когда остальное допишет Абиш.

01.12.92

Заехал Абиш. Забрал мою половину нашего диалога. Он прихворнул, застудив почки.

08.12.92

До часу дня успел допечатать и вычитать наш диалог с Абишем. Алипа материал забрала.

15.04.93

Вечером звонил Абиш: он в больнице – обострение всех его хворостей – гипертония, ишемия, нефрит.

18.05.93

Президент (и с ним Абиш) уехали на три дня в Туркменистан – и

по государственно-правительственной линии, и на юбилей их классика (260-летие).

15.06.93

У Президента Национальный совет заседал 1,5 часа. Зашел к Абишу. Обнялись. Поговорили. Потом подошел К. Султанов. Президент говорил вещи серьезные и тревожные. По его словам, Россия ставит унизительные условия и выпихивает Казахстан из рублевой зоны. Придется вводить национальную валюту. Это, видно, выбьет нас из колеи.

03.11.93

Ошарашил Абиш: «Әкім болғың келе ме?» Выяснилось, что «наверху» возникла идея поставить меня главным редактором «Казахстанской правды». Решительно отказался. Это уж никак не по мне. Қолым емес.

26.11.93

Чествовали Ахтанова. 70 лет. В театре драмы. Торжественно, широко, умно, культурно. Зал был почти полон. Подарков уйма. Слов – море. Толковый доклад делал Абиш. Застолье продолжалось в квартире Ахтанова до 12 ночи. И опять красноречиво и уместно выступал Абиш раза два или три.

03.12.93

Прислали машину, и мы отправились в Бишкек, где Акаев вручил Назарбаеву золотой знак «Руханият». Мы – это А. Есимов, министр Вас. Десятко, певец А. Днишев, артисты Досхан Жолжаксынов, Алтынбек Коразбаев, Абиш и я. Такова официальная делегация. Присоединился аким Байгельдиев. Были речи, пресс-конференции, банкеты, концерты. Вернулись в Алма-Ату на президентском самолете. Сам Президент был в ударе: говорил, шутил, пел, играл на домбре, вел застолье. Все были в добром расположении духа.

21.01.94

В голове сумбур. Кому-то пришло в голову выдвигать меня в депутаты Верховного Совета по президентскому списку. Зачем?

Дважды звонил Абиш. Убеждал, что все правильно, чтобы я не боялся, все будет сделано, как надо; джигиты, мол, в курсе, помогут, и он лично поможет, и советами, и машиной, так, дескать, надо, и парламента

нечего опасаться, будем вместе. Как литератор ты уже послужил достаточно, и как общественный деятель себя утвердил, теперь, в зрелые годы, имея опыт и авторитет, надобно послужить народу и в парламенте. Прочь сомнения, вперед и т. д. в таком же духе. Тут же он позвонил главе Павлодарской администрации Даниялу Ахметову, сказал, что там, мол, мою кандидатуру приветствуют, что надо все обговорить с ним. Съездишь, выступишь в нескольких районах, по ТВ, в печати, в Ермаке, Экибастузе... Один раз съездишь, остальное джигиты сделают.

Не знаю, как и быть. Вся эта возня мне не по душе.

24.01.94

Был в Президентуре – в резиденции Президента. Зашел к Абишу. Поговорил с ним. Угостил он чаем. Потом вместе поехали за его внуком в школу. Внук, Абыл, подрос. Красивый, умный мальчик.

27.01.94

Попросил у Абиша машину, съездил в резиденцию, подписал нужные бумаги, оттуда понесся в Министерство культуры, оставил рецензии на две пьесы, зашел в «Азию», получил за семь статей 37 тенге (стоимость килограмма масла) – так оценивается ныне труд литератора. Gott – o Gott! Выходит, выжить можно, став только депутатом.

05.02.94

Абиш собирается на целый месяц в Мангыстау на предвыборную кампанию. Он относится ко всему этому весьма серьезно. У меня этого нет. Нет убеждения, что это нужно. А желания и вовсе никакого. Я не создан для публичной деятельности. От этой двойственности чувствую себя скверно.

06.02.94

В полдень Абиш прислал за мной машину, был у него в гостях перед проводами. Абиш был явно возбужден, озабочен – и давление, и простуда. Глядя на него, явно не находит себе места его старая мать. Тепло, по-братски, расстались. Застольем руководила Фариза. Смотрели «видик», присланный из Бостона Аулетом. Полюбовались на четырехмесячную Зухру – внучку Абиша. Внучку от Саулет зовут Жибек.

08.04.94

С утра М. Жумаханов сообщил, будто по данным избиркома я прошел в депутаты. Потом позвонил из Президентуры Штопель, из Павлодара Олжабай Жармакин, уверяя также, что я прошел. Но официального уведомления нет.

Позвонил Абиш. Он прошел по своему округу. 80 %! У него дома оказались сват (Нуреке), редактор Нурлан, поэт Кайрат. Все бросились меня поздравлять. Минут 20 спустя вновь позвонил Абиш, спросил номер телефона Щеголихина. Он якобы тоже прошел.

18.04.94

Состоялась встреча представителей депутатской группы с Президентом. Основные мотивы те же, что и вчера. Правда, фактов, примеров, анализа было больше. Депутаты шумели и гудели изрядно. Чувствую, шуму по всякому поводу будет много. Некоторые особенно охотно сотрясают воздух. С совершенно дурацкими альтернативами. Потом выясняли позиции в Павлодарской группе, куда отношусь и я. Трое будут голосовать за Абиша (на пост Председателя ВС), пятеро – за Олжаса. Вообще, чую, выборы председателя будут хлопотными. СНЕКовцы будут голосовать за К. Султанова, часть депутатов – за Г. Алдамжарова. Олжас, по слухам, якобы снимет свою кандидатуру. Но в последние дни он молчалив и хмур. Представляю: Абишу будет очень трудно, хотя Президент и благоволит к нему.

20.04.94

Во втором туре – после долгих разговоров и уговоров – Абиш получил 92 депутатских голоса (надо было иметь минимум 89) и стал Председателем Верховного Совета. Это был триумф его и его сторонников. Он назначил своих замов – Федотову и Султанова.

21.04.94

Первый раз Абиш вел заседание Совета. Крикуны малость сбили его с предусмотренного пути, и работа моментами буксовала, шла туго, Абиш проявил максимум терпения, и до обеда удалось-таки сформировать четыре комиссии по 15 человек, которые к субботе должны кое-что прикинуть в формировании комитетов и регламента. Далее работаем до 28-го, а из-за предстоящих праздников объявят перерыв до 12-го мая.

25.04.94

Весь рабочий день отсидел в Парламенте. Абиш был в хорошем настрое, легко и весело вел заседание. Но депутаты шумели всласть. Еле-еле добили временный регламент и начали обсуждать проект об обеспечении депутата. На зарплате и надбавках и застряли. Я испытывал смущение: никогда столько не имел. Привык жить на скудных литературных «напақá».

27.04.94

Абиш стремительно осваивает свою новую роль. Заседали с 10 утра до 9.30 вечера с небольшими перерывами. Утвердили все комитеты, избрали их руководителей. Комитетов стало 16. Меня кто-то выдвинул в Председатели Комитета по культуре, но я тотчас взял самоотвод. То же сделали Шерхан и О. Никанов.

27.06.94

Почти весь день хлопотал по делу доктора Хорнунга из Германии. Встретил его, отвел к Абишу, полчаса побыли у него, поговорили, фотографировались. Абиш произвел на германского гостя приятное впечатление.

24.09.94

Утром по радио передавали речь Абиша. После обеда он мне позвонил из дачи. Что-то спросил, потом предложил заехать за мной, забрать меня. Что он и сделал. Впереди ГАИ-охрана. В машине охрана. «Только в постели жены я еще имею кое-какую свободу, – пошутил Абиш. – Остальное все по протоколу».

Подъехали. Ожидает его большая группа – Жукеев, Калдарбек, Ербол, Алтыншаш, Базарбай. Хороший был вечер. Прекрасный концерт. Для руководства был накрыт стол. Посидели, поговорили, пошутили. Сегодня, оказывается, вышел Указ Президента о борьбе с коррупцией. В Комиссию включен и я. По этому поводу почесали зубы, дескать, с Бельгером теперь шутки плохи. С ним надо быть начеку. Теперь коррупции каюк, и все такое прочее.

06.12.94

Сегодня Абишу исполнилось 55 лет. Круглый отличник. Я уже несколько дней думаю об этой дате, но зайти к нему не решился. Статус другой. Да и утром ввалились к нему высокие господа, и я посчитал не-

уместным толкаться в этой толпе. Намекнул было Нурпеисову, с которым слонялся в приемной М. Оспанова, но и он что-то не проявил инициативы. Видно, нам, друзьям его, неудобно демонстрировать свою близость к Абишу. Могут превратно понять. Да и Абиш проявляет осторожность, избегает кривотолков.

09.12.94

Я уже после заседания собирался было домой, как разыскал меня помощник Абиша Аскар, сказав, что нужно срочно ехать на аэропорт. «Э, не болып қалды?» – «Шыңғыс келе жатыр. Қарсы алу керек».

Выяснилось, что проездом в Бишкек летит из Анкары Айтматов, Абиш встречать его не может, ибо вместе с Президентом должен быть на открытии памятника аль-Фараби, а потом на чествовании 60-летия КазГУ. Делегированы от Верховного Совета встретить Чингиза Айтматова были Алтыншаш, Уалихан и я. Потом на аэропорту к встречающим присоединились Абе и Калтай. Радостно встретили Айтматова. Он, как всегда, был мил, обаятелен, учтив и внимателен. Обняв и расцеловов меня, тотчас сообщил, что книжку мою («Гёте и Абай») получил (доктор Хорнунг передал), поздравил меня с 60-летием, сказал, что отбил Нурпеисову факс, но у того что-то не сработало. В зале приемов был накрыт дастархан. К нам присоединились посол Киргизии в Казахстане с женой Женісгүл, посол России в Киргизии и посол Белоруссии в Киргизии (оба летели в Урумчи). Застолье умело вела Алтыншаш, говорились речи, пили коньяк, закусывали. Потом подоспели на машинах встречающие из Киргизии, посетовав на плохую дорогу через Курдай. Потом на двух машинах мы отправились провожать Айтматова. Остановились возле Каскелена. На капоте расстелили дастархан с коньяком. Было морозно, чувствовалось, что Ч. Т. продрог (был он в расстегнутой сорочке, без головного убора, в легком балахоне). Походил-походил, поежился, достал из чемодана свитер, тут же на морозе переоделся, вытащил откуда-то европейскую кепчонку. От мороза лицо его покрылось пятнами (аллергия). Что-то стал беспокоиться: день на исходе, впереди перевал, скользко, задерживался где-то посол Киргизии. И я уговаривал-поторапливал джигитов (явно перегревшихся коньяком вместе с дамами), чтобы отпустить гостя. Много доброго, хорошего было сказано. Получились теплые, сердечные встреча и проводы.

У Ч. Т. на днях день рождения. А едет он баллотироваться в верхнюю палату Верховного Совета. Говорили о его романе, он пожалел, что не при-

хватил с собой один экземпляр для меня («Үйде отыз шақтысы бар еді»), вспомнили про мой орден «Парасат», про «Отан» Абе. Чингиз Торекулович показал любопытный знак на лацкане пиджака – какой-то иностранный высокий дипломатический орден. Беседа была искренняя, доверительная. Рассказал Ч. Т. и о курултае писателей в Турции...

Вечером я обо все этом поведал Абишу.

03.02.95

В перерыве между заседаниями подошел ко мне Абиш. Потолковали о том о сем. Был он в хорошем настрое. К беседе нашей подключились и другие депутаты. Он попросил раздобыть его «Минарет» для Тамариной. Книгу я разыскал и после обеда пригласил Руфь Мееровну в Верховный Совет, поговорил с ней, обменялись книгами, потом повел ее снова к Абишу за автографом, потом выпили на посошок немного коньяку, и я отвез ее домой.

06.02.95

...Потом зашел к Абишу по поводу заявления Тынымбая. Он мило меня встретил, снял пиджак, заказал чай с медом и печеньем. Расспросил обо всем. Порассуждал о проблемах в Верховном Совете. О разных несуразицах. О недопонимании отдельных джигитов. О заботах текущего дня: бюджет 95-го года и возня вокруг телерадиокорпорации. Я сказал, что Лейла Бекетова – весьма серая пташка и никакой не президент, что ее просто надо убрать, как случайную глупость, и поставить на это место достойного человека. Нельзя же идти на поводу бабьей амбиции. Абиш с этим согласился, но убеждал меня, что этот вопрос – вовсе не прерогатива Верховного Совета. Надо, мол, согласиться с мнением Комиссии и передать решение вопроса в Кабинет Министров. Вероятно, логика в этом есть. «Ну, давайте, так и поступим», – предложил я. «Конечно, было бы разумно, – сказал Абиш, – но джигиты строптивятся, никак понять не хотят».

...А вечером узнал, что Бекетова подала в отставку...

28.02.95

...Хотел было резко выступить о ТВ, но понял, что моя тональность идет вразрез с мнением Абиша. Противоречить ему не хотелось, и я благоразумно промолчал.

01.03.95

Сегодня Тохтару Аубакирову вручили Халық Қаһарманы. Абиш вручил ему золотой орден Австрии. Была теплая, радостная атмосфера. Тохтар выглядел эффектно. Всеобщий любимец. Хлопали ему от всей души. Я крикнул: «Браво!» Потом был банкет. Щедрый. Искренний. Поели. Попили. Душу отвели. Через полчаса мы с Шерханом ушли. За нами последовали еще человек двадцать. Остальные еще продолжили пир.

02.03.95

В Верховном Совете весь день долбили и обсасывали бюджет. К концу рабочего дня Олжас сыграл свою любимую роль: объявил, что у него важное сообщение, касающееся всех. Выпроводили гостей, техническую службу, отключили микрофоны, сели поплотнее. И Олжас заявил, что завтра Конституционный суд подтвердит нелигитимность выборов, что Верховный Совет распустят, вся законодательная власть будет передана Президенту, и только Абиш (Олжас сказал: «Спикер») может наложить вето, то есть «пришла пора испытать нашего спикера». Видно, Олжас рассчитывал на большой концерт. Но Абиш спокойно объяснил, что не стоит предаваться панике и провокации, нужно, мол, до отъезда обсудить бюджет, что, дескать, он оптимист, но оптимизм его постепенно убывает, что он может уже допустить любую подлость, что он всегда ратовал за согласие и взаимодействие трех ветвей власти и что бы ни случилось, он всегда с нами (то есть с депутатами).

Депутаты были сдержанны. Несколько реплик подали Ж. Абдильдин, Михайлов, Баранов, Силкина и тотчас разошлись. Но были и явно ликующие по поводу возможной свары. Гаркавец сказал: «Олжасу захотелось малость припугнуть Абиша». Действительно, некоторые решили друг друга напугать.

12.03.95

Прошло несколько дней, как распустили Парламент XIII созыва.

Вечером с Абе съездили на дачу Абиша. Погуляли на воздухе. Поговорили обо многом. Прослезились и Абе, и Абиш, и джигиты из охраны. Прекрасные ребята. Искренне преданные Абишу и его семье. Трогательно было смотреть, как чекисты, крепкие, молодые парни, не сдерживая слез, говорили о своей любви и преданности к Абишу. Очень все по-человечески. И получилось здорово, что вовремя проведали выбитого из колеи Абиша. Кажется, он немного успокоился. Но как ему

трудно, можно себе представить. Боюсь, что в этом вопросе Президент просчитался. Он оттолкнул от себя таких людей, как Абиш, верой и правдой служивших ему. Недоброжелателей может быть у Президента больше. И на Казахстан это, думаю, отразится скверно.

13.03.95

Абиш простился с рабочим аппаратом ВС. В Комиссии остался один Куаныш Султанов. И то бесправный. Кривотолков много. Между тем пятерых депутатов уже трудоустроил Кажегельдин.

19.03.95

По слухам, Абиш в больнице. Вот еще одна жертва большой лжи.

25.04.95

Неожиданно позвонил Абиш. Спрашивал ЧТО и КАК. Сам живет пока на даче. Но просит о том никому не говорить. Болел. Был в санатории. Вернулся. Собрал и отредактировал свою публицистику. Теперь подумывает, где издать. «Жазғаннан не пайда? Неге келмейсің? Келгенде қайда барамын?» Видно, одинок и удручен. Обронил фразу: «Референдумнен кейін...» Интересовался, как прошел курултай. Я похвалил. «Е... дұрыс болған екен...» Сказал я ему, многие его спрашивают, даже легенды разные ходят. «Сам ведь легенды писал, вот теперь и народ сочиняет о тебе всякие небылицы». В семье все нормально, но печаль и одиночество, видно, гложет.

28.04.95

Вечером по ТВ узнал про Указ Президента о назначении Абиша госсоветником.

04.07.95

Завернул в Дом парламента. Заглянул к Абишу. Он удручен, подавлен, глаза красные, он утомленный. Недоволен своим нынешним положением. Отношения с Президентом неясные, неопределенные. Уж столько времени его не приглашает. И Абиш к нему не просится. Он хоть и госсоветник, но в советах его, кажется, не очень-то нуждаются. Какие-то игры в кошки-мышки. Точно в ссылке. Направление, идеология Абишу не нравятся. Ругает Кортни, Россию, окружение Президента, близорукость бизнесменов, продажность российских ставленников. Очень обеспокоен будущим Казахстана. Считает, что мне нужно непременно баллотиро-

ваться в Парламент. «Тым болмаса бір ақымақтың жолын бөгейсің». Сам же считает себя связанным по рукам и ногам. Беллетристикой заниматься сейчас не время. Есть задумки по историософии. Нынешние историки его также раздражают. «Олардың шамасы да белгілі болды». Обнялись на прощание. На его машине добрался до дому…

14.07.95

Звонил Абиш, спросил, как по-казахски притча. «Тәмсіл деп жүрміз ғой». Поблагодарил и пожелал, чтобы Рая родила сына.

08.08.95

Утром неожиданно нагрянул Абиш. Явно возбужденный, наэлектризованный. Был всего минуты три. Даже не присел. Спросил: «Синхронный перевод ты делаешь? Перевел ли дополнения Тулена и других? Сколько получилось страниц? Где текст? Телефон Саутбека знаешь? Соедини меня с ним!»

Саутбека на месте не оказалось. «Э, ладно, на работе разыщу. У него возьму». Взял один урюк и понесся дальше, передав уже у порога приветы Рае от Клары и матери. «Нас тут зажимают так…» Не понял причины его взбудораженности. Видно, с текстом президентского доклада что-то где-то не срабатывает.

04.10.95

Встретился у Абиша в его рабочем кабинете с профессором из Оклахомы, редактором «World Literatura Today» – Djelal Kadir'ом. Беседа длилась недолго. Хочет один номер журнала посвятить литературе Средней Азии и Казахстана. Абиш обещал одну статью страниц на 10-12, а мне гость заказал статью о Нурпеисове – тоже страниц на 10-12. Маленького роста, милый, тихоголосый, лысый турок, родившийся на Кипре и работающий в США. Переводчиком служит у него очаровательная карачайка.

Минут 15-20 побеседовал потом с Абишем. Настроение его более чем кислое. Статус госсоветника ликвидируется. Сидит Абиш как в изоляции и ожидает волеизъявления Президента. А тот ему ничего не говорит, ничего не предлагает. Даже участие в выборах проблематично. Самостоятельности напрочь лишен. До пенсии еще четыре года. Махнуть на все рукой и уйти на вольные хлеба – невозможно. Нет средств для житья. Видно, взвел себя Абиш до предела. Сидит бедняга и ждет, что

ему предложит Президент. «Қайта сенің жағдайың жақсы. Үйде отырып, жұмыс істеуге үйренгенсің. Және де қазақ емессің...»

Утешать Абиша было нечем. И ушел я от него с тяжелым сердцем.

18.10.95

Нынешняя премия Мира и Духовного согласия присуждена Федерико Майору, Алексию и Абишу. Весьма разумно. Достойные люди! Я могу гордиться тем, что оказался в первой тройке, а это – четвертая. После нас – М. Сулейменова, Д. Снегина и меня – ее получили Айтматов, Гужвин, Ж. Абдильдин, М. Симашко и один узбекский писатель. Теперь эта тройка – Абишевская.

21.10.95

Абиш выдвинут кандидатом в депутаты от Демократической партии и партии кооператоров. По этому поводу в «Казахстанских новостях» дали шарж.

Политики «за Музу» в наши дни,
И свыкся с ней маститый литератор,
Не счесть уж, сколько профилей сменил,
Теперь отчасти и кооператор.
Автор – А. Тараков.

Да, не может уже Абиш уйти из политики, а точнее, – от кресла, от машины, от разных житейских благ. Жаль! Уникум и вдруг... Ведь был Председателем Верховного Совета, а снова идет в недостойный мажилис...

30.10.96

Указом Президента Абиш назначен госсекретарем. Можно б было обрадоваться за Абиша, если бы предыдущим указом Президент не обкорнал изрядно эту должность, сократив его полномочия до нуля. Осталось только громкое название – госсекретарь! – а прав и полномочий – пшик. Пряник, изжеванный, обслюнявленный, обсосанный, обкорнанный Есимовым, президент решил подсунуть Абишу: дескать, сиди, помалкивай, говори умные вещи, но ни во что не вмешивайся, ничего не решай, только меня славословь. Но для Абиша лучшего места и не надо, и я за него рад. Правда, даже это место не стоит одного его романа.

31.10.96

Сегодня Абиш уже сидел по правую руку Президента, а парламентарии проводили его с цветами. Вид у Абиша, однако, серый, рыхлый. Видно, устает.

02.11.96

Шакир сказал об Абише: «Бұл адай болмады, малай болды». Он имел в виду интервью Абиша «Хабару», в котором он сказал, что основная его обязанность быть первым помощником Президента в претворении его внешней и внутренней политики. Конечно, не хотелось бы думать, что Абиш с его умом и талантом родился лишь для того, чтобы быть всего-навсего помощником Назарбаева. Ну... что ж... если человек так понимает свою жизненную задачу...

05.11.96

...Кызылординцы начали свой фестиваль, и Абиш уже зачитал поздравление-приветствие Президента. Не госсекретарь – посланник-порученец. Как Пушкин – камер-юнкер. Барып кел, шауып кел. Досадно! Абишу не к лицу. Особенно досадно, что никто его не неволит, что он от этого малайства испытывает удовольствие. Жаль! Конечно, я многого не понимаю и, может, сужу неправильно, поверхностно. Но, полагаю, Абиш достоин другой участи. Думаю, ни Олжас, ни даже Нурпеисов не пошли бы на это. Не писательская это роль. А Абиш служит заведомо негодному делу, соблазнившись синекурой.

07.11.96

Позвонил Абиш. Оказывается, он приезжал ко мне, но я, видно, гулял. «Қазір көңіл-күйім жақсы. Тегіс аманбыз. Асанбаевтың кабинетінде отырмын. Кел. Раяға сәлем айт».

Должно быть, он и сам испытывает удовлетворение от нынешнего своего положения. Неужто не понимает, что Назарбаев играет с ним, как кошка с мышкой?..

28.04.97

До Крымбека дозвонился, но он меня ловко отфутболил к Абишу. Еле дозвонился до Аскара – абишевского помощника. Он сообщил, что Абиш приехал из Москвы и Петербурга, загрипповал. Будет только после праздников.

19.05.97

К четырем часам пригласил Абиш. Был у него с Калмуханом Исабаевым, обговорили кое-какие дела (главным образом по Абаю). Был Абиш приветлив, добродушен. В дела наши быстро и толково вник.

30.07.97

Вечером позвонил Абиш. Просит перевести на русский язык его вступительное слово к энциклопедии Мангышлака. Якобы немного – страниц 17. Не очень охотно, но согласился. В мои планы это не вписывалось. Дополнительная нагрузка. Если издатели не станут торопить, авось, справлюсь. Неприлично отказывать госсекретарю.

01.07.97

Со своим помощником Аскаром Абиш прислал свою статью. Тут же ознакомился с текстом. Текст не прост, но объем всего 11 стр. Меня это успокоило.

07.07.97

Передал Абишу перевод, получил от него его сборник статей «Заманмен сұхбат» и «Қараш-Қараш» в немецком переводе.

12.09.07

Мырзатай Ж. отметил в театре Ауэзова свое 60-летие. Зал был полон. Отметили достойно. Абиш, как всегда, зачитал приветствие Президента.

23.09.97

...Можно представить, какая теперь начнется кадровая катавасия. Следующая жертва, вероятно, Т. Ну, а Абиша куда-нибудь передвинут – легче всего. Он ничего не решает. От казана отстранен, и даже ложки не имеет.

27.09.97

Дворец Республики. Вечер, посвященный 100-летию Ауэзова. Президент в своей речи запустил несколько стрел в адрес маловеров, которые не желают смириться со временными трудностями при эпохальном переходе. Этот тезис развил, углубил, поперчил старательно Абиш (впрочем, его доклад был весьма толковый как по форме, так и по содержанию). По поводу этого тезиса я сказал Дукенбаю, сидевшему рядом, что если бы я был госсекретарем, я наверняка сказал бы то же самое, на что Дукенбай ответил: «Бұл икра жейтін адамның сөзі ғой... Жұрт қара нан таба алмай жүргенде...»

15.10.97

Абиш весь день сопровождал Кучму. Даже поднял четверть ведра воды, чтобы полить ель, высаженную Кучмой в Парке.

08.11.97

Исторический день. Проводили в Акмолу торжественно эталоны государственных символов. В проводах участвовали члены правительства, высшие государственные чиновники, депутаты Сената и кое-кто из Мажилиса, деятели культуры, науки, литературы. Почти все знакомые... Речь говорили Президент, Ашимов, о. Алексий и муфтий, студентка, Храпунов, Туманбай прочел стишок. Уверенно и торжественно вел проводы Абиш. Все у него получалось ловко. Он же после церемонии всех пригласил «на посошок». Президент был в добром расположении духа, шутил, пел, подводил ораторов под локоток к микрофону. Подошел с наполненным бокалом и к нашему столу (Абе, Гаркавец, Камал, я, еще кто-то). Обронил загадочную фразу: «Ымды түсінбеген, дымды да түсінбейді». Я подумал: не в мой ли огород камушек?

02.12.97

В «Каз. правде» на двух полосах доклад Абиша. Доклад серьезный, умный, глубокий, но подчинен он оправданию верховной глупости и лжи. Суть: вся казахстанская действительность разумна.

05.01.98

После обеда был на заседании Совета ассамблеи. Прошло энергично. Присутствовали Абиш и другие высокопоставленные. Абиш подошел, поздоровался. Вид у него неважный, опухший, под глазами мешки, волосы поредели, прилипли к черепу. И одежда на нем вся помятая, будто он спал в костюме.

30.01.98

Вечером читал послесловие (34 стр.) Абиша к роману Нурпеисова. Толково, основательно, глубоко. По-абишевски.

16.09.98

Позвонил из Астаны Абиш. Нужно готовить бумаги о Лео Кошуте. Одну бумагу необходимо отправить в посольство Германии, одну – в Президентскую администрацию, еще следует подготовить представление от ПЕН-клуба (но пока держать в секрете, не говорить даже Абе) и написать от моего имени две статьи. Словом, нагрузил меня Абиш неожиданными делами. Письма от Кошута нет, значит, мне придется отправиться за дополнительными сведениями в библиотеки.

18.09.98

Облегчил мои дела Лео Кошут, прислав необходимые мне материалы. Таким образом, задание Абиша выполню без большого труда. За два-три дня сделаю.

8.01.99

Прочел статью Олжаса в «Каз. правде». Толковые, созвучные мне суждения. Вот кто был бы блестящим госсекретарем при Назарбаеве. А Абиш по всему облику и вялому стилю многоаршинных статей на госсекретаря не дотягивает. Абиш был в Костанае, показали его визит по ТВ. Обрюзг, опух, оплыл, вял и безынициативен. Видно, нездоров. Энергия его покинула. Думаю, Нуреке его со временем куда-нибудь определит. Госсекретарь он тусклый. Он просто секретарь-помощник при Президенте. Он писатель, историк, философ, идеолог, но никак не служака.

26.04.99

Сколько больных! Сколько безработных! Во сколько раз увеличилась преступность! А как деградировало население! Во что превратились аулы, села? Как снизился уровень человека! Потрясающе! И все это даже слепому видно. Весь этот стыд происходит на наших глазах. А мой друг Абиш Кекилбаев проводит заседание комиссии по встрече третьего тысячелетия и мутовкой взбивает-взбалтывает прокисший кумыс дряблых словес, в которые – как умный человек – сам не верит. Куда направлен интеллект? Куда уходит знание? На что тратятся казахские слова! Heulen möchte ich darüber!

24.07.99

В Астане Абиш провел заседание Национального совета по государственной политике о молодежной концепции. Видно, в Нацсовет набрали новый состав, так как Зиманов, Исеналиев, Симашко, Кайдаров, Шерхан, я и др. – все в Алматы.

11.11.99

Звонил из Астаны Абиш. Отмечает свое 60-летие в Актау. Сам он приглашает из старших Кабдулова, Калтая, Нурпеисова, из друзей – меня и Маралбая. В трех местах шуметь-гудеть обстоятельства не позволяют. Мило поговорил, пожалел, что я не могу приехать, сказал: летом соберу вас всех отдельно. На свой юбилей он смотрит как на обузу, досадную за-

боту. «Сендер 60 жылдықтарыңызды өткізіп жатқанда, мен ұйқылы-ояу халде жүрген едім. Енді өз басыма келді».

12.12.99

Завтрашняя «Қазақ әдебиеті» будет якобы целиком посвящена юбилею Абиша. Среди сверстников Абиша много кривотолков по поводу его 12-томника. Многие исходят завистью и на все лады треплют этот факт. Я лично испытываю только радость за Абиша. И только искренне приветствую издание его трудов. Это, несомненно, культурное событие. Плохо только, что за Абишем и разные шәлдіреки захотят издать свои многотомные опусы. Вот это будет кривобоко.

27.12.99

...А вот мое поздравление на имя Абиша Нурпеисов посеял, так и не зачитав. Думаю, не по рассеянности и забывчивости, а из сознания, что на таком шумном, высоком тое поздравление какого-то Бельгера уж больно незначительно. Говорит, доверил Кулкенову, а тот, мол, запамятовал. В результате на юбилее Абиша мое поздравление не прозвучало. Меня это огорчило. Значит, я слишком мелкая сошка, чтобы зачитывать мои приветствия.

16.04.00

А вот строки из книги Абиша «Дүние ғапыл»:

...Бөкендеймін бөксесін бөрі тартқан
Бұлкілдеймін бүкшеңдеп, тура зытпай...

...Онсыздағы тағдырдың тар соқпағы
Иттің дәрет ізіндей ирек-ирек...

...Сабыр сақшым болмаса, кім біліпті,
Әлдеқашан жұтар ма ед аран қабір.

20.04.00

Начал читать кекилбаевский исторический очерк «Уроки Туркестана» в «Егемен Қазақстан». Начал Абиш издалека, с сотворения Земли. Половина первой статьи – подступы. Кстати, у всех на устах обоснование Абиша для ханской власти в Казахстане. Если это не досужая молва, то

явно докатился Абиш в своем усердии: все свои знания и таланты он извел на доказательство того, что Мырқымбай – потомок испанских королей.

12.05.04

Позвонил М. Кул-Мухаммед. Просит перевести предисловие Абиша к книге одного историка. Согласился.

Тут же привезли мне предисловие и сразу же гонорар (Мухтар всегда щедр). Прочел предисловие. Ляп-тяп не сделаешь. Абиша переводить сложно.

21.11.04

Приятный сюрприз сегодняшнего дня – неожиданное посещение меня Абиша и Клары. При этом заезжали они дважды: первый раз я был на прогулке.

Все было очень мило. Поздравили они меня с 70-летием. Абиш сказал подобающие добрые слова, вручил часы «Orient» («Времени остается все меньше, чаще поглядывай на часы»), о том о сем коротко поговорили, я вручил им три свои книжки, немного посидели за столом, символически выпили чуть-чуть коньяку. Я был взволнован встречей. Абиша в последние годы вижу редко. Расстроился только, узнав, что у Абиша давление постоянно высокое, где-то под двести, а сахар временами поднимается до двадцати. Были Кекилбаевы недолго, но оставили доброе, светлое впечатление. Клара выглядит хорошо, моложаво.

...Снега нет, но небо свинцовое. Солнца нет. Дышать нечем. Очень тяжело. Будто в завязанном мешке сидишь. Абиш сказал, что он просто не переносит алматинскую погоду. В самом деле: нам, сердечно-сосудистым бедолагам, особенно тяжко.

16.12.04

«Каз. правда» пишет про дождь правительственных наград. Абиш, Токаев и Имангали получили орден «Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев». Экзотический орден, ничего не скажешь!

07.01.05

Позвонил Д. Д. Он приехал на 10 дней в А., отсюда едет на сороковины матери. Поблагодарил за телеграмму-соболезнование и сообщил, что мать его (101 год) видела четырех «патша»: Сталина, Хрущева, Кунаева и

Назарбаева. На что Абиш, рассмешив всех, якобы сказал: «Апырай, какая сильная женщина! Мы-то одного патшу еле выдерживаем...»

18.05.05

Смагул сообщил печальную весть об Абише. В Уральске стало ему худо. Ведь он последние годы постоянно живет с высоким давлением (190-200), да еще сахар под двадцать. Тут и копыта откинуть немудрено. Вот Абиш и рухнул. Положили в больницу. Потом на самолете доставили в Астану. Две недели пролежал в реанимации. Закупорена часть мозжечка. Или полушарие мозга. Сейчас находится дома. Давление сбили.

Тревожно. Служба во власти (особенно если не лежит душа) убивает человека. Талант свой Абиш наверняка убил службой во власти. Роковая ошибка!

19.05.05

Из головы не выходит Абиш. Бедный, бедный, как он там? Сможет ли дальше работать? Или обречен на домашнее существование? А ему ведь только в декабре исполнится 66. Все силы, все способности, все время отдал служению власти ради сомнительных благ.

13.08.05

...Я же считаю, что в литературе надо трудиться, как вол. Как М. О. Ауэзов. Из современников литераторы-трудяги – Кадыр, М. Магауин, еще, пожалуй, Дукенбай. Сюда можно б было относить и Абиша, но он, к сожалению, пожертвовал жизнью и талантом ради мнимой и обманчивой казенной службы. Это его трагедия. У него были задатки встать вровень с Ауэзовым. Увы, пожертвовал собой в угоду суетливой мишуры.

19.05.07

Просочился слух, что Абиш претендует на секретаря Союза писателей Казахстана. Полагаю: ложный слух. Зачем ему это надо?!

20.05.07

Прочитал большую – в трех номерах – статью Абиша «Өркениет өзегі». Крепко сделано! Мощно! Фундаментально. Поучительно. Абиш – голова!

30.09.07

Прочитал большущую работу Абиша в «Егемен Қазақстан» – «Кемел». Это его доклад на 110-летие Ауэзова в Оперном театре. Мне говорили: «ұзақ», «шұбалаңқы», «жер-жиһанды шарлап, бөсіп кетті» и т. д. Вздор! Очень серьезный, глубокий анализ, широкий охват мирового явления под названием «Ауэзов», блистательное эссе, богатейший казахский язык, четко выверенная композиция, тончайшее проникновение в генезис Ауэзова. Я в восторге. Так основательно, интеллектуально мощно об Ауэзове никто никогда не говорил и не писал. Абиш превзошел себя. Он великолепно продемонстрировал всю свою интеллектуальную мощь. Я рад за него. Я сдержанно отношусь к Абишу-политику, считаю, что он идет-плывет не в том фарватере, но то рассудит время, а вот в ипостаси литературно-историко-философского аналитика, мыслителя он гигант, титан, уникум. Я горжусь Абишем. Об Ауэзове он сказал по-ауэзовски масштабно и мощно. Молодец!

26.12.07

В «Егемен Қазақстан» вышла статья Абиша о «Zwanzig Gedichte». Обстоятельно и высоко говорит о Кошуте, а меня даже не упомянул, хотя «Abai Zwanzig Gedichte» инициирована мной, я автор предисловия, послесловия и комментариев, все подстрочники подготовлены и разжеваны для переводчика Лео Кошута мной, а в рецензии я ни разу не назван. Чем объяснить? Осторожностью, боязливостью, трусостью? Или моя фамилия для «Егемен Қазақстан» табу. Что за неблагородство? Меня, разумеется, не убудет, но такое откровенное замалчивание – несправедливо ко мне. Поступок Абиша мне непонятен. И что за этим кроется? Странно...

29.12.07

Звонил по сотовому телефону Смагул Е. из машины. Трубку передал Абишу. «Ты что, сердечными делами увлекся?» – спросил он по-русски. Потом перешел на казахский. Утешил. Успокоил. «Сақтан». И заговорил по поводу статьи о «Zwanzig Gedichte». Смагул, мол, передал, что и ты к этому изданию причастен. «Мен немісше түсінбеймін ғой. Тек мазмұнын қарадым да, открытка жібергенше, мақала жазғанды құп көрдім. Дұрыс екен дедім. Сенің бұған қатысыңды білмедім ғой...» – «Ничего себе! Құрастырушы да, алғы сөз бен соңғы сөзді жазған да менмін, түсініңтемелер де менің қолымнан шыққан, жолма-жон аударма да менікі. Онда қалай болды?» – «Оу, ол жағын тіпті де білмедім. Сүйтсе...» – «Е-е, жарайды, болары болды. Өтті-кетті...»

Далее обменялись несколькими фразами, передали взаимно женам приветы, пожелали друг другу амандық, саулық. Сказал Абиш, что приехал на мероприятие по Зеке (Кабдолову). Тотчас вернется домой, потому что на Новый год приезжают дети. Я сказал, что Кошуту отправлю вырезку из газеты сам. «Ой, рахмет, айналайын!»...

Вот такой разговор. Вполне допускаю, что по қазақбайской безалаберности Абиш даже не полистал книжку, а пробежал глазами лишь оглавление, т. е. то, что набрано по-казахски. Ну, позвонил – и ладно. Обида моя прошла. Не обида – недоразумение.

12.11.08

Удивила меня статья Абиша в «Е. Қ.» о Дукенбае. Статья будто написана через силу. Речь идет только о «Жібек жолы». А где «Ақ орда»? Или ее не Дукенбай написал? И по объему статья нетипична для Абиша. И вообще по какому поводу статья? Без повода? Просто так? Статья эта – отписка. И ее никак нельзя записывать в актив Абиша.

23.04.09

Встретился с кинорежиссером Александром Головинским. Минут 30 обсуждали концепцию фильма об Абише. Распределили примерно роли, темы выступающих – Анастасьева, Сидорова, Ерофеевой, Бельгера, еще кого-нибудь из казахов. Многое прояснили. Видно, что Головинский весь в теме. Из русского шеститомника прочитал пять томов. Правда, зная Абиша, я все время подчеркивал Александру подводные рифы темы – Аблай, Абулхаир, Нурсултан. Головинский попросил, чтобы я сегодня же позвонил Абишу, постарался развеять его сомнения и обговорить казахскую кандидатуру для выступления в фильме. Вечером я позвонил, вышел на Клару; Абиш оказался дома, и мы многое обговорили. Обозначили основные, ключевые моменты, конкретизировали идеи, определили всевозможные подспудные мотивы, подводные течения, решили быть максимально осторожными, щепетильными, аккуратными в освещении этой непростой, довольно скользкой исторической темы. Чувствовалась большая настороженность Абиша, однако он вроде надеялся на меня, просил убедить и Головинского, и Ерофееву. Все было нормально, мило, убедительно, понятно. И вдруг через полчаса Абиш снова звонит мне и сообщает, что только что переговорил с Сашей (Головинским) и решительно отказался от фильма. Я обомлел. Все наши предварительные разговоры пошли коту под хвост. Я хорошо представил состояние режиссера, который все обдумал и подготовил. Он столько месяцев занимался этим вопросом. Но понять Абиша можно. Фильм, как его замыслил Головинский,

мог бы доставить много неприятностей среди разных слоев казахов, возбудить уйму кривотолков и недоразумений между разных кланов, родов, пристрастий и приверженцев взаимоисключающих исторических версий и тенденций. Абиш проявил бдительность: не наступай невзначай на хвост спящей змеи.

06.08.09

Позвонил А. Арцишевский, узнавая, писал ли я когда об Абише. Писал. И в столе лежит эссе, нигде не опубликованное. Он все передал редактору «Monitor» и тотчас заехал за статьей.

18.08.09

Утром позвонил из Астаны Абиш. И от него узнал, что моя статья о нем вышла в «Monitore». А я жду ее появления в пятницу. Абиш воспринял ее растроганно, сказал много теплых, ласковых слов. По-дружески, мило поговорили. Оказалось, ему о том сообщил Смагул, и Абиш тотчас раздобыл газету. Мне газету занесли вечером. Дали статью хорошо, без купюр и поправок («Знаю, у Бельгера штучный материал», – выразился Адольф А.).

03.09.09

Звонил Смагул Е. Рассказал подробности юбилея Абиша на Мангышлаке. Все прошло грандиозно, пышно и богато. Лауреатами Казахского ПЕН-клуба стали Басинский, Сидоров и Смагул. Сплошь нурпеисовский уфит-суфит. Тянет за уши только тех, кто ему лично нужен или может быть со временем полезен. Такая вот позиция. Ну, и Абиш всякой чести достоин.

05.12.09

Вчера по «Хабару» показали фрагменты чествования Абиша. Конференция. Абишу присудили почетное звание «профессор уни им. Гумилева». Он в мантии что-то сказал. Потом показали его с Кларой. И еще раз показали. И о нем говорили. Словом, чествуют Абиша славно.

Звонил К. Кешин, и я сымпровизировал свой лебіз для «Казахстанской правды» об Абише. А вечером узнал, что Президент наградил Абиша званием «Еңбек Ері» – «Герой труда Казахстана». Первый Герой среди писателей. За Абиша рад. Он звание это заслужил по всем параметрам. Правда, завистников теперь у него будет много.

А мероприятий по поводу юбилея не счесть: трехдневный той в Актау, два кино, выставка, Международная научная конференция, творческий вечер с участием Президента, статус академика, почетный профессор нескольких уни, уйма статей, интервью, репортажей и т. д. Все это прошло масштабно и мощно. На государственном уровне. Многия лета Абишу! Пусть напишет хотя бы еще один роман.

22.12.09

Абишу дали почетного профессора и в КазГУ. Теперь он, видно, совершит турне по всем областям и станет профессором всех областных университетов. Есть в этом что-то фарсовое. Столько времени тратить на мишуру, когда тебе 70 лет! Ну, в самом деле, зачем все это?!

06.01.10

Назарбек Канапияұлы опубликовал очень резкое открытое письмо Абишу. Абиша за его минутную слабость во время вручения «Еңбек Ері» треплют теперь все, кому не лень. Слишком уж прогнулся перед саруаром. Благодарность вышла боком. Я как раз читал жизнеописание Солженицына. На фоне этой могучей фигуры мой казахский друг выглядит блекло. Не тот менталитет. Не та закваска. Я подумал: на фоне нашего убожества и бесстыдства кому бы можно еще дать Еңбек Ері. Пожалуй, троим: Нуршаихову, Досанову и Досжанову. Эти трое, несомненно, характеризуют степень и уровень «Ер» («Героя») в казахской литературе.

06.12.10

Вспомнил: Абишу сегодня 71 год. Почти год он живет анахоретом-затворником. Сурово обошелся с ним Президент. Все ему дал: и кресло, и премии, и ордена, и Героя, и славу. А потом разгневался и отстранил, отлучил его от всего. За какие такие прегрешения – мне и поныне неясно. Одни досужие мотивы, молва и предположения. Звонил ему домой дважды, хотел поздравить – никто трубку не берет. И самые близкие друзья не могут до него добраться. Есть Абиш, и вроде нет его.

06.12.11

Позвонил Абишу, поздравил с днем рождения, мило поговорили. Было приятно его услышать. Живо интересовался нашим житьем-бытьем. «Аман-саулықта болайық. Сәлем айт!» Трубку первой взяла Клара. Удивился. Супруги не подходили к телефону почти год.

Аскар Сулейменов

Личность человеческая более таинственна, чем мир. Она и есть целый мир.

Н. Бердяев

Болатын бөлек жүрісі,
Өзі де еді от бөлек.
Көңіліне қонбай бір ісі,
Өмірге кетті ол өкпелеп...

С. Асанов

Студентом третьего курса КазПИ им. Абая – а это был 1957 год – я обратил внимание на одного первокурсника казахского отделения литературного факультета. Пожалуй, ничем он не отличался от своих сверстников – выходцев из аула. Смуглый, круглолицый, щуплый. Но внимание мое привлек тем, что ночами напролет сидел в холле общежития рядом с дежурной – рыхлой доброй бабушкой Ульяной, уткнувшись кривым носом в толстенные книги.

В те года в общежитии по ул. Советской, 32, царил порядок: после одиннадцати ночи было положено спать. Свет горел лишь в закутке холла, и здесь неизменно бодрствовали двое: бабушка Ульяна на боевом посту нравственности и этот щуплый, смуглый юнец за каким-нибудь фолиантом. Его ночные бдения почему-то многих старшекурсников раздражали. Ишь, книгочей нашелся! Не спится ему! Дня ему мало... И кого он читает? Не казахских, не русских классиков, как все нормальные литфаковцы пединститута, а сплошь иностранцев. Бальзака. Гюго. Генриха Манна. А то и вовсе Бог весть каких философов. Откуда он взялся, грамотей?

«С юга, – ответил его сокурсник, мой земляк и однокашник Ермек Конарбаев. – Учится хорошо, но по русской части не силен».

Вскоре мы познакомились. Я узнал, что его зовут Аскаром Сулейменовым. Жили мы, однако, в разных сферах. И интересы были разные.

Таково начало.

А вот конец.

15 мая 1992 года после какого-то заседания я бродил возле Верховного Совета в ожидании Абе (Нурпеисова), застрявшего по обыкновению у очередного высокого начальства. День был солнечный, уютный.

Вдруг из здания – явно озабоченные, хмурые – вышли Абиш Кекилбаев и Нурлан Оразалин. «Мне только что позвонили: умер Аскар», – глухо сообщил Абиш. «Какой Аскар?» – «Сулейменов». – «Ка-ак?!»

Это было непостижимо, немыслимо. Абиш и Нурлан куда-то умчались, а я еще долго кружился на площадке у входа, ожидая Нурпеисова, чтобы поделиться моим страшным, внезапным горем.

Нурпеисов посерел лицом, долго молчал. Потом обескураженно выдохнул: «Апырай, а?!.»

Мы тотчас отправились к матери Аскара выразить соболезнование.

И между этими двумя событиями пролегла тридцатипятилетняя жизнь, наполненная Аскаром: учеба в аспирантуре КазПИ, работа в журнале «Жулдыз», частые встречи, взаимные посещения, долгие разговоры, беседы по телефону, все то, что рождает между людьми взаимную приязнь, духовное родство, дружбу, искренность, привязанность, нежность.

Я это неизменно чувствовал, а теперь и понимаю: ему всегда было трудно жить. Неуютно. Я не вкладываю в это житейский смысл, хотя и в сугубо житейском плане жизнь его никак не баловала. Он был не такой, как все. Дух его отчаянно рвался к свободе. А свободы не было. Только к концу его жизни она слегка забрезжила. И потому Дух его был постоянно – или большей частью – подавлен, омрачен.

Он лишался естественности, непринужденности. Грациозности мысли. Изысканности мудрствования. Взыскуемой гармонии формы и содержания. И это в свой черед приводило к хроническому одиночеству. К внутренней эмиграции. Он жил не в свое время. Вероятно, он вписался бы органичней в арабский мир X–XI веков. Или в европейский Ренессанс.

Опор было мало. Порой их вообще не было. Временами оставались только Музыка, которую он боготворил, Лошадь (жылқы), которая обретала для него некий магический символ вожделенной свободы.

Непохожесть его на большинство из двуногого племени, нестандартность поведения, нешаблонность мышления многих раздражала. Оригинальность его обыкновенным божьим созданиям казалась иногда оригинальничаньем, фрондерством, затянувшейся бравадой, игрой. Им просто не хотелось признать, что он, Аскар, другого поля ягода, по-другому скроен, иначе создан.

Н. А. Бердяев в «Самопознании» пишет: «Свобода, личность, творчество лежат в основании моего мироощущения и миросозерцания». Я думаю, то же мог сказать о себе и Аскар. Общие каноны, самодовлеющий порядок были ему противопоказаны.

В мире духовности он еще мог дышать. Но в мире реальном, практическом, грубом, банальном, где надо подлаживаться, приспосабливаться, лавировать или смиряться, он просто задыхался.

В таких случаях, бывало, он становился трудным в общении, невыносимым, дерзким, задиристым, выставлял напоказ отнюдь не лучшие

свои качества, словно находил мазохистскую усладу в том, что настраивал окружающих против себя. Конформизм был ему противопоказан.

Помню, как огромным усилием друзей была подготовлена почва для получения трехкомнатной квартиры, в которой очень нуждалась его семья. Высокий чиновник, сидевший в высоком кресле в ЦК КП Казахстана, пригласил его на беседу, которая должна была как бы вершить долгожданную удачу. И что же? Аскар «через не могу» пошел, затеял спор, произвел на чиновника нарочито отвратное впечатление, эпатировал его диссидентскими штучками, раздразнил его, напоследок высмеял его беспощадно и едко, потеряв тем самым всякую надежду на улучшение бытовых условий и сведя на нет все старания друзей. Ему было тяжко жить в коллективе, по законам коллектива. Всякие надуманные законы, каноны, регламентации, корпоративные интересы были ему в тягость. От этого он и сам страдал и другим доставлял уйму неприятностей.

Приведу несколько записей из дневников разных лет, которые, возможно, дадут более колоритное представление об Аскаре как самобытной, неординарной личности.

21.09.1961.

В прошлую пятницу у меня был Аскар. Пили вино, посидели, поговорили. Аскар, кажется, остался доволен. Хороший парень. Люблю я его. Из него выйдет толк, если нужда не засосет. Хочет забрать из аула мать, сестру. А квартиры нет, и денег нет. Беда...

10.10.1961.

Встретил Аскара. Оброс. Говорит: «Хотел бы запереться, чтобы не видеть никого. Надоело все!»

5.11.1961.

Вчера Аскар сдал кандидатский минимум по английскому языку. Как сдал – ума не приложу. Английский он знает столько же, сколько я – фарси. Но – обмыли. Аскар, Костюхин и я. Выпили три бутылки сухого. Закусывали сигаретами. Говорили о XXII съезде КПСС, о Китае, о выступлениях Шолохова и фанатике Кочетове. Кочетова ругали все вместе.

11.02.1962.

Иду мимо общежития КазПИ. Слышу необыкновенное трагическое пение. Застыл, прислушался. Видимо, это Аскар что-то новое приобрел.

Он все свои гроши тратит на пластинки. Сам же питается одними сигаретами. Курит и слушает музыку. Зашел к нему. Понял: «Реквием» Моцарта. Аскар мрачный, насупленный, стоит у окна, слушает. В комнате тарарам. На столе, кровати, на полу книги, вестники, журналы, газеты, пластинки, пепел.

– Вы знаете, как меня обругали? – спрашивает по-русски.

– Где? Кто?

– Вот…

И он небрежно, с отвращением подбрасывает мне «Соц. Қазақстан». Статья некоего Рахимжанова. Остроумно, резко и в чем-то, думаю, справедливо критикует две статьи Аскара. Читаю вслух. Аскар громко и сардонически хохочет. Зашел разговор о слове «кексе». По Аскару «кексе» означает «зрелость». «Таланттың кекселігі» означает по нему «зрелость таланта». Я сказал, что для меня «кексе» ассоциируется с понятием «пожилой», «старый». Он усмехнулся и перестал спорить. Аскар немножко не такой, как все. И для меня он неожиданный. И все же мне с ним интересно. И у него я отдыхаю.

13.04.1962.

Был у Аскара. Беседовали. Слушали музыку. Говорили о Горьком. Я сказал, что он мудрец. Аскар скривился: «Обыкновенный Иван». Аскар поставил на проигрыватель «Сары жайлау» Таттимбета. Говорил мне: «Это великий композитор. Күңіренеді де отырады. Он философ в музыке. Он никогда не улыбается. Он казахский Бах. Он антипод Курмангазы».

Я невпопад улыбнулся, ему не понравилось.

– Вы читали Манна? Томаса?

– Ничего, кроме «Будденброков».

– Ну-у… Как же так?! Когда его читаешь, все время чувствуешь себя ничтожеством. Я это чувствую. И это чувство никогда тебя не покидает. Вот это писатель!

– Читая, чувствовать себя ничтожеством, – разве хорошо? Я, читая, хочу чувствовать себя человеком.

Аскар передернулся. Так раздосадовало его мое мнение.

15.01.1963.

Аскар прочел мне первую главу своей повести. Написано неплохо. Глубокий психологизм. Смесь Хемингуэя, Белля, Борхерта, Стейнбека. Но своеобразно. Для казахской литературы даже свежо. Вообще он способный парень. Молодец! Но диссертацию пишет туго. Не хочется. Не нравится тема.

14.09.1964.

В среду был у Аскара. Он медленно, но верно встает на ноги. Работа хорошая. 180 рублей зарплата. Заключил договор с Министерством культуры на перевод пьесы Бертольда Брехта. Так что у него кое-какие шансы появились.

26 октября 1964 г.

Вчера неожиданно заехал Аскар на такси и забрал нас с Раей к себе: оказывается, у него свадьба. Было хорошо. Тахауи, Абдижамил, Ажар, Калихан, Олжас, Ануар, Бердыбек, Кадыр, Ходжиков, Мамбеев, сваты, сватья – человек сорок. В конце тамадой был Абиш. Очень хорошо!

4.12.1966.

Приходил Аскар, но нас не было дома. Он написал на уголке газеты: «Геке, бластенкелерімді арқалап келіп едім, бірақ, бәтенкем тесік болған себепті екі сағаттан артық күте алмадым. Қатын-балаларынызға сәлем айтыңыз. Ас. 6-20».

10.12.1966.

Вечером пришел Аскар. Прослушали раз пять Девятую симфонию «Бетекең» – так Аскар называет Бетховена. Аскар прочел свой рассказ – хороший, может, несколько тяжеловатый, мрачноватый, болезненный. Поговорили о том о сем, в двенадцатом часу ночи он взял один «жамау» для Абдижамила и поехал домой.

8.02.1967.

Вчера вечером был Аскар. Хочет написать пьесу. Замысел интересный. 1916 год. Судьба казахов. Судьба отвернулась от казахов. Безразлична судьба к казахам. Начали строить юрту, да так и не достроили. Начал старик ремонтировать свой разбитый кобыз, но не суждено было кобызу сыграть скорбный кюй... Написал заявку в Минкульт. Над диссертацией тоже намерен работать.

26.02.1967.

Были у нас Аскар и Алтыншаш. Было хорошо. Они остались ночевать. Легли в третьем часу ночи. Всю ночь слушали Моцарта и Баха. Аскар принес старку. Приятно пьется, но крепкая.

22.05.1967.

Были вчера у меня Абиш и Аскар. Хорошо покалякали. Много интересного поведали они мне. Об Аллилуевой, об обсуждении романа Сол-

женицына. Абиш читал стенограмму. Абиш и Аскар собираются в Ялту в Дом творчества.

23.09.1977.

Прочел Абдижамилу по телефону – отрывками, но почти всю – статью Аскара «Болмыспен бетпе-бет». Рассказал Абе, что статью эту мне передали с усмешкой, и я начал читать ее с предубеждением, опасаясь, что там будут сплошные выкрутасы, до которых Аскар большой охотник, но прочел раз, половину не понял, однако почувствовал – вещица дельная и глубокая; прочел второй раз – нравится больше; в третий раз читая, я ощутил потребность произносить вслух, живо слыша при этом интонации Аскара. А утром читал по телефону в четвертый раз. И окончательно понял: об Ауэзове нужно только так писать. И такая статья стоит многих серых и убогих статеек-исследований и подленьких воспоминаний, где каждая муха – по Горькому – силится оставить свой след в жизни большого человека.

Абе выслушал, сказал, что ему нравится, что он тут же позвонит Сейдахмету Бердикулову, дабы развеять его сомнения, заговорил о Шкловском, о стиле, о своеобразии. «Асқар адамның ойлау қабілетін өнерге айналдырады. Өспейтін әдебиет разнообразияны сүймейді. Біздің миымызга сіңген пайымдар ғана керек. Түсі өзгеріп келгенде біз қабылдамаймыз. Мұнын барлығы өреміздің тарлығы».

(По-русски: «Способность человека мыслить Аскар превращает в высокое искусство. Неразвивающаяся литература не терпит разнообразия. Наш мозг воспринимает лишь привычные понятия. Если они меняют свой облик, мы их отвергаем. Все это идет от узости нашего восприятия».)

17.03.1978.

Поздно ночью, по обыкновению, позвонил Аскар. Он только что прочел повесть Н., и она ему очень не понравилась. «Стильді ой жасау керек. Мұнда ой жоқ. Кілең потуги ғана. Тіл арқылы қиындатам дейді, бірақ, не ол?.. Со-о-ондай скучный нәрсе. Ой жоқ, материал жоқ, қазақтың психологиясы жоқ. Материал должен диктовать стиль и язык. Сіз бірақ ештеңе айтпаңыз. Мен оған Прусттан кейінгі ең улкен шаруа жасап жатыр екенсіз деп айтайын. Көлемі қанша дейсіз? 350 бет?! Пәлі... Бұл да енді Фолкнер, Пруст, Джойс дегендерден бірдеме естіген ғой...»

(По-русски: «Стиль определяется мыслью. Здесь же нет мысли. Сплошные потуги. Он старается усложнять все посредством языка, но что из этого? Та-а-кая скучная вещь. Нет мысли, нет материала, нет пси-

хологии казахов. Материал должен диктовать стиль и язык. Но вы ему ничего не говорите. А я ему скажу, что он занялся самым крупным после Пруста делом. Каков, говорите, объем? 350 страниц?! Вот те раз! Конечно, он тоже ведь что-то слышал про Фолкнера, Пруста, Джойса»).

17.01.1981.

Долго и восторженно говорили с Аскаром по телефону о романе Чингиза Айтматова. По мнению Аскара, Чингиз и Кара Караев – два титана современной тюркской культуры, и смешны те, кто тщится соперничать с ними. Далее Аскар сказал, что Айтматов из тех, кто сейчас пишет, и тех, кто только намеривался писать, «алдын орап алды», ибо после этого романа, как бы они ни писали, все будет вторичным. Я заметил, что в таком духе выразился однажды Куприн, сказав, что «этот старик» (Лев Толстой) общипал нас всех на сто лет вперед. (У Куприна, помнится, другой глагол, я не могу его сейчас вспомнить, но смысл примерно такой.) Аскар рассмеялся: «Но Толстой все же кое-где оставлял волосинки, а Чингиз бреет подчистую лезвиями «жилет», не оставляя другим ничего». Я сказал, что кажутся лишними первые страницы публицистики от себя, на что Аскар заметил, что это просто литературный ход автора, что это намек, ложный след для критиков, дескать, дает направление, мол, «осы жерімді ғана қасисыңдар». По Аскару, Чингиз оставил наверняка страниц 8–9 про запас – наиболее острые, щепетильные страницы – для отдельного издания. Еще Аскар сказал, что Чингиз охватил все, что зарубежной критике есть о чем говорить, что даже фантастика, все эти «Паритеты», «Конвенция», «Лесная Грудь» и прочие – тщательно продуманы и выбраны с большим смыслом. Говорили мы и о том, что есть писатели, которые сразу набирали большую высоту и не снижались (Ауэзов, Хемингуэй). Писателей, которые снижаются с каждым новым произведением, – много. А вот писателей, которые растут от произведения к произведению, – очень мало. И один из них Айтматов. Написал он ведь не так много. К плодовитым его не отнесешь, а ощущение такое, что написал он много, и это потому, что каждое его произведение – этапное, выше предыдущего. А как он далеко ушел от первых своих повестей!..

* * *

Боже, сколько было у нас телефонных разговоров! Он мог позвонить неожиданно глубокой ночью и сказать: «Геке! Послушайте Таттимбета. Потрясающе!»

Он у себя ставил на проигрыватель незнакомый мне кюй, а я, [illegible] сонный, слушал его по телефону в ночной тиши. Через некоторое время

он спрашивал: «Ну как? Гениально! А теперь послушайте Малера. Потрясающе!» Таким образом он заставлял меня слушать Бетховена, Моцарта, Баха, Гайдна, Стравинского, Рахманинова. Иногда подолгу читал – опять-таки по телефону – выписки из книг, пространно комментируя те или иные цитаты.

Вообще была у нас любимая игра – обыгрывать цитаты, прибегать к литературным реминисценциям.

– Ал-еу-еу… это маршал брезидент Прежнев Юрий Андропович, – говорил врастяжку, хрипловато Аскар, и я догадывался, что он цитирует Юза Алешковского, о котором накануне была где-то статья, и отвечал также его фразой:

– Да, да... головокружение будет за нами!..

Или так:

– Ал-еу-еу… это қырт Жуман… – И Аскар начинал цитировать начало третьей книги «Пути Абая»: «Күз аспаны күңгірт, бұлыңғыр. Ауада дымқыл сыз бар».

– Ия, солай, – отвечал я ему в тон. – «Сұр бұлт түсі суық қаптайды аспан».

– Да-а... Оңып турған дүние жоқ. «Күз болып дымқыл тұман жерді басқан»...

– Нешауа... «Қар жауса да тоңбайды бай баласы»...

– Ха-ха!.. «Карл баласы» деңіз.

– Согласен. «Қар жауса да тоңбайды Карл баласы».

– Әрине... Өйткені: «Үй жылы, киіз тұтқан айналасы».

Так мы подолгу устраивали перекличку цитат из Абая и Ауэзова. Звоня, он каждый раз представлялся по-разному, в зависимости от актуальной политической конъюнктуры.

– Это Алкснис... Это Умалатов, муж Сажи... Это Эгон Кренц... Это Василий Иванович Казаков...

* * *

Есть у меня «лошадиный словарик», составленный мной для переводческих нужд. «Лошадиная» лексика у казахов чрезвычайно богата. И русский эквивалент находится не всегда.

Аскар как-то внимательно проштудировал этот мой словарик и сделал карандашом пометы.

«Выстойка» – рядом он написал «таң асыру».

«Трот» – *текірек.*

«Карп» – парыл.

«Шлюпка» – шоқтық.

«Саяқ жылқы» – мерины, выделенные в отдельный косяк. (В скобках Аскар написал – «диссидент». Получилось образно: «Саяқ – «мерин-диссидент».)

«Тұлпар» – Аскар пояснил: «вне конкурса».

* * *

Однажды он мне объяснил: от любви осла с кобылицей рождается мул. Если отец жеребец, а мамочка – ослица, то сын лошак.

И добавил: в казахской литературе больше всего лошаков и мулов.

* * *

Язвителен он бывал часто. Как-то заметил: «Миы жоқ халықтың бәрі сталинист». («Все безмозглые народы – сталинисты».) Не жаловал пышнословие, пустобайство, трюизмы.

Говорил, кривя тонкие губы: «кыртианство», «кумбульдизм».

К современной казахской литературе у него было сложное отношение. Для него было мукой читать примитив, безъязыкое «ботка» (тюря), нудное описательство. Иногда он говорил: я уже десять лет казахов не читаю. Я, однако, знал, что это бравада. Читал, хотя и избирательно. По душе ему были Абиш, Дулат, Сатимжан, Иранбек, Марат, Баккожа, Фариза, Мукагали. Высоко почитал Ахтанова – и как прозаика, и как человека.

Сам он писал филологическую прозу с сильным уклоном в психологизм, экспериментальную прозу – совершенно не культивируемую в казахской литературе, а потому чуждую, недоступную массовому читателю. В этом смысле постижение Аскара-прозаика еще впереди. То же самое я сказал бы и о его многоплановых, многослойных диалогах – и в прозе, и в драмах. Они многомерны, многозначны, объемны именно своим подтекстом. Казахского же читателя слишком долго приучали к однозначной, одномерной плоской повествовательной интонации. Эстетический критерий Аскара был высок и многоцветен. В утверждении своего эстетического идеала ему приходилось идти против течения. Тут не мудрено было надорваться.

* * *

Одно время мы затеяли с ним игру: подражая японской поэтической форме, сочиняли трехстишия. При этом одну строку придумывал я, две – Аскар. Иногда – наоборот. Это была забава. Для смеха. Для внутреннего пользования. Но и в этих трехстишиях-пустышках отразились аскаровские черты, манеры, пристрастия. Приведу некоторые, почти всецело аскаровские:

Аспанда бұлт –
Ауып жүрген ала қар.
Көз аласын қан жапты.

Көше толы азбан шал,
Мөлиеді қыздарға –
Келгені ғой көктемнің.

Ұйыған түн.
Сұр дауысы сүм байғыздың –
Гайдн.

Қараағаштың бұтағы
Топшысы сынған қарғадай,
Қар қалың.

Ала қарға, с-с-собака,
Қарқылдайды аспанда
Қараша келді, значит.

Шындық – жабы,
Ақиқат – күлік.
Ағаштар жалаңбұт қалды.

В этих шутливых, незатейливых строках запечатлены образность, метафоричность, ассоциативность аскаровского речестроя.

Все эти строки фактически непереводимы. При буквальном переводе на русский язык теряется весь шарм, «изюминка», игра слов и заветный смысл. Поэтому автор их приводит в оригинале.

Слово «күлік» он любил. В цикле рассказов о Биржане сказано: «жабыға жарасар көнтерілік – күлікке мін». Этим философским кредо он, по-моему, руководствовался и в человеческой жизни. Терпеливость, покладистость рабочей клячи отнюдь не достоинство для вдохновенного призового скакуна. Таков – примерно – смысл этой сентенции.

АСКАР

ПАМЯТИ ДРУГА

* * *

Месяца за три до своей кончины он заказал мне эссе для журнала «Парасат». Эссе должно было быть обо мне. Аскар даже придумал название – «Зар» – то есть «Горький плач», «Вопль души». О горьком горе репрессированного в детстве. О тяжкой зарубке на сердце. Психика подбитого в раннем, хрупком возрасте. Состояние человека, вынужденно оказавшегося на стыке разных культур, живущего в иной языковой среде. Исповедь израненной души. Плач современного Маугли в свихнувшемся мире. Вопль души, отлученной, отторженной от своей естественной субстанции.

Я поразился этому заказу. Аскар задел самые потаенные мои струны. Это трагическая, незабываемая боль, о которой никому не расскажешь. Или вообще не расскажешь. Ибо не всем, далеко не всем дано понять. А душу раскрывать перед толстокожим – какой смысл? У Аскара, однако, было чувство чужой боли. И мое настроение он улавливал точнее других моих друзей и сочувствовал по-человечески глубже. «Зар», «зар», «зар» – встрепенулась моя душа.

Я согласился. Договорились: страниц 12–13. На разворот. Написать к маю...

А в мае Аскар покинул нас навсегда. И вряд ли я в оставшейся своей жизни решусь на такую исповедь. Так этот «Зар» и останется со мной.

Приходил он, бывало, неожиданно. «Как вы?» Он произносил эту форму приветствия – кальку с казахского «Қалайсыз?» – своеобразно: сказав «как», делал паузу, потом врастяжку говорил «Вы-и?». И я незаметно отвечал: «Э, живой пока...» Он на миг задерживался у порога. Тонкий, худой, одетый в обтяжку. Ноги ставил как-то странно, носками вовнутрь. Серолицый. Сутуловатый. Крючконосый. В шляпе. Пришелец с другой планеты. Или представитель диковинной южной страны.

Раздевшись, проходил в кабинет, бросал на стол пачку сигарет, зажигалку, требовал пепельницу, закуривал, ставил на проигрыватель пластинку, начинал листать книги, просматривать журналы, пить чай или кофе, коньяк или вино, говорил, расспрашивал, через десять-пятнадцать минут устраивал в доме настоящий тарарам, то есть классический творческий беспорядок. Это ему поразительно удавалось. И это ему шло. Никто у меня так раскованно, так вольно себя не вел, как Аскар – этот артист Духа, избранник интеллекта.

Также неожиданно исчезал, прихватив пару-другую книг или журналов. Чаще всего с концом. Такая уж была у него слабость. От этих встреч оставалось ощущение творческой легкости, духовности, изящества, удавалось ненадолго отринуть суету и мишуру серого бытия.

* * *

Идей, задумок, замыслов было у него уйма. Он их раздавал налево-направо, щедро, походя. Он продуцировал идеи, но реализовать, осуществлять их чаще всего не мог. Не хватало сил, воли, усидчивости.

Незадолго до своей кончины он поделился своей идеей составить книгу для издательства «Ахмет Яссауи». Условное название книги: «Ұлттар, ұлыстар өздерінің көзімен», то есть «Народы и нации своими глазами». Он намеревался составить эту книгу за девять месяцев в объеме десяти печатных листов. В книгу должны были войти высказывания Чаадаева, Герцена, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Лермонтова, Чернышевского, Ленина, Соловьева, Флоренского, Шестова, Гершензона («Вехи»), Бердяева.

Да-а, замысел прекрасный…

* * *

Когда его тело опускали на землю у крутого склона «Кенсая», мне стало не по себе. Я отошел в сторону и сел на жесткую, пыльную прошлогоднюю траву. Было тихо. Внизу простирался в дымке громадный город, в котором уже не было и отныне никогда не будет Аскара – этого ни на кого не похожего, одинокого в душе, неприкаянного путника. «Ия, Гер-аға... досыңыздан айырылдыңыз...» – заметил, проходя мимо, Кулбек Ергобеков. Я только кивнул. Слов не было. Да и не хотелось слов…

А видел я его в последний раз в Доме печати возле «Кок-базара». Я спускался по ступенькам, а он поднимался стремительно вверх – в черной шляпе, черной куртке, серолицый, скрученный, озабоченный. В хо-

лодных, суровых зрачках стыли отрешенность, сосредоточенность. «Оу, Аскар!» – вырвалось у меня. Он на миг остановился, погасил муть в глазах, спросил по своему обыкновению с только ему свойственной интонацией: «Как… вы-и?». И выслушав короткий традиционный мой ответ, ринулся ввысь, через ступеньки – легкий стремительный, сумрачный, погруженный в неведомые мне мысли.

Я не знал тогда, что жить ему оставалось несколько дней.

Но знал ли он?..

Так он и запомнился мне напоследок – Аскар, летящий вверх по ступенькам…

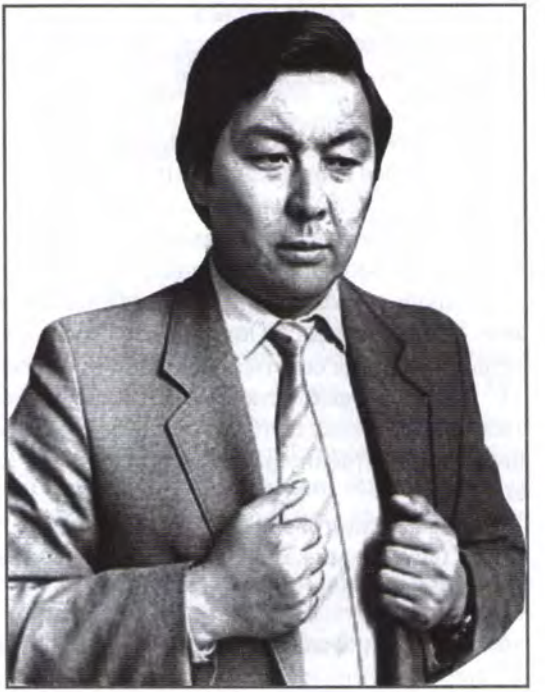
20 марта 1994 г.

Post Scriptum

На поминках после похорон, помню, хорошо говорил об Аскаре академик Зейнолла Кабдолов. Он сказал: «Аскар не умер. Аскар только начинается». Как в воду глядел! Именно после земной жизни воссияла его литературная слава. Усилиями и стараниями прежде всего недолгой спутницы Аскара, скромной и талантливой Алии Бупежановой («Жаксы бала», – сказал он как-то мне о ней, когда я восхищенно отозвался об их совместном диалоге в «Қазақ әдебиеті»), а также его детей и друзей была собрана и переиздана его проза, дневниковые записи и максимы, на сцене Казахского академического драматического театра поставлены все его пьесы, о нем написано немало воспоминаний, его упоминают и цитируют в бесчисленных статьях, он стал кумиром молодых, дерзких, раскованных литераторов, он посмертно стал лауреатом Государственной премии им. Абая, о чем при жизни и не мечтал. Он оставил заметный, благородный след не только в казахской литературе, но – самое важное – в национальном самосознании. Поистине, Аскар пережил свое время – высшая награда для творца. Мир тени его!

Сентябрь 1998 г.

Баккожа Мукаи

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОГО ПАРАСАТА

Поразительно многозначно в казахском языке слово «парасат». Оно включает в себя такие понятия, как благородство, порядочность, интеллект, нравственность, культура, ум. Из их гармоничного сочетания и получается «парасат». Всеми этими достоинствами обладал не доживший чуть-чуть до своего 60-летия прозаик и драматург, журналист и редактор, человек высокого парасата Баккожа Мукаи.

Я знал о его неизлечимом недуге. То, что не полагалось говорить вслух соплеменникам, он доверительно сообщил мне, инородцу. Когда после долгого недомогания он поведал мне, что его направляют в медицинский центр под Гамбургом, все стало ясно. Баккожа сражался со злой хворью, как лев. «А что делать? – сказал он мне сокрушенно. – Надо попытаться продлить жизнь хотя бы на год».

Я похолодел. Он трижды ездил с сыном Ерланом в Германию, один раз в Китай, стойко вынес облучение, принимал дорогие лекарства. Все тщетно. Каждый раз, приезжая домой, он названивал мне, делился мыслями-думами, подробно рассказывал о лечении, заботился о своем журнале.

Накануне кончины сказал: «Устал… Все болит… Кости ноют… Сил нет». Другу-издателю написал в последней записке: «Жизнь кончилась… Жизнь продолжается. Живите счастливо, радуйтесь успехам и смеху своих детей и внуков».

Человек он был негромкий, нешумный. Не высовывался, не выпячивался, не кичился своими знаниями. Литературу и искусство понимал глубоко. Слово чтил свято. Был чуток, внимателен, деликатен, красив.

Он построил дом. Вырастил сына и трех дочерей. Успел подготовить пятитомное собрание сочинений. Успешно руководил журналом «Парасат».

Будучи моложе меня на тринадцать лет, трогательно заботился обо мне. Предупреждал: «Осторожнее, Герольд Карлович! С возрастом шутить нельзя». И давал советы, как я должен себя оберегать.

Наши братские отношения продолжались три десятка лет. Я знаю его творчество. Писал о его романе «Өмірзая», радовался, когда он получил за него Государственную премию Республики Казахстан. Бывал на премьерах его пьес.

Мне тяжело говорить о человеке высокого парасата в прошедшем времени. Он был мне младшим братом, другом. И, по-казахски выражаясь, кровью плачет мое сердце о нем…

Опубликовано в газете «Казахстанская правда» от 31.01.08;
в кн.: Г. Бельгер. Избранное: В 10 т. Т. 9.

НА СМЕРТЬ БАККОЖИ

Умер друг у меня,
вот какая беда.
К. Симонов

За окном надрывается ворон с утра,
Занимается чахлый рассвет.
Зазвенел телефон. Да. Баккожа
Скончался. Ушел. Больше нет.

Оглушен и растерян застыл за столом,
Выпала ручка из рук.
Знал ведь, знал: вот уж год обречен,
С хворью злою сражался. И вдруг...

Несправделива, жестока судьба,
Косит смерть без разбору всех.
Суд вершит, говорят, один лишь Аллá,
На Всевышнего сетовать – грех.

Умер друг у меня, вот какая беда...
Где ты, друг, младший брат Баккожа?
Плачет сердце, скорбит. Онемела душа.
Неизбывное горе. Тоска.

06.01.08

КРАСИВО ПРОЖИТАЯ ЖИЗНЬ

Небольшая, внешне непритязательная, чересчур скромно изданная книжка называется «Красиво прожитая жизнь». Автор – Баккожа Мукаи, не доживший менее месяца до своего 60-летия. Он был моим младшим товарищем, другом, коллегой. Мы тесно контактировали, кажется, лет тридцать, и он был со мной подчеркнуто деликатен, вежлив, открыт, доверчив, трогательно заботлив. Прекрасный прозаик, драматург, лауреат Государственной премии.

Все очерки, вошедшие в эту книжку, мне знакомы по периодической печати: это психологически точные, фактологически достоверные, художественно теплые, лирические литературные портреты о писателях-коллегах, театральных деятелях, с которыми автор сотрудничал, общался,

встречался, варясь в огромном, бурлящем казане Союза писателей Казахстана. Автор доверительно, с неизменным уважением, проникновенно рассказывает о покойных Жубане Молдагалиеве, Бердибеке Сокпакбаеве, Кемеле Токаеве, Раимбеке Сейтметове, Тахави Ахтанове, Тельмане Жанузакове, Сагате Ашимбаеве и ныне живых – Акиме Тарази, Калихане Искаке, Аширбеке Сыгае, Сабите Оразбае, Султанали Балгабаеве, Жакау Дауренбекове, Канате Саудабаеве. Всех этих достойных людей я знал и знаю: вся обстановка и все события, описываемые в этих очерках, мне доподлинно известны, и я со своей колокольни подтверждаю их исключительную правдивость и искренность и, читая об этих личностях и о том времени, испытываю радостный эффект присутствия и соучастия, сопереживания, сочувствия.

В этом, полагаю, и заключается ценность книжки.

Для каждого героя своих очерков Баккожа находил точные определения, подмечал самую суть. Суровый очерк о внешне суровом поэте-воине Жубане Молдагалиеве назван «Человек поступка»; размышления о Бердибеке Сокпакбаеве построены на основе его сентенции: «Истины в жизни нет. Истина живет в сердце каждого. А живем мы в этом мире с ложью»; воспоминания о Кемеле Токаеве заканчиваются так: «Он выделялся среди других. Предпочитал одиночество. Ни одна живая душа не знала, что творится в его сердце. Токаев был загадочным человеком»; творческий портрет Тахави Ахтанова обстоятельно раскрывает все грани таланта и личности выдающегося прозаика и драматурга («Мастер»); лирический очерк памяти обаятельного Тельмана Жанузакова, родственника и коллеги автора, назван «Тоскую каждый день»; «Красиво прожитая жизнь» – это штрихи к портрету безвременно ушедшего от нас талантливейшего, эрудированного литературного критика и публициста Сагата Ашимбаева; «Влюбленное сердце» – дружеское слово о театральном критике, признанном культуртрегере, профессоре искусствоведения Аширбеке Сыгаеве; очерк о сценическом пути и человеческих странностях народного артиста республики Сабита Оразбая называется «Преемник вчерашних традиций». И т. д.

Баккожа был красивым человеком и внешне, и внутренне. Не по годам степенный, обстоятельный, надежный, тактичный, доброжелательный, с аристократическими манерами. И в своих героях он точно подмечал их достойные качества, подчеркивая их талантливость, порядочность, интеллигентность и гражданственность.

Все эти очерки я в свое время читал в печати в оригинале. И теперь радуюсь, что издательство журнала «Парасат», которым Баккожа руководил долгие годы, нашло возможность издать их под единой обложкой в добротном русском переводе Майры Жанузаковой.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ДНЕВНИКОВ РАЗНЫХ ЛЕТ

12.12.92

Третий день доходят до меня из президентского аппарата какие-то намеки о присуждении мне Президентской премии мира и духовного согласия. Звонили Саутбеков, Штопель, Нурпеисов (ссылаясь на М. Жолдасбекова). Сегодня в пол 12-го позвонил Баккожа и поздравил. «Откуда знаешь?» – «Айтты ғой. Үш адам – сіз, Снегин, Мехлис Сулейменов. 15-сі күні газеттерге хабар шығады».

Неужели? Это, пожалуй, уже больше смахивает на правду. Баккожа мог узнать об этом у Алтынбека Сарсенбаева.

04.08.93

Вечером позвонил Баккожа. Поинтересовался, чем и как я живу. Он ко мне издавна хорошо расположен и желает мне добра. Я это знаю.

28.04.94

У Баккожи 29-го в шесть вечера премьера спектакля. Приглашает.

04.05.94

Вечером был на премьере Баккожи «Өмірзая» в ТЮЗе. Пьеса умная и острая, но несколько запоздалая, была весьма актуальная лет 7-8 назад, когда еще были свежи события декабря 86 года в Алма-Ате. А ныне уже все воспринимается иначе, а публицистичность и проклятия в адрес эпохи Сталина уже не действуют на психику. В постановке путаница реального и абсурда.

14.05.95

Звонил Баккожа. Выяснил, как я посмотрю на подборку мнений о Союзе писателей Казахстана. Хочет опросить человек десять (Нурпеисов, Кабдолов, Сериккалиев, Салыков, Щеголихин, Симашко, Бельгер и т. д.): 1) что случилось с СПК, кто в этом виноват; 2) каким мы видим СП.

Идею я одобрил, не знаю только, как воспримут ее другие.

18.12.96

Поговорили с Баккожой о нынешнем состоянии литературы в Казахстане. У нас на сегодняшний день 38 народных писателей и 36 лауреатов государственной премии. Но большинство из них народ не знает, а произведения их умерли раньше, чем они. Отсталость и невежество их потрясающи. Конечно, данному обществу такие писатели не нужны. Инфляция духа. Даже Нурпеисов вместо творчества занялся торговлей. Он стал

директором кафе при ПЕН-клубе. Абиш упивается видимостью власти. 30 лет молчит Олжас. А что можно сказать об Альжаппаре, Турсынхан, Нуршаихове, Дихане, Саурбеке, Абдильде? Один пшик, одна тень, сплошная мнимость. А Сафуан? Боже, боже... убожество какое! А придворный стихоплет Туманбай, автор сплошных од и посвящений. Все народные писатели, а литературы нет.

10.09.97

Баккожа просил опубликовать какие-то куски из моего эссе в «Новом поколении» под рубрикой «Оқшау ойлар», а также согласиться стать членом редколлегии журнала. Согласился. Таким образом, я член редколлегий в «DAZ», «Абае» и «Парасате».

31.10.97

Баккожа сообщил, что «Парасат» присуждает мне премию венгерского посла в Германии Иожефа Тормы. Приятно.

07.XI.97

В 16:00 был в «Парасате», где Баккожа вручил пяти лауреатам премии и угостил шампанским. Вечером стало мне худо: шампанское не по мне.

18.01.98

31 января Баккоже исполняется 50. Приглашает на «чай». Я этого джигита весьма уважаю, и как писателя, и как человека. Надо бы побыть на его юбилее, но смогу ли – под вопросом.

24.04.98

Вечером позвонил Баккожа. Он совершил хадж. Все «наши» паломники вернулись из Мекки больными. Очень был трудный хадж. Зато казахская литература пополнилась сразу двумя десятками новоиспеченных хаджей. Таковы наши реальные успехи.

16.09.98

Звонили из «Қазақ әдебиеті». Нужен отзыв на роман Баккожи. Тоже не входило в мои планы. Тотчас записал кое-какие мыслята об «Өмірзая».

17.12.98

В обед прислал машину Баккожа, и я час побыл на заседании редколлегии «Парасат», где за дастарханом обсудили кандидатов на годовые премии.

04.02.99

Звонил Баккожа, завез газету со скандальной статьей о ПЕНе, забрал мои ответы на анкету. Вечером он снова позвонил, сказав, что анкета пойдет в 3-м номере.

17.05.99

Баккожа съездил в Ташкент, где в театре Хамзы поставили его «Тоят түні». Он очень доволен.

21.10.99

Баккожа женит сына и приглашает на свадьбу. Еще сообщил, что один мой материал идет в № 12, а один (больничные записи) в № 1 2000 года. Просит, чтобы дочь и внук написали обо мне несколько слов.

05.XI.99

С утра позвонил, а потом заехал Баккожа, как всегда, опрятный, собранный, ухоженный, вежливый, как истинный денди. Взял он письма дочери и внука и три фотографии. Рассказал, что женил сына (единственного, 29 лет). Невестка – соседка, внучка Какимжана, 19 лет. А всего у Баккожи четверо детей. Одна из дочерей замужем. Баккоже я всегда рад. Я его знаю лет двадцать, а то и больше. Всем свои психофизическим складом он достоин возглавлять журнал с многозначительным названием «Парасат». Он сам весьма парасатный человек.

18.01.2000

Вчера Баккожа от имени Алтынбека С. «сватал» меня в редакторы «Простора». Какой из меня ныне редактор?!

25.01.2000

Звонил Баккожа, поинтересовался моим хал-жай и узнавал, просмотрел ли я январский номер «Парасата».

14.04.2000

До обеда переписывал фрагменты из дневников для «Парасата». Выписал в общем страниц тридцать. Буду доволен, если Баккожа выберет хотя бы двадцать страниц.

17.04.2000

Позвонил Баккожа, он заехал за мной, забрал рукопись, сказал: дам в сентябре-октябре. Довез до почты.

Признался Баккожа, что у него апатия, не пишется, все время удерживает сознание, что печататься негде и не за что, хотел бы написать роман,

короткий, может, листов на 8-10, есть сюжеты, крутятся в голове, да вот, нет потребности, нет желания писать.

11.05.2000

Звонил Баккожа: хочет, чтобы я ответил на четыре вопроса Президента (к его юбилею). Я отказался, предложив с этими вопросами обратиться к Щеголихину, Кабдолову, Туманбаю, Дукенбаю, Досанову, Жабайхану, Алтыншаш. Они, мол, скажут то, что надо. Одних Баккожа отклонил, другие уже отметились, к третьим, пожалуй, обратится. Сказал я Баккоже, что очень меня насторожила обложка № 4, что, мол, такое не имеет никакого отношения к подлинному парасату, что это, скорее, отвращает читателя. Баккожа согласился, сказав, что тоже испытывает неловкость, но – что поделаешь? – обстоятельства диктуют. Дескать, сам этот тип позвонил, попросил дать его фото на обложку и предложил «ақша». Я сказал, что если пойти по такому пути, то в следующем номере придется дать мать «Бобек», а потом и всех остальных членов клана. Олар да ақша береді ғой. Так можно докатиться до того, что на обложке «Парасата» будет со временем изображен весь казахстанский криминал. Охотников пиара ведь пруд пруди. Черт знает что! Баккожа – умница, сам все понимает, а пошел на недопустимые уступки.

16.05.2000

Звонил Баккожа: просит переводоведческие книги для дочери.

17.05.2000

Утром заехал Баккожа, забрал три книги о переводах и обещал достать мне арчовую воду: якобы снижает давление.

13.06.2000

Баккожа поделился новостями и впечатлениями. Намерен мои записи об Абе дать с живым, цветным портретом.

23.09.2000

Звонил Баккожа: просит разрешить дать анонс по поводу моих воспоминаний об Абе и заодно уступить «Парасату» мои записи о Момышулы. Значит, мне нужно срочно отпечатать эти пять страниц.

24.09.2000

Завтра Баккожа заберет мой материал о Момышулы. А материал об Абе (18 стр.) пойдет в двух номерах (№ 11 и 12) под заглавием «Бәрі бар, бірақ түк жоқ».

11.10.2000

Баккожа хочет нас с Абе сфотографировать для журнала. Ну, я-то лично не возражаю…

02.11.2000

С госпремией, видно, получится так: по поэзии дадут Мукагали, а по прозе – Оразбеку и Баккоже. Возможно, это оптимальный вариант.

06.12.2000

Позвонил Баккожа, выразил свое удовлетворение от моего интервью в «Жас алаше».

20.03.2001

Баккожа сообщил, что берет в журнал и мои воспоминания об Ахмете Жубанове.

08.04.2001

Рассказал я Баккоже о своих дневниковых записях 1991 года, и он сразу ухватился: «Дайте нам». Наверное, в мае займусь этим. Поговорили о моей статье в «Қазақ әдебиеті», о писателях-шахматистах. По разговору понял, что Баккожа – шахматист приличный. Коллег он оценил точно.

11.04.2001

Кто-то перевел на казахский язык мои воспоминания о Жубанове. И Баккожа завез перевод на Gutbeachtung. Прочел. Перевод одобрил. Обещал Баккоже еще два материала. Для ускорения дела он предлагает мне выделить компьютерщицу. Не знаю. Мне сподручнее самому переписать.

11.05.2001

Встретился Баккожа. Из разговора на ходу понял, что мой материал о независимости его не удовлетворяет, но тут ничего не поделаешь: записи эти дневниковые, задним числом ничего менять невозможно и не буду.

20.05.01

Звонил Баккожа. Из моего дневникового материала берет только 11 страниц и хотел бы, чтобы я дал столько же из годов 92-93. Не знаю. Сказал я, что вернемся к этому разговору через месяц…

05.09.01

Трижды встречался сегодня с Баккожой. Утром он забрал два материала. Один (о Малике Габдуллине) принял с удовольствием, другой вер-

нул. В обед он подтвердил свое мнение. А вечером привез мне большую пачку бумаги и забрал материал о Шакире Абенове. И еще просит два материала на 2002 год.

14.09.01

Заехал Баккожа и взял материал из дневника 92 года. Не знаю только, подойдет ли.

26.09.01

Баккожа уточнил мои публикации в ближайших номерах – о Габите, Малике, Шакире и записи из дневников. Просит, чтобы я не публиковал их до обнародования казахских вариантов. Готов даже оплатить гонорар вперед. Я сказал, чтобы не волновался.

20.11.01

Баккожа сообщил, что статья моя (дневник) вышла в № 11 «Парасата». Обещал гонорар за все вещи, изданные в последних номерах.

07.03.02

Сидел за одним столом с Нурланом и Камалом. Нурлан явно озабочен предстоящим съездом писателей Казахстана. Видно, хотел бы остаться председателем СПК, но не очень уверен, оставят ли.

А кое-кто сватает на это место Баккожу. Не знаю, нужно ли это ему? Вообще к СП я почти равнодушен. В таком виде, как сейчас, он, думаю, не очень-то и нужен. Допускаю, впрочем, что ошибаюсь. Столько шантрапы набрали, что корабль прочно сидит на мели. В молодости (примерно до 70-х годов) я относился к СП почтительно. Четверть века он меня не «греет», «не колышет». Так что, полагаю, Баккоже на этом месте делать нечего.

15.04.02

Днем встретился с Баккожой. Он принял к печати оба моих материала (правда, предупредил, что малость сократит. Что ж… на то и редактор).

17.04.02

Баккожа все-таки намерен ввязаться в кокпар – претендовать на роль первого секретаря СПК. Считаю его решение неверным, но поддерживать будут. Кандидатура по всем параметрам подходящая.

21.04.02

Баккожа явно на распутии. Намерен баллотироваться на первого секретаря СПК, но не очень уверен, правильно ли он решил. Боюсь, шансов у него немного. Да я и не хочу, чтобы он жертвовал свои силы, здоровье и способности на это малопрестижное и малоэффективное дело. Ему это – уверен – совсем не надо.

22.04.02

Баккожа обнаружил в моей статье о Нурпеисове ряд противоречий. Видно, что статья, мол, скомпонована из клочков, написанных в разное время.

08.09.02

Баккожа убеждает меня, чтобы я выставил себя на госпремию. Мол, ныне самое оптимальное время. Отшутился, сказав, что выставлю себя в 70 лет.

10.09.02

Баккожа намерен забрать мои зарисовки для № 1 «Парасата».

12.09.02

Вечером зашел Баккожа. Забрал мои материалы. Сообщил, что два из них идут в номерах 10 и 11, а следующий блок даст в двух номерах следующего года (надеюсь).

Ближе к 11 вечера позвонил Б. еще раз. «Оқып шықтым. Бір-екеуінен басқасын бәрін беремін. Енді 20 бет берсеңіз де басам. Бұл газет емес, журналға лайық нәрселер екен. Беремін. Басамын. Тағы жазықсыз».

20.09.03

Позвонил Баккожа и сообщил, что восемь моих миниатюр вышли в № 9 «Парасата». Просит еще материалы.

26.10.03

Баккожа спрашивает, что́ я намерен дать в «Парасат» в следующем году. Я сказал, что могу предложить выписки из дневников 2001–2003 годов. Скажем, 145 страниц. Выбирай, сколько журнал потянет. На том и договорились.

02.12.03

В 3 часа я закончил выписки из дневника 2000 года, и уже через три часа заехал Баккожа и забрал дневниковые записи за пять лет (1999–2003

гг.) – 200 страниц. Хочет из этого объема кое-что выбрать для нескольких номеров. Интересно, сколько же он выберет. И что именно для «Парасата» представляет интерес? Баккожа говорит, что начал уставать, никто не пишет, издавать журнал становится все труднее. Не представляет, как его можно улучшить. Чтобы как-то выжить, он начал издавать книги. Издал воспоминания о Кемеле Токаеве. Намерен издать Аширбека, себя, кого-то еще, если будет навар. Да, непросто ныне литератору.

03.12.03

Обрадовал Баккожа. Он прочитал мои дневниковые записи 99–00 годов и нашел их интересными. Уже из них он наметил страниц 70 на 04 год. Из дневников 2001–2003 годов он думает выбрать еще столько же на 2005 год. И вообще, по его мнению, эту книгу будут читать.

Это стимулирует мою работу, а то я часто подпадаю под всякие сомнения.

30.12.03

Баккожа забрал материал для первого номера. Страниц 15. За год хочет давать продолжения в 6-7 номерах. И столько же в 2005 году. Приятно. У Баккожи всегда четко.

24.02.04

Вечером позвонил Баккожа. Сообщил, что в № 2 «Парасата» вышло продолжение моих дневников. Потом через номер будет давать меня вновь и с перерывами дотянет до октября – до моего 70-летия.

11.03.04

....Потом Баккожа завез третье продолжение моих дневников для «Парасата», свою книгу публицистики и сведения о скандальном заявлении Нуркадилова («Назарбаева ждет участь Чаушеску»), а также о разговоре Назарбаева с Сарсенбаевым. Джигиты, похоже, активизируются.

12.04.04

Заглянул Баккожа и завез мои дневниковые записи для № 5.

15.07.04

В разговоре с Баккожой я между слов заметил, что у меня до сих пор нет ни одной казахской книги. Он обещал на эту тему поговорить с Алтынбеком («А, может, она и не нужна?» – подумал я сейчас).

05.08.04

От Баккожи узнал, что Смагул будет вице-президентом ПЕН-клуба. Вполне достойная кандидатура, и я обеими руками «за». Помимо творческого дара, Смагул обладает достойными человеческими качествами: порядочен, чист, не интриган, не пакостник, честен. Для ПЕН-клуба это находка. Боюсь, однако, что он окажется под пятою Нурпеисова. А это самоубийство.

10.08.04

...Позвонил и Баккожа. От намерения вступить в ПЕН-клуб он отказался. Как и Михайлов, и Азамат Юлдашев. Решение Баккожи одобряю. В самом деле, зачем?

16.10.04

Баккожа просит дать продолжение дневников за 2005 год.

19.10.04

Баккожа сообщил, что образована Комиссия по госпремиям, в которую, по его словам, входят Какишев, Каскабасов, Шапай, Ұлықбек, Темірхан, Мағауин. Первое заседание 21 октября. Претендентов человек 25. Конечно, многих необходимо отвести еще в первом туре. Баккоже я вручил три книжки и рукопись дневников за этот год.

02.10.04

По сообщению Баккожи, Комиссия по премиям заседает завтра в 15:00 часов. И еще он сказал, что 6-го должен быть и на юбилее Калаубека. Потому на моем тое может присутствовать только час. Поздравит, мол, и уйдет. То же и Нурлан. Так что часть моих гостей разбежится раньше времени.

05.11.04

Поздравили меня «акжоловцы»: Болат, Ораз, Төлеген, Алтынбек и с ними Кәрішал.

Получилось хорошо, изящно, культурно, обаятельно, изысканно, благородно.

Не успели они выйти, как зашел Баккожа. Посидел недолго, завез мои дневники, рассказал о Комиссии. Сказал, что он испытывает неловкость и стыд, что получилось позорно в отношении ко мне. Я же спокоен. Не получивший госпремии еще не самый худший человек. Уж я-то от этого не умру.

16.11.04

Баккожа все продолжает меня утешать по поводу того, что госкомиссия меня провалила. Он считает, что получилось некрасиво, стыдно, что, мол, мои заслуги очевидны, что казахи в большинстве меня уважают, что поступок членов Комиссии нелогичен, нечестен. По его словам, за меня голосовали и Шапай, и Сауытбек, и тот, и другой, и непонятно, кто меня вычеркивал. Ну, Абе, Червинский, Раушанов, Рымгали, откуда же взялись другие? «Непонятно», – недоумевает Баккожа. Да и мне непонятно. Да я, если честно, и не пытаюсь понять. Мне за себя не стыдно. Обидно за роман. Знаю: он ничем не уступает тем произведениям, которым дают премии. Беда же в том, что роман мой члены Комиссии и не читали. Голосовали по совсем иным соображениям.

16.12.04

Баккожа обстоятельно рассказал все перипетии заседания Комиссии по госпремиям. Поразительно, что это его так глубоко волнует. Были серьезные, оказывается, стычки между аргынцами и западниками. Затеи и интриги Нурпеисова с треском провалились. Из-за этого пострадал невинный Смагул.

20.02.05

Завтра Баккожа пришлет кусок моих дневников, который идет в № 3 «Парасата». И сообщил мне, что «Нур-Астана» начала публикацию моих дневников 1995 года.

Баккожа советует попросить у акимата 4-комнатную квартиру в обмен на свою. Не знаю. Кабинет мой крохотный, но уж больно место хорошее. Дадут же квартиру где-нибудь у черта на куличках. И что я буду делать на отшибе? Шота якобы получил квартиру в 200 метров. Мне бы хватило 80 кв. м. Я бы тогда расположил все свои рукописи и книги. С другой стороны, сколько же нужно потратить сил, здоровья, времени и средств на обновление квартиры? Стоит ли овчинка выделки?

15.03.05

Вчера долго беседовали с Баккожой по телефону. Обо многом поговорили: и о литературе, и о знакомых, и о политике, и о предстоящих публикациях.

28.03.05

...Позвонил Баккоже, он заехал, забрал материалы Акбасова и фотографии Бигельдинова.

19.05.05

Баккожа сообщил, что вышел № 5 «Парасата» с моей зарисовкой о Талгате Бигельдинове. Сахар Баккожи высок (тоже 9,5), несмотря на все лекарства. Иногда доходит до 13. Баккожа держится сторонкой от собраний-совещаний, радио, ТВ, интервью. А ведь он значительно моложе меня.

07.06.05

Вечером заехал озабоченный Баккожа. Какие-то прохиндеи городского масштаба позарились на его офис. И вот он собирает подписи, организовывает письмо на имя Президента.

Поговорили о том о сем, поделились впечатлениями о современной литературной возне. К Баккоже отношусь с давней и прочной симпатией. И редактор он толковый. Жаль только, что он свои творческие способности изводит исключительно на журнальные дела. Жребий его, видит Бог, более масштабный.

27.06.05

Звонил Баккожа. Просто хотел узнать мой амандық-саулық. «Бізге не бересіз?» – «Жылдың аяғында күнделігімді беремін».

15.09.05

Баккожа прислал газету по поводу выборов. Надо ответить.

26.09.05

Баккожа просит убрать из моих ответов на анкету одну фразу, а именно: «Президент бар болғаны мемлекеттің бас шенеунігі». Я полагаю, так оно и есть: главный чиновник страны. Ничего унизительного в том нет. Но возражать не стал: и так ведь ясно. Ходит же Бапи в ранге главного читателя «Дата».

24.02.06

Баккожа сообщил, что вышел в отпуск и работает дома.

17.03.06

Баккожа позвонил по поводу моего интервью с Брусиловской и удивился некоторым моим высказываниям, решил, что я кое-что сказал в угоду интервьюерши, «соның жетегінде кетіпсіз». Я прочел интервью и обнаружил только один момент, который Баккоже и К° не совсем по душе. Увы, всем не угодишь. А меня некоторые склонны видеть казахским националистом. А я даже не немецкий. И тем более не русский.

25.04.06

Баккожа посоветовал натощак принимать по две таблетки диабетона. Он таким образом снизил сахар с 10 до 4,5.

Баккожа хочет, чтобы я участвовал в пресс-конференции по поводу присвоения улицам имени убиенных. Увы, все эти дни не могу. Уйма дел, да еще надо с зубами что-то делать

15.06.06

Баккожа продиктовал все свои коррективы по материалы для 7 № «Парасата».

19.07.06

Баккожа пожаловался, что ничего не пишет. Все время уходит на журнал. В 10-м часу вечера он все еще сидел в редакции, вычитывал верстку. Жаль. Писатель он порядочный и совестливый. Ему бы в наше время как раз писать.

30.07.06

Баккожа предупредил: 9-м и 10-м номерами кончаются мои дневниковые записи. То есть, дадут в 4-х номерах. Два уже вышли.

08.09.06

Тынымбай и Баккожа искренне огорчены моим провалом по госпремии. Баккожа уже начал было агитацию за меня. Иные казахи считали меня бесспорным претендентом на госпремию. Дескать, «шаппай бер». Черта с два!

12.09.06

Заехал Баккожа, просмотрел все мои документы, забрал папку. Ныне у меня сомнений много, но в искренности Тынымбая, Оразбека, Баккожи ни на йоту не сомневаюсь. Стопроцентное доверие.

...В обед в ресторане «Иссык» провели день рождения убиенного Алтынбека. Огромный зал на 1,5 тысячи человек был битком набит. Вели застолье Баккожа и Болат Абилов. Прекрасно вели. Выступавших было много. И мне дали слово.

03.10.06

Баккожа озабочен моей премией. Активно ратует за меня. Обидно, если старания джигитов пропадут втуне.

08.10.06

Мы с Михайловым не имеем права голоса, поскольку сами претенденты в лауреаты. Уехали с заседания. А часа через два Баккожа сообщил по телефону, что я набрал 10 голосов и прошел во второй тур. Нурпеисов голосовал за меня. С анализом и оценками обстоятельно выступил Мурат Ауэзов. Позвонили, радуясь за меня, Мурат, Тынымбай, Оразбек, Смағұл, Ербол.

09.11.06

Баккожа все высчитывает тех, кто голосовал против меня. Кого-то предположительно обозначил. Прикинул, что нужно мне 18 голосов. А сосчитал пока только 16. «Жұмыс істеу керек», – говорит. Но я этого не понимаю. Как я могу уговаривать человека, если он не настроен голосовать за меня? За сорок лет я кое-что вроде как сделал для литературы и – особенно – для казахской; кажется, премию я заслужил. Впрочем, «кажется» – еще не аргумент. И если кто-то считает иначе, то что я могу поделать? Бұйырғаны болады да. А вообще-то вся эта возня нервирует почем зря. Нужно дело делать, а не уповать на то, что не от тебя зависит.

17.11.06

В вопросе Комиссии по госпремии Баккожу тоже многое обескураживает, тяготит. Уж больно ретивы, активны некоторые соискатели. Хватают за горло. Клином сошелся белый свет на этой премии.

А на что я надеюсь? Смешно! Знаешь, что все это вздор, чепуха, а продолжаешь сам себя обманывать. Противно!

28.11.06

Баккожа по телефону сообщил о положении в СПК. Честно: премиальная возня мне надоела. Зря я влез в эту кутерьму.

29.11.06

Звонит Баккожа: «Жаңа жылда «Парасатқа» не бересіз?»

01.12.06

Баккожа расхворался, собирается в больницу. К чему придет голосование по госпремии – бог весть. Мне, скорее всего, ничего не светит. Плохо только то, что дня три буду пребывать в расстроенных чувствах. Не столько обидно, сколько досадно.

04.12.06

По сообщению Баккожи, заседание Госкомиссии по премиям состоится якобы 11 декабря.

18.12.06

У Баккожи плеврит. Откачали литр жидкости. Поведал о некоторых деталях голосования. Он засомневался в некоторых моих друзьях. Что ж... бывает. «Кешегі дос, бүгін – жау. Мен не қылдым, япырмау?»

24.12.06

13 дней пролежал Баккожа в больнице, а не долечился. Намерен лечь еще раз. Говорил о несправедливости в отношении ко мне. Ждал он добрые, сочувственные слова от Нурпеисова и Абиша, но оба ни слова обо мне не проронили. Ну, и что тут скажешь? Просит Баккожа, чтобы я не обижался на казахов, не держал зла. «У вас есть имя».

Да и какой там обижаться?

И на кого, собственно, обижаться?

Может, для обиды и основания нет?

04.01.07

Звонил Баккожа. Голос его изменился. Врачи отказываются ставить диагноз. Что-то с легкими. Неужели?.. Посоветовали ехать в Германию. Уже в следующую неделю летит. Оформляет бумаги. Сопровождает сын. Нужно перевести на немецкий историю болезни. Это все настолько специфично, что мне не под силу. Как перевести, не зная медицинской терминологии? Такое напереведешь, что чертям тошно. Позвонил Гильдебрандту, он тоже сразу заговорил о специфичности. Решил все же попробовать. Кроме Гильдебрандта, я никого не знаю.

Завтра сын Баккожи завезет ему историю. Судя по всему, что-то серьезное. Врачи не рекомендуют Москву, а настаивают на Германии. Как жалко! Может, все еще обойдется. Обошлось же с Муратом Ауэзовым. Правда, в другой обстановке и с другим диагнозом.

05.01.07

Ночью мне снился Баккожа. Неужели столь худо?! Представить страшно.

07.01.07

Баккожа благоразумно спокоен. Историю болезни на немецкий язык переводит Альмамбет Тореханов. На английский часть перевел сын. Визу

получил. Летит 9-го в Гамбург через Голландию. Попросил мою беседу с Музафаром передать джигитам из редакции. Лечиться ему предстоит с перерывами через 20-30 дней. Сеансов много. Так что закрутило лихо молодца.

08.01.07

Около 10 позвонил Баккожа. Завтра с утра летит в Амстердам, оттуда – в Гамбург. А международный центр по цитологии находится якобы в 70 км от Гамбурга. Счастливого пути, младший брат-друг. Скорейшего выздоровления!

20.01.07

Говорил вчера с женой Баккожи. Он лечится. Сколько продлится первый сеанс, не знает.

31.01.07

Позвонил жене Баккожи. Он остался в Германии в ожидании второго сеанса лечения. Вроде неплохо.

25.02.07

Говорил с Баккожой. Он подробно рассказал о германских впечатлениях, о курсе лечения. Видно, все серьезно. Серьезнее некуда. В середине апреля должен ехать на повторный курс. Хочет испытать и нетрадиционное лечение в Китае. Говорит: устал, обессилел, исхудал. Рассуждает здраво, трезво. Все его наблюдения живые, тонкие, меткие. Вообще милейший человек.

12.03.07

Имел по телефону беседу с женой Баккожи. Он в больнице. После второго сеанса, числа 25-го намерен лететь в Китай, потом – в Германию. Попал джигит в жернова. В цветущем возрасте.

22.03.07

Собрался позвонить Баккоже, а он опередил меня. По его рассказам, все очень серьезно. Сил мало. Лежал в больнице. Прошел сеанс химиотерапии. Дней десять отдохнет, после чего проведет еще один сеанс, потом еще раз съездит в Германию. Аппетит нормальный, но спит плохо. Чувствует боль. Получил систему (капельницу) и обезболивающие уколы.

Такая жалость! Рая за него вся изболелась. Я же Баккожу люблю давно и прочно.

27.03.07

Позвонил Баккоже. Он сам взял трубку. Голос бесконечно усталый. Был на работе, в редакции. Смотрел № 4-ый. В двух номерах идет мой материал (беседа с Музафаром).

Обещал ему во второе полугодие дать дневниковые записи за 2006-й год. Поведал он о своем плане лечения. В начале апреля предложили четвертый сеанс химиотерапии. Потом, отдохнув десять дней, летит в Германию. Там сдаст анализы и получит пятый сеанс. А шестой уже у нас. Будет также принимать тибетское лекарство. «Не істеймін? Бәрі қымбат. Немістің дәрісі 2,5 мың евро».

Ай, беда! Так жалко...

07.05.07

...А вечером неожиданно позвонил Баккожа. Вернулся из Германии. Обрадовал. Голос более чистый. Дыхание наладилось. Чувствуются нотки бодрости. Видно, пошел на поправку. Лечение в Германии пошло на пользу. Мы с Раей очень обрадовались. В августе летит на очередной курс. Интересуется многим, расспрашивал, рассказывал.

02.08.07

Баккожа рассказал свой сон. Увидел Ануара Алимжанова, который показывал ему мою толстую, как альбом, книгу, изданную почему-то в Монголии. Ну, и что бы это значило?

22.09.07

Звонил Баккожа. В онкологическом центре Пекина был десять дней, привез лекарства на полгода. Голос показался бодрым. Поговорили о многом.

...Перед сном прочел рассказ Баккожи «Бір уыс тиін» в «Парасате». Жан түршігерлік әңгіме. Суровая жизненная правда. Реалии нашей жизни. Крепко сделано!

17.10.07

Баккожа удивился тому, что мои дневниковые записи закончились тремя номерами. Но ведь сам столько отобрал. Отбор уж больно жесткий. «Что дадите?» – «На следующий год дневники нынешнего года примерно на четыре номера». – «Жарайды. Договорились. Береміз».

17.12.07

Баккожа опечалил. Голос сел. Болезнь прогрессирует. Болят-ноют кости. Одолевает слабость. Принимает обезболивающие лекарства, от которых тупеет мозг. Писать не может, лежит, немного читает. А в январе ему исполняется шестьдесят, и ему названивает телевидение, просят выступить. Ну разве ему сейчас до этого? Я готов что-то сказать о нем на камеру, но и мне сейчас трудно. Еще сырой, слабый после больницы, да и оброс, как пес. В таком виде и людям на глаза показываться стыдно.

Декабрь 07 г.

Звонил раза три Баккоже. Жена отвечает: «Он спит».

Сын печально, будто извиняясь, говорит: «Он спит».

Дочь берет трубку: «Он спит».

Сердце упало. Значит, совсем худо. Не спит – умирает.

06.01.08

Вчера в Москве хоронили Александра Абдулова. ...Едва я написал эту фразу, как позвонили и сообщили, что ночью скончался Баккожа.

Знал, что он обречен, но кончина его ошеломила.

Даже не смог позавтракать. Тотчас набросал на бумагу прощальное слово на казахском языке. Для меня он был верный младший друг, брат. Деликатный, вежливый, преданный, внимательный, заботливый. Когда узнал о кончине Абдулова, сразу подумал о Баккоже. Болезнь у них была одна. Переписал прощальное слово набело. Сердце лихорадило. Без конца принимал таблетки. Потом написал стихотворение «На смерть Баккожи».

...А Баккожа не выходил из головы весь день. Непонятно, почему выпал ему такой жребий. Вроде не грешил. Не подличал. Интриг не плел... Несправедливо.

07.01.08

Сознание никак не соглашается с тем, что Баккожи нет. Слышу его голос, интонацию, вспоминаю его слова, разговоры с ним. Его неизменное внимание ко мне. Как он самолично возвращал мне рукописи, фотографии, как постоянно спрашивал: «Журналға не бересіз?» О журнале он заботился, как о любимом ребенке.

08.01.08

Хоронили сегодня Баккожу. А я даже не смог бросить горсть землицы на его могилу из-за моего чахлого физического состояния.

22.01.08

Позвонил сын Баккожи – Ерлан. Благодарил за мое прощальное слово. Нельзя ли сделать русскую версию для «Казахстанской правды»? Можно. Сделаю

Завтра. Сделал через час и позвонил Нуржамал. Поговорили. Она сама хворает. И дети скорбят.

Каково уходить из жизни в шестьдесят лет, оставив жену, детей, друзей, любимую работу, творчество, незавершенные дела... Жутко!..

13.02.08

Сегодня сороковина Баккожи. Позвонил семье.

08.04.08

На прогулке встретился с Бекеном Ибрагимовым. Он подготовил IV том сочинений Баккожи. При жизни его успели издать три тома.

17.06.08

Позвонил племянник Баккожи. Завтра заедет, заберет стихи его памяти.

30.07.08

Написал и переписал набело отзыв-рецензию на очерки Баккожи.

25.10.08

Вечером (вчера) позвонила дочь Баккожи. Сообщила, что 07.XI устанавливают на дом мемориальную доску, а в обед в ресторане «Достык» проводят поминки-ас. Книга воспоминаний вышла, но ее еще не доставили из Астаны.

27.10.08

Каждое утро вспоминаю Баккожу. Он, будучи на 14 лет моложе меня, охотно давал мне советы. Зная, что меня часто наведывает радикулит, советовал мне, преодолевая боль, через силу, делать зарядку. «Әйтпесе жатып қаласыз», – повторял он. Вот эту фразу я каждое утро и вспоминаю. Так странно: уже десять месяцев Баккожи нет, а я никак не могу привыкнуть к его отсутствию.

30.10.08

Номер «Парасата» посвящен памяти Баккожи. Есть прекрасные фотографии.

07.11.08

Сегодня дом Баккожи украсили мемориальной доской. И годовщину провели. Были на асе 270 человек. И на могиле памятник поставили. Вечером я позвонил вдове – Нуржамал. И она мило обо всем рассказала.

18.11.08

Сходил к памятнику Чокану. И сказал в камеру несколько слов о Баккоже.

11.12.08

Вчера звонила Маржан – дочь Баккожи. Проводит 12-го шестидесятилетие отца (с опозданием почти на год) в театре Мухтара Ауэзова. Там же пройдет презентация его книги. Я – увы! – никуда ходить не могу. Мне Маржан книжки завезет.

22.07.09

Дочка Баккожи завезла гонорар, я ей передал журнальчик «Алка» с воспоминаниями о ее отце.

05.03.12

Закончив свои беглые записки о Баккоже, я вновь полистал объемный, детально разработанный «Reiseatlas», изданный в Германии в 2007 году. Весьма познавательный географический атлас путешествий по городам и весям Германии. Подарок Баккожи. Там каждая германская земля, все города и их окрестности указаны столь аккуратно и прилежно, что можно неплохо ориентироваться в краю предков, лежа на диване в Алматы. По этому атласу я неплохо представляю себе, где ныне обитают в Дойчланде мои родственники, близкие и знакомые, земляки по России и Казахстану, коллеги, писатели, журналисты. Забавное занятие – листать этот атлас. И мне особенно приятно, будто беседую с Баккожой о Германии, где он бывал, где лечился...

И еще я вспомнил, что младшего моего друга нет среди нас уже пятый год. Так бешено летит время! Три дня тщетно звоню его жене. Теле-

фон не отвечает. Обзваниваю друзей Баккожи. Сведения очень скудны. Вроде дом сдали в аренду. Кажется, сын где-то за рубежом. Две дочки в Астане. Одна унаследовала журнал «Парасат». Вроде как недавно родила. Нуржамал тоже в Астане. Иногда бывает в Алматы. Телефон где-то был, но затерялся.

Грустно стало. Вспомнилось: «Өлдің Мамай – қор болдың». Такая же участь ждет всех нас, живых. Через год-другой и вспоминать некому.

Да-а... Я лично Баккожу помню.

06.03.12

От Смагула все-таки узнал сотовый телефон вдовы Баккожи – Нуржамал. Потом Ергали снабдил меня телефонами дочерей. Позвонил в Астану, поговорил с Нуржамал, узнал следующее: одна из дочерей стоматолог, одна – дипломат, третья – владелица журнала. Сын, Ерлан, по контракту работал за рубежом, неделю назад вернулся и устроился на работу в «Казмунайгаз». Жить одной в большом доме стало невмоготу, и Нуржамал перебралась к детям в Астану. После кончины Баккожи вышла только одна книга на русском языке. Возможно, к 65-летию издадут что-нибудь еще. Такова суть нашего разговора, и на этом я завершаю свой очерк.

Абдижамил Нурпеисов

АБДИЖАМИЛ — ВБЛИЗИ И РЯДОМ

Давным-давно запала мне в душу парадоксальная фраза из рассказа Бориса Пильняка «Грего-Тримунтан»: «Всегда можно сказать о людях, что они просты, и никогда нельзя говорить, что просты люди».

В сущности, сентенция эта вполне приложима к каждому человеку. И тем более – к крупному художнику, незаурядной и противоречивой личности, о которой идет речь в следующем очерке.

Так распорядилась судьба: почти сорок лет я находился с ним рядом и вблизи. За эти годы был съеден совместно не один пуд соли, необходимый – согласно расхожей поговорке – для познания человека.

Не скажу, что я его познал до самого донышка. Ибо не прост человек.

Нет, он не ангел, Абдижамил Нурпеисов. Ну, и не дьявол. А я не судья ему и не адвокат. В моих статьях и дневниковых записях он представлен таким, каким я его видел, ощущал, воспринимал, слышал, чувствовал все эти десятилетия.

Понимаю:

Гёте, конечно, намного масштабнее, объемнее, чем преподнес его читателю скромный и добросовестный Эккерман.

И Лев Толстой, конечно, духовно мощней, чем он представлен его секретарем Булгаковым.

Разумеется, всякое сравнение хромает. Тем паче в данном случае какие-либо параллели неуместны.

Но, вероятно, то, как я его увидел, – еще не весь Абе. Ведь каждый видит и слышит только то, что в состоянии видеть и слышать. И у каждого своя колокольня. И то верно: объективность субъективна.

Не скрою: велик был соблазн адаптировать свои записи разных лет, что называется, задним числом, отредактировать, отсеять, сгладить, отжать все случайное, несущественное, наносное, навеянное, быть может, настроением, обидой, досадой, запальчивостью, в пылу спора. Кое-что из записанного в то или иное время, по тому или иному поводу я бы сейчас охотно опустил бы. Ведь с некоторыми своими суждениями я ныне не очень согласен. Но тогда мои записи лишились бы достоверности, искренности, непосредственности, первозданности. И я решил: пусть уж все останется так, как написалось, вылилось в свое время. И тешу себя

тем, что, быть может, самая незначительная констатация, мимолетный штрих, хронологическая фиксация каким-то образом высветляют ту или иную грань этого – повторюсь – сложного человека, оставившего за полувековую творческую деятельность серьезный и поучительный след в родной литературе.

1 января 2000 года

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

3 мая 1963 г.

С 27 по 30 апреля жил у Нурпеисова, работали, переводили.

7 мая 1963 г.

Снова три дня проработал у Нурпеисова. Продвигаемся, но туго. Очень серьезно относится Абдижамил к слову.

27 мая 1963 г.

Целую неделю был у Нурпеисова. Хорошо. Крепко поработали. Обо многом говорили. Әбе – хороший рассказчик. И как человек неплох. Во всяком случае, так мне кажется. Смеялись много. У него юмористическое восприятие. Аскар. Абиш Кекилбаев. Дважды. Хороший парень. Талант. Долгая беседа с Аскаром, когда уже все в доме спали.

8 июня 1963 г.

Снова три дня был у Нурпеисова. Беседа с Абишем (Кекилбаевым). Хороший парень.

26 июня 1963 г.

Еще несколько дней пробыл у Абдижамила. Закончили 220 страниц. На этом остановились. Теперь все зависит от Казакова или какого-либо другого переводчика. Книга включена в план в 1964 г. Это значит, что осенью можно заключить договор.

5 июля 1963 г.

Еще пару дней работал у Нурпеисова. Он мне дал 100 рублей.

3 сентября 1963 г.

Я пошел к Абдижамилу. Там был Тахауи. Познакомились. Видать, неплохой парень. Правда, говорил много. Обедали, беседовали. Они поехали в горы, я – домой. Абдижамил хочет, чтобы я принялся скорее за вторую книгу. Я говорю: «Ақырын, ақырын». Он говорит: «Основательно». Сегодня он должен был завести рукопись, но что-то его нет. У меня все неясно. Аспирантура кончается. Распределения нет. Куда? Где? Что?

14 сентября 1963 г.

От Ю. Казакова телеграмма: «Извините задержку ответа уезжал роман буду переводить срочно сообщите условия если есть договор пришлите пусть переведут аванс без достаточного аванса за работу приниматься не буду Может быть ноябре приеду вам или приезжайте вы телеграфируйте или пишите Казаков»

Вот как нужно разговаривать. А я перевожу уже вторую книгу, а не имею ни гроша. Интересно, что предпримет Абдижамил? Я его еще не видел после этого.

29 октября 1963 г.

20 октября закончил аспирантуру. С 19 октября работаю литсотрудником журнала «Жулдыз». Сижу за столом напротив Аскара, читаю казахские рассказы, повести, пишу письма. Главный редактор – Абе. Он меня и устроил на работу.

От Ю. Казакова письмо, приступает к переводу в начале декабря.

14 ноября 1963 г.

Сегодня я прочел Г. Мусрепову перевод его рассказа «Зов жизни». Перевод он одобрил. Сказал, что никакого другого переводчика не надо, теперь, мол, нужен только редактор. Читал я в кабинете Нурпеисова. Габит сидел в кресле редактора. Я напротив. Аскар сидел рядом с ним. Я читал. Габит следил по тексту оригинала. Одобрительно мычал после каждого предложения. Изредка делал замечания. «Здесь, пожалуй, так надо. Здесь нужно подыскать другое слово». На мой вопросительный взгляд он поспешно ответил: «Вы найдете, найдете». Были отступления. Он говорил о жизни рыб. Мы с Аскаром выкурили пачку хороших сигарет, выставленную им на стол. Чтение, беседа длились часа два. В конце пришел Абдижамил. Габит попросил меня отдать перевод машинистке

и представить ему экземпляр. Собирается он в Южный Казахстан. Он против названия «Серый ярый». Все мы – Аскар, Абдижамил, я – говорили, что это хорошо, особенно рьяно отстаивал это Абдижамил. Габит соглашался, но потом снова отклонял. Он предложил оставить, как в оригинале – «Көкқасқа». Я был против. Ну что для русского читателя Кёккаска? Пустой звук. Предложил: «Голубой меч». Аскар сказал, что «голубой» слишком тяжело, громоздко, не мужественно. Габе согласился. Крутили, вертели. Наконец, Габе предложил: «Ярый-кёк». Все отметили, что это неплохо. Коротко, энергично. «Хорошо, но не лучше Серого ярого», – сказал Аскар. «Пусть переводчик еще подумает», – решил Габе. Я все-таки оставил «Серый ярый». Мусрепов оставил исключительно приятное впечатление.

15 ноября 1963 г.

Сегодня я взял в библиотеке книгу «Писатели Казахстана» (библиографический справочник). Разглядывая портреты писателей, кто-то высказал мысль, что, мол, будет, кто останется в казахской литературе лет эдак через десять, когда не будет Габита Мусрепова, Габидена Мустафина, Сабита Муканова и других стариков. Решили, что через десять лет главой казахской литературы будет Тахауи Ахтанов, то есть центральный нападающий, правый нападающий – Абдижамил Нурпеисов, левый – Зейнулла Кабдолов. Три мушкетера. Долго смеялись, шутили, распределяя нынешних сорокалетних по структуре футбольной команды. Больше всех шутили Калихан Искаков, Саги Жиенбаев, Аскар Сулейменов. Литература показалась несколько приземленной, но не безнадежной.

5 января 1964 г.

Работаю над второй книгой Абдижамила. В «Дружбе народов» как будто бы примут «Кровь и пот». Говорят, там похвалили мой перевод.

14 сентября 1964 г.

Чего только не было за последние пять месяцев! 5 мая Абдижамила сняли с работы. Полный разгром редакции. Настали смутные времена. Потом – черные. Мотивы не стану описывать: они и так останутся в памяти. Постепенно начали гнать наших парней. Числа 17-18 июня убрали Аскара, Саги (до того Амантая), а 23 июня после долгих мытарств заставили и меня писать заявление. Прошу, мол, по собственному желанию уволить.

К власти пришел Габит. Какие-то бесконечные изменения, гонения, подлости. В журнале засели Сырбай и Жарылгапов. Все это было трудно, гадко, противно. Сколько сплетен, интриг, мерзостей оказалось в писательской среде! Неожиданно я очутился не там и не сям. 9 июля я уехал в Аральск – с Әбе, Ажар, их тетей и детьми. Отдохнув денька четыре в городе Аральске, мы отправились в Шыганак. В городе ходили по гостям. Куантай Досжанов (секретарь горкома) покатал нас на катере по морю; купались, ели рыбу, пили коньяк, шампанское, загорали. Со мной случился солнечный удар. По пути в Шыганак (плыли на десантном катере «Попов») мы остановились в Кок-Арале, там съели барана. Я осматривал окрестности. Дикие, пустынные места. Многое мне рассказал помощник капитана Иван Андреевич Костин. Он всю жизнь на море.

К вечеру пятнадцатого июля мы приплыли в Шыганак (залив Тущыбас). Аул. Девять дворов. Летние землянки-қақыра – стояли в ряд вдоль моря. Крайняя қақыра – Шоке (Шоқыман Сламбаев). Старик-рыбак. 64 года. Крепкий, сильный старик. С добрым сердцем. Ясной душой. Его старуха – неугомонная, добросердечная, под семьдесят. Его вторая жена – Қырмызы, 39-ти лет. Пятеро детей: Шайхы, Кульпатша, двое мальчиков и младший Капалак-Қалақай, шустряк, голоштанник. Там мы и жили до 13 августа. За домиками – верблюды, перед дверью – море. Загорали. Купались. Ели рыбу. Вдоволь. Зарезали пять баранов. Впервые в истории Шыганака соорудили уборную. Одну комнату превратили в кабинет. Посреди поставили стол, два стула (все привезли из Аральска). Насыпали машину морского песка. В угол я поставил свою раскладушку. На стенку повесил распорядок дня и график работы. На окно повесили камышовую занавеску. Дверь фанерная. Кабинет вполне хорош. Тихо и прохладно. Возле қақыра поставили двадцатиместную палатку. Ее тоже привезли из Аральска. Она служила в основном гостиной. Гостей было много.

В Шыганаке не было ни газет, ни радио, ни телефона, ни кино, ни почты. Ближайший населенный пункт – Куланды – в 25 км. Отдых хороший. Питание достаточное. Вставали с восходом солнца. Работали до часу дня. До трех отдыхали. С трех до семи снова работали. Потом купались. Усталость как рукой снимало. Ужинали. Потом ходили гулять в степь, на пригорки. Сидели. Смотрели на море. Наблюдали, как надвигается мрак на море, как ночь наступает в степи. Говорили. Философствовали. Возвращались. Ложились спать. И так ежедневно. Отклонения от правила были у Абе: он два дня болел, дней шесть разъезживал по гостям, я же работал неизменно. В Шыганаке я закончил

перевод второй книги и конец первой. Потом приехал Берденов (председатель райисполкома) с огромной свитой, и через день, вечером, на трех газиках мы пустились в степь: 330 километров. Дорога адская. Степь тусклая, убитая. До трех ночи проехали 280 км. Остановились на станции Саксаульной. Там тоже съели барана. Отдохнули. А вечером приехали в Аральск. Работали дальше. Читали. Писали. Ходили по гостям... 29-го утром я выехал из Аральска.

7-го августа приехал Абдижамил. Он взял у свата 10 тыс. и тут же раздал долги. Закончили две книги, и оба сидим без гроша. Безденежье страшное... Когда выйдет «Кровь и пот», и черт не знает. Казаков что-то тянет. Обещал привезти перевод первой книги к декаде русского искусства (это 20 октября), 80 страниц находятся еще у нас. Пока он закончит, пока русская секция утвердит, можно с голоду околеть.

Абе хочет меня непременно сделать «со» с Казаковым. Думает, что тот согласится. Хотя бы для Казахстана. Хотя бы на гонорар из «Простора». Было бы страшно обидно, если бы я оказался всего-навсего подстрочникистом. Но мне кажется, что Казаков об этом и слушать не захочет... Абдижамил успокаивает: даже если ничего не выйдет, менее 80 рублей за лист, мол, не будет. Это хорошо. Но когда? Сейчас ни копейки в кармане. Ох, избавиться бы от этих копеек! Как они пакостят жизнь!

3 октября 1964 г.

Абдижамил сообщает новости. В беседе с Дементьевым Каратаев резко кроет повесть Тахауи. Как он выразился, «у нас о ней разношерстное мнение». Ну Дементьев и поверил. Повесть вернули. А теперь Дементьев обо всем рассказал Тахауи, добавив, что ему самому повесть понравилась. Одним словом: «Н. М.» будет печатать «Исповедь степи». В «Д. Н.» выйдет его рассказ «Көккұтан». А в приложении журнала и в воениздате как будто бы хотят печатать «Грозные дни». Ай да Ахтанов! Здесь у нас выходит его сборник рассказов на русском языке. Подстрочник «Исповеди» написали на меня.

Казаков сейчас в Одессе. Он, видать, ни строчки еще не написал. «Приеду на декаду и останусь в Алма-Ате, пока не закончу».

Еркишев сделал последнюю попытку задержать книгу Абдижамила, передав ее в Комитет печати, но Абе сделал ловкий ход через ЦК, и книгу пустили в набор.

Сейчас Абе сидит над третьей книгой.

8 октября 1964 г.

Был у Абдижамила. Мучается над началом третьей книги. Раз шесть уже переписал. Показал мне обложку второй книги. Ажар веселая: «Посчитали гонорар за будущее русское издание и обрадовались». За вторую книгу он получил ерунду: четыре года назад, оказывается, взял уже 25 % из расчета 18 п. л. Даже 3 000 не будет иметь.

15 октября 1964 г.

Приехал сегодня после обеда Абдижамил. Сияет. Рот до ушей. Мне на ухо говорит «Его снимают!» – «Когда?» – «Вот уже. Точно». – «Не может быть!» – «Серьезно. Говорят, будет Косыгин». – «А этим?» – «Этим будет Брежнев». – «Неужели?» – «Да!»

В машине сидел Искак Дуйсебаев. Надо срочно перевести 4 п. л. предисловия. «Но я ведь уезжаю!» – «Брось! Почему сам себе планы составляешь?» – «Да, но...» – «Ну, ладно. Я поехал».

3 ноября 1964 г.

Был у Абдижамила. Что выйдет из перевода – аллах его знает. Казаков сделал одну страницу, но получилась явная ерунда. Хуже, чем у нас. И по всему видно, Ю. П. наломает дров, плюнет и уедет. Абдижамил хочет с ним серьезно поговорить. Не знаю, поговорил ли, договорились ли.

Абе спрашивал, согласен ли я вторую книгу сделать вместе с Ануаром. Я сказал: согласен. Однако мало надеюсь, что из этого что-либо получится. С Абдижамилом трудно работать. Для него всегда где-то, чего-то, как-то не хватает. Казаков сказал, что ему выгодней иметь плохой подстрочник, чтоб была просто глина, и он мог свободно лепить. Совершенно ложное понятие о переводе. По всему видать, сопереводчиком я не стану, на это Казаков не пойдет, а настоять – Абдижамил не осмелится. Ну, да ладно! Я тоже сделаю из этого свой выбор.

5 ноября 1964 г.

Дважды Рая звонила Абдижамилу – его нет. Видать, работает вместе с Казаковым в горах. Интересно, что у них получится?

11 ноября 1964 г.

Шестого был у Абдижамила. Было хорошо. Вчера был снова. Перевел ему семь страничек вставок ко второй книге. Казаков работает основательно. Девятого Абдижамил вместе с Олжасом были у него. Издательство «Молодая гвардия» прислало Абд. письмо.

Просит его роман. Уже идет верстка второй книги на казахском языке. Казаков упорно не показывает свой перевод. Это настораживает. Как бы не поставил Абе перед совершившимся фактом. Казаков ждет жену и мать.

1 декабря 1964 г.

Абдижамил закончил очерк. Будет опубликован в «Лениншил жас». Казаков корпит, но перевод не показывает. Вместе с Тахауи Әбе кусочек подсмотрели, пока Ю. П. играл в бильярд. Как будто бы Абд. остался доволен. «Мол. гв.» включила роман в план издания. Я написал от имени Абе туда письмо. Абд. бодр. Дела идут очень неплохо. Моя доля еще очень не ясна. Видать, не быть мне «со». Обидно. Сделано много. Ну да ладно, посмотрим.

8 декабря 1964 г.

Позавчера вечером, когда мы уже легли, – стук в дверь: Абдижамил и Абиш. Абе сделал несколько изменений, надо перевести. Казаков работает. Хочет пробыть здесь до февраля. Не знаю, что он так долго будет делать?

6 февраля 1965 г.

Я в Ленино, в отчем доме. Получил письмо от Абе. У него все прекрасно. Отрывки из романа печатаются в «Огни Алатау», «Ленинской смене», «Казахстанской правде»; просит и «Правда» (16 стр.); включили в план «Мол. гв.», будут главы и в «Просторе». Вышла и вторая книга на казахском языке. Великолепно! Но я как-то остался совершенно в стороне. Переводчик – Казаков, а я столько корпел и – остался ни с чем. Конечно, я знаю, это был мой первый перевод, там много сырого, но я так прирос к этому, что теперь, будучи совсем отстраненным, мне больно. Если так же будет и со второй книгой, то станет тяжко. Немного все же иногда надеюсь, что хотя бы для казиздата я пойду как «со». Но надежд почти нет. Потому горько, неприятно. Вот уже и февраль мчится, а Казаков все сидит в Алма-Ате. Когда, наконец, кончится все это? Уже два года я связан с «Кровью и потом».

Перевел уже треть очерка «Туған жер». А дальше уже что-то не хочется…

16 марта 1965 г.

Я снова в Алма-Ате. Уже двадцать дней. Абе уехал в Москву (27.02). На вокзале Казаков, Абе, Марина, мать Казакова, толпа провожающих: Тахауи, Зейнолла, Калтай, Леонид, Зоя, Иванов и пр. Пьянство.

«Я очень, очень рад, что наконец встретил своего коллегу», – дежурно сказал Ю. П., подавая свою мясистую руку.

Я тоже ответил дежурно. Было сказано много пустых слов. Столько фальши, подхалимства. Не узнал и Абе. Весь растворился перед Казаковым...

Я снова сижу без копейки... А Казаков между тем урвал по 250 руб. за лист и забрал рукопись. А мне не дали ничего. «На доработку взял». Дней через десять приедет Абе. С «Мол. гв.» договор заключил, теперь думает сагитировать «Дружбу народов». Хоть бы он вырвался из нищеты. Все бы легче было.

19 марта 1965 г.

Абдижамил – полный антипод Казакова. И странно, почему он так ловил его. Или он его не знал? Интересно, что думает Абдижамил сейчас о нем? Ажар говорит, что Абе окончательно влюбился в него. Не могу поверить!

5 апреля 1965 г.

Петля затягивается все туже. Абе приехал, 25 % получил, обо мне забыл. «Терпи», – говорит. Ему выгодно, чтобы книга вышла вначале в «ДН», а, следовательно, я должен ждать до зимы.

22 апреля 1965 г.

Абд. работает над либретто. Еркегали решил написать оперу. Либретто пишут Абе, Абиш и Калтай. У Абе острая нехватка денег. В доме у него, словно у заброшенного кочевья. Страсть неуютно. Сам он весь издерган. Из «Др. нар.» получил письмо. Хотят, чтобы он ввел в роман восстание Амангельды (?!). Хотят, чтобы он ввел несколько положительных русских, а то все русские получились живодерами, грабителями, насильниками (?!?). При мне Абе написал Казакову письмо, в котором просит зайти в редакцию, объяснить все и в случае упорства забрать роман. Крутит-вертит свою книжонку, сколько лет мучает себя и других, и все без толку.

...На Абд. надежды мало. Он собирается на май поехать к Чингизу. К тому же Ажар срочно понадобилось пианино.

30 апреля 1965 г.

Абдижамил, как и я, нищенствует. Долг у него 26 тысяч рублей.

4 июня 1965 г.

Абдижамилу сейчас трудно: нет денег, болеет он, болеет жена, болеет тетя, хотя в творческом плане у него порядок.

20 октября 1965 г.

Абд. говорит, чтобы я подал заявление в Союз писателей. До Нового года. До съезда. Боюсь, рановато. А он говорит: пора. Посмотрим.

1 декабря 1965 г.

Были с Әбе в гостях у Абу Сарсенбаева. Абе прочел ему свой новый очерк о поездке в Гурьев. Старик, смущаясь, слушал. Дело связано с его личностью. Хороший, добрый, мягкий, добродушный старик – Абу. Попили коньяк и отправились к Габидену Мустафину. Он открыл нам дверь, провел через огромный коридор в кабинет. В углу на журнальном столике горела лампа. Уселись в кресла. Хозяин в черных бархатных штанах, в огромном стеганом халате. Скрестив ноги, внимательно слушал Абдижамила о поездке в Гурьев. Сидели 1,5 часа. Спрашивал Габиден-ага и про мои дела. Посоветовал подать документы на прием в члены СП. «Ты нам очень нужный человек. Мы должны тебя принять». Провожая нас, еще раз сказал: «Подавай». Говорили по-казахски. Он пятого вылетает на сессию.

6 декабря 1965 г.

Только что был Абе. Сегодня летит в Москву. Забрал рукопись. «Не алып келейін?» – «Сигарет». Тепло попрощались. Пробудет он там дней десять, потом заедет в Ташкент за Ажар. Собрания в СП не будет. Мусрепов еще болеет. Шеметова нет. Все его ищут – и Хамза, и Шухов, а он не показывается.

21 декабря 1965 г.

Вернулся из Москвы Абдижамил. Его печатают в «Роман-газете». Меня он обидел. Отдал очерк Э. Шиму и не осмелился сказать, что я должен быть сопереводчиком. (А ведь труда вложено уйма, это лучшее, что я перевел.) Денег из «Д. Н.» также не привез, ибо мою долю захапал Ю. Казаков, а сказать об этом Абе не посмел. Вообще, он откровенно и всюду приносит меня в жертву Казакову.

28 декабря 1965 г.

По радио (из Москвы) передавали Абдижамила. Хорошая была передача. Хотел его поздравить, но дома его не оказалось. Зашел к Аскару.

4 января 1966 г.

31-го говорил по телефону с Абе. Хороший был разговор. Он привез мне из Москвы немецкую шариковую ручку.

6 января 1966 г.

Из СП отправился к Абдижамилу и отвел у него душу. Говорили о том о сем пять часов. Отлегло немного. Он переводит на каз. яз. какую-то пьесу. Вторую книгу романа отправят в издательство «Мол. гв.», и она выходит совместно с первой. В «Жазушы» выходят обе книги на каз. яз.

«Мен саған баспа табағына жүзден артық төлеймін...» – сказал он.

«Алмаймын. Жүз деген мен үшін қанағат», – сказал я.

«Онда жүз сомның үстіне сені бастан-аяқ киіндіремін».

Говорили много. Был еще Аскар. Сынишка его все еще в больнице. Абе говорил с Жубановым. Разговор положительный, в мою пользу.

...Абе говорит, что сейчас он с удовольствием пошел бы редактором. Он был сегодня в ЦК на приеме у Имашева. Говорит, что наш секретарь совершенно пустой человек. «Ар жағында түгі жоқ». Подарил Абе мне трехцветную ручку. Такие же он подарил Казакову, Айтматову, Аскару, Тахауи, Кабдолову.

11 января 1966 г.

Поразительная смерть Лала Шастри. В обед пришла «Правда». На снимке, улыбаясь и держа друг друга за руки, стоят Шастри, Аюб хан и Косыгин. Маленький Шастри стоит среди рослых мужчин, как человечек с другой планеты.

Абдижамил, в халате, валялся на коврике и разбирал свои записи. Хочет написать статью. Оказалось, о смерти Шастри он не знал. Поболтал у него, рассказал ему о Троцком, а потом отправился к Жубанову. Деловой разговор.

17 января 1966 г.

Три дня работал с Абдижамилом. Вчера даже ночевал у него. Кажется, наконец закончил. Сколько труда вложено! Ужас!

Теперь надо, не отрываясь, работать над Жубановым. Может, удастся к началу марта закончить. Нужно ежедневно переводить по шесть-семь книжных страниц, иначе не успею.

Казаков намерен вторую книгу кончить к апрелю.

23 января 1966 г.

Сегодня неожиданно приехали Ахмет Жубанов и Нурпеисов. Аха привез мне деньги (200 р.). Очень вежливый, чуткий, воспитанный человек. Немного поговорили, и они уехали. Я обещал заехать к Жубанову в пятницу, но не смог. Скользко. И болит нога. И вот через два дня он разыскал Абе и специально приехал, чтобы вручить мне эти деньги. Очень трогательно.

5 марта 1966 г.

24-го февраля Абе уехал в Москву, а оттуда в Труцковецк (или как?). Перед его отъездом полтора дня работали, как ишаки. Я перевел ему еще один очерк. Он забрал мой адрес, справку, обещал выслать деньги плюс за вторую книгу из «Молодой гвардии». Однако пока ничего не слышно. Обещал он также сдать очерк в «Ленинскую смену». Не знаю, сделал ли? Боюсь, что все ерунда. Обещал по приезду полностью рассчитаться за две книги. Посмотрим…

12 ноября 1966 г.

Абе обрел «Волгу».

7 декабря 1966 г.

Абе сидит в «Переделкино». Работает с Казаковым.

9 января 1967 г.

К вечеру заехали Абдижамил с Абишем. Сообщили, что Хамза и Тахауи стали лауреатами республиканской премии. Говорил Абе с Ади Шариповым насчет квартиры для меня. Ади будто бы сказал: «В первую очередь». Будем ждать, будем надеяться. Отдал Абдижамилу его «заплатку» и свой «Тущы-бас». «Буду читать самым внимательным образом», – сказал он. Побыли минут двадцать пять. Хорошо было. Завтра он заедет за мной.

16 января 1967 г.

Из СП подался к Абдижамилу. Сидит, раскромсав книгу, с Чоканом Алимбаевым; мой рассказ лежит на столе (еще не читал).

…Вечером из автомата позвонил Абе. Завтра в 11 президиум СП. Я еду к Абе делать кое-какие заплатки. Доберусь ли? Отчаянно скользко.

23 января 1967 г.

Звонил Абе. Сказал, что «Мол. гв.» вот-вот вышлет денежный перевод. «Похвалить Габита – это значит поссориться с Абдижамилом», – сказал между слов Аскар. Аскар посоветовал выступить мне на Пленуме СП (где-то в марте), мысли есть, надо подумать.

1 февраля 1967 г.

Абдижамил, оказывается, обиделся на стишок в стенной газете:

– Байқайсың ба, «Ымыртың»

«Сумеркиден» суықтау.

Әкесінен баласы
Мысқал артық туыпты-ау!
Пожаловался Әбе Жубану. Еще не раз придется ему жаловаться.

...Из Москвы ничего нет. Видно, Абдижамил просто-напросто обманул меня. Чувствую, вот-вот с ним разругаюсь.

5 февраля 1967 г.

У ТЮЗа встретил Абе. Поговорили. «Ақшаңды алдың ба?» – «Алғам жоқ». Председателем приемной комиссии в СПК снова стал Альжаппар. Это очень плохо для меня. Я надеялся, что назначат самого Абе. «Енді гарантия бере алмаймын», – говорит он. Лично он рекомендовал Альжаппару меня и Акима. Черт знает: вряд ли что-нибудь выйдет.

Шарипов будет еще полтора месяца в больнице. «Айтуда кемдік болып атқан жоқ қой», – говорит Абе. Ему тоже еще ничего не прислали из «ДН». Начало моего рассказа ему понравилось, а дальше, где Петька со своей компанией, – нет. Предложил одну идею. Не знаю.

24 февраля 1967 г.

Встретил Абдижамила. «Ақшаңды алдың ба?» – «Жоқ». Жүзінде реніш. «Потерпи». – «Да я и так всю жизнь терплю». – «Кітаптың ақшасын алғанда, сенімен түгелдей расчеттасамын». – «Еркіңіз білсін». – «Сенде жұмысым бар еді». – «Ол не жұмыс?» – «Үшінші кітаптың дайын тарауларын асықпай-саспай аудара берсең деп едім». Мен күлдім, ол да жымиды. «Оны қазір қоя тұрайық». – «Қойсақ-қояйық. Раяға сәлем айт».

26 марта 1967 г.

23-го приехал Абдижамил с Абишем и Калтаем. Абиш привез повесть на перевод. «Бұл қазақтардың саған қарайтын көзі жоқ. Кітабымның сигнальныйы бүгін-ертең келуге тиіс. Сонда сенімен түгел расчеттасам. Әбіш те үш-төрт күнде әкеліп тастайды. Бүгінге керек ақша ертең де керек қой», – заговорил Әбе о денежном вопросе. Что я могу сказать? Только и мямлил: «Мейліңіз. Дұрыс қой. Құп». Потом вместе с ними поехал в СП.

Ночь. Хлещет дождь. Я болен. Сижу и читаю повесть Абиша. Абе отдал либретто «Акбала» в «Жулдыз» (седьмой номер). Начало второй книги «Мытарства» будет печататься в «Просторе».

8 апреля 1967 г.

Приезжал проведать меня Абдижамил с дочкой Раушан. Поговорили о том о сем около часу. Было хорошо, приятно. Я ему отдал номер «Со-

ветской Киргизии», где опубликован отрывок из послесловия Лу
ев. Абе рассказал мне о статьях французских критиков. Какие-то вы
прислал из Парижа Казаков. На Пленум СПК Казаков, видно, не прие

15 апреля 1967 г.

Вчера вышла в «ҚӘ» моя статья. Много поздравлений. Статья многим понравилась. Но пришел в СП Абдижамил, повел меня к окошку в углу. Весь бледный, серый, раздраженный. Руки дрожат. «Что ты преследовал, когда писал эту статью?» – спрашивает. В голосе дрожь. Выхватывает из внутреннего кармана листки – мой перевод, начинает доказывать, что Казаков ни при чем, что уже в моем переводе это так. На полях разные пометки. Мне все доказывает. Я спокойно говорю, что он зря злится, ничего обидного и неожиданного нет и т. д. Он хрипит: «Акбала моя?! Кален мой?! Каракатын моя?! Выходит, по-твоему, это не моя книга?!»

Но говорили мы недолго. Подошел Ануар. «Что такой хмурый? Настроения нету?» – спрашивает. «Да ничего. Просто так», – говорит Абдижамил. Пошла пустая болтовня. Ануар не уходит. Наконец, Абе говорит ему: «Пойдем в столовую. У тебя деньги есть?» «Пойдем. На еду найду», – отвечает тот.

Они тут же уходят. Через два шага Ануар оборачивается.

«Пойдем. Жүр!»

Я качаю головой. Абдижамил не оборачивается, показывает свой упрямый затылок.

«Жүр! Жүрсеңші!» – настаивает Ануар.

«Нет!» – говорю я.

Это Абе демонстрирует характер. Потом мы сидели в фойе недалеко друг от друга, стараясь друг друга не видеть. Да-а… Старая истина. Живи тихо – и ты для всех хорош. А высказал, что думаешь, – и пошла нервотрепка.

Самое курьезное: мы оказались в одном номере «ҚӘ». Отрывок из третьей книги Абдижамила хорош.

19 апреля 1967 г.

17-го начался пленум СП Каз. Каратаев делал доклад. В нем говорилось и обо мне. Похвалил. А потом привел несколько ляпсусов из «Крутого времени».

Полречи своей посвятил Абдижамилу Т. Нуртазин. Говорил о моей статье. Полемизировал. Мол, Бельгер требует слишком многого. Совпа-

дения стилей, дескать, не может быть. О моей статье говорил и Ганиев (Москва). В перерыве подошел ко мне Аха (Жубанов). Улыбался, очень мило говорил, порадовался выходу книги, поздравил меня и поблагодарил за перевод. Потом сказал, что прочел мою статью. «Талжановқа телефон соқтым. Бельгер өзінің ойын жазыпты, ал сен баяғыша Белинский бүй деді, анау сүй деді деп жазыпсың. Өз пікіріңді айтатын уақыт болды ғой дедім». И старик, довольный, расхохотался. «Сәйділ екеуіміз құрдаспыз ғой. Ойнай береміз». Пригласил к себе... В перерыве подошел, к моему удивлению, и Абдижамил. Поздоровался, пожал руку, хлопнул по плечу. «О, Бельгер сегодня герой дня!» – И, по обыкновению, взрывно расхохотался.

22 апреля 1967 г.

Вчера утром заехал Азат Сулеев. «В 11 ч. состоится совещание переводчиков. Будет серьезный разговор. Ты должен обязательно быть».

На совещании присутствовали Кедрина, Александров, Пантиелев, Сендык, Урин, Дудинцев и много «наших». Я тоже выступил. Сказал о своем отношении к подстрочнику. Говорил резковато. Тут же бросился ко мне Сендык. «Зачем вам Казаков? Вам самим переводить надо!» Подошел Пантиелев: «Давайте познакомимся. Я же знаю Вас. Читал «Соловьи столетий». Вполне приличный перевод. Вам не нужны никакие подстрочники. Вам переводить надо. Зачем вам редактор?» – «Ну спасибо на добром слове». Талжанов пожал руку: «С выступлением». Взволнованный, взбудораженный, я вышел из кабинета Джубана и вдруг узнаю: Дудинцев заключил договор. Договорился с Хамзой. А со мной даже не поговорили, не посоветовались. Все обделали за моей спиной. Но я не свалился. Я этого ждал. Вот тебе и все разговоры-уговоры. Остался с носом. Я жалкий подстрочникист. Это будет моя третья безымянная книга. Говорил с Щеголихиным, Махмудовым, Ганиевым. «Хамски поступили с местными литераторами. Совсем обнаглели эти московские переводчики», – заметил Щеголихин.

Пленум этот прошел для меня с пользой, но на душе муторно. Я увидел, как литературу превращают в бизнес, в огород, где пасутся писатели.

Абдижамила дома не застал. Отправился в СП, там и встретил его. «Привет критику Бельгеру», – съехидничал он. Я спросил о своем рассказе. «Тартпада, сол жақ бұрышта жатыр». Коротко поговорили. Он сказал: «Құп», подал руку и ушел. Чувствуется: сидит в душе заноза. Очень уж кольнула самолюбие его моя статья.

26 апреля 1967 г.

Вчера проходило партсобрание. Творческие отчеты Абдижамила и Дм. Снегина. Абдижамил говорил толково, несколько раз упоминал меня, спорил с моей статьей, читал большой отрывок из «Запаха хлеба» Казакова и отрывок моего перевода, доказывая, что Казаков «соблюдал не только мою, но и вашу, товарищ Бельгер, интонацию». Резкостей, колкостей в мой адрес не было. Очень корректно.

Я говорить не стал. Сидел с Аскаром. До начала собрания говорил с Габитом.

25 июня 1967 г.

Был у Абдижамила. Подавлен: женге его находится в онкологической больнице. Сам тоже хворает. Поговорил с ним часок, потом съездили в Союз пис. Оттуда он довез меня до тещи. Работает над статьей. Ажар с детьми тоже болеет и находится в Гаграх.

12 декабря 1967 г.

Приезжал сегодня Абдижамил. Он недавно вернулся из Франции. Рассказывал мне около часу. 14-го похоронил тетю. Очень подавлен. Во Франции были в гостях у Арагона и в ресторане, пригласил в Алма-Ату Лили Дени и Анн Филипп. Приедут они в апреле. Обещал подарить мне «Доктор Живаго». Больше, говорит, ничего не осталось. Все растащили.

За последнее время сделал стр. 40-45 Абдижамилу, написал один рассказ (стр. 25), перевел пьесу Альжаппара (75 стр.), киносценарий Калтая (76 стр.), теперь вот-вот кончу повесть Дукенбая Досжанова.

9 февраля 1968 г.

Были Абе и Аскар. Пробыли часа два с половиной. Говорили о том о сем, пили чай. Аскар советовал Абе написать о своем горе, о потере своей женге, об уходе из жизни дорогого человека. И обязательно сейчас, по горячим следам, пока острота чувств не остыла, пока не перегорело, не отупело. Аскар изощренно высмеивал новый роман Сабита «Ақкан жұлдыз» – 26 п. л. за 1,5 года!

23 февраля 1968 г.

Утром приезжал Абдижамил. Забрал перевод. Сообщил, что Анн Филипп и Лили Дени прибудут 25 апреля. Из ЦК пришла записка, чтобы они уточнили три пункта в заявлении против Шарипова, что с большой охотой подписанты и сделали.

22 августа 1968 г.

Через два часа после моего приезда из Ташкента нагрянули к нам Абдижамил и Калтай. Сегодня был у Абе, потом ездили в СП, побыл всюду.

Главная новость: ввод советских войск в Чехословакию. Я глазам своим не поверил, когда читал сообщение ТАСС. Как это глупо, топорно, низко, подло. Стыд! Позор! Что это за гос. и партийные деятели, которые хотят насильно сохранить видимость. Последние друзья отшатнутся теперь от нас. Ложь! Фарисейство! Политика узколобых и слепых.

Взял кусок третьего романа Абдижамила и повесть Дукенбая. Предложил на перевод свою книгу и Мухтар Магауин. Хамза в Египте.

Без даты.

«Странно, – говорит Абдижамил, – когда я читаю Аскара, я не чувствую пота».

Без даты.

Ю. Казаков в письме Абе пишет: «Нашелся Чив, а с Тамарой я разошелся».

Без даты.

Где-то Лили Дени то ли сказала, то ли написала: «Если продолжить ассоциации, то его (Абд. Нурпеисова) в какой-то степени можно сравнить с Львом Толстым. Он пишет в духе русского классического романа, перенесенного на казахскую почву».

15 ноября 1969 г.

– Папа, что такое алмұрт? – спрашивает Раушан.

– Груша, – отвечаем вместе с Абе.

– Жоқ, дұрыс емес, – говорит Аскар.

– Как? Во всех словарях так.

– В словарях-то так, – отвечает он. – Но это неверно. Алмұрт – это персики. А груша – нәк.

Без даты.

Несколько дней работал у Абдижамила. Работать с ним порой мучительно. Помню, страничек семнадцать основательно редактировали дважды. Первый раз за день. Второй раз – те же самые странички – за полтора суток.

Поздно вечером, перед сном, мы стояли на балконе, и он говорил мне о том, что жизнь – совсем не веселая штука, что он теперь понимает, почему ушел из дому на старости лет Толстой, что все радости – суета сует, и что дети его, Абдижамила, еще малые, беспомощные, что жалко их, что нужно их поставить на ноги, потом говорил о своих планах: закончить третью книгу, дописать страниц 50-60 к первым двум книгам, закончить сборник статей и эссе «Край родной» и написать пьесу «Судр Ахмет». Потом он мечтательно говорил о том, что был бы счастлив, если б ему поручили сделать юбилейный доклад об Абае. Какой это благодатный материал! Как там можно б было развернуться! Какие бы высказать мысли! «Бірақ, бермейді ғой маған, – с тоской заключил он. – Қайдан берсін?!» Где-то за телевизионной башней одиноко бродила луна, шелестели листьями деревья, в редких окнах горел свет. А мы еще долго стояли на балконе и говорили о том о сем…

А сегодня он говорил о том, что он в последний год сильно изменился. «До этого у меня было сильно развито старательно скрываемое, глубоко запрятанное тщеславие, а теперь я понял, что это чушь. И слава – чушь. Слава нужна только в той мере, чтобы люди знали, что ты умеешь писать, и писать неплохо, т. е. такая слава, которая поддерживала бы кое-какой интерес к твоим книгам. И все. И достаточно. А сейчас мне хочется немножко кутить».

Он лежал в постели, обложенный листками, что-то писал. В кабинете на кушетке лежала целая кипа желтых, полуистлевших бумажек – заготовки, записи, материалы к третьей книге. Характер студента-сокурсника пригодится для образа Благонравова. Выписка из дневника какого-то царского генерала – пригодится для образа Рошаля.

Чувствуется: уже лет пятнадцать он живет среди своих героев, живет их жизнью. «Құдай денсаулық та бермей құртты», «Бір қол көріп жіберейік», «Қызың бүтіндей Раяға тартқан. От тебя ни черта нет»

Под шкафом лежит папка с рукописями. «Тиме. Бұл менің Августа Филипповнаны алдайтын қағаздарым».

Декабрь 1969 г.

– Не надо быть мнительным, ты же мужчина, – сказал он.

Я начал говорить, что уже поздно, не успеем, и Сауле уйдет, и в издательстве никого не застанем…

– И Сауле раньше шести не уйдет, и Оразбек еще будет на месте.

– Тяжело ходить, да и скользко.

– Держись крепче за меня и... пошли.

Он зашел с правой стороны, чтобы мне было удобнее держаться, и повел меня на буксире.

Едва перешли на улицу, он начал говорить о том, что, если бог даст, уже скоро закончит третью книгу. Бес римский цифр қалды. Әрқайсысын жеті беттен есептегенде, отыз бес-қырық беттей. Спросил, какое у меня мнение по первой части. Шли по Калинина. Лед. Скользко. Я напряженно вцепился в его руку. Вспотел весь. То палка скользнет, то калош проклятый спадает. Мне не то что говорить, думать невозможно. Все мысли, как бы не упасть, не шлепнуться посреди многолюдной улицы. «Пікірің жоқ екен ғой», – заметил он с досадой.

Доползли. И я действительно успел сделать все свои дела.

А утром он сидел над второй книгой для нового издания. Вырывал страницы из книги и клеил их на листы. Почти не было ни одной страницы без исправлений. А некоторые и вовсе основательно перепаханы.

– Ойпырмай, сіз де қажымайсыз...

Он вздохнул, отложил все в сторону, сказал, что хотел к Новому году хотя бы вторую книгу подготовить. Потом послал дочь за «Правдой», и там мы прочли его очерк «Долина песен» в моем переводе. Он остался недоволен: очерк сократили, да еще неумело. «Е, мейлі. Біздің неміз кетті?!» – сказал он и швырнул газету на подоконник. «Кел, жұмыс істейік». Мы до 4-х вечера просмотрели 27 стр. моего перевода.

Без даты.

Отправил Абе своего Мюльгаузена на фронт.

– Мюльгаузеннен қалай құтылдым, а?!

В письме Лили Дени он написал о том, что он был на войне, но не совершал геройства и до сих пор не знает, что такое. Но теперь, когда он, больной, почти прикованный к постели, кончил третью книгу, он может без ложной скромности сказать, что совершил нечто похожее на геройство.

Потом прочел мне письма Л. Дени и Л. Теракопяна

Вместе с М. Базарбаевым с горем пополам, с пятое на десятое, «перевели» одну французскую заметку о книге Абе, но так и не разобрали, с какой стати там вдруг упоминается «Матренин двор» Солженицына.

Возмущались письмом Горбачева к Вигорелли.

Без даты.

Приводил Абе образчик высокопарной речи Таира Жарокова:

– Сизокрылый орел... взмахнув могучими крылами... взлетая...

ммм... на недосягаемую... ммм... человеческим разумом... ммм... высоту... и там... ммм... в лазурной выси... ммм... этот джигит-орел... ммм... окинув орлиным взглядом... ммм... взором... парит и... ммм... и...

12 декабря 1969 г.

Разглядываем издание «Известия». Восхищаемся. Отличное издание!

– Счастливый вы человек! – говорю.

– И ты будешь, – отвечает.

Читаем послесловие. Очень тепло, интимно написано. Начинаем работать. Отвлекаемся без конца. Разговоры о том о сем.

Звонил режиссер русского драмтеатра. Хочет инсценировать третью книгу. Спрашивает, можно ли сделать инсценировку. Толкуем. Кинематографически материал очень хорош. Потом он говорил с Москвой, с Зоей Николаевной. Об издании трех книг в «Мол. гв.» в 71 г. Вместо 46 п. л. договорились на 40 п. л. «Қалғанын Михайлов арқылы кіргіздірем». «Жұлдыз» прислал рукопись. Просят сделать какую-нибудь вставку о Ленине. Ведь большой кус идет в «ленинский» – апрельский номер.

В восемь вечера все же кончили работу. Абе проводил меня до угла улицы. Было тепло и приятно. Все спрашивал: «Как Дьяков? Как Конобрицкий?» Был Горегляд, потом Строев, потом Конобрицкий. Потом думали об его имени-отчестве. Хотели его сделать Львом Наумовичем, оставили Иваном Артемьевичем. Он сказал, что это, пожалуй, к лучшему, если меня включили в план 72 года. Только надо было 10 п. л.

19 января 1970 г.

Абдижамил никак не может подобрать казахское слово к понятию «предрассудок». «Сұрамаған адамым қалмады. Асқар бір жетідесін «мүмкін емес» деді. Бірақ, «империяға» жақсы балама тауып берді – қағанат». Гениально!

«Әбілмәжінің» Теракопянға ұнады. Өзімен алып кетті проза бөліміндегілерге көрсетем деп. Егер ұнатса, «алғы сөзін жазып бересің бе?» дегенге «мақұл» дедім. Серьезно или просто утешение?

23 января 1970 г.

Вечером приезжали Абдижамил и Зейнолла. Посидели, о том о сем поговорили, съели холодную вермишель прямо из сковородки, поскольку дома больше ничего не было. Зейнолла попросил «Ивана Денисовича», а у меня его нет. У меня вообще все Солженицынские вещи растащили.

Хотел он взять Олешу, я не дал, тогда он попросил у Абе «Беседы» Светлова, тот тоже не дал. Зейнолла вздохнул. «Мне все равно читать сейчас некогда». Конечно, человек заканчивает докторскую диссертацию. В СП приходил Имашев, Абильмажин, еще разные завотделами, провели беседу с членами Президиума.

26 февраля 1970 г.

Много рассказывал Абе о своем отце. Очень живо, с любовью, с щемящей грустью. Рассказывая, я заметил, он вытер раз слезы. И у меня в горле пощипывало. «Ой, жақсы адам еді ғой. Невероятно жақсы». Эпизод с коровой. Жили в Аральске в сарае. Пришли жигиты. Нечем угостить, некуда сесть. «Эй, Хасенжан-ай, бұл күнде мені жақайым жігіттері менсінбейді, мен бұларды менсінбеймін».

Без даты.

Эту историю о своем отце Абе рассказывал дважды. Учился он тогда в девятом классе. «Қазір тақпайтын галстуктерді сол кезде тағып жүрдім». Отец совершенно не вмешивался в домашние дела. Его абсолютно ничего не интересовало, кроме охоты, своего коня и гончей собаки. Имел двух жен. И вот рано утром все скулила и скулила гончая сука. И тогда Абе отпустил ее на улицу. Проснулся отец. Первое, что он спросил: «Тазы қайда?» Больше ничего не сказал. Вышел. Вскоре вернулась гончая с переломанной ногой. Нога болталась на коже. За аулом были расставлены капканы на лис, в один из них попала гончая. Отец вошел, толкнул мать, та шмякнулась оземь. Подошел к сыну, шлепнул его по щеке. Снова вышел. Абе лег в постель. Долго он лежал, упиваясь обидой. Вдруг слышит: «Әлі тұрған жоқ па?» Поставил на стол одеколон и снова вышел. «Әй, тұрсаңшы, әлгі саған этір алып келді», – сказала мать.

5 марта 1970 г.

Был у Абе в госпитале. Он лежал, стонал, корчился от боли. Мы просмотрели его речь к 8 Марта, два-три письма, читали отрывки из повести Раисы Малыбаевой, начинающей писательницы. Работали около полутора часа, потом стало ему совсем тяжело, и Бабашев решил вводить ему кубик чего-то, чтобы он уснул. Был карантин, меня провели к нему как исключение.

Январь, 1974 г.

Глядя на мои страдания, Абе договорился с директором тубинститута и сам отвез меня, уговорив слушаться врачей. Врачи сказали: «Только операция. Четыре месяца в гипсе. Два месяца на восстановление, полгода ходить в туторе. И вы избавитесь от всех болей и станете человеком». Легко сказать!

25 января 1974 г.

Меня усиленно готовят к операции. Уже прослушал, прощупал анестезиолог. Операция назначена на 31 января.

Выпросил у Абдижамила книгу Андре Моруа.

30 января 1974 г.

С утра хлопоты: уколы, лекарства. Помыли. Зашел Абе с глав. врачом. Был почти час. Ободрил, утешил, хорошо поговорили. Вечер. Идет снег. Завтра, завтра. «Операция ваша будет нелегкой», – откровенно сказала хирург Вера Леонтьевна. Бисмилля...

7 февраля 1974 г.

Неделя после операции. Из реанимации спустили два дня назад. Были Абе с Абишем, принесли цветы. Поздравление.

13 февраля 1974 г.

Впервые вывезли на каталке в коридор на свидание с Абе. Было приятно. А в «тихий час» были Калтай и Тахауи. Их не пустили. Оставили записку с пожеланиями.

25 февраля 1974 г.

Пошли холода до 30 градусов. Мерзнут руки, ноги, уши, нос. И в такой обстановке кое-как перевел очерк Абе. Сегодня он летит в Москву, хочет очерк дать в «ЛГ» и Всесоюзное радио.

Был Абе у Иксанова насчет квартиры для меня. Тот ничего определенного не обещал, сказал якобы, что трудно и что посмотрит, подвернется ли что-нибудь в первом квартале. Меня вполне устроил бы и третий квартал, лишь бы это было твердо. Абе считает, что обязательно клюнет. Он хочет теперь поднажать на помощника Иксанова, кому оставили мое заявление.

2 марта 1974 г.

В «тихий час» пришли – и их, естественно, не пустили – Ахтанов, Нурпеисов, Базарбаев, Кабдолов. Оставили записку, почерк, кажется, Зейнуллы. Абе написал на клочке, что очерк его будет опубликован 13-го в «ЛГ», записан и на радио. Везде в моем переводе. Привез Абе «бодарку» – три ручки трех цветов в коробке. Приятно их посещение.

24 марта 1974 г.

Вчера были Әбе и Калтай. Принесли цветы и коньяк. «Бұдан басқа дәрі ішпейтінімді білесің ғой», – сказал Калтай.

12 апреля 1974 г.

Вчера навестили Тахауи, Калтай, Абе. После обеда сегодня зашли Тахауи, Б. Аманшин, Б. Сокпакбаев, последний явно под хмельком. Таха занес договор на «Клятву». Нужно подписать договор и передать доверенность Абе.

13 апреля 1974 г.

После «тихого часа» забрел Азат. «В секретариат войдет, наверное, Абдижамил», – вскользь заметил Азат. Видно, дошел до него какой-то звон...

2 мая 1974 г.

Сегодня Абе и Абиш посетили меня с банкой куардака и банкой мясаассорти. Ешь – не хочу!

12 мая 1974 г.

Вчера Абе и Ажар привезли цветы, бутылку коньяка и целую кастрюлю отменного мяса. А у меня с утра был приступ – почечные колики.

29 мая 1974 г.

Позавчера были Абе, Тахауи, Азербайжан. Покалякали. До них приходил Дукенбай. Молодец, оформил все мои дела.

30 мая 1974 г.

Абе привез меня домой. В гипсе. Пошла новая жизнь – комнатная.

13 ноября 1975 г.

Шли, беседовали с Абе. «Проза жазу ой, невероятно қиындап кетті». Заново написал начало своей повести. «Осы не жетпейді? – деп көп ойладым. – Ой бар, образ бар... Сүйтсе, бұл құрғырда движение жоқ екен ғой... Енді соны тапқан сияқтымын».

Говорили о «Ранних журавлях». Я сказал, что Чингиз очень часто ходит по самому обрыву сентиментальщины.

«А это надо, – сразу заметил Абе. – Время суровое, жесткое, даже жестокое. И читателю сентиментализм нужен. И старикам, и молодым».

Я ему рассказывал о Фолкнере, о его «Гоне спозаранку», потом хвалил Кэрол Оутс, и он сразу загорелся: «Осыларды тауып берші. Тезірек. Жазуға отырар алдында осыларды оқып алайын...» Хвалил я статью об «Аз и я», и Абе тут же позвонил Владиславу, передал ему мое мнение и заметил, что он тут же пойдет покупать номер...

14 ноября 1975 г.

Абе очень любит Чингиза. О «Ранних журавлях» он сказал: «Шамалы ғана дүние... Кішкентай ғана дүние. Өзі қазір үлкен бір дүние жазып жатырау деймін. Соның алдында жай жаза салған ғой».

19 июня 1976 г.

Стоим мы с Абе на балконе его дома, о чем-то беседуем. Вдруг Абе, рассияв лицом, радостно говорит:

– Әне, Тахаң келе жатыр!

Я не сразу узнаю Ахтанова.

– Оу, көзілдіріксіз қайтып тани қалдыңыз? Мен әзер шырамыттым.

– Е, Тахаңды танымай не болды маған?!

По Тулебаева медленно, чуть вразвалку, закинув крупную, гривастую голову, идет Ахтанов. Абе издали улыбается ему, вскидывает радостно руку.

Мы с балкона, Ахтанов – снизу минут двадцать беседуем. Разговор легкий, шутливый, приятный, очень дружелюбный, человечный. Ахтанов уходит.

– Красивый человек! – говорю я. – На него просто приятно смотреть.

– Ой, айтпа! Көп қырт қазақтың ішінде нағыз адам ғой. Әттең Қ. құртты ғой. Әйтпесе депутат қылып, жазушылардан нағыз сөйлетіп қоятын жігіт қой...

16 апреля 1977 г.

Раза три с утра звонил Абе. По телефону он читал куски из первой главки моей повести, читал медленно, по обыкновению неправильно ставя ударения в иных словах, но чутко, внимательно, и я как бы со стороны, как-то совсем непривычно, по-новому, что ли, свежо услышал свои слова, как бы заново вникая в те шероховатости, на которые он указывал. Отчего-то, слушая его, я разволновался, что-то такое я ощутил вдруг обнаженней, острее, а когда он спросил, читали ли мои родители эту штуку и что их, должно быть, особенно взволнует моя детская память, я и вовсе расчувствовался, прямо до слез. За эти дни мне говорили немало душевных слов по поводу «Дали», но Абе меня растрогал своей чуткостью. Правда, пока он прочел лишь первую главку.

18 апреля 1977 г.

Абе по телефону высказал такие замечания: описание снежного аула. Да, были снега. А почему сейчас нет? Глазами мальчика: и дым не густой, не жирный, а жидкий. Дров не хватает... Человеческие отношения. Неге соның бірі жоқ? Озера высыхают, снега меньше, земля меняется, скудеет. Восстановить через восприятие. Обновить прием. Писать о тех годах, но время от времени говорить о нынешнем.

...Пила скулит, как щенок. Хорошо, но необходимо развить. И зубья пилы, как зубы щенка. Словно хочет меня укусить... Осы жерде шешеңді беріңкіреу керек еді. (В сцене пиления.) Чуть-чуть развить. Какая она? (Может, немного о прошлом... Да, о прошлом матери здесь обязательно надо.)

Сцена письма. Сарандау жазылған. Отец хочет читать письмо. Но оно скомкано в руке. Развернуть... Открыто ұнамаған жері: сцена беседы Очкастого Ганса и папы над картой. Нужна не просто констатация фактов. Нужно всю сцену развернуть глазами мальчика. Без диалога шығып кету керек. Слишком открытый патриотизм.

25 апреля 1977 г.

Еще дважды по телефону говорил Абе о «Перед далью». Он считает: Салима убрать, образы Шаймурата и Темеша объединить, сделать сквозным, придать ему комические оттенки. Будут тогда две линии: лирическая («я») и комическая. Углубить исповедальную часть. Меньше говорить о событиях. Кончать повесть годом раньше. Пересказать в форме: «Это будет потом, так будет потом, а пока...» Надо незамедлительно доработать, а потом издать в Москве, напишу предисловие.

Кое-что, наверное, следует мотать на ус, кое-что спорно. Елеукенов сказал: «Ә, оның айтқанын тыңдама. Өзіңнің ізіңмен қал. Әбе деген мрачный ғой». Әбе слушал, посмеивался.

18 ноября 1977 г.

Абе в постели. Болен. На полу лежит рукопись Е. Букетова. «Ой, сіз де жалықпайды екенсіз!» – говорю.

«Осы «Қан мен терден» гениальный кітап шығаруға болар еді. Көзім соған жетті».

«Онда «Мұз үстіндегі түн» мен «Туған жерді» тастап, осыған кірісіңіз Айтайын дегеніңіздің бәрін армансыз айтыңыз».

Он смущенно улыбнулся.

«Жоқ... Анау екеуін бітірмей – бұған көшпеймін де қайта шығартпаймын».

В это время пришла бандероль от Мустая Карима. Он нетерпеливо разорвал обертку, вынул «Сто лет одиночества», прочел несколько фраз из послесловия, но я его отвлек, сказав, что нужно доиграть партию.

13 февраля 1978 г.

Вчера в гостях у Абе узнал от него и генерал-майора Бисенова (Караганда) весть о том, что в Казахстане будет организована немецкая область. Любопытно.

22 марта 1978 г.

Вчера был совершенно нелепый разговор с Абе. Начали хорошо, да кончили плохо. Он, как все эти дни, рассказывал, как знакомые литературоведы восхищаются отрывками романа. Я, как все эти дни, восторга не выказывал. Стал опять говорить о том, что к Бакизат душа не лежит, что ее поведение, манера не соответствуют тому, что она просто кокотка, никак не учительница, никакого интеллекта, что ее горделивость – лишь чванство, и не потому ли нет в казахском языке слова для чванства, ибо оно сливается с понятием гордость, что, может, следовало бы ее сделать неудавшейся певицей, или швеей, закройщицей, или – на худой конец – учительницей начальных классов аульной школы. Абе возражал. Дальше – больше. Стал я говорить, что в иных предложениях стиль и синтаксис явно хромают, есть путаница в подлежащих и сказуемых, явное смешение, и потому мне иногда приходится выстроить предложение по-новому, разметив подлежащее и притягивая к нему все остальное, а по-

том уж переводить на русский (при этом я вспомнил Аскара: «по-русски необходимо все это переконструировать»), для доказательства прочел одно предложение. Тут-то Абе и вскипел.

– Это самое лучшее предложение! – закричал он. – В казахской литературе такого предложения еще не было. Если бы мои враги написали бы такое, я бы их расцеловал. Дай бог, чтобы оно по-русски так зазвучало. Извини, но ты порешь х...ню. Хреновину городишь! Я на твою грамматику... положил. Грамматика – это ненужная наука, нужна поэзия и логика, а не твоя дурацкая грамматика!.. Слушай, ты не придирайся, не цепляйся... Любому казаху читай, и он тебе скажет, что это отличное предложение. Раз уж ты связался с этим делом, то не рыпайся!..

Я его успокаивал, говорил, что нечего раздражаться, я, мол, говорю, что думаю, что вызывает у меня тревогу, и зачем из-за этого злиться. Возможно, я не дорос, не понимаю, не чувствую глубинную тонкость языка, все же я не казах, в крови языка нет... Кончилось тем, что мы друг другу с обидой сказали: «Жарайды!» и опустили трубки.

Отныне ни одного замечания себе не позволю в адрес Абе, ни одного суждения. Он так вознесся на крыльях славы, что любое замечание взрывает его. Друзья его хитрые. Зная его, долдонят об экспрессии, внутреннем конфликте, языке, модерновом стиле и т. д., и только один я оказался дураком, вроде выискиваю какие-то изъяны. А между тем: «Не рыпайся!» Хм-м... Вот как!

23 апреля 1978 г.

Говорили с Аскаром о «Сеңе» Абе. Я признался: перевожу неохотно, ибо многое не «тянет», не трогает, а то и откровенно не нравится. «Мертвая книга, – заметил Аскар. – Психоложество. Вся ставка на психологизм, а психологизма нет. Вместо того чтобы рожать, он берется принимать роды, берет на себя функцию акушера. Он, кряхтя, мучаясь, тянет изо всех сил ребенка за ноги, но ведь ребенка-то нет. Самоакушерство».

29 апреля 1978 г.

Снова тяжелый разговор с Абе. Ему почему-то хочется, чтобы я не только его переводил, но и при этом постоянно им восхищался. Он сказал, что такой сцены, как лунные блики на супружеской постели (стр. 101–103) в литературе не было, что это совершенно гениальная сцена, и если она меня не трогает, значит, я – отупевший дурак. «Ну, что это та-

кое?!» Потом он сказал, что я эгоист, что, дескать, мне начинает нравиться только то, что я уже перевел. То есть я воспринимаю оригинал лишь через свой перевод… Я молчал, продолжая держать трубку и переписывать Шиллера, он говорил еще долго, явно обиженный, потом сказал: «Жақсы» и положил трубку. «Я не обижусь. Если материал так сопротивляется, и ты так мучаешься, душа не лежит, то можешь не переводить. Пусть я лучше на русский язык не выйду».

7 мая 1978 г.

Перед отъездом (я об этом не знал) позвонил Абе.

– Зайди сейчас, забери один кусок. Я его переписал. Страниц 7-8.

– Не зайду. Сейчас с базара придет Рая, и мы пойдем в театр.

– Я знаю, у тебя график… но ты все-таки зайди.

– Не могу, Абе. Мне нужно одеваться, обуться, а вы ведь знаете, как мне трудно возиться с ботинком…

– Слушай, ты слишком стал важничать, а тебе это не идет.

– Я не важничаю, а говорю, что есть. Зайти к вам не могу. Не горит ведь. Передайте через Айжан.

– А что тебе Айжан, курьер, что ли?!

– Вчера договорились, что она вечером к нам зайдет. Вот пусть и прихватит.

– Значит, не зайдешь?

– Нет.

– Ну, как хочешь.

И швырнул трубку.

6 декабря 1978 г.

Два дня работаем над речью Абе к юбилею Айтматова. Работа идет трудно. На клочках бумаги как попало – случайно, путано, грамматически вопиюще безграмотно, иногда просто нелепо – записана уйма мыслей. Из них Абе компонует речь, переписывает раза два, и предложения получаются сложные, длинные, как волосяной аркан в сотню узлов. Я стараюсь вникнуть в эту чудовищную несуразицу, в эти – как говорит Райкин – «ребусы» и «кроксворды», смутно угадывая, что к чему, расставляя подлежащие и сказуемые, а потом нанизывая на них бесконечное число определений, вводных слов, причастных и деепричастных оборотов, сочиненных и подчиненных предложений, и, выстроив с горем

пополам громоздкое, как развалившийся сарай, предложение, я диктую его Абе, и он записывает его заново, нагромождая ошибки на ошибках – «мысель», «идейей», «разярадах», «сбоводолюбивий», «борчески дух», и я опять исправляю, исправляю, и от досады и бессмысленности такой работы у меня горят уши. Уф-ф-ф...

А Абе какой-то взбаламученный, задерганный, суетливый. Дома – бестолочь. Есть нечего. Дочери больны, бродят по комнатам, как призраки. И вдруг Абе говорит: «Осы тезірек өлсем екен...» Потом безо всякой связи: «Осы крематорийді қашан жасайды? Жерге көмгенді ұнатпаймын. Жанып кеткеннің өзі дұрыс болар еді...» Я поразился. «Е, не болды соншама?!» – «Ой, осы өмірде түк қызық қалмады...»

6 апреля 1979 г.

Абдижамил, конечно, – личность. И как всякая личность неоднозначен. Много разного в него напихано. Да и характер у него не из легких. Можно найти в нем и так называемые негативные черты, и чисто «қазақбайские» свойства, которые порой проявляются резко, и за долгие годы общения с ним я с этим сталкивался не раз, и совершенно убежден: если сложить одни его «темные» стороны, нетрудно создать тип почти что отталкивающий. С другой стороны, в нем можно сколько угодно (и, наверное, преимущественно) найти доброты, человечности, сочувствия, сострадания, детскости, наивности. В упрямстве он крайне субъективен и несносен. В добрую минуту простодушен до наивности.

Сегодня он меня опять удивил. Неохотно, через силу перевел накануне восемь заключительных страниц «Льдины». Перевод ему не понравился. Договорились поработать, посидеть вместе. Вчера я переписал еще раз одну страничку, почувствовал, что получилось вроде лучше. Тогда ту же страничку отшлепал еще и на машинке, и сегодня прочел ему эту страничку. Уже в середине я заметил явную заинтересованность в том, как он слушал, а когда дочитал, сказал, что это то, что надо, что я, мол, уловил интонацию, что перевод творческий, и потом прочел сам, указал на наиболее выигрышные слова, разулыбался, вскочил, поставил чай, притащил польскую водку, армянский коньяк, пшеничную водку, разбудил Ажар и все говорил и говорил о моей удаче. Я подумал: играет, небось, хочет меня утешить, ободрить, потом увидел: нет, серьезно. Видно, я и впрямь нащупал то, что надо. «Ну что ж... – сказал я. – Тогда попытаюсь продолжить в таком же духе. А потом уж посидим вместе». На том и решили.

15 декабря 1979 г.

Просто в отчаянии. Работаю, работаю, а ничего не успеваю. На Дукенбая надо мне месяц, а сегодня напал Абе. «Ну, что это такое?! То Досжанов, то Кекилбаев, а меня когда переводить будешь? Легкий хлеб, что ли, ищешь?»

Ничего себе «легкий хлеб»! Изо дня в день, как проклятый, сидишь – толмачишь. А между тем хотелось бы самому сочинять, пописать в свое удовольствие, хотя бы перевести самого себя на казахский язык. А ведь руки до себя не доходят. Надоело мне... В ближайшие два-три года нет просвета. Раб, раб...

23 декабря 1979 г.

Сегодня я прочел почти все эссе «Кто идет...» Абдижамилу. Он пришел в волнение. Говорил о том, что для него это неожиданно, что он от меня совсем такого не ожидал, что я должен писать только так и что если я напишу пять-шесть таких вещей, то могу спокойно, мол, умереть. Потом побежал на кухню и сказал жене, что он сегодня вторично открыл Бельгера, что я, дескать, эссеист, и много тому подобных хвалебных слов.

Потом я показал ему свою работу «Камни преткновения», прочел несколько отрывков, и это ему тоже сильно понравилось. «Это же готовая диссертация!» «Слушай, – сказал он потом. – Когда тебе будет пятьдесят? Мы, казахи, должны это с достоинством отметить. Народ должен знать, сколько ты бескорыстно сделал для нас...»

Он сказал столько хвалебных взволнованных слов, что я растерялся и несколько раз перевел разговор на другие темы, но он вновь и вновь говорил о моем эссе.

Начало сентября 1980 г.

В спальне Абе лежат номера «Жулдыза» с новым романом Абиша «Уркер». Я его еще не читал. Абе читал какие-то главы, куски. Об Абише он всегда говорит с любовью, доброжелательно, с гордостью, считая его весьма одаренным. Но в этом романе кое-что ему не по душе. И самое главное: материал задавил художника. Этого он и опасался. Слишком долго Абиш копался в архивах, изучал литературу, делал выписки. Все это художественно осмыслить, переварить он не успел. Торопился. И Абе для доказательства читает отрывок: о том, кто от кого произошел. Бесконечные имена, названия родов, племен, родичей, связей, ответвлений. Сухая, длинная, нудная, историческая справка. Я тотчас про себя подумал: при переводе на русский язык все это следует опустить, ибо

читатель это не осилит. Длинная вереница казахских имен его отпугнет. Прочитали еще один кусок: тоже в таком же тягомотном перечислительно-ознакомительном духе. Не надо ему спешить, замечает Абе. В журнале опубликовано, вещь и тему он за собой закрепил, теперь нужно основательно работать, многое перепахать. «Я ему говорил: тему Абулхаира нужно сделать глобальной. Нужно написать трагедию колониальной политики. Трагедию народа. Мужественную трагедию хана, выбравшего судьбу на века. Поднять эту тему до общечеловеческого уровня. Выйти из рамок сугубо национальных. Абиш написал не трагедию народа, а историю трагедии. Чисто национальную историю. Получился чисто казахский роман. Локальный. Не задевающий общемировые проблемы. Да, да, именно историю трагедии добросовестно описал Абиш. И зря он спешит с отдельным изданием. Загубит добрый замысел».

Еще много говорил Абе в этом романе все в таком же духе. И мне подумалось, что, пожалуй, Абе прав. И это было бы досадно. Впрочем, нужно сначала все внимательно прочесть.

12 октября 1980 г.

Рассказал было Абдижамилу о своем смутном творческом состоянии. Он выслушал с сочувствием, сказал: «Зорлама өзіңді... Читай, на кухне копошись, ремонтом занимайся. И все думай. Бір кездері бір жерден өзі қыңсылап шығады».

Ай, қайдам... Қыңсылап шыға қояр ма екен...

Ясно, что проза не мое дело. И нечего туда соваться. Буду переводить, иногда статейки писать – с меня хватит.

19 ноября 1981 г.

У Абе бессонница. Это его угнетает. Угнетает и то, что столько времени потрачено впустую. Я ему сказал, что перед Временем мы вообще преступники, тратим его бездумно, так, будто у нас в запасе вечность. Ведь все дело в том, чтобы работать систематически, ежедневно, и тогда можно очень многое успеть. «Ты прав, – с горечью заметил Абе. – Больше половины жизни мы профукали. Меня ведь относят к писателям усидчивым, трудолюбивым и требовательным. А я что делаю?! Просто себя презираю. Вон шахтеры каждый божий день спускаются под землю, солнца, света не видят, и так изо дня в день, всю жизнь работают. А мы в тепле сидим, чистые, на солнышке, а алты сағат уақытымызды қимаймыз ғой. Неткен сорақылық!»

24 ноября 1981 г.

Я позвонил Абе, чтобы поделиться радостью по поводу первой серии грузинского фильма «Сын твой, земля». И почувствовал, что у Абе голос взволнован. «Осы көткеншек Көшен өзім ғой деймін. Осы ілгері кетіп жазудың орнына, кіл жазғанымды редакциялаймын. Анау Қален, Еламан, Судыр Ахметтің ауылы жайындағы жер есінде ме? Сол жаман жазылмаған. Ал, мен оны терендете түстім. Ой, керемет болды! Сколько у человека возможностей, а?!»

22 мая 1982 г.

Несколько дней подряд – почти с утра до вечера – занят редактированием перевода «Сең» Абе. Ужасно муторная работа. Мне приходится сильно напрягаться, чтобы мысленно отрешиться от груза вариантов, давящих на меня уже несколько лет, и сравнивать последний вариант перевода с последним вариантом оригинала, опубликованным в «Жулдызе». Выясняется, что Абе в очередной раз успел что-то убрать, что-то добавить, что-то написать иначе. Подгонять перевод к оригиналу не всегда удается, и многие страницы приходится писать заново. И вот сегодня, когда я начал сравнивать очередную главу и когда выяснилось, что разница есть на каждом шагу, я задохнулся от глупости и бесплодности моего занятия. Кровь хлынула в голову, и начало дергаться веко. То, что я смутно чувствовал все эти годы, вся бессмысленность этого ужасного труда стали мне столь очевидны, что я был готов разреветься от отчаяния. Как бы было хорошо, если бы я переводил готовый, окончательный вариант, а не черновики в течение многих лет. Теперь выясняется, что я весь истратился на черновики, отравился ими – отравился всем: героями, стилем, словами, ситуацией, сюжетом – и мне стоит ужасных усилий в который раз заниматься сизифовым трудом – подгонкой перевода к оригиналу. Сколько потерянного времени! Сколько напрасного, варварского труда! Какая глупейшая ситуация! Автор, работая над своим романом, наверняка улучшил его. Но зачем надо было переводчику пройти через тот же самый путь ошибок, проб и недоразумений? Он должен был переводить окончательно готовый текст. Тогда бы он сохранил свежесть восприятия и азарт творчества. А так он низведен до переписчика. Ни души, ни чувств. Да, это было огромной тактической ошибкой. Понятно, что автор зла не хотел. Но мне-то от этого не легче. Теперь я каждое предложение, засевшее в мозгу, проглатываю с усилием – так в детстве меня заставляли проглатывать перед едой ложку рыбьего жира, после чего меня мутило весь день, и я с отвращением смотрел на всякую пищу. Вероятно, я все же кое-как добью этот роман, но

вытравить из сознания, из души гнетущее чувство бессмысленной работы будет едва ли возможно... Плохо... Ой, плохо...

30 мая 1982 г.

Играем в шахматы. Абе продувает партию за партией. «Бастың ішінде неше түрлі ой бар ғой, бала... Сан мың ой...» Он и в самом деле удручен: угнетает его Тахауи, что-то распустился, опустился мужик, пьет, болтается; угнетает дочь; тревожат отношения с мужем одной дамы...

6 июня 1982 г.

– Проводи меня, – говорит Абе.

Я отнекиваюсь: как можно? Я в тапках, в домашних джинсах. Что люди скажут?

– Ә, саған жұрт қарайды дейсің бе? Жұрт қалаға қарайды, қатындардың құйрығын қызықтайды. Саған біреуі де назар аудармайды.

Идем по Красина и Джамбула. Маленький, тощий котенок, завидев нас, подбегает к нам, ластится, жмется к ногам, жалобно мяукает. Абе растроган. Ему жалко котенка. Стоит, размышляет. Черствых людей ругает.

Проходит подросток.

– Слушай, котенок не твой?

Мальчик мотает головой.

– Ну забери его. Ну накорми его хотя бы. Ну посмотри. Неужели твое молодое сердце не болит? Ну...

Подросток смотрит на Абе, на котенка, хватает его и уходит.

– Ну молодец! Хотя бы накорми...

11 июня 1982 г.

«Өнерде шек деген жалпы болмайды ғой. Өнерге шек қойып жүрген жалғыз қазақтар», – раздумчиво заметил Абе.

29 сентября 1982 г.

После семи-восьмичасовой работы с Абе я чувствую себя разбитым. По-моему, так тяжело, так нервно мы не работали даже во время перевода «Крови и пота». Сегодня опять произошла стычка. Как я ни крепился, но своим занудством он меня опять вывел из себя. Он тоже весь потемнел лицом. В пылу раздражения и запальчивости, он сказал: «В каждом предложении, если хочешь знать, есть проигрыш». И с дрожью в голосе стал доказывать, как здорово написал он и как ничтожно перевел я. Стало обидно: на этот роман Абе я положил больше сил, времени и здоровья,

чем на все остальное вместе взятое. А результат никудышен. Он стал доказывать, что ничего легкого на свете нет, приводил шахтеров, рыбаков. Да много ли в том утешения? У меня от долгого сидения болит нога. Поджимает сердце. В затылке будто торчит штырь. У Абе физическое состояние не лучше. Кроме того, он обременен множеством ничтожных житейских и приятельских дел. А работа проходит мучительно. Я ушел от него на грани истерики. Работая с ним, не испытываешь ни малейшей радости или удовольствия, а наоборот, все время чувствуешь себя униженным, ничтожным, бессильным, неспособным. Я понимаю: не дорос до его требований. С другой стороны, и его требования зачастую совершенно абсурдны. Пока он ставит ненужную запятую или упорно настаивает на совершенно нелепом слове, я извиваюсь, корчусь, будто дождевой червь на раскаленном асфальте. При таком темпе нам нужно еще дней сорок. Господи, выдержу ли это?! Многие предложения под его давлением стали настолько корявы и безграмотны, что подписываться под этим – все равно, что подписать себе смертный приговор.

1 октября 1982 г.

Иногда мне кажется, что в переводе Абдижамил больше тяготеет к имитации, нежели к реконструкции. Приближенность (иногда формальная) к оригиналу любой ценой – даже в ущерб русскому языку – вот его главенствующий принцип.

Сидя друг против друга, бормочем что-то и попеременно зеваем. И это называется работой.

– Мягкий знак қойыңыз, – говорю

– Эй, ладно. Мягкий знагыңды өзің қоярсың.

2 октября 1982 г.

Сегодня я вдруг подумал, что мы с Абе переводим так: я – в лоб, а он – по лбу.

Абе долго думает, и вид у него несчастный. И вдруг он спрашивает:

– Сонымен қалай жазамыз? «Все же» ме? Жоқ, «все-таки» ма?

4 октября 1982 г.

Сегодня Абе в очередной раз довел меня почти до истерики. Все ему мерещится пластика, и ищет он ее там, где ее и в помине нет. Я охотно соглашусь с тем, что по части пластики я сильно хромаю, но не могу согласиться и с тем, что если вместо «Что?» – спросил он», написать: «А?» –

спросил он», то мы и будем иметь эту самую пластику. А Абдижамилу как раз это и кажется вершиной пластики. Вообще идеально-пластичным кажется ему предложение, построенное на казахский лад.

Сегодня на предложении о слуховом аппарате застряли напрочь. Абе искал эквивалент к слову «самбырлап». И еще искал пластику.

А когда он яростно и безапелляционно начал настаивать на предложении: «Еще не давно по минутно то закрывая, то открывая злившие желтые глаза вдруг немигающе уставился» (орфография его), я битый час объяснял, что по-русски это предложение безграмотно. Мы наговорили друг другу кучу дерзостей, и я, доведенный до белого каления, собрал бумажки и ушел. Прошло несколько часов, я сходил в СП, в магазин, но никак не могу успокоиться, а сейчас ноет-покалывает сердце.

28 октября 1982 г.

У Абе привычка: в угоду какому-нибудь полюбившемуся слову или словосочетанию перестроить все предложение. Точнее, пригнать все предложение к одному мнимо важному слову.

8 ноября 1982 г.

Прилетел из Еревана. С Абе говорил по телефону. Разговор напряженный. В голосе его недовольство. Понимаю: недоволен тем, что я столько времени был занят не его романом. Потом, когда он сказал, что Ан. К. и еще кто-то сказал якобы о моем переводе, что он, дескать, вполне грамматически правилен, я ответил, что ни К., ни кто-либо другой не может быть мне судьей в смысле русской грамоты. Я охотно признаю свою художественную, литературную бездарность, но в смысле формальной грамотности я в состоянии потягаться кое с кем. Он это проглотил, но в конце, уговаривая меня заняться в его отсутствие опять-таки его романом, заметил: «И без самовлюбленности...» Я ответил резко: «Упрек этот я не принимаю ни на полпроцента. «Нет, есть», – настаивал он. «Это, Абе, не по адресу. Это, скорее, подойдет кое к кому из Вашего окружения». Видно, голос мой дрогнул. Он как-то судорожно сказал: «Ну, ладно... Беру свои слова назад». Я: «Что значит беру назад?» – «Ну, извини». Я: «Наоборот, всю жизнь страдаю от застенчивости и скромности, а тут... самовлюбленность!» – «Ну, ладно. Сказал же: беру слова обратно. Мне ничего это не стоит. Спокойной ночи!»

Я до середины ночи не мог уснуть от возмущения. Отношения наши с Абе странно осложняются. Я понимаю: так, как он хотел бы, я перевести не в состоянии. Но это не значит, что меня можно насиловать.

Без даты.

Уткнувшись в страницу перевода, Абе без конца бормочет: «Одно лишь... Только лишь... Лишь только... Только... лишь... Лишь только... төлке-төлке...»

21 февраля 1983 г.

Сегодня он на меня обиделся:

– Почему ты не воспламеняешься? Почему у тебя не появляется желание доказать, на что способен?

И тогда я просто и откровенно сказал, что роман его надоел, что я отупел от насилия, от постоянного нудного недовольства, от того, что он хочет черт знает что, что моя задача – как-нибудь довести дело до конца, чтобы «угодить Вам», что ни один человек не выдержит такую пытку, что я отравлен этими вымученными словами, что... и т. д.

Он обиделся, возмутился, голос задрожал. Сказал, что я «қасаң адам», «без трепета в душе».

«И Вы еще обижаетесь?! – сказал я. – За что? За то, что я жизнь свою положил?! И еще хотите, чтобы я еще воспламенялся?!»

Он ушел в больницу. А когда вернулся, снова сели работать. Осталось 63 страницы. Господи, удастся ли когда-нибудь дойти до конца?..

26 февраля 1983 г.

Еле-еле одолели 3 стр. Потом между нами произошла очередная нервная вспышка. Друг другу крепко потрепали нервы. Работа не пошла. Съездили в Дом отдыха ЦК.

27 февраля 1983 г.

Осталось 36 страниц. Зато каждая – крепость.

28 февраля 1983 г.

В обед пошел к Абе. Читал стихи Кайсына на балкарском. Очень многое понятно. Прислал Кайсын из московской больницы письмо. Очень своеобразный почерк: иные буквы по три сантиметра. Письмо хорошее, доброе. «Будь здоров, великий мой друг», – пишет Кайсын Абе.

15 марта 1983 г.

Абе решил, видно, меня добить. До 12 часов сидели над одним абзацем. Потом пошли вспышки, начали дерзить друг другу. Я указал на два десятка ошибок в двух его абзацах. Сначала ушел он, потом – я. Нервы на пределе. Чувствую: роман этот нам не кончить. Хоть в петлю лезь.

20 апреля 1983 г.

С утра усиленно звал Абе. Даже завтракать не позволил. Просидел у него до двух дня. Крутили-вертели его очерк. Что-то вырисовывается. Сұлбасы бар эйтеуір. Потом час мотались на машине – на базар и в магазин.

21 августа 1983 г.

Звонил с утра Абе. Опять недоволен Красновым, которого только вчера проводил с такой помпой. «Кретин!», «Много лишних слов», «Все время разъясняет».

Словом, хочет Абе, чтобы я вычитал рукопись до машинки, а потом после машинки еще раз вычитал. При этом выправить еще его исправления. А на каком они уровне – понятно.

А ведь Краснов сам обязывался вычитать весь текст. В мою обязанность входило только перенести все исправления во второй экземпляр. Роман Нурпеисова доведет меня до умопомрачения.

В четвертом часу пришел Абе, потом – Ажар. Мы вычитали 50 страниц. Выбрали отрывок для «К. пр.». Работали до 10 вечера.

22 августа 1983 г.

Полдня проездил с Абе по разным местам, искали бумагу, не нашли. Потом часов пять просидел у него дома: просмотрели страниц 10.

8 декабря 1983 г.

Часа три был у Абе. Джубан уходит. Вернее, его заставили написать заявление. Абе опасается, что придет Олжас. Намерен выступить против. Я свою симпатию к Олжасу не скрыл. Хотя понимаю: для казахской литературы это не лучший вариант.

16 декабря 1983 г.

Абе пребывает в расстройстве: в 12 ч. в понедельник – Пленум СПК. Судя по всему, первым секретарем будет Олжас. Вечером Абе позвал Абиша: он, якобы, будет вторым. Это было бы разумно. И справедливо. Ажиотаж.

18 декабря 1983 г.

Вечером пришел Абе. Написал ретроградное выступление на Пленуме. Резко, запальчиво, грубо, неумно. Смыкается с отсталой частью казахов. С такими, как А. Абишев. Самое же скверное, что он считает, что прав, что выступает смело и сильно. А выступление жалкое, постыдное. Почти все тезисы кричат лишь об уязвленном самолюбии. Переубедить его я не смог. Но выступление отредактировал и продиктовал. Есть в тексте попытка и меня столкнуть с Олжасом. Я сказал, что мне это не нравится, звучит это,

как насмешка, и голосовать я буду за Олжаса. «Я тебе руку отрублю», – сказал он, уходя. Весь взбудоражен, вербует смутьянов.

19 декабря 1983 г.

Утром примчался Абе. Оделся парадно, готовился к речи. Абиш решительно отсоветовал. Слава богу, спасли старика от глобального позора.

Пленум прошел четко. За 15–20 минут. Вел его Мирошхин. Были Казыбаев, Аухадиев, Чайжунусов. Без сучка и задоринки. Единогласно. Эффектно. Даже какой-то радостный был настрой. Без уважительных причин не пришли двое – Абе и Таха. Люди посмеивались. В случае выступления Абе выглядел бы весьма жалко.

20 января 1984 г.

Возвращаясь откуда-то, Абе завернул ко мне, долго с кем-то говорил по телефону. Потом начал читать мой перевод и распсиховался. Слово за слово, и пошло-поехало. Стал на меня ворчать: «взялся за это дело – делай!», «левой ногой», «ляп-тяп», «какие заплатки?!», «я вижу насмешку», «давно чувствую», «говоришь, к 70-летию закончит вторую книгу», «а кто виноват?», «из-за тебя я ничего и не могу делать», «два года просидел с тобой, оттого что плохо переводишь», «я старше тебя», «подумаешь, нашелся», «не хочешь переводить – не переводи, к чертовой матери», «жазығым – сені әдебиетке әкелгенім бе?!»

Черт дернул меня похвалить рассказ Оразбека, потом – Дукенбая да еще выразить свою симпатию к Олжасу. Вот и рассвирепел Абе.

24 января 1984 г.

Звонил Абе. «Ия, неге телефон соқпайсың?.. И я деморализован, ничего не делал...»

Потом звонил еще раз. «Люба звонила, будет передача в 11 ч. 45 мин.».

Мне с ним говорить после того случая трудно.

Досадно, что он сорвался и что решил в таком тоне подчеркнуть свое генеральство. Ну, Бог ему судья! Буду держаться с ним лояльно и на расстоянии. Генерал и капрал не могут быть близкими друзьями.

31 января 1984 г.

С 8 до 16 работал с Абе. Работали с некоторым смыслом, хотя он опять начал переписывать – совершенно безграмотно – то, что делали накануне.

Вернулся опустошенный. Потом еще 1,5 часа печатал то, что редактировали накануне. Ой, надо-е-ло-о-о-о-о!..

3 февраля 1984 г.

Работали плохо. Абе более часа сидел над одной фразой. «Зачем все это?» Зевал, томился, без конца переписывал. Наконец и вовсе сдался.

4 февраля 1984 г.

Работа застопорилась. Абе смотрит в текст и что-то нечленораздельное бормочет. Потом подолгу балакает по телефону. Поняв, что я вот-вот взорвусь, ушел. «Я понимаю, что раздражаю тебя», – заметил Абе. Действительно, невыносимо. Он, видно, болен. Или совсем кончился.

8 февраля 1984 г.

Очень напряженно работал. Боюсь, свалюсь. Отредактировал, отпечатал еще три стр. Абе. 1,5 часа работал у него. Потом все расположил и отнес ему. Потом он был у меня. Ух, кажется, все. Избавился. Было очень тяжко. Но трудились, кажется, не зря.

19 февраля 1984 г.

Прибыл Абе. Был с Ажар у меня. Новости: в «ДН» все улажено, роман пойдет в № 7-8. «Простор» ставит 4 п. л. в № 5. «Человек и природа» взял отрывок. С Красновым якобы поцапался.

24 марта 1984 г.

Утром, в 8 ч. 30, позвонил Абе. Рукописи в порядке. 4 экз. везет в Москву. Два я должен сдать в издат. И еще должен сверить вариант для «Простора».

30 марта 1984 г.

Утром, в 8 ч. 25 (т. е. в 5.25 Москвы) позвонил из гост. «Москва» Абе. В Сенегал его не пустили. Почему – неясно. Рукопись он сдал в «ДН». По голосу чую: не очень ему хорошо. «Не бар?» – спрашивает. Я рассказал, что о его ситуации объявили открыто, что меня провалили, что – по всему – провалили и Фаризу. «В нынешней ситуации по-другому и быть не должно», – говорит. «Өзің не істеп отырсың?» – «Работаю над своей книгой». – «Е, дұрысы сол».

7 апреля 1984 г.

Прибыл Абе. Ходили часа три. Он в Москве зря не сидел: был у Маркова, у Беляева, у Чернова, Афанасьева, говорил с Расулом, Дудиным, Мустаем, Бондаревым, дружбинцами. Словом, приехал в добром расположении духа.

13 апреля 1984 г.

С утра позвонил Абе: письмо от редактора его рукописи Хотимского. Стиль, мол, не его: «Ничем не сдерживаемая многословность, заторможенность действия» и т. д., однако намерен редактировать в стиле, в русле автора.

20 апреля 1984 г.

С утра у Абе. У него очень-очень скверное состояние и положение. Его обложили, как волка. Хотимский что-то крутит. В «ДН» полагают, что роман об Арале вряд ли выйдет. Позиция ЛИТО – тайна. Здесь даже Ларин хитрит, за нос водит. В № 6 не дал, хотя и бегал за автором. В таком состоянии Абе подался в Караганду. Рукопись опять у меня. Выбрали отрывок для «Огонька».

22 мая 1984 г.

Абе собирается вернуться к концу недели. Настроение, по свидетельству З., якобы плохое и очень устал. «Огонек» печатает точно в трех №. А вот с «ДН» решится все сегодня. Именно сегодня встреча с редактором.

Вечером звонила Ажар: «ДН» сокращает роман. Сокращение Хотимского Абе не по нутру. И он обязался якобы сам сокращать. И представить сокращенный вариант в конце июня. Это значит, что весь июнь будет меня теребить.

26 июня 1984 г.

Вечером часа три был Абе. Он очень удручен. «Талап жатыр, талап жатыр...» И жена, и дети, и родичи, и все. Ночью, я уже спал, он снова позвонил: «А что, если не выступать?» Я сказал: «Надо посоветоваться со знающими людьми, а лучше не выступать».

Не знаю, как он решит...

6 июля 1984 г.

Встал в 6. В 7 уже был Абе. Порассказал новости: «Калтай будет первым секретарем Союза кинематографии, Сайын – вторым секретарем СП Казахстана. Встретил Абе Ташлы Курбанова. Тот сказал: «Начальство недовольно, что ты не был на торжестве Кенена. Пиши свои книги, зачем тебе тягаться с Олжасом, первым секретарем тебя все равно не поставят...»

По словам Ташлы, Абе дадут Героя. Думаю, ошибается. Без благословения нашего руководства... вряд ли...

Долго пил Абе чай, а я почти весь день чинил его главу «Плач». Да, звание Героя спасло бы Абе, а так делишки его неважны.

31 августа 1984 г.

Звонил Абе: он, оказывается, загремел в больницу с правосторонней пневмонией.

1 сентября 1984 г.

Часа четыре побыл у Абе. Он осунулся, постарел.

7 сентября 1984 г.

Был у Абе часа четыре. Общее состояние печальное. Вечером у него опять поднялась температура. Получил он приглашение в Москву на 50-летие СП СССР.

22 октября 1984 г.

Абе шестьдесят. Купил цветы и отправился поздравлять Абе. Дома у него бестолковщина. Сам он весь издерган. Пришел ко мне, просил позволить ночевать у нас. Странно: отчего-то из дома удирает. Люди идут к нему поздравлять, а он удирает, как затравленный.

22 ноября 1984 г.

Три дня читал верстку «Долга». Странное все же впечатление. Очень часто ловишь себя на том: монотонная, вымученная проза. Должно быть по-библейски: «рожденна, не сотворенна». Здесь же явно наоборот. Местами выпирает тягомотное мастерство. Очень приложимы к роману слова Л. Н. Толстого:: «И опять бедность содержания, понятного с первых глав, выкупается или богатством описаний, документальностью или изысканностью языка. И люди, не знающие, что такое искусство, принимают за последнее слово его».

23 февраля 1985 г.

Были Абе с Ажар. Абе рассказал все новости. 3-томник его выйдет в «Мол. гв.». Туда войдет и «Долг». Он выйдет и в изд. «СП», в «Роман-газете». Еще в проекте фильм в «Ленфильме». Сдал и подстрочник Джамбула. А один рассказ Абиша якобы пойдет в «Юности», один в «ДН», но не в моем переводе.

22 марта 1985 г.

С утра поцапался с Нурпеисовым. Он бесцеремонно настаивал на том, чтобы я срочно бросил все свои дела и принялся за перевод его очерка. Когда я объяснил, что сейчас это невозможно, он с угрозой в голосе заявил, что это, мол, «демонстрация против него», что я «заделался важной птицей» и т. д. Я сказал, что в таком тоне разговаривать со мной нельзя, так со мной не разговаривают с 1955 года, что он не комендант, а я уже не спецпереселенец. С тем и швырнул трубку. Но меня он расстроил...

30 августа 1985 г.

Звонил Нурпеисов. Опять за неуплату партвзносов попадает в историю. Чайжунусов потребовал исключить его из партии. Теперь Абе суетится, бегает по всем инстанциям, чего-то доказывает. Ясно, что его подкараулили, так не надо было попадать в столь дурацкую ситуацию, да еще второй раз?

9 сентября 1985 г.

Гуляли немного с Абе. Он заметно взбаламучен. Напросился к Аухадиеву и Камалиденову. Собирается на книжную ярмарку.

26 сентября 1985 г.

По словам Ажар, Абе был у Зимянина и выехал в ГДР.

20 октября 1985 г.

Был у Абе. У него приступ мигрени. Написал от его имени два письмишка, надписал две книги, перевел подстрочно одно стихотворение К. Кулиева с балкарского (не все, правда, разобрал).

11 апреля 1986 г.

С утра Абе. Бледный, от возбуждения дрожит. Еще раз шлифовал свою антиолжасовскую речь.

16 апреля 1986 г.

Вечером был Абе. Подавлен: плохо с Ахтановым, больна Шуга.

4 октября 1986 г.

Абе вновь исчеркал, истерзал вышедший два года назад свой роман «Долг». И сделал все вопиюще безграмотно, фантастически нелепо, заменяя и переставляя слова, что-то там добавляя, убирая, искажая, уродуя.

Сущий кошмар! В глазах рябит от бесконечных знаков, закорючек. Попробуй разберись во всей этой мути. Ночью меня преследуют кошмары, никак не могу соединить обрывки фраз и предложений. Вот несколько примеров нурпеисовской правки.

«Сегодня он весь вечер джигитовал» (в смысле: любезничал, флиртовал).

«Не замечал он сейчас не только ломившихся на столе яств»

«породочно опоздали»

«по сучеству»

«твое замечательство».

«В нелегкой борьбе с ветером, со снегом весь могучий ствол которого в свои могучии рост напластывался коростой так, как будто покрыт панцырем».

«берг»

«холоднокровье»

«подовие мужскаи похати»

«обратился на сивоголового мужщины»

«ухищирения»

«беднего кукурузника мотало»

«к недобру, видать»

«появился пучок пыли»

«детичек»

«повережья»

«похохивал»

«выставив впирад выпяченный грудь...»

Сказал ему Аннинский, что «ты» многовато, он и вычеркивает «ты» где попало. Потом ему показалось, что много запятых, он и начинает их выколупывать. Странно: откуда эта самоуверенность?

И еще примеры его правки:

«вдруг неожиданно по хохатнул, трясясь»

«теперешнее начальство, что кисейная барышня любить набивать себя цену».

«Обвивать им пороги»

Слово «чудовище» Абе превращает в женский род «грохочущая чудовища».

«промасленной факелой»

10 ноября 1986 г.

«Кел... бір-екі қол көрейік, – сказал вдруг Абе. – О дүниеде шахмат дегенің де бомас» («Давай сыграем пару партий. На том свете и шахмат, наверное, нет»).

2 декабря 1986 г.

С утра сильно расстроил меня Абе. Говорил несправедливо: мол, я, как и Абиш, эгоист, самодоволен, а он не эгоист и себя ничуть не переоценивает, что, дескать, надо было бы мне сказать с трибуны Пленума СПК о нем и об Ахтанове, что они и есть главные интернационалисты. И что я должен все бросить и отправиться к Колову и объяснить ему, что руководство СПК – сволочи, а хороши он, Абе, и Ахтанов. Ну, я ему сказал, что думаю на сей счет. Жутко расстроился. Сердце разболелось, и мозг словно застывал.

10 января 1987 г.

Опять звонил Абе. И опять абсолютно дурацкий разговор. Он все пытается говорить со мной с позиции силы. «Я вижу, ты важный стал... Вот дожили...»

5 марта 1987 г.

Отнес Абе «Край родной». Он прилетел из Москвы утром. Выезжал туда срочно по звонку Теракопяна, ибо просрочил все сроки с рукописью. Сдал 30 листов. И еще рукопись сдал в «СП». И с «Молодой гвардией» все обтолковал. В мае якобы будут заключать договор. Настроение Абе, видно, хорошее. Дома у него были гости.

9 мая 1987 г.

Походили с Абе. Потом зашли к нему домой, и он мне и Абишу подробно рассказал о ходе «перемирия» с Олжасом, которое происходило со стенографированием с 11 утра до 4-х дня с часовым перерывом на обед. Абе якобы разложил своего оппонента со свойственной ему обстоятельностью по всем швам.

11 мая 1987 г.

Удивляюсь Абе: вот работник! Как он общупывает, пробует на вкус и так и сяк каждое предложение. Многие мои фразы казахской статьи он нашел газетными, трафаретными. И начал их оживлять. Даже когда все

правильно и нормально, он старается немедленно переделывать. Пришел от него в 12 ночи весь выжатый, помятый.

Нешутейное дело – литература.

9 июля 1987 г.

Звонил Абе. В «СП» вышел его двухтомник. Завтра решили часа два поработать.

8 сентября 1987 г.

Весь день сидел над «Краем родным» Абе. Сколько он напортачил. 27 лет назад написана эта вещь. Я ее переписал раз шесть. Раза четыре «редактировал» и переписал ее Абе. А теперь местами он отчебучил такое, что ни в какие ворота. Стараюсь хоть малость привести это в божеский вид, но невыносимый «аральский» акцент с претензиями так и выпирает.

16 сентября 1987 г.

В который раз вычитал «Край родной» Абе. Все же коряво получилось. То и дело в текст вмешался Абе, и получился неграмотный русский язык с сильным «аральским» акцентом.

9 октября 1987 г.

Был у Абе: вычитал его статью, покалякал о Гончарове – Абе собирается лететь в Москву на юбилей и произнести речь.

12 октября 1987 г.

Был Абе. Еще раз просмотрели его выступление о Гончарове. Потом приехал Абиш. Завтра Абе летит в Москву.

13 октября 1987 г.

По-прежнему холодно, противно. Абе подробно рассказал о встрече с Колбиным. Был у него три часа. Абе очень доволен остался и беседой, и самим Колбиным: был тот якобы предельно открытым, искренним... Абе вылетел сегодня в Москву.

25 ноября 1987 г.

Вечером были у Абе. 20-летие его женге Сағиры. Вечер памяти. Чудный, искренний, добрый был вечер. Удивительно теплый. Украшением вечера были матери Абиша и Аскара. В ударе был и сам Аскар. Были на

вечере Тахауи, Зейнолла с Сауле-апа, Абиш с матерью, Аскар с матерью, мы с Раей. Хорошо! Абе был бесподобен.

13 февраля 1988 г.

Позвал Абе: настроение у него скверное, весь взбаламучен – статью его в «ЛГ» отложили на неделю, что-то там надобно смягчить, что-то уточнить. В частности, о казахских школах, о языке, о внимании к культурным запросам национальностей в Казахстане. А ему говорить об этом не хочется, ему выгоднее ругать мифических недоброжелателей и представить казахов в свете обиженных. Вся его конструкция, весь разоблачительный пафос рушится, не выдерживая испытания реальностью.

19 мая 1988 г.

После обеда работал с Абе над его старым очерком. Правил, редактировал. И еще два очерка выкопал в архиве. Один перепечатаем из газеты. Другой придется подправить.

19 июня 1988 г.

Пробыл часа три у Абе. Проводил его в Москву. В суматохе он забыл паспорт и часы. Часы дал свои. Так он и укатил налегке. А в Москве между тем дождь.

28 июня 1988 г.

Утром побыл у Абе. Он привез гранки известинского издания. Это третье издание «Долга». Четвертое должно быть в «Совписе», пятое – в «Молодой гвардии», шестое – в «Худлите»... Вечером у Абе играл в шахи.

7 сентября 1988 г.

Был у Абе. Встретил там генерала Бисенова. Очень приятный человек. Он только что вернулся из Карловы Вары. Много любопытного поведал. С ним и с Абе сходили в больницу к Каримусе. Потом – к Зеке. Там оказались еще знакомые – Какишев и Мауленов.

6 октября 1988 г.

Утром объявился Абе. Приехал с курорта больным – 38,5 t. От него узнал: ночью умер Джубан.

23 октября 1988 г.

Долго был у Абе: он готовился к поездке в Москву и Берлин.

27 ноября 1988 г.

Утром зашел Абе, и я ему в течение 1,5 часов перепечатал список его основных литературных трудов для АН.

3 декабря 1988 г.

Был у Абе. Он очень удручен. «Все есть, и ничего нет».

4 января 1989 г.

Часа два пробыл у меня Абе. Слегка редактировал его речь. Завтра он летит в Москву на совещание у генсека по национальным отношениям.

7 февраля 1989 г.

Сходил в СП на чествование Абдильды Тажибаева (второй день). Народу почти не было. Зал был холодный, пустой. Горстка литераторов сидела в пальто. По залу и сцене бегал внук Нурпеисова, привлекая всецело внимание к себе. Говорились нудные, казенные речи. В конце и ничтожная часть публики разбрелась, и даже ведущий Абе ушел. И все вчерашнее впечатление пошло насмарку.

13 февраля 1989 г.

Заглянул к Абе: сочинил записку от его имени Колбину. Абе выступал в КазПИ.

3 апреля 1989 г.

Часа четыре был у Абе: просмотрел редакционные пометки, нурпеисовские заплатки. Вышел и второй том Абе. Листов пять очерков даны в моем переводе.

11 апреля 1989 г.

Едва встал – звонок Абе: умер сын Зейнуллы Кабдолова, Дарын. Тотчас собрался, поехал в скорбный дом. Зеке, оказывается, в Гурьеве. Собрались Абу, Хамит, Абе, Сериккалиев, Абиш, Клара, Акуштап, Фариза, Кажыгали и др. Съездили на аэропорт. Собрали деньги...

30 апреля 1989 г.

Вечером был Абе. По его словам, Афанасьев вызвал сотрудников и сказал: «Поиграли в демократию и хватит!» Якобы о том сообщил Абе Петрушов.

6 мая 1989 г.

Зашел к Абе. К нему приехал один сатирик из Киргизии, привез в дар портрет Чингиза.

17 мая 1989 г.

Вечером был у Абе. «Шаршадым. Шаршадым өмірден».

22 июля 1989 г.

Гуляем с Абе у фонтанов возле памятника Кунаеву. Проходя мимо дома, где жил Мусрепов, обращаю внимание Абе на мемориальную доску с ее немыслимым по-казахски текстом. Абе видит это впервые и не верит своим глазам. «Апырмай, а! – поражается он. – «..тұрды және жұмыс істеді». Надо же! Құдай біледі, осыны Сафуан аударған болу керек...»

Мы сворачиваем на противоположную улицу, чтобы посмотреть, как звучит казахский текст на других мемориальных досках. Все нормально, вполне по-казахски правильно. «Бұл үйде... Сәбит Мұқанов тұрды», «Сызғанов тұрды», «Луганский тұрды», «Мәлік Ғабдуллин тұрды».

– Получается, – говорю я, – бұлардың бәрі тек қана тұрды, ал, Ғабең еще и «жұмыс істеді».

Смеемся. Это надо же до такой глупости додуматься!

– Так как же, Абе, написать на вашей мемориальной доске? – спрашиваю я. – Может, я умру позже вас, надо же мне доложить в литфонд. Только «тұрды» или еще и «жұмыс істеді»?

Абе хохочет.

– Напишите так: «Бұл үйде Нұрпейісов тұрды және Ажардың жұмысын істеді».

– Хорошо, – сказал я. – Так и запишу, чтобы не забыть.

– Еще можно добавить, – смеясь, заметил Абе, – «бірақ соңда да жақпады».

30 сентября 1989 г.

Побыл у Абе. Там был Асаналы Ашимов. Речь шла о фильме по роману «Сең». Просмотрел кассету: Абе в Гамбурге в гостях у тамошних казахов. Очень интересно. Удивил Сартаев. Прочел приличные стихи собственного сочинения. И тамошние казахи говорили вполне интересно.

17 октября 1989 г.

Абе срочно вылетает на юбилей Мустая Карима.

28 октября 1989 г.

Вечером часа три побыл у Абе. Он живет своей второй книгой. Считает, что она у него получится.

28 ноября 1989 г.

Запел песню Абе, закончил конец книги, отшлифовал бесповоротно, ни одной, мол, запятой не заменю, надо бы с тобой встретиться, поговорить. Жүрегім қылт ете қалды. Намек ясен: давай бросай все и приступай к переводу моих глав. В мои планы, в мой график это никак не входит, я должен сначала «разгрузиться» от того, что сидит в голове. Как ему это объяснить?

9 января 1990 г.

Отправились с Нурпеисовым в магазины, в Дом отдыха ЦК с целью добычи продуктов. Кое-что раздобыли. Ушло часа три. Сегодня Абе вылетел в Москву на заседание комитета по Ленинским премиям.

19 января 1990 г.

Вечером заглянул к Абе. Полистал второй том его сочинений. Там отдельным разделом дали его очерки в моем переводе. Выходит, я присутствую и во втором, и в третьем томах.

28 апреля 1990 г.

Был у Абе: редактировал его выступление в ФРГ. (В защиту Бога).

2 мая 1990 г.

Утром пошел провожать Абе. Он уехал в расстроенных чувствах. Ему всегда тяжело уезжать из дома. Тоскует по внуку, по детям. Все чудится ему, будто без него пропадут. Проводили мы его с генералом Бисеновым.

17 мая 1990 г.

Вернулся Абе. Был он в ФРГ и Швейцарии. Полон впечатлений. Все ему весьма и весьма понравилось. Он был в компании с Айтматовым, Граниным, Адамовичем, Сидоровым, Аптом. Мне он привез «Die Bibel» – Einheitübersetzung Altes und Neues Testament. 1451 Seiten stark.

Вечером гулял с Абе.

2 июня 1990 г.

Часа три побыл у Абе. Он получает лечение дома. Лежит. Глотает таблетки. Недели две якобы должен себя беречь, привести сердце в порядок. Видно, малость испугался: говорит много, повторяется, вспоминает прошлое, сентиментальничает. А может, уже старческие признаки появляются... Был он на приеме у Тюлебекова. Разговоры о том о сем.

27 июня 1990 г.

Абе заказали статью в «ЛГ», и он просит, чтобы я ему помог. Еще он намекает, чтобы я в Ташкенте перевел главку из его романа. Придется этим заняться через силу.

8 августа 1990 г.

Заглянул к Абе: у него дома полный двор людей – человек восемь толпится. А Ажар и Раушан в больнице.

4 ноября 1990 г.

...Потом позвонил Абе, поговорили о том о сем, любо-мирно и вдруг неожиданно набрели на «национальное», на его желание выступить на Пленуме СП СССР против Лихачева и К; я заметил, что если есть желание выступить против русского языка, то целесообразно выступить по-казахски. Абе понял мою усмешку, тотчас вспылил, набросился на меня, дескать, я тебя в последнее время перестаю понимать, приплел чьи-то слова, будто я недостаточно уважителен к казахам, что рос на казахской земле, ем и пью все казахское, а пишу в защиту Солженицына, когда все казахи борются за национальное выживание против русского засилия и шовинизма. Дальше – больше. Мол, Колбин вскружил мне голову, я вознесся, неблагодарен, и из-за того, что меня не избрали депутатом, вроде как обиделся на всех казахов, когда пакость мне сделали всего лишь четверо-пятеро, ну, пусть сорок или пятьдесят. Разговор получился запальчивый. Я сказал: нужно бороться за свой язык, а не против русского языка, нельзя смешивать язык и политику, язык и идеологию. Но Абе понесло: вспомнил бог знает что, припомнил всякую чушь, потом вроде как успокоился, я же был весь выбит из колеи, жутко расстроился (ползет какая-то гнусная легенда, что я недостаточно, мол, почтителен к казахам) до слез, и весь день хожу под этим впечатлением. Ужасно тоскливо! Так остро, больно я ощутил свое одиночество, свою незащищенность,

зыбкость... В трудный момент мне опереться не на кого. Главной моей опорой всегда были казахи. Сейчас они попали в такую болезненно-национальную струю, что любое совершенно безобидное замечание по поводу истории, литературы, искусства мгновенно вызывает уродливую реакцию, вплоть до ненависти. Даже Нурпеисов, наиболее близкая душа, и тот – если ему не угожу – тотчас отречется от меня и растопчет. Тяжко мне жить в такой ситуации. Так и норовят тут же припомнить, что я чужой. Несправедливо и больно...

7 ноября 1990 г.

Абе дал «подсказку». В случае, если я надумаю о нем писать, то, пожалуй, есть смысл начать с фразы: «Все есть, а ничего нет» (эту фразу он сказал мне года два назад, а я ее на днях ему напомнил. Видно, все эти дни она вертелась в его голове и, может, ему самому понравилась) и потом расшифровывать эту емкую формулу, раскрывая сначала «все есть», а потом – подробно – «а ничего нет» (печаль зрелого ума). Тем самым, по мнению Абе, можно заинтересовать читателя. Я сказал: подумаю. Вполне можно начать так. Но можно и по-другому: если собрать все отрицательные черты Абе вместе, то можно создать образ отвратительного человека. Если же педалировать одни положительные черты, то выйдет вполне приличный человек. Он согласился, отметив, что это верно и можно начать так.

9 ноября 1990 г.

Звонил Абе. Он в горах. Однако уже через неделю едет в Актюбинск, а оттуда – в Москву.

11 ноября 1990 г.

После обеда был у Абе. Настроение его кислое. Увеличил фотографию 30-х годов, где он запечатлен с отцом и другими родичами. Смотрел, смотрел, ударился в воспоминания и совсем расчувствовался. Зачитал он текст («загогулины», как он выражается) возможного выступления на Пленуме СП СССР. Но текст вялый, неопределенный, тусклый. Съездили в Дом отдыха ЦК, подышали воздухом, раздобыли в буфете немного масла и яблок. И там – нищета.

25 ноября 1990 г.

Съездил с Абе в Дом отдыха ЦК. Пообедали. Раздобыли в буфете сыр. Пошли гулять в сторону «кунаевского» дворца (и поныне пустеющего).

Тут подъехал на белой «Волге» и бывший хозяин – Д. А. Кунаев. В куртке, шапке, темных очках, с красивой, витой тростью. В сопровождении молчаливого, но весьма учтивого джигита. Пошли вместе. Абе задавал разные вопросы. Кунаев охотно отвечал. Речь зашла о жизни (начиная с 4 № «Простора» пойдут воспоминания. «Жеті атамнан бастадым»). О зарубежных поездках («Он жеті елде болдым»). Об Иране, Ираке, о Г. Алиеве («Гейдар Алиевич – боевой парень»), о Рашидове («Ұрлық-қарлығын білмеймін, ал жалпы көп еңбек сіңірген адам, өзбектер оны тегін ақтап отырған жоқ»), о Хоннекере («маған двуствольный карабин сыйлап еді»), о стройках в Алма-Ате («Баня 8 млн 300 мың сом тұрды, мынау сарай – 1 млн 100 мың. Оны журналистер 15 млн 5 млн деп қыртиды». «Мен келгенде қазақтар 2 млн болатын, мен кеткенде 7 млн болды»). О Геринге («жақсы досым еді»), о Брауне («Автономияға өзі қарсы болды»), о немцах («Газетті мен ашып бердім, театрын да мен көшірдім»), «Бельгердің жағдайы жақсы: екі Германияны қосып алды. Коль мықты политик болды ғой. Не зря он называет себя внуком Аденауэра». «Таких дорог и совхозов, как в Казахстане, Россияңда да жоқ»... Ходили вместе, беседовали около часу. Абе задавал и ехидные вопросы. Взгляд Кунаева еще цепкий, зоркий. Но ходит трудно, приволакивает правую ногу, часто останавливается, чтобы унять дыхание. Говорит охотно, располагающе. «Бельгердің мақалаларын оқыдым, телевизордан да талай көрдім»...

26 ноября 1990 г.

Поздно позвонил Абе. Он стоял час у трапа и вернулся из-за тумана. Отложили рейс на 6 утра. А в 10 заседание у Горбачева. В любом случае не успеет.

15 декабря 1990 г.

Вечером часа два был у Абе, а потом проводил его до остановки на Медео. Он жалуется на давление и на то, что не пишется. Зато преуспел по хозяйству: через госснаб и разные министерства достал и подвез итальянский линолеум, испанские обои, 25 тысяч кирпичей, стройматериалы, унитазы и раковины, плиту, холодильник и пр. и пр. Хочет перестроить крыльцо дачи, пристроить кабинет и прихожую. «Э, – сказал я, – значит, жизнь Ваша начнется по-настоящему после 70-ти лет». Смеется: «Одан кейін ғұмыр бола ма, жоқ па, – кім біледі. Бәрі анау жаман балалардың қамы ғой. Соларға бірдеме қалсын деймін ғой».

Очень доволен тем, что все ему достается без труда и напряжения. «Жігіттер сыйлайды ғой деймін». На днях ему должны привезти соғым – целую кобылью тушу на зиму.

8 января 1991 г.

Звонил Абе: очень встревожен катастрофическим ростом детей-сирот среди казахов. Молодые казашки бросают своих детей сплошь и рядом. Горе!

9 января 1991 г.

По милости Абе весь день пошел сикось-накось. Приспичило ему с утра заняться игрушкой из Германии – цветной фотоаппарат. Сразу отдал игрушку Кариму, хотелось ему скорее освоить игрушку – с инструкцией на немецком языке. Сначала настойчиво пригласил к себе, потом вместе с Каримом, Раушан пришел ко мне. После долгих пререканий потащил-таки меня снова к себе, где вместе с Ажар битый час разбирался в инструкции. Вздернул мои нервы так, что весь день ходил, как оплеванный.

14 февраля 1991 г.

Вечером сыновья Абиша заехали за мной. Была у Абиша встреча со сватами. Сватали Саулет, дочку Абиша. В ударе был Абе. Весь вечер мудро, просто, раскованно вел он. В 12 ночи доставил нас домой. От дома Абиша исходит добрый свет.

8 апреля 1991 г.

Объявился Абе, рассказал о работе комитета по Ленинским и гос. премиям. Отчаянно сражался за роман адыгейского писателя Машбаша.

21 апреля 1991 г.

Были на новоселье у Умутхан и Халиоллы. Было хорошо, уютно, ударились в воспоминания. Абе проникновенно говорил об Ахтанове, и меня приплел, посентиментальничал на тему, что с ним, с Абе, будет, если вдруг нас не будет. Приятный, светлый вечер.

1 мая 1991 г.

Заявил вдруг сегодня за обедом Абе, что быть нам в будущем под Китаем. Да, да, уверял он, никто нами управлять не будет, а только Китай.

Проглотит, заглотит. «Интересно, – сказал я. – И когда примерно это случится? Запишу-ка я Вашу мысль для потомков».

«Случится это лет через пятьдесят, а может, и через тридцать. Уж большая часть Казахстана – несомненно...»

А провожая меня домой, заговорил о смерти. Вспомнил Н. Джандильдина, который, заболев, мечтал пожить еще лет пять. Потом, когда болезнь одолевала, якобы когда уж совсем стало худо, говорил о двадцати четырех днях. В самом деле, смотри, с грустью сказал Абе, какое небо, под ногами земля, птички поют, жизнь – что бы там ни было – хороша, и вдруг ничего этого не будет, и тебе лежать в земле. Ужасно!

25 мая 1991 г.

Позвонил Абе, завтра срочно вылетает в Москву, просит зайти пораньше, чтобы отредактировать его статью.

26 мая 1991 г.

Воскресенье. Встал в полшестого и подался к Абе редактировать его статью. В суматохе, в спешке он выехал в девять. Зарегистрировавшись в аэропорту, звонил еще раза два-три, уточняя какие-то фразы, вставки, добавления. Хорошо, что он не может звонить из самолета, а то до самой Москвы дергал бы меня.

28 мая 1991 г.

В обед ездили с Абе, Калмуханом, Нурланом (Ахтановым) в «Казахтелефильм» смотреть фильм (точнее, отснятый материал) о Гёте и Абае. Есть хороший рабочий материал, но нет Гёте, нет Германии. А без этого какой фильм? Руководство из-за плана хотело бы выпустить фильм тяп-ляп. Но мы все восстали...

Потом часа два работали с Абе над его речью. Он устал, измотан, спит на ходу, глотает валидол, взбадривает себя кофе. Не работа – мука.

29 мая 1991 г.

...После обеда до девяти вечера корпел с Абе над текстом его выступления перед Горбачевым. Сам Горбачев после Кокшетау и Шымкента прибыл вечером в Алма-Ату. Сегодня он посетит АХБК, Медео, проводит совещание с активом и тю-тю nach Moskau.

30 мая 1991 г.

Утром около часу дошлифовал речь Абе... Вечером выяснилось, что меня, оказывается, пригласили на встречу с Горбачевым, но мое приглашение, как и Нурпеисова, застряло в СП (видно, джигитам было недосуг мне передать). Речь Абе (слушал по TV) воспринята хорошо, хотя и говорил он коряво, со страшным акцентом, жуткими ошибками и в неестественно-крикливой тональности.

19 июня 1991 г.

Утром выяснилось, что встреча с Назарбаевым не состоится: он застрял в Москве. Дело идет к подписанию Союзного договора.

Нет так нет. Съездили с Нурпеисовым в Дом отдыха ЦК. Разжились кое-чем в буфете. До обеда пропадал у Абе. Во вторник он собирается дней на двадцать в Кзыл-Орду.

1 октября 1991 г.

Нурпеисов, наговорив мне ворох теплых слов (по поводу моей будущей премии) и уточнив кое-какие фразы из его выступления в моем переводе, укатил в Шымкент. Не исключено, что оттуда он отправится в Кзыл-Орду в надежде поработать.

26 октября 1991 г.

Час гулял с Абе. Числа 1-2-го он собирается в Москву. Судя по разговорам, ждет его сюрприз. Наверное, дадут Героя.

31 октября 1991 г.

Был у Абе. Его вызывают на банкет по случаю космонавта-казаха. И он целый день готовил тост. И меня все дергал. Написал чушь в қазақбайском духе. Но к вечеру – после долгих и нудных моих разговоров – малость упорядочил свой напыщенный тост.

1 ноября 1991 г.

Еще до вылета утренним рейсом Абе позвонил раза три: все уточнял какие-то слова и фразы своего предстоящего тоста на банкете.

7 ноября 1991 г.

Зашел к Абе. Он доволен: пенсию получает 900 рублей и из «КРАМДСА» – 2000 р. Так что ему голод не грозит. Собирается в Москву на засе-

дание комитета по Ленинским и госпремиям, оттуда намерен заглянуть в Питер к Гумилеву, чтобы заключить контракт на его трехтомник. Словом, весь в делах. Рынок – стихия Абе.

17 ноября 1991 г.

Утром прибыл из Москвы Абе. Комитет присудил госпремии Астафьеву, Окуджаве и Машбашу. С Ленинской премией покончено: тихо умерла. Будущее госпремии тоже неизвестно. Может, это будет межгосударственная премия? Пока неясно.

20 декабря 1991 г.

Абе уверяет, что кончил книгу. Бодр, весел. По приезду хочет вручить мне 150 страниц. Вот это-то меня и не радует. Ибо все мои планы рушатся. А Абе присосется – не отстанет. И пока я переведу его роман – от меня останутся рожки да ножки. А мне так хотелось писать свое. Опять отодвигать? Опять собою жертвовать? Тяжко...

4 января 1992 г.

Звонил Абе. Берет меня в редсовет своего издательства с месячной зарплатой 500 рублей. Это неплохо. Но мне пока неясно конкретно, что я буду делать. По мнению Абе, дважды в месяц быть на совете, обсуждать планы издания и предлагать идеи: что издавать, как издавать, как реализовывать, как сделать это мало-мальски прибыльно или – хотя бы – не особенно в убыток. Пока у меня четких идей нет, но, думаю, эти 500 р. каким-то образом оправдаю.

14 января 1992 г.

...Потом зашел к Абе, и мы с ним обговорили состав редсовета изд. «Ахмед Яссауи» и прикинули примерный план издания.

15 января 1992 г.

С утра Абе, Еслям, я съездили в издательство к Оразбеку выразить соболезнование по поводу смерти его отца. Рассказал Оразбек все сложности похорон. Собралось народу около трех тысяч. Все голодные. Все дорого. Все мучительно и хлопотно.

К обеду съездили с Абе в Верховный Совет. Мы оба оказались членами Комиссии по национальному флагу Республики Казахстан. Проектов

было много. Роились художники. Комиссия солидная. Сплошь академики, именитые люди. Вел заседание Председатель Президиума. Я встретил Абиша, Федотову, Дриллера. Был и Назарбаев. Смотрели. Обсуждали. Спорили. Потом успокоились. Чинно уселись за стол. И Президент говорит: «Вопрос сложный... Я хотел бы узнать мнение Бельгера», и назвал еще двух-трех человек. Я и выступил первым. Сказал: «Ни один из проектов для меня в целом не приемлем. Но из первых пяти проектов можно создать единый таким, каким я его и вижу. А именно: одноцветный, небесно голубой, насыщенный, сочный тон, мы все под единым небом и под этим божьим небом все равны. Не совсем в середине, а ближе к древку я вижу круг. Символ вечности. Символ шанрака. Символ мироздания. И еще вижу месяц, И больше ничего. Не считаю нужным перегружать флаг символами».

К моему удивлению, еще человека два по сути поддержали эту идею. Четвертым выступил Президент и говорил почти то же. Но предложил сохранить в верхнем углу еще звездочку. «Не знаю только, восьми- или семигранной она должна быть». Это та звездочка, которая всех нас зовет, манит, тоже равная для всех».

Вот в этом направлении и работали мозги. Далее развивали только этот вариант. Решили всех четырех художников, объединив, назвать авторами. Уже в субботу должен быть готов государственный флаг.

Оттуда Абе отвез меня на базар. В «Дойче Альгемайне цайтунг» я провел заседание Немецкого культурного центра.

16 января 1992 г.

С 2 до 5-ти часов ездил с Абе в его будущую резиденцию: пока это маленькая обшарпанная комнатенка с двумя старыми письменными столами, четырьмя грязными, расшатанными стульями.

Абе – директор издательства «Ахмед Яссауи». Максуд – исполнительный директор. Абдихалық Файзуллаевич – главбух и экономист. Абе подписал кое-какие бумаги, отдал кое-какие распоряжения, и мы отправились на базу какого-то ресторана. Времени убили много, а добыли ничего. Мне вообще ничего, а Абе по дикой цене взял ерунду. Так что одна досада от этого похода.

17 января 1992 г.

С 10 по 12.30 заседали в редсовете: Абе, Абильмажин, Зейнулла Сериккалиев, Жовтис, я, Акселеу, Максуд. Обсуждали примерный план будущих изданий. Блестящую лекцию нам прочитал Акселеу. Потом мы –

Абе, Абильмажин, я – заехали к Акселеу. У него пробыли более часа. Он нас удивил, поразил, ошеломил своей библиотекой, диковинными изданиями и раритетами, редчайшими рукописями, идеями, познаниями, интересами, своими трудами, масштабами. Он один представляет целый научный исследовательский институт. И все у него в порядке, в аккуратности, по папкам, систематизировано, и во всем этом богатстве и духовном разнообразии он чувствует себя как рыба в воде. Он угощал нас коньяком и все показывал, показывал... Мы были в нокдауне...

21 января 1992 г.

Два часа прозаседали в Верховном Совете – обсуждали, выработали концепцию Государственного гимна Казахстана. Каждый высказывал свои суждения: Абе, Еркегали, Гафу, Туманбай, Жуманиязов, Нурлан, Кайдаров, Ербол, еще двое-трое, я. Вроде к чему-то пришли.

23 января 1992 г.

Звонил Абе из Москвы, спросил-уточнил содержание сборника русских рассказов. Готовился к встрече с Л. Аннинским. Намерен вылететь в Петербург, вновь вернуться в Москву и уже в воскресенье – назад.

29 января 1992 г.

Объявился Абе. Был он у Гумилева, Дудина, Рытхеу, Аннинского, Дедкова, Кузнецова. Теперь собирается в Талдыкорган.

20 февраля 1992 г.

Вернулся Абе. Но, по его словам, ничего там, в Талдыкоргане, не сотворил: прошлялся по банкетам. 23-го хочет еще на неделю удалиться туда же. «Условия сверхидеальные», – говорит.

20 апреля 1992 г.

Потом с Абе помчались в Верховный Совет. Там Комиссия обсудила казахстанский флаг и герб. Кажется, к чему-то пришли. Заседание это было, Аллаху слава, последнее. Завтра будем слушать гимны. Раздали нам еще вариантов 30-40 гимнов.

21 апреля 1992 г.

С 11 до 13 прослушали в Союзе композиторов шесть гимнов. В обсуждении принимали участие Ерзакович, Молодов, Нургисса, Ғазиза, Жу-

маниязов, Рахмадиев, Нурпеисов, Жангильдин, Козыбаев, Найманбаев, Туманбай, Гафу, я. К чему-то пришли, что-то отобрали.

27 апреля 1992 г.

В обед был у Абе. Он ударился в воспоминания, рассказывал о своем деде и прадеде, о предках. Показал, как он переработал публикацию в «Егеменды Қазақстан». Как всегда, все исчиркано. Среди бумаг нашел много клочков, кусков, главок, отрывков, написанных в разные годы под разным настроением, есть – по его словам – весьма хорошие странички, теперь он их редактирует и вставляет в уже подготовленный к печати текст. Бумаг, обрывков столь много, что площади громадного письменного стола ему уже мало, и он рядом пристроил еще один стол, еще одно кресло. Уверяет, что 150 страниц сделаны окончательно и бесповоротно. Отдал в № 6 «Жалына». Абе мерзнет. Голова обмотана платком, на нем шерстяная кофта, пуховая безрукавка, стеганые штаны, теплый халат, на ногах – зимние сапоги. Калтай назвал его Амундсеном на льдине.

Рассказал он еще о голодовке врачей. Лег сегодня в два часа и Орнантаев. Создана комиссия. И в нее ввели Абе.

30 апреля 1992 г.

Вечером позвонил Абе. Рассказал про драматическую ситуацию голодовки врачей, о своем выступлении на Комиссии по этому поводу. Поднялось давление. Привезли его домой. Дважды сделали укол. Обещал зайти к нему завтра.

1 мая 1992 г.

После обеда был у Абе. Он прочел мне две главы из своей книги – более 30 страниц, полтора часа. Читал с азартом, с душой. Видно, он хотел проверить главы на мне. Одна мне весьма понравилась. В другой – при всех ее достоинствах – я узрел длинноты, монотонность, повторы, разжевывание, о чем ему открыто сказал. Вообще, чувствуется, что он сделал много лишней работы. Писал главы непоследовательно, вразброс, в разные годы, под разным настроем. Теперь придется выбросить, ужать, сократить. А жалко! И в роман не лезет. Словом, придется ему работать еще немало. И – боюсь – его редакторской силы не хватит.

3 мая 1992 г.

Был у Абе. Более часа он читал мне еще одну главу. В смысле стиля, языка, техники письма – все крепко. Но только длинновато и скучновато кажется мне. Если весь роман будет такой, то читатель, несомненно, заскучает. Пошли гулять. Пришел Ахтанов. Подвернулся Ануар. Он много

любопытного рассказал о последних днях советской власти, о житье-бытье власть имущих.

20 мая 1992 г.

Поздно вечером позвонил Абе. Он провернул за день уйму дел и еле стоит на ногах. А завтра ему в путь. Просит, чтобы я к нему зашел в 8 утра.

24 мая 1992 г.

Утром отправился к Нурпеисову. Он усталый, расклеенный; зевает; заторможен. Не в состоянии сосредоточиться. Кое-как прочли совместно его выступление, что-то поправили, что-то втиснули. Он копался в папках: «Клочки. Обрывки. Мысли», вяло перебирал бумажки, рассказывал, как с Кларой полчаса ожидали в машине Абишева внука. Попили чай. Даже партию шахов сыграли. Он все не отпускал меня, попросил сопроводить в гараж, потом грел мотор, потом довез до хлебного магазина через дорогу. Все говорил: «Как долго живу! Жить неохота. Я плохой воспитатель, Дочери эгоисты. Көзім соған әбден жетті».

Аккумулировавшись от Абе, и я в таком ключе провел весь день.

18 июня 1992 г.

Умер Лев Николаевич Гумилев. Сообщил мне о том Нурпеисов, позвонивший из Кзылорды. Он зачитал мне телеграмму-соболезнование в претенциозно-қазақбайском стиле.

9 августа 1992 г.

Был в больнице у Абе. Часа два гуляли. Там оказалось человек 12-15 писателей. И Тулен А. там. Он привел поразительный пример из кыргызского фольклора:

Қапілет басып түс көрсем,
Ағарған көл көрінер,
Ағарған көлдің үстінен
Қарайған үйрек бөлінер.
Ағарған көл – көз жасым,
Қарайған үйрек – өз басым.

Потрясающе!

1 сентября 1992 г.

Утром звонил Абе. Он срочно вылетел в Актюбинск на той какого-то батыра. Оттуда он поедет в Актау. По его просьбе пришли ко мне доктор философских наук профессор Зия Мукашев (татарин), принес свою рукопись «Очерки социальной философии Достоевского». Поговорили немного.

2 сентября 1992 г.

Час гуляли с Абе. Был у него дома. Он удручен, подавлен, апатичен. Через силу едет в Актюбинск, оттуда в Актау, потом – в Джамбул, еще куда-то. Сплошные юбилеи батыров, биев, писателей. Сумасшествие!

С ним я съездил в СП, взял командировочное. Тё дает Абе два миллиона, чтобы сделал оборот. Если удастся из двух млн сделать оборот в 5-6, то он намерен увеличить наши ставки.

14 сентября 1992 г.

Вечером часа три был у Абе. Проиграли 3-4-5-6 партии Фишера-Спасского. Очень подосадовали на беззубую игру «Бишер-бала». Абе поведал мне о своих Busines-планах. Если все осуществится, он хочет меня взять редактором с приличной зарплатой.

19 сентября 1992 г.

...Сходил к Абе. Проиграли три последние партии Фишера-Спасского. Потом Абе целый час читал главу из своего романа. Потом погуляли. Он был задумчив, грустен, несколько раз повторил: «Өмір бітті... Аяғы дүниенің ырым-жырым. Иә, өмір бітті... Менсіз мына баланың жағдайы қиын болады-ау деп қоркамын...»

Об Ашиме и Шерхане (об их новых назначениях) он думает, как и я. «Ақылмен істелген іс емес...»

20 сентября 1992 г.

После обеда часа три был у Абе. Полтора часа он читал мне большую главу из романа. Написано прекрасно, но несколько монотонно.

22 сентября 1992 г.

Вечером был у Абе. Он хочет, чтобы я перевел статью из «Өркен». Статья так себе, и переводить ее не хочется.

23 сентября 1992 г.

Абе прочел в моей книге статью о нем и растрогался: дескать, хорошо написал, меня здорово чувствуешь, пластика и все такое прочее.

24 сентября 1992 г.

Перебрал кое-какие книги и журналы. Подумалось: мог бы к 70-летию Абе написать книжку. Скажем: четыре статьи готовы; добавил бы еще одну плюс библиографию с комментариями, было бы 6 печ. л. Но кто будет издавать?

3 ноября 1992 г.

Утром звонил Абе. Он летит в Кустанай, Москву, Караганду. Снова завел разговор о переводе его романа. Я сказал: «Қайтып келіңіз, сонан соң сөйлесейік». Отказывать Абе я не могу, но перевод нарушит все мои планы. К тому же душа не лежит. А главное – без субсидий я переводить не могу, вынужден подрабатывать литературной поденщиной. А чем тут может помочь Абе?

19 ноября 1992 г.

После обеда часа два был у Абе. Показал он нашу продукцию – «Чингис-хан» (не очень, но ничего). Озабочен он и созданием ПЕН-клуба. Попросил прикинуть список членов. Сыграли три партии в шахи. Завтра он собирается в Талдыкорган за бумагой (300 тонн).

23 ноября 1992 г.

Утром Абе занес Устав ПЕН-центра с просьбой переделать его на местный лад и перепечатать. Полдня я был занят этим.

24 ноября 1992 г.

Абе собрался в Караганду. Надо было срочно допечатать устав Казахского ПЕН-клуба (-центра) и отнести ему.

30 ноября 1992 г.

Звонил Абе. «Аудармаға қашан отырамыз?» Обещал после Нового года. Чувствую, будет тяжко. Придется жертвовать полностью своим творчеством. Ужасно жалко! Хотел повесть доделать, книгу о переводе закончить, ряд статей написать. Все коту под хвост. Перевод Абе займет минимум год.

11 декабря 1992 г.

В обед вызвал меня Абе и взволнованно сообщил, что по сведениям, исходящим от Мырзатая Джолдасбекова, мне якобы намереваются вручить Президентскую премию «За мир и духовное согласие». Якобы вопрос решен.

Абе сразу намекнул на обмытие, но я был сдержан и тут же ушел, чтоб не было лишних разговоров. Пока не будет президентского указа, нечего сотрясать воздух.

17 декабря 1992 г.

Олжас и Абе заключили перемирие. Об этом было заявлено сегодня на заседании (учредительном) Казахского ПЕН-клуба. Я член исполкома. Заседание прошло в СП с участием 23 человек.

18 декабря 1992 г.

Много раз звонил Абе по поводу документов ПЕН-клуба. Дал о том информацию в «Каз. правду» (по телефону). По этому же поводу звонили Акселеу, Абдихалык. Акселеу занес материал.

14 января 1993 г.

Рассказал мне Абе о своих планах – ПЕН-центровских. Хочет довести свой фонд до 100 млн, обрести землю, построить дом, завести скотоферму (при этом многое бесплатно), назначить премии, содействовать членам ПЕН-клуба в творческом и материальном плане. Фантаст!

2 апреля 1993 г.

Вчера выяснилось, что Т. Пулатов опубликовал в «Независимой газете» статью «Закрыть Международный ПЕН-клуб». А в этом клубе членами состоят Абиш, Дулат, Абе. Получается, что одной рукой Абе просит регистрировать Казахский ПЕН-клуб, а другой – за его уничтожение. Неразбериха. Необходимо этой тройке выйти из Азиатского ПЕН-клуба. Все неопределенно. Если в Лондоне ПЕН-центр не регистрируют, то все прекрасные планы, идеи Абе сразу лопнут. А жаль: были у него здравые намерения.

5 апреля 1993 г.

В Алматы много разговоров вокруг статьи в «Правде» об Абе – «Подсолнух». Друг детства, с которым вместе учились, даже сородич-ағайын,

решил публично пощипать народного писателя. Казахи любят сенсации, обожают трепать именитых людей.

14 апреля 1993 г.

Звонил Абе. Разговор об отборе стихов Абая для перевода и привлечении к этому делу подстрочникистов.

16 апреля 1993 г.

Звонил Абе: он озабочен состоянием дел в ПЕН-клубе и издательстве.

23 апреля 1993 г.

Абе напомнил: надо составить сборник его публицистики.

25 апреля 1993 г.

Часа три работал с Абе: просмотрели пять подстрочных моих переводов стихов Абая. Прочел ему начало моей книжки. Говорили о ПЕН-клубе. Абе очень увлечен идеей помощи писателям.

1 мая 1993 г.

Вечером позвонил Абе. Он, оказывается, был на площади, много говорил с Президентом. По поводу юбилея Абая расхвалил мою рукопись, говорил о моих подстрочных переводах, подал мои работы, как нечто новое, о чем, мол, никто из ученых доселе не говорил. Словом, неплохо рекламировал меня.

Покопался в своих бумагах, собрал все, что касается публицистики Абе.

2 мая 1993 г.

Вечером принялся за сравнение оригинала и перевода Роллана абаевских слов. Оказывается, об этом также говорил Президенту. Он заинтересовался переводом. Абе ответил: «По мнению Бельгера, он значительно лучше двух предыдущих переводов, но и его можно улучшить».

3 мая 1993 г.

Несколько часов был у Абе: перебрали все его телеграммы и письма, которые, возможно, включим в его сборник. Труд немалый: все эти бумажки придется привести и в божеский вид, отредактировать и самому отпечатать на машинке. Покряхтишь!

9 мая 1993 г.

Был Абе. Поиграли в шахи. Абе рисовал прожекты: толковал мне, откуда, сколько миллионов капнет на счет ПЕН-клуба и что он сделает для своих членов. Не знаю, получится ли все...

17 мая 1993 г.

Позвонил Ажар: где Абе? Оказывается, умер от инфаркта после операции Елеу Кошербаев, и Абе уехал в Кызылорду. А вечером, уже вернувшись, позвонил он сам: был в Кызылорде, оттуда на машине съездил в Шымкент, оттуда – в Джамбул, оттуда – уже самолетом в Алматы. Он сильно расстроился, узнав от меня черную весть: до того мне сообщили из СП, что в Дели скончался Оралхан Бокеев. Подробности не знаю. Это ужасно. Толковый писатель, самостоятельный, без подлости и интриганства, опрятный парень. Лишь в сентябре исполнилось бы ему пятьдесят. Говорят, осталось двое малых детей от второго брака.

24 мая 1993 г.

Вечером позвонили Абе, Х. Сыздыков, Дакебай. Первый говорил о своих удачливых денежных операциях (якобы в «Алем банк» обменял 1 млрд рублей на валюту). А последний говорил о своей тревоге по поводу нурпеисовских контактов с отъявленными жуликами, мошенниками, пройдохами, которые доведут его, неискушенного в бизнесе, до позора. Об этом же один из первых я говорил Абе еще два месяца назад. Дакебай о том говорил Смагулу. Но разве Абе кого послушает? Он, как мальчишка, заглядывает разным алимам в рот и уже попался одной ногой в капкан. Вот Дакебай и говорит: «Что можно предпринять? Как его спасти?»

16 июня 1993 г.

Вечером гуляли с Абе. Он сообщил сплошные радостные вещи. По расчетам его джигитов, каждому члену ПЕН-центра полагается 100 тыс. в месяц жалованья, отдых ежегодно в санатории, лечение, ремонт квартиры и еще что-то. Он радовался, как дитя. И я обрадовался, хотя чудится мне – все это маниловщина, сказка тысяча и одной ночи.

Я же ему сочинил и отпечатал 4 письма в Актюбинск и одно Султанову.

18 июня 1993 г.

Действительно, маниловские мечты Абе развеялись через сутки. Теперь он мне внушал, что ежемесячную плату от ПЕН-клуба будут получать лишь Таха, Симашко (участник войны и вице-президент), Фариза (женщина, обремененная семьей), Щеголихин (пожилой русский прозаик) и я (секретарь исполкома). Остальные получат якобы изредка одновременное пособие. При этом я не должен получать зарплаты от «Феникса». Все это неопределенно и зыбко.

19 июня 1993 г.

Начал читать роман (рукопись) Абе. Понимаю: Абе хотел бы, чтобы я его переводил, но я не представляю, как я найду для этого хоть немного времени и сил. А ведь нужен год чистого времени. Слишком большая жертва.

1 июля 1993 г.

Звонил Абе: требует, чтобы я сделал еще несколько переводов Абая. Отпечатал от его имени письмо Терещенко.

3 июля 1993 г.

После обеда вместе с Зейнуллой и Абе сходили к Тахауи. Он ослаб. Дважды был сердечный приступ.

Беседовали около трех часов. Абе даже поспал минут двадцать. Говорили, вспоминали. Я приглядывался к своим старшим друзьям, которых тесно знаю уже тридцать лет. Какие были жигиты! Время и хворости подбили их. Ахтанов почти что расписался. Только дух боевит, шумлив. Зеке сдал, озабочен предынфарктным состоянием, высоким давлением. Абе еще крепок, но устал, засыпает на ходу. Я моложе их на семь, на десять лет, но тоже далеко не огурчик. Таха несколько повеселел.

Потом зашли к Абе. Сыграли даже пару партий в шахи. Поговорили о том о сем. Завтра он летит с большой группой деловых людей в Турцию на открытие торгового дома.

9 июля 1993 г.

Вернулся Абе из Турции. Настроение у него хорошее.

10 июля 1993 г.

Вечером почти четыре часа был у Абе. Играли в шахи, пили чай, он рассказал о своих турецких впечатлениях (довольно скудные, все больше вокруг чудес гостиницы и ресторанной еды), потом заговорили о его книге, о двух главах – нужно или нет; он прочел одну главу, и я в таком виде забраковал ее за излишнюю рациональность, логичность и лобовую прямолинейность, в то время как это – бредовые видения Жадигера, рассказал, как ее – на мой взгляд – следовало бы подать, и Абе обрадовался, оживился, сказал: все понял, напишу, сделаю, не зря, выходит, сомневался, спасибо тебе, теперь все ясно, молодец. Видно, я просто убедил его в его же сомнениях. И на радостях он пошел провожать меня, заметив, что за два-три дня набросит суть и еще раз мне прочтет.

13 июля 1993 г.

Напряженный разговор получился в СП при оформлении договора на переводы Абая. Калдарбека не было, а Габбас К. вдруг, хмурясь, повел разговор на тему: «Қайта қарау керек», тут-то и вспылил Абе, сказав, что он лично смотрел, он в ответе за все, он решает, кому, что и сколько, его уполномочивала Госкомиссия, следовательно, решающее слово за ним, а не за Сагием и Абдирашем. Габбас пытался было слабо возразить, но Абе не дал ему даже рта раскрыть. Мне было крайне неловко. Будто я принес товар, а его не хотят принимать. Я постарался смягчить обстановку, тут появился и Калдарбек и сразу снял напряжение, сказав: «Проблема наша, договор заключим. Г. К. получит все, что полагается». Абе настаивал: если не дадите Бельгеру триста тысяч, я приду снова. Такая вот неприятная для меня сцена. Будто я просил, когда *просили, упрашивали* меня, и я сделал добросовестно то, о чем просили. Неблагородно как-то все, показахбайски грубо, нечистоплотно. Благородно вел себя один Калдарбек.

У Абе и накануне был нервный день. Ругался со своими жигитами-жуликами.

Так его надолго не хватит. И врагов он себе наживает каждый божий день.

Расстроен он и состоянием Тахауи: тот в больнице и якобы плох.

17 июля 1993 г.

Вечером заглянул к Абе. Играли в шахи, и он как бы между прочим проронил фразу: «Мои жигиты удивляются, зачем писателям столько денег?!» И мне стало все ясно, откуда дует ветер. Алимы, конечно, ни ко-

пейки не упустят. И все слова Абе относительно благодеяний со стороны ПЕНа – маниловщина. Следовательно, ничего не жди. Надейся только на себя. Буду, значит, выживать, надеясь на свои малые возможности... Печально, но Бог с ним. Авось, продержимся...

20 июля 1993 г.

Абе вылетел в составе правительственной делегации в Тайланд.

25 июля 1993 г.

В час дня позвал Абе. Бахыт Каирбеков читал переводы Дудина и отозвался о них более чем сдержанно. Даже сурово. По-моему, он был убедителен, хотя и настроен максималистски. Договорились, что он будет консультантом, когда старик прибудет сюда.

26 июля 1993 г.

Тулен прислал мне переводы Абая на просмотр. Абе объявил Султанову, что он из этой комиссии (Союза писателей) выходит. И мне, видимо, не стоит особенно активизироваться.

Вечером был у Абе. Он в последнее время в хорошей шахматной форме. Надо было сосредоточиться и сбить его подъем. Что я и сделал, выиграв из десяти партий девять.

2 августа 1993 г.

Дважды был у Абе. Он вырвал-таки у Денисова 50 тыс. долларов на нужды ПЕН-центра. Как говорит Симашко, может, и нам кое-что перепадет. Я, однако, весьма сомневаюсь. Слишком много уповающих на Абе... Абе настаивает, чтобы я сделал подстрочник еще пары стихотворений Абая.

4 августа 1993 г.

Был у Абе, у него весь день скакало давление; он вызывал врача и был бледен, рассеян, отсутствующ.

11 августа 1993 г.

Вечером был у Абе. Он азартно расставил шахматы, ринулся в бой. Я сказал, что буду играть дебют Сокольского. «Из твоего Сокольского я сделаю Кокольский!» – заявил он лихо.

«Применю вариант Каталымова»

«На твоего Каталымова сделаю Маталымова»

Пешка на b5 его раздражала. Он изо всех сил старался опровергнуть этот дебют. Но проиграл шесть раз подряд. Начали играть седьмую партию, но тут стали показывать «Санта-Барбару», и Абе побежал смотреть телевизор.

13 августа 1993 г.

Утром позвонил Абе, еще до 9-ти, говорил о делах, о планах на день, а через полчаса позвонил еще раз и сообщил, что умер ночью от инфаркта его сват и давний друг – Абдыхалык. Я не поверил. Переспросил, уточнил. Тут же поехали на его квартиру. Жена, дочери, сестра ревмя ревели. Посидели, выслушали скорбный плач, говорили, как водится, жалкие, ненужные слова, прикинули, что и как нужно делать. Потом приехали Калтай, Абильмажин, еще кое-кто. Потом отправились в горисполком. Абе сразу посерел, постарел, сник. Заговорил об усталости, о том, что собрался лечь в больницу...

...К вечеру, проделав массу дел, Абе успокоился, стал играть в шахи, изо всех сил опровергая дебют Сокольского. Продув партий семь, выиграл последнюю, взяв меня измором и стихийно все же сообразив, каким образом следует противостоять этому дебюту.

Вечером, уже почти в 11, проводил меня до самой квартиры.

17 августа 1993 г.

Хоронили сегодня Абдыхалыка Мархабаева. С 10 до 16 были у него дома, потом на кладбище, потом на поминках в СП. Комитет по делам молодежи выделил мне и Симашко отдельную машину для участия в скорбной церемонии. Из Актюбинска приехало человек тридцать. Абе был молодцом. От начала до конца бегал, руководил, распоряжался. И все по уму, толково. Досталось ему крепко. Но долг свой он исполнил на должном уровне.

19 августа 1993 г.

Был у Нурпеисова. Он поставил факс. Были у него бизнесмены из ФРГ. Весь вечер шел разговор о будущем валютном ресторане. Разговор понравился, бизнесмены – тоже.

Над Абаем Абе работать не стал: «бас-бас емес». Играли в шахи, но совсем уж бестолково: голова Абе действительно не на месте.

21 августа 1993 г.

Позвонил Симашко: умер Кунаев. Были с Симашко у Абе. Вызвал «скорую». Потом к нему заехали Фазыл (германский казах) и гигант-немец, представитель фирмы по оборудованию ресторанов. Поговорили. Показал он альбомы, варианты отделки.

...Потом с Абе отправились в дом Кунаева. Народу было много: А. Аскаров, брат Кунаева Аскар, его сестры, Жиенбаев, Аухадиев, К. Султанов. Посидели в кабинете. Книг уйма: все три стены до потолка.

...Посидели, поговорили, посочувствовали. В среду – прощание в Оперном театре.

26 августа 1993 г.

Сочинил и отпечатал план-проспект книги «Абай». Отнес Абе. А он грубо – при Амантае – это забраковал, потребовал расписать подробнее. До того был разговор, что я *должен* собрать весь необходимый материал для Дудина, чтобы он написал предисловие. Я сказал: почему я *должен*? Собирал по крупицам лет двадцать, а теперь взять да и бросить коту под хвост?! Если я считаюсь действительно составителем-редактором книги, то это я должен знать наверняка, иначе с какой стати мне выкладываться ради неведомого дяди?..

Вокруг этой темы возник напряженный разговор. Абе замотан, дел-забот невпроворот, и, видно, дурной настрой решил выместить на мне...

27 августа 1993 г.

Дудин прилетает завтра утром. Абе поручил мне с другими жигитами встретить его. Сам Абе срочно едет в Талдыкорган и прибудет в воскресенье.

29 августа 1993 г.

Абе дважды позвонил из Талдыкоргана, потом из Алматы. Отдувается, как крокодил, только что проглотивший ягненка. «Ой, шаршадым...» – «Немене, – спрашиваю, – жол қиын болды ма?» – «Жоқ, – отвечает, – тамақ көп... Ой, ағыл-тегіл. Тіптен көп». «Мұнда халық аш жүр, ал сіздер тамақтан шаршап жүрсіздер...» – «Немене халық аш па?» Вот такой разговор.

24 сентября 1993 г.

...Потом съездили с Абе к Дудину в санаторий. Абе тотчас куда-то улизнул. Я часа три гулял, беседовал с Дудиным. Милейший человек!

1 октября 1993 г.

Съездили в санаторий «Алматы» – Абе, Дильдяев, я – к Дудину. Погрузили его и поехали в аэропорт. Калдарбек заказал стол. Набутербродились, попили чай, покалякали. Дудины уехали довольными. Потом заехали к Абе. Там был Фазыл (ФРГ). С ним поговорил. Он очень встревожен доверчивостью, детскостью, беспомощностью Абе в бизнесе. Его околпачивают, мол, кому не лень...

2 октября 1993 г.

Вечером были у Абе на сундет-той. Солидная компания – академики Зиманов, Кабдолов, Сагадиев, профессор-хирург Ормантаев. Калтай был тамадой. Бибигуль, мать Абиша, Клара, Фазыл, Козыкорпеш, Ахтанов с женой. Было хорошо. Единственный немусульманин был я.

5 октября 1993 г.

Настроился было на работу, но тут позвонил Абе: ночью умер от удушья Жаксылык Туменбаев, хороший прозаик, приятный человек. В январе ему исполнилось бы 50. Съездили с Абе и Калдарбеком к нему домой, выразили соболезнование, вместе с другими жигитами прикинули план похорон, поехали в СП.

6 октября 1993 г.

Несколько раз звонил Абе. Он был у Серикболсына. Основательно вроде поговорил и полезно.

23 октября 1993 г.

...Потом с Абе и Смагулом сходили к Ахтанову, поздравили его с 70-летием.

24 октября 1993 г.

После обеда зашел к Абе, походил с ним, потом приехал генерал Бейсенов, говорил умно, толково, остро и напористо о политическом и финансовом положении в Казахстане, произвел впечатление прогрессивного, знающего человека. Посидели, отметили день рождения Абе.

18 ноября 1993 г.

Часа два были Абе и Артур. Сочинили письмо по ПЕН-клубовским делам на имя Терещенко.

26 ноября 1993 г.

После обеда поехал с Абе в театр драмы, чествовали Ахтанова. Торжественно, широко, умно, культурно. Зал был почти полон. Подарков – уйма. Слов – море. Толковый доклад делал Абиш. Потом отправились на квартиру Ахтанова. Застолье продолжалось с 7 до 12 ночи. Было хорошо... Я говорил об ауре Ахтанова, о его духовной среде, о его окружении. Действительно, в дни юбилея Ахтанов вел себя мудро, достойно, человечно, просто. Без напыщенности и фальши. В общем, его любят. И он искренен. И к нему искренни. Очень за него рад.

30 ноября 1993 г.

...Для Абе, который 3-го собирается в Европу, подготовил и отпечатал диспозицию книги «Абай».

4 декабря 1993 г.

Утром позвонил Абе. Он все еще сидит в аэропорту. Более суток. Спросил, как и что. Укатил в Германию. А Айтматов прибыл сюда. 15-го будем отмечать 2-ую годовщину независимости Казахстана. Айтматову дадут премию мира и духовного согласия. Об этом Президент заявил еще в Кыргызстане.

16 декабря 1993 г.

Говорил с Абе. Кто-то где-то опубликовал статью: «Абай не дейді, Дудин не дейді?» Это начинается казахская возня против Нурпеисова. Мстят за ПЕН-центр, за его «Ахмед Яссауи», за его деловитость, за его инициативу. Вряд ли эти люди болеют за Абая. Они болеют против Нурпеисова. Как это неприятно!

22 декабря 1993 г.

Абе настаивает на выход из СП. Очень не лежит душа к этому. Не хочется раскола, противостояния, конфронтации. Не хочется конфликта с казахами, с литераторами; не хочется обособляться, ни к чему сепаратизм. Вся душа противится этому. Странно, что Абе этого не понимает. О своих тревогах я сказал Щеголихину и Симашко. Оба согласны со мной. Особенно Щеголихин. Паскудно на душе от всего этого.

23 декабря 1993 г.

Печальную весть получил от Абе: после операции Дудин безнадежен. Осталось якобы жизни два-три дня. Ужасно!

26 декабря 1993 г.

Часов в 8 вечера звонил Абе: от Ч. Айтматова звонил из Германии некий немец, а понять его никто не может. Пришлось пойти. Оказалось, какой-то доктор экономики, бизнесмен. Ищет в Казахстане Gescheftsführera для фирмы «Zypress». Изложил свои требования. А через десять минут позвонил еще раз. Завтра пришлет факс. Спросил еще, кто такой Нурпеисов, какой он писатель («Ein gute Schriftsteller?»), кто я и т. д.

28 декабря 1993 г.

В 15 ч. 00 мин. Заседали в секретариате СПК. Трудный, нервный разговор по поводу ПЕН-клуба. Пришли обиженные и оскорбленные и стали грубо, резко, иногда гневно, с пафосом разоблачать и обвинять ПЕНовцев за раскол, за сепаратизм, за «не ко времени», «не ко двору» (Оразбек) и т. д. С «нашей» стороны выступили Абе, Щеголихин, Симашко, Акселеу, Смагул и я. Оппонентами были Шамкенов, Аукебаев, Магауин, Омирбеков, Оразбек, Кабышев и Толен.

Заявление в секретариат подали Магауин, Аким, Кабдеш, Оразбек. В конце у Абе сильно поднялось давление, но выступил он в заключении толково, убедительно, энергично. Домой мы пошли с ним вдвоем. Он успокоился, давление улеглось. Он также пришел к выводу, что разговор был нужен и, наконец, он состоялся.

1 января 1994 г.

Раза три звонил Абе. Он в философском, размягченном состоянии: разочаровался в друзьях, будет жить одиноко, никого не подпуская близко к сердцу, руководствоваться только своей совестью, не считаясь ни с кем. Повторил строчку: «Көңілім қалды достан да, дұшпаннан да». Говорили о его публицистической книге. Он хочет издать все, т. е. около 30 п. л. Вечером по программе «Алатау» передали нашу с ним давнюю запись-беседу на кухне о языке. Ее, кажется, повторили за эти годы раз десять. Вспоминал Абе о пленумах СП СССР с тоской. Как это было здорово! Сколько потерей! Оскудели духовно страшно...

3 января 1994 г.

...Только ушел Симашко, звонит Абе: Куаныш (Султанов) посчитал нужным, чтобы в Петербург на похороны Дудина летели мы с Абе. Я отнекивался было, но Абе сказал: «Не қылған шыдамсызсың! Аяғына дейін тындасаңшы!..» И стал говорить, что трудностей в пути не будет, проводят-встретят, командировочные дадут, о билетах позаботятся, на обратном пути заедем на три дня в Москву, побудешь у дочери, внука и т. д. И я согласился. Начал собираться. К вечеру стало известно, что летим через Москву, рейсом 504, т. е. завтра утром...

19 января 1994 г.

С утра раза три звонил Абе. Уточнял кое-какие сведения для Д-ра Hornunga... Потом часа два был у меня. Я отредактировал его речь в Бишкеке, перевел факс Hornunga с немецкого и составил ответный факс на немецком языке.

25 января 1994 г.

Абе поручил мне написать одну страничку речи в качестве председателя жюри по премиям «Мир через культуру». Завтра надо ему выступить в Оперном театре.

26 января 1994 г.

Утром написал речь Абе. Он, бедняга, столь замотан, что и присесть некогда. С 17.00 заседало наше жюри в Оперном театре. Обсуждали кандидатуры на премию ассоциации «Мир через культуру». Единогласно утверждены Газиза Жубанова (посмертно) и архиепископ Алексий.

4 февраля 1994 г.

...Потом около двух часов был у Абе в качестве толмача в переговорах с Йоргом Бишофым. Тот звонил дважды из Германии. Уточнили разные делишки. И Абе вдруг сорвался в гости.

9 февраля 1994 г.

Раза три позвонил Абе. Работа не идет. В голове сумбур. «Ты моложе меня, – сказал он. – Зайди». Зашел. Он читал воспоминания о Федине, восхищался литераторами той эпохи. «Біздер ұсақтап кеттік-ау...» Подвел его делец Бишоф. Абе обругал по телефону своего компаньона.

«Сендерше имидж, біздерше иман». Сыграли в шахматы. Отправились на площадь подышать воздухом. Походили минут сорок.

12 февраля 1994 г.

...Абе гриппует. Раза три звонил. Он читает какую-то французскую книгу, в которой собраны разные материалы о казахах. Читал отрывки. Я ему рассказал о «Жизни Иисуса» Гегеля. (Как раз вчера перечитывал. Меня до слез волнует всегда сцена прощания Иисуса со своими учениками накануне казни. Поразительно!)

16 марта 1994 г.

Абе был сегодня у вице-президента и Президента. Много разных дел обговорил. Президент якобы поинтересовался: «Когда юбилей у Бельгера?», на что Абе ответил: «Онықі алда. Оған өзіміз бірдеме істейміз. Өзіміздің бір ойларымыз бар».

23 марта 1994 г.

Ездил Абе к Терещенко, но тот отложил совещание на 31.03. Тогда мы с Абе заехали в МИД, в Госкомимущество, в Министерство экономики, в Нефтетрест (или нечто похожее) и везде vergebens. Нужных людей не оказалось.

24 марта 1994 г.

...Звонил Абе по поводу составляемой книги. В голосе усталость и подавленность. «Старость?» – спрашиваю. «И старость, но не только».

25 марта 1994 г.

Звонил Абе. Ахтанов сказал ему несколько суровых слов из-за того, что Абе отдал под суд его племянника-дельца, присвоившего 800 млн рублей. Достается Абе за его доверчивость.

28 марта 1994 г.

Гуляем с Абе по Тулебаевой. Вечер. Тепло. Абе устал, весь в каком-то размягченном состоянии. Забот много. «Пенсиям бар. Жазушылығымды жасап жүре бергенім тыныш болар еді. Осыған (ПЕН-центрге) қалай ғана там болдым...»

Походили взад-вперед. Абе задумчиво говорит: «Қалай болғанда да осы өмір дегеннің басына су құйдық. Осы ішін с... дөңгеленіп бітіп

қалды-ау деймін... Жетпіс, ә?.. Апырай... жетпістің аржағында өмір бар дегенге еш уақытта сенбейтінмін...»

30 марта 1994 г.

Абе съездил в Жезказган. Слетал и вернулся за один день. По делам ПЕН-клуба.

6 апреля 1994 г.

Позвонил Абе. Он в подавленном, взъерошенном состоянии. Жігіттер, мол, шетінен қырт. Жұмыс жүрмейді. Ақша керек – ақша да жоқ. Видно, остаюсь одиночкой. У всех амбиция, все хитрят, подличают. Абайдікі дұрыс: «Көңілім қалды достан да, дұшпаннан да»... Потом Мағжана вспомнил: «Сұм өмір абақты ғой саналыға»... Набросился и на меня: «Сен де қыртсың... Нашелся мне защитник Абая – Қалмұқан! Соның артына ересің. Қашанға дейін жалпақ шешей боласың? Арланбайсың ба?!» Словом, Абе в дурном настроении. Он читает Бунина «Окаянные дни». И, чувствую, проецирует его жизнь на себя. И работать ему не хочется. А дергают разные делишки...

7 апреля 1994 г.

Был у Абе почти полдня. Ходит неприкаянный. Ушел из дому. Негде ему жить. Потому намерен лечь в больницу...

Вечером опять пришел Абе и остался у нас ночевать.

8 апреля 1994 г.

Абе был у нас до 9 утра. Далее он уехал в КГБ, оттуда – уехал в больницу и лег на казенный кошт. Весьма доволен.

28 апреля 1994 г.

...Потом зашел Абе с Каримом. Мальчик болеет, кашляет. Поехали в санаторий «Алматы», погуляли малость, но Кариму лучше не стало. «Я устал», – сказал он. И Абе нес его на руках. Умный мальчишка, рассуждает хорошо. Вернувшись, поиграли в шахматы, но бестолково, механически. Каждый думал о чем-то своем. Абе вдруг говорит: «Осы баладан айырылып қаламыз-ау...» Он это сказал так обреченно, так горестно, что я вздрогнул: «Қой!.. Бұныңыз не?! Әлі-ақ сауығып кетеді». Но Абе устал, удручен, грустен. Собирается на двенадцать дней залечь в санаторий.

5 мая 1994 г.

...После обеда хотели с Абе поехать к министру печати, но не получилось. Человек двадцать казахских писателей Президент пригласил в свою резиденцию на задушевную беседу, которая продлилась часов шесть. Интересно, что мог вызнать Президент от этих глубоких старцев, давно переживших свое творчество?! И как можно было их слушать шесть часов, когда от их дряблой старческой болтовни становится тошно уже через двадцать минут? Конечно, Президенту виднее... потом он их одарил: «дипломатом», часами и 1000 тенге. И, удоволенных, отправил восвояси... По словам Абе, толково выступили Ергалиев, Мырзалиев, Абдиков. Обо многом поведал якобы и Абе.

6 мая 1994 г.

Сплошные происшествия, главным архитектором которых был Абе. Рано вызвал он к себе, чтобы съездить в Министерство печати. Однако что-то нервничал, суетился, хватался за телефон. Ждал звонка из банка, ибо сегодня должны были отправить в Англию 500 тыс. долларов. Но перед самым выходом из дому стало известно, что никаких долларов не отправили, более того, их просто нет. И Абе, почти невменяемый, ругаясь скверно и проклиная своих жигитов, сел за руль, рванул с места, и я тотчас понял, что дело опасное, на всякий случай пристегнул ремни. И, действительно, по Жамбылу шли две машины навстречу. Ругаясь страшно, Абе резко крутанул и сильно ударился правым передним колесом о бордюр. А дел было много и все срочные. Добрались до Фурманова – Абая и тут нам дали знать, что колесо спущено. Остановились посередине дороги. С двух сторон сплошной поток машин. Еле выбрались. Побежали к телефонам. Стояли час-полтора, пока нурпеисовские жигиты не заменили колесо. Потом были у Алтынбека, решили дела по оплате переводов Дудина и по «Фениксу»... Оттуда съездили на объект («Жалын»). Все там растерзано, и о том, что закончат офис к 1 июлю, и речи нет. У Абе одни маниловские планы. И от ПЕН-центра толку будет немного. Все планы Абе в далеком будущем, до которых никто из нынешних членов не доживет. Он еще долго оправдывался перед англичанином-бизнесменом, которому не смогли вовремя перевести обещанную сумму. У Алтынбека, кстати, зашел разговор и о его публицистическом сборнике. Алтынбек обещал достать бумагу, надо скорее сдать рукопись. Абе собирается еще в Словению на конференцию ПЕН-центра.

Потом подались в резиденцию Президента. Абе подался к Имангалию, увлек меня, быстро проник, а меня у входа задержал стражник – КГБешник...

7 мая 1994 г.

Долго говорил Абе по телефону. Разговор трудный. Он стал издеваться над Х. Кортасаром, дескать, не литература это, а циркачество, трюкачество, выпендреж и т. д. Меня это задело. Я стал говорить о том, что литература наша нынешняя – примитив, пишем на уровне 30-х годов и за наше невежество не в состоянии говорить наравне, скажем, с европейцами, что все – самодеятельность, что нам следует стыдиться своей отсталости, необразованности, что мы ныне оторванные от цивилизации, застряли на уровне троглодитов... Меня, конечно, немного занесло. Абе, я понимаю, хотелось услышать гимн своему творчеству; я должен был сказать, что Кортасар по сравнению с ним – пыль, дым. Абе сказал, что он не в плену такого комплекса неполноценности, европалықтардың да қырып бара жатқан түгі жоқ, что они более отсталые, чем мы, что он часто встречается со всеми самыми выдающимися писателями мира, и он не чувствует себя отсталым, а ведет разговор наравне, вполне достойно. Я усмехнулся: как же можно вести разговор наравне, когда образования нет, живем в изоляции, смотримся так скверно, что весь мир вынужден с нами разговаривать, как с глубокими невеждами. Абе разгорячился и стал доказывать, какая высокая казахская литература, что там не один сафуанизм, что роман Ахтанова, повести Абиша, переводы Касыма Аманжолова – такие вершины, с которыми европейцам не тягаться. Я заметил: в таком случае Вы счастливый человек. У меня такого ощущения нет: я постоянно чувствую себя угнетенным из-за невежества и отсталости... В таком духе говорили более часа.

Еще я сказал ему, что команда его по ПЕН-клубу – бестолковая, что офис к июлю никак не закончат. И с этим он не согласился. Мол, это у меня первое впечатление, жигиты хорошие, и многое им под силу. А англичане, когда возьмутся за работу, закончат все за месяц. Ну, дай Бог... Разговор наш пошел косо-криво.

9 мая 1994 г.

Хотел было поздравить ардагера Абе с Днем Победы, но трубку взяла Ажар и сообщила о беде: на рассвете на даче Абе застрелили братишку Артура. Что там произошло – Аллах весть. На Абе валятся все беды. А он

и так измотан предельно. К тому же собирается в Москву, потом в Югославию. А еще надо ему раздобыть валюту на переоборудование офиса ПЕН-клуба.

11 мая 1994 г.

Звонил раза два Абе. Рассказывал о своих хождениях по банкам. Он точно затравлен. Столько на него сразу обрушилось! Идей и планов у него уйма. Заслушаешься! Хотя и отдают они маниловщиной. Прямо-таки помешан на делании денег через пятизвездочный ресторан и аренду офиса. Вот пойдут деньги, тогда ПЕНовцы начнут процветать: с семьями будут обедать в великолепном ресторане, будут собираться на встречи, принимать гостей, выезжать за границу, получать разную помощь, отмечать юбилеи и хоронить друг друга. «О, айналайын! Ақша болса – бәрі болады. Керемет болады!»

И так упоенно он об этом говорит, что поневоле поверишь. Хотя чем все это кончится, мне заранее ясно.

За здоровье его и вовсе страшно.

13 мая 1994 г.

Утром по просьбе Абе сочинил ему страничку текста для выступления в Словении... Вечером он подался в Кызылорду, оттуда – в Москву.

15 мая 1994 г.

Вечером был Абе. Измученный. Два дня был в Кызылорде. То, что он увидел, – ужасно. Народ в растерянности. Скотину режут. Происходит коллективизация наоборот. И грозит это, по словам Абе, голодом 1931-32 гг. Сельчане в отчаянии. Очень тревожно. Преступность жуткая. Девять десятых казахской молодежи безработные. Слоняются по аулам, не находя себе места. Некоторые в поисках судьбы едут в город и здесь становятся изгоями и преступниками.

17 июня 1994 г.

Абе недоволен всем на свете. Все не ладится. Все плохо. Хотелось бы иметь больше почитания, больше славы и внимания, но он уже человек прошлого, ни почитания, ни славы особых нет, процветают, пробиваются, преуспевают другие, и это он воспринимает как личную обиду Ему по-прежнему чудится, что он самый главный писатель казахов, а вот

народ вроде это недостаточно сознает. Старческая беда. Вспоминается Достоевский (кажется, в «Бесах»), где он язвительно говорит о подобных седеющих старичках. Слава Аллаху, что у меня никогда зависти не было, и сейчас нет, и не страдаю подобными комплексами и синдромами.

25 июня 1994 г.

Был у Абе. Определили содержание его книги. Все зависит от машинистки. Перепечатать нужно 400 страниц. Настроение Абе кислое. «Жить неохота», – повторил он раза три.

30 июня 1994 г.

Вечером позвонил Абе: он простудился, температурит, хандрит.

3 июля 1994 г.

Зашел Абе. Нос распух, рот обметан после простуды. Кисл. Подавлен. Без конца говорит: «Жить неохота». Только две вещи, как выразился он, удерживают его: книга и бала... Побыл недолго. Потащился к Калтаю. Там якобы будет Шаухаманов. Оттуда едет еще к кому-то в гости. Прожигательство жизни.

9 июля 1994 г.

Был у Абе, потом съездил с ним на дачу. Он подавлен, кисл. Твердит: «Жить неохота». Дома у него неуютно, напряженно.

17 июля 1994 г.

...Потом был у Абе. И вместе с З. Кабдоловым втроем пошли к Ахтанову. Под видом поздравления его с новорожденной внучкой решили проведать его самого. Он, действительно, обессилел; еле двигается от спальни до кухни. Но с нами посидел часа два-три, ел и даже пригубил немного водки. Угощение было отменным. Потом проводили Зейнуллу и снова пошли к Абе, играли в шахи, калякали. Завтра он отправляет Ажар, Раушан и Карима на отдых в Турцию.

20 июля 1994 г.

Звонил Абе: со злорадством говорил о том, что, мол, дутая слава Солженицына закатывается. Ни с того ни с сего распалился и наговорил уйму чепухи. Я стал ему возражать и надерзил ему. Потом договорились

на эту тему больше не говорить. «Я знаю, что тебя не переупрямишь». – «По это части сіз де алдыңызға адам салмайсыз». Дурацкий разговор! Вообще я давно знаю, что Абе очень болезненно воспринимает чужую славу и чужой успех. «Я читать не могу твоего Солженицына!» – «Это не показатель. Конечно, читать не можете, потому что не доросли, не понимаете». – «Я не понимаю?!!» – «Конечно. Откуда вам понимать?» – «Я что, по-твоему, не средний читатель?!» – «Откуда средний? Вы тянете на первый-второй класс». – «Слушай, я Канта твоего понять могу, Гегеля пойму». – «Бросьте, Абе, понять вы их не в состоянии». – «Я, если хочешь знать, как писатель выше твоего Солженицына». – «Что ж... Досанов вообще считает себя выше всех. А Магауин и Айтматова писателем не считает». – «Ты что, сравниваешь меня с Досановым?!!» – «Я вообще никого ни с кем не сравниваю. Ибо это пустое». И т. д. в таком же духе.

21 июля 1994 г.

Утром зашел к Абе за его рукописью. Сыграли молниеносно девять партий, и я – все время играя белыми – ловил его в самом начале на диком гамбите Муцио. Он упорно старался опровергнуть этот гамбит, азартно повторяя: «Я покажу твоему Муцио!» Но продул все девять партий еще в дебюте. «Э, – сказал он. – Баста талай Муциолар бар ғой».

30 июля 1994 г.

Часа два был у Абе. Он собирается 4-го в Германию.

31 июля 1994 г.

Вечером звонил Абе. Простился. Сообщил, что был в больнице у Ахтанова. Говорит: плох. Ноги отекают. Видно, очень худо.

28 августа 1994 г.

Звонил Абе. Готовится к встрече с российскими писателями в Костанае. Ознакомил с планом. Рассчитывает, что и я полечу. Отсюда якобы поедут он, Симашко, Жабайхан, Зиманов, Олжас, Раушанов, Дулат, Шериаздан, еще кто-то. TV оттуда и отсюда. Программа насыщенная.

31 августа 1994 г.

Вечером был Абе с Каримом. Предлагает вылететь 4-го, назад 7-го. Жабайхан согласен. И я, пожалуй, соглашусь. Этим же рейсом полетят и Жанна (Ахметова) и ее команда. Абе предлагает не брать командировки,

а только – билеты. Еще неизвестно, как на это посмотрит Верх. Совет. И как – Костанайская администрация. Все это надо еще выяснить.

25 сентября 1994 г.

С утра начал собираться в Семипалатинск. А часов в 12 позвонил Абе: умер Ахтанов. Я тотчас отправился в скорбный дома. Встретил Клару и мать Абиша (сам Абиш улетел утром в Мангыстау, не услышав скорбную весть). В доме встретил сыновей Таха, дочерей, сестру, брата. Зашел к Кульшаре, посидел, послушал ее... Умер Таха в 9 утра. В доме были Абе, Зеке, Смагул и др. знакомые. Подошел Калдарбек, потом – Жукеев, Сауытбек, Сауле-апа... Потом за столом зашел разговор о похоронах, о трудностях, о сборах и т. д.

7 октября 1994 г.

Вечером, вернувшись из Кызылорды, позвонил Абе. Заговорил о моем предстоящем юбилее, как-то обнадежил: «Это мой долг», «Жукеевке барамын», «сценариін сөйлесемін», «10 минут сөз айтамын». Это было бы серьезно. Свой же юбилей он ни в коем случае официально отмечать не собирается.

9 октября 1994 г.

Воскресенье. Утром позвонил Абе, попросил зайти, поговорить. Пошел. Часа три поговорили о предстоящем юбилее. Завтра он собирается к Жукееву. Насколько я понял, он намерен решительно поспособствовать, чтобы все прошло прилично. Сам же произнесет вступительную речь: при мне позвонил Кабдолову; предупредил и Калтая. Еще запланировал Алтыншаш. И о банкете хочет позаботиться, и о концерте. Если Абе возьмется за дело, то есть надежда, что все пройдет, как надо.

15 октября 1994 г.

Утром позвонил Абе, попросил зайти до 10 (до заседания в Верх. Совете). Пришел. Прочел он начало своего выступления обо мне. Нормально, хотя и несколько дрябло. В доме у него ремонт. На одном балконе лежит туша кобылы, на другом – несколько ящиков вина. Словом, к своему 70-летию он во всеоружии...

6 ноября 1994 г.

...Абе укатил в Прагу и в Бонн.

15 ноября 1994 г.

Утром позвонил Абе. Прибыл из Праги и Москвы. До Германии не добрался, что-то не заладилось с таможней. Там, в Праге, он написал речь о Затаевиче. Вот ее ему и не терпится показать. «Немедленно приходи ко мне. Верховный Совет подождет». Я сказал, что в лучшем случае могу заехать в обед...

В обед два часа был у Абе. Он деятелен, возбужден. Меня дергает: скорее закончить составление сборника «Абай». Хлопот будет много.

19 ноября 1994 г.

Утром звонил Абе. Разговор о сборнике «Абай». Ознакомил его со своими задумками. Он прочел кусок из своего выступления о Затаевиче.

20 ноября 1994 г.

Воскресенье для меня всегда хлопотный день, работал над сборником «Абай». Все соображаю, как лучше, интереснее составить. С этим делом был часа три у Абе. Он взбаламучен. О книге «Абай» он слушал поверхностно, ибо остаток сил и внимания он сосредоточил на статье о Затаевиче. Я просмотрел, отредактировал несколько страничек.

...Узнал, что в ближайшие дни Президент собирает 175 деятелей литературы и искусства. Поручено выступить Абе и Ермеку Серкебаеву.

30 ноября 1994 г.

Абе уже месяц возится с докладом о Затаевиче, что-то там вымучил и опять дергает меня: просмотри, поправь, отредактируй. И почему он решил, что о Затаевиче он должен делать доклад? Не музыковед, не историк музыки. Это бы блестяще сделал Кельберг. Берется Бог весть за что! Понимаю, что казах хочет воздать дань иностранцу, столько сделавшему для казахской культуры. И это объяснимо. Но этого и мало. О том должен говорить грамотный человек, а у Абе с граматешкой как раз швах. Намерение хорошее, а пороха нет.

3 декабря 1994 г.

Часа три пробыл у Абе. Еще раз просмотрел его речь о Затаевиче. Кажется, прилично получается. Говорили обо многом: о премиях, о ПЕН-клубе, о литературе, об абаевском сборнике, о моем предисловии к его книге.

4 декабря 1994 г.

Копался в бумагах и выкопал еще две работы Абе для его книги. Съездил с ним к Гаркавцу, где обсуждали форму абаевской книги. Что-то определилось. Потом немного погуляли.

10 декабря 1994 г.

Несколько раз звонил Абе по поводу своей речи. Все мудрит: с чего начать? Какой абзац убрать? Наконец заявил: больше сокращать не могу. Прочел текст, сверяя с часами. Получилось 25 минут.

...Вечером отправился, как корова по льду, в Оперный театр. Были начальство, молодежь. Президента не было. Из высшего эшелона были Абиш и Есимов. Речь произнес (вернее, прочитал) Абе. Очень старался. И получилось неплохо. Зал слушал и даже аплодировал. Потом был концерт.

1 января 1995 г.

...После обеда зашел к Абе. В огромной богатой квартире он один. Дети на даче, Ажар ушла.

Абе все бормотал: «Все есть, а счастья нет», «Все есть, а ни хрена нет», «Все есть, а ничего нет».

3 января 1995 г.

Позвонил Абе: он хочет, чтобы я завтра съездил с ним к Пронину, «представителю Пражского издательства», и к Г. Штойку.

5 января 1995 г.

Сидел над сборником «Абай» до одури, до сердцебиения. Складывал, компоновал, подбирал стихи и переводы. На редкость трудоемкая работа. Приходили художник Хасен Абаев, Амантай Ахетов и Артур. Обсуждали сборник. Хасен сразу понял, что ему, как художнику, делать нечего. Нет поля для фантазии. Нет средств. К тому же понятия и отношение Нурпеисова в этом вопросе недостаточно серьезные. Абе чужой труд не ценит.

6 января 1995 г.

Утром взял материал у машинистки Гульсум и скомпоновал публицистическую книгу Абе. Большой кирпич свалил. Сам он 9-го летит в Ганновер, оттуда – в Бельгию, Англию, Францию, Чехию.

8 января 1995 г.

Часа три был у Абе. Он себя чувствует неважно. Видно, вчера в гостях явно переусердствовал с едой. А завтра ему лететь в Европу. Дел у него много. Я попросил, чтобы он взял у Айтматова его немецкую книгу для меня – «Kassandramal». Когда я прочту его еще по-русски?..

19.01.95.

Вернулся из Европы Абе. Сказал, что привез от Кошута статью, от Айтматова – его книгу (роман на нем. яз.). Договорился зайти к нему вечером. Потом видел его мельком возле кабинета вице-президента. Вид Абе усталый, помятый. Не знаю, вернул ли он деньги ПЕН-клуба. По голосу вроде не все успешно.

22.01.95.

С Абе подробно говорили о сб. «Абай». Он выбрал в Праге бумагу и обложку из козьей кожи. Вечером были у Абе с Раей. Он пригласил вдову Ахтанова. Посидели, поели, повспоминали. Грустно.

Отпечатал для Президента содержание сб. «Абай» – 6 страниц убористого текста. С этим Абе намерен отправиться к Президенту.

21.02.95.

Абе вчера обработал Тё, выколотил доллары на премии, но премию намерен дать только Дудину. Остальную сумму пустит в оборот. Немного Абе повеселел: появилась надежда, что часть денег может вернуть.

9.03.95.

Узнал от Гульзады Мырзахметовой, что Абе обратился к ней с просьбой перевести его роман. Она прочла его. Называет его бытовым с психологическим уклоном. Вроде бы что-то и перевела, но Абе не очень-то доволен. Что-то перевел и Бахыт Каирбеков. Тоже Абе не по душе. Поговорил он и с Ерланом, и с Ардаком. Первый слишком хорошо Абе знает – отказался; второй по совету отца Дукенбая решил от Абе держаться подальше. «Не істейміз?» – вопрошает Абе. Ясно одно, что у меня вообще нет желания толмачить.

Дай Бог написать то, что самому хочется. Тем более при нынешних условиях. Тем более толмачить Абе – самоубийство.

29.03.95.

Вечер награждения ПЕН-клуба провели в казино «Круиз». Прекрасно прошел вечер. Хорошие люди, хорошие речи, хорошая премия. Великолепный банкет, прекрасная атмосфера, светлый настрой. Очень рад и горд за Абе. Он сильно старался, безукоризненно все организовал, сам вел себя в высшей степени достойно. Словом, рейтинг его основательно вырос и в глазах друзей, и в глазах недругов. Просто молодчина! Попробуй такое провернуть в 70 лет в наше время!

2.04.95.

После обеда походил возле Чокана. Встретилась группа завсегдатаев, в т. ч. Абе и Калтай. Абе в дурном расположении духа. Причин, видно, много: болезнь внука, эгоизм близких людей, старческая скука. А тут еще и переводчиков не может найти. Захотелось ему играть в шахматы, но сосредоточиться никак не мог, рассеянно хватался за фигуры, продул восемь партий подряд. Время от времени удрученно спрашивал: «Осы кім бар? Кім қалды?» Я перечислял: Бахытжан... Бахыт... Ардак... Гульзада... Амантай... Энгельс... Кодар... Он каждый раз морщился, кривился, отмахивался, как от мухи. Действительно, никто из перечисленных переводить Абе не в состоянии, ибо его требования, его стиль, его манеры и капризы никто не выдержит. Абе хотел бы, чтобы я сказал: теперь я не служу и готов приступить к переводу Вашего романа. Но я этого не говорю. Потому, во-первых, меня это совсем не привлекает, во-вторых, я сначала должен подготовить пять своих рукописей и написать то, в чем ощущаю потребность. Лишь великая нужда может меня заставить приняться за перевод романа Абе.

3.04.95.

Утром Абе не удержался и завел-таки разговор о переводе его романа. Найду, мол, спонсоров. Платить буду, дескать, валютой. «Если это не противоречит твоим планам...» Я сразу сказал: «В том-то и все дело, что противоречит. Пока я не подготовлю пять своих рукописей и не напишу все, что намерен написать, не могу приняться за перевод». Абе тотчас согласился. «Конечно, я не могу требовать, чтобы твой скакун постоял, а мой поскакал...» Ясно: я его огорчил, но что делать? С какой стати в 60 лет обрекать себя на подневольный и беспощадный труд? С чего бы это добровольно пойти на каторгу?

4.04.95.

Зашел к Абе. Он сидел взъерошенный, сам не свой, все вздыхал. Прочел главу из романа – читал с умилением, наслаждаясь и волнуясь. Так ему нравится, что он написал. Я же отчаянно боролся со сном: так это все нудно и тягомотно. Потом он нетерпеливо допытывался: «Ну как?!» Я что-то мямлил о монотонности, но он, счастливо улыбаясь, возразил: «Что ты, айналайын?! У меня там столько действия!» И начал перечислять: сцена с волком, приезд Азима, дискуссия в Академии... о, какая там монотонность! И опять заговорил о том, что некому переводить, что казахская молодежь ленива, не хочет расти. Он бы платил валютой, если бы только нашелся старательный и надежный переводчик.

Захотелось ему поиграть в шахматы. «Вчера я был не в форме, сегодня сыграю по-серьезному». Однако он опять продул три партии подряд и, вздохнув, заметил: «Осы шахматты қою керек шығар. Бас істемейді». Я сказал: «Да, он жылға қойған жөн болар. Сіз сексен, мен жетпіске келгенде қайта ойнайық. Сонда теңеліп қалармыз». Он рассмеялся.

5.04.95.

Раз восемь звонил Абе. Он разбирает свои бумаги. Нашел еще восемь статей и выступлений, не вошедших в составленную мною рукопись. Решили отдать на перепечатку. Весь кабинет завален бумагами. Абе лежит посреди этого бумажного тарарама, плотный, коротконогий, большеголовый, похожий на крепкую корягу, с упоением читает свои давние записи, и все это кажется ему важным, значительным. То и дело обращается ко мне: «Мынаны тыңдап жіберші. Олжас жайында, Қонаев жайында былай оттаппын...» И с трудом разбираясь в своих каракулях в пожелтевших бумагах, спотыкливо читал свои обрывки, которые я десятки раз слышал, ибо все они писались, можно сказать, на моих глазах. И опять ему захотелось сыграть в шахматы. «То ли ты после депутатства окреп, то ли я после 70-ти отупел?..» – «Скорее всего, последнее», – ответил я и, несмотря на все его усилия, закатил ему еще четыре мата.

10.04.95

Немного погуляли с Абе. Ему все еще хочется выступить с речью об Абае в Москве в Колонном зале. Начал меня щупать: не переведу ли я две странички на русский. Я решительно отказался. Вечером он снова позвонил, прося телефон Б. Момышулы. Видно, хочет его обработать для своей речи...

22.04.95

По пути в Минюст Абе зло и раздраженно говорил об Олжасе и покойном Ануаре. «Жарықтықтың іші тар еді. Баласы одан артық жазса, баласың да қызғанар еді». Я осторожно заметил, что он чересчур субъективен, что судит о людях только по их отношении к нему, на уровне, кто что сказал, как сказал, что подарил, как похвалил. Абе тотчас вскипел и всю дорогу горячо, запальчиво говорил о том, как эти двое – Олжас и Ануар – столько-то лет его травили, преследовали, строили повсюду козни, и обстоятельно пересказал мне события разных лет, при которых его невинно оскорбляли. Тут я опять сказал: «Еще неизвестно, кто по этой части больше преуспел». Абе завелся вновь со страшной силой, обрушился на меня. Свирепея, говорил, что они подлые, грязные интриганы, паскуды, мерзавцы… «да простит меня его прах!» Я сказал: «Ведь завтра, когда Вы умрете, тоже найдутся люди, которые также хлестко скажут о Вас». Он и вовсе вышел из себя, сказал, что никто не посмеет, ибо он был честен, заботился только о литературе, везде и всюду пропагандирует Абиша… Так мы и дошли до Минюста.

5.05.95.

Был у Абе. Он оживлен. Весь в делах и планах. В «Новом поколении» вышла его речь об Айман Мусаходжаевой. Там его назвали «корифеем казахской литературы». Он внимательно прочитал свое выступление и, заметив, что в одном предложении выкинули второе «редко» (для усиления!) заматерился по-русски в присутствии Ажар. Потом рассказал о своей обиде на Абиша, пожурил Зеке за многословность и краснобайство, пожаловался на одиночество. А сам готовился идти на прием ветеранов в мэрию и в посольство Израиля. Ничего себе одиночество! Он заметно стареет, но глаза поблескивают, зрачки шныряют, как мышата. И еще он собирается в Германию и Чехию. И при этом непременно с внуком.

11.06.95.

Гулял немного с Абе. Он дурака валяет в больнице. Проходит совсем не нужные ему анализы и осмотры. Вид у него тусклый, серый. Старичок-сморчок. Настроения, мол, нет. Все вокруг не по душе. К Президенту попасть не может. Дела не идут. За стол садиться нет желания. Книгу закончить никак не может. Никто его роман переводить не желает. Бәрі талапсыз, алдына мақсат қоймайды. Кодаров не звонит. Он сразу потребовал договор. Не понравилось Абе, что я разгуливаю с Моргуном. Потому он

понес всякую ахинею, говорил при нем банальности тридцатилетней давности, перебивал его бестактно, вел себя мелкоэгоистично. Моргун деликатно помалкивал, вскоре простился, а Абе продолжал дальше ворчать. «Почему ко мне не приходишь? Я ведь в больнице. С хохлом сидишь... Где переводчика найду?» Слушать это старческое нытье было малоприятно. Обо всех он говорил дурно.

6.08.95

Разговор с Абе. Я сказал, что хватит дурака валять. Дни уходят. Надо книгу закончить, а не убивать время на всякую мелочную чушь. Отступать-то некуда. Он, вздохнув, согласился. Он и сам огорчен тем, что жизнь уходит зазря. «Отырам енді кітапқа. Болмайды». Есть у него еще замысел: после завершения книги написать эссе о Муканове, Мустафине, Ахтанове. Сказал, что читает мою книгу и чувствует неловкость от того, что «Постскриптум» написал не сам.

9.08.95.

Утром готовили речь Абе на банкете. На разных клочках записал он какие-то дряблые фразы, и из них мы компоновали речь. Дня два он над этим работал. Наконец что-то сварганили. Он без конца спрашивал: «Қалай? Дұрыс шықты ма?» Читал раз и два. И три. «Осы президентке көпшікті дұрыс тастадық па?», «Қалай шықты?», «Түсінікті ме?», «Әлде баса айту керек пе?», «Әлде многоуважаемый президент!» деп мына жерде тағы айтсам ба екен?» И я раз, и два, и три, и десять раз уговаривал, утешал все: «Дұрыс қой. Жарайды. Енді осыдан артық не керек?»

Наконец успокоился. Съездили в СП. Гульсум отпечатала его двухминутную речь на листочках продольно, как он любит. «Осыны қайта карашы. Қатесі бар ма екен? Мүмкін бір-екі сөзін мықтыларсын». И по дороге он только и делал, что думал об этом. «Э, мейлі. Жазушымын ғой. Қағаздан оқып берермін...» – «Ия, сөйтесіз ғой».

Вечером на правительственном банкете я смотрел с балкона, где усадили нас. Едва усевшись за стол посередине, Абе опять лихорадочно начал читать про себя свою речь. Уже и Президент выступил. И вице-президент. И Федерико-Майор. А Абе все читал свою речь, потом попросил у соседа ручку, что-то поправил в тексте, потом подошел к Айтматову, потом через весь зал отправился еще к кому-то... Потом я уехал с банкета. И выступил Абе или нет – так и не знаю.

15.08.95.

Абе, позвонив утром, сделал попытку меня «утешить», сказав, что в романе Тлегенова и он, мол, изображен в черном свете. И, дескать, ко всем этим статьям, шельмующим меня, можно отнестись по-разному: «Мэн беруге де болады, қолды сілтеуге де болады».

И укатил Абе к своему сыну-внуку в Нарын.

21.08.95.

Потом съездили с Абе к Сужиковым выражать соболезнование по поводу кончины Марата (63 года). Но отца его – Муха – не застали. Приехал измочаленный от всех этих печалей. Абе сказал: «Остались мне два мероприятия – на свадьбы ходить и похороны».

26.08.95.

Утром позвонил Абе. В общем похвалил мою книгу «Земные избранники», однако пространно говорил о ее недоделках. Дескать, там, где надо было развернуться, я скомкал, мало философии, не хватает глубины проникновения, все надо бы сделать основательней, надо было рукопись давать на чтение; я, Абиш и Ахтанов, мол, придерживаемся ошибочного метода, пишем и никому не показываем, не считаясь ни с чьим мнением, тотчас публикуем. Я спорить не стал, сразу согласился, тем более, знаю, Абе до конца не читал. И вообще Абе в состоянии читать только себя; когда он читает остальных, он видит сплошь недостатки. Еще он сказал, что намерен пойти к Тасмагамбетову и напомнить ему, что надо бы както отметить и тех, кто писал об Абае, издал книги, а не только тех, кто скакал в байге и орал в айтысах. Тут он, конечно, прав, но до этого сознания не доросли наши близорукие правители.

27.08.95.

Вечером зашел Абе. Возбужденный и отрыгивающий шампанским. Был якобы в гостях у какого-то японца. Мается мужик, не находит себе места. Более часа играл в шахматы абсолютно беспомощно. Высказал свою злобу к Солженицыну, заметив, что он пишет, как Калмухан. Принес он № 8 «ДН». «Әдебиет осымен бітті ғой...» Действительно, номер тощий, блеклый, худосочный по содержанию, редактор уже не Пьецух, а Эбаноидзе.

1.09.95.

Утром звонил Абе. В три часа дня должен лететь. Ему тоже плохо. Звонил с дрожью в голосе. «Осы жолда өлетін адамдар болады ғой...» И коротко рассказал, какие заботы гонят его в путь. Памятник Ахтанову: «Нужно отдать последний долг». Туыстардан адам қалған жоқ. Шешемнің орны табылып қалды. Басын қарату керек. Еще у одной родственницы две коровы, а кормов нет. Словом, надо в Актюбинск, оттуда – в Челкар, потом – в Аральск. «А вообще-то печально, бала...» И голос его дрогнул.

Мне все это не понравилось. И я, малость отлежавшись, потащился к нему. Поговорили о том о сем. Даже в шахи поиграли. Я видел, что Абе просто хочет отделаться от дурных мыслей. Потом он попросил, чтобы я проводил его на аэропорт. Но я не мог...

13.09.95.

Попросил Абе перечитать его «Кровь и пот». Дескать, много времени прошло. Жизнь изменилась, ситуация другая, мы изменились. Надо удостовериться, что, собственно, он написал... Видно, этот вопрос его весьма волнует. Останется его главное произведение или... Я обещал прочитать зимой. Он попросил: очень внимательно, с карандашом.

24.10.95.

Вечером съездили с Абе на встречу с Тохтаром Аубакировым. В Центральном музее по линии «Мир через культуру». Был хороший концерт. Потом встреча – «Откровение». Тохтар был хорош, и встреча удалась. Только Абе был не в духе, смотрел хмуро, уснул, зевал, весь скукожился, ежился и, едва закончилась беседа, не прощаясь, не оставаясь на фуршет, ворча, бурча, ушел, увлекая и меня. Получилось некрасиво. Ему не понравилось, что Тохтар тепло говорил о своей жене, а Абе ее где-то видел, и она ему очень уж не понравилась. «Мало ли что? – возражал я ему. – Может, о наших женах говорят еще хуже?» «Нет, – ответил он. – Тоқтардың қатынының қасында біздің қатындарымыз Қыз Жібектей». Его раздражало, что его усердно снимали, пока он спал, открыв рот и вобрав голову в ворот куртки. На первом ряду почтенный аксакал сидит в почетном кресле и спит, когда кругом все живо внимают рассказу Тохтара, улыбаются, смеются. Но причина дурного настроения Абе, думаю, другая: когда объявляли присутствующих почетных гостей, его назвали последним – «народный писатель Абдижамил Нурпеисов». До него назвали академика Султангази-

на, Ш. Валиханова, еще кого-то, еще некоего Кулбаева, меня, а заключили Абе. Конечно, это было бестактно: самый старший, самый именитый и вдруг в конце списка. Для казаха это ужасно. С этого момента Абе и сник.

4.11.95.

Трижды звонил Абе. Серьезно обеспокоился моим физическим состоянием. Убедительно и долго внушал: надо лечь в больницу. Надо спасать остаток здоровья. Нужны анализы. Еще сказал, что у него надежными друзьями остались лишь я и Калтай. Попросил: не валяй дурака, работай умеренно, позаботься о здоровье, нельзя себя так гробить. Ты, мол, нужен. И любят тебя многие. И среди казахов, дескать, популярнее тебя человека нет. Говорил так, что я растрогался. А он закончил: больше на эту тему говорить с тобой не буду...

2.01.96.

Вечером час гулял с Абе. Впереди нас плелась пожилая пара. «Вот наша перспектива», – сказал Абе. Поговорили о безрадостной старости, которая нас ожидает. Я сказал, что мне все равно прозябать в доме престарелых. Абе дал совет: надо накопить денег, чтобы ты мог нанять человека, который бы за тобой ухаживал. Я сказал: как накопишь? Во-первых, денег нет; во-вторых, накопленное тобой отберет государство. Пришли к выводу, что в любом случае конец печален.

28.01.96.

Звонил Абе. «Скучно, – говорит. – Веселья нет. Никто на чай не приглашает, никто в шахматы не играет». Намек я понял. «Да, – сказал я. – Не до этого...» Иногда я думаю: если бы Абе предлагали брать все, что он пожелает, он наверняка, не задумываясь, взял бы банк, Академию наук, Президентский дворец, Оперный театр, аэропорт, почту, автовокзал, какое-нибудь море и океан в придачу. И сказал бы: все это нужно для ПЕН-клуба. Уникальная личность!

4.02.96.

Звонил Абе. Хочет мне дать свой роман на прочтение. Трогательно говорил, что сделал все, что мог. И лучше уже не может. «Экологияның қасіреті, азабы, қорлығы, зорлығы, қайғысы, мехнаты, қиянаты – бәрін көрсеттім ғой деймін. Бұл соңғы жұмысым. После этого ухожу совсем». Голос его при этих словах дрогнул. Очень хочет, чтобы я его прочел. И я

знаю: он ждет от меня и объективности, и одобрения. Объективности – можно, а вот одобрения – боюсь, доставить не могу. Слишком долго – 20 лет! – он этот роман мурыжил. И в нем мало живой крови. Просто стилистическая изощренность усталого и сытого человека. А сытость (особенная душевная) для прозы – отрава.

5.02.96.

Абе занес 100 стр. своего романа. Ему не терпится, чтобы я его скорее прочел. Сам он, чувствую, весьма доволен своим сочинением. Я – как бы ни хотел – не могу разделить его мнения. Но из тридцати страниц, которые успел прочесть сегодня, добрая половина посвящена тягомотному описанию пьяной выходки героя. Не знаю, меня это никак не греет.

1.05.96.

Часа три был у меня Абе. Прочел ему страниц шесть перевода Айтекеби. Долго играли в шахматы. Случайно набрели на тему Солженицына, и Абе рассвирепел. Сказал: «Он не писатель! Хайуан! Все земли ему мало! Я бы его растерзал. Разорвал бы его волосатую пасть и набил бы ее казахской землей. Чтоб он нажрался! Подавился! Кто ему дал право о народах судить?! Хайуан! Сволочь! ..... мать!» Я его пытался было успокоить, сказал: «Да, в этих вопросах А. И. совершенно не прав, но надо помнить и о его заслугах...» Абе вновь взвился: «Какие заслуги?! Что он сделал? Распутин выше его! Никакой он не писатель! Хайуан!»

Лишь своим молчанием я успокоил Абе. Продул он все партии. В голове одна дума: как бы раздобыть еще 45 тыс. долларов? У кого?

Вот я и думаю: если бы он эти сотни и сотни тысяч долларов бросил на литературу, не выгоднее разве было? Что литература будет иметь от кафе, офиса, мебели, оборудования? Да ничего! Все уйдет в чужой карман. А литературе и литераторам достанется пшик. Надо бы давно остановиться, но Абе уже безнадежно отравился этой заразой.

12.05.96.

Вечером звонил Абе. Поздравил (с натягом) с премией. Долго говорили о том, что премия накладывает на меня еще большую ответственность, чтобы я срочно подготовил перевод Айтеке к печати. Надо, мол, доказать обывателям, чтобы комар носу не подточил. Я сказал, что не надо спешить и ничего доказывать не надо. Перевод Айтеке пусть со-

зревает. А предложить можно мое эссе. С этим он согласился, но начал с жаром доказывать, чтобы я в статье делал ссылки на Назарбаева, сказал о нем теплые слова, что верхи якобы и так недоумевают. Надо, мол, воздать должное Назарбаеву, это нужно и для общества, и для ПЕНа, надо проявить гибкость. Мне было неприятно слушать эти назидания, но благоразумно промолчал.

18.05.96.

Утром еще до восьми примчался Абе. Он явно взбудоражен. Проблем много. И денег уйму доставать надо, и встретиться с разными шишкарями. Физически чувствует себя плохо. Посидел, чай попил, нателефонился всласть, речь свою прочел и поскакал дальше.

30.05.96.

Сегодня Абе показал мне с Дулатом том «Крови и пота», испещренного исправлениями. Это у него 13-е издание. «Большевик пен орыстарды аямаған екенмін. Көзім соған жетті». Абе и странен, порой несносен, и, в сущности, одинокий и несчастный человек. На старости лет характер его и вовсе становится вздорным и мелочным.

6.06.96.

Я говорю о моем тяжелом физическом состоянии, Абе пугает, что я кончу инсультом, инфарктом, что буду, как Ахтанов, живым трупом, что надо лечиться, беречь здоровье. И тут вопреки всякой логике вновь начинает валить на меня задания, катить на меня бочку, нудить, цепляться к словам, упрекать, что я не делаю перевод Айтеке, что не сдаю рукопись, что у Дукенбая, дескать, за последние три года вышли три книги, а у него, Абе, ни одной и т. д. С большим трудом заканчиваю этот дурацкий разговор, а сердце щемит, немеет, в голове сумбур.

13.07.96.

Вечером втроем – Молодов, Абе и я – походили возле Чокана. Абе вспомнил покойников, еще недавно толпами ходивших по этой улице: Ахтанова, Сокпакбаева, Алимжанова, Шарипова, Мауленова, Даирова, Клышева, Дуйсенова и других. Я сказал: их хоть помнят, поименно вспоминают, а нас троих и вспоминать некому, ибо больше никого не осталось, разрыв какой-то, никто из молодых с нами не ходит, мы последние.

Молодов хохотал. А это действительно так. Мы – последние. О нас и говорить некому.

21.08.96.

Подвело меня сердце. Вышибло из активной жизни. Хоть плачь... Пошли с Абе к памятнику Чокана. Не дошел. Проснулась грудная жаба. Абе сразу встревожился, схватил меня под руку, огорченно повел домой. «Ты не поезжай в Кастек», – сказал он. «Да... Видно, той Жаке (Джамбул) пройдет без меня».

25.08.96.

Звонил Абе: вымучивает речь о демократии для выступления в Минске. Крутит пустыми словесами, не имея конкретных мыслей. Первые два-три предложения мусолит уже третий день, а они не что иное, как банальный штамп. Абе часто выдает трюизмы с претензией за свежую истину. Литератор должен работать постоянно. А Абе два месяца занимается ремонтом по дому и один час сидит над бумагой, конструируя мертвое предложение.

14.10.96.

Утром, вернувшись из Кызылорды, тотчас позвонил Абе. Поинтересовался моим здоровьем. Я сказал, что радуюсь, когда он в городе, будто в моем кармане надежный нитроглицерин.

11.12.96.

Зашел Абе. Несколько встревожен. Доклад его вчера обрывали. Раздавались хлопки. «Осы жауларым көп қой деймін...» Вообще-то я это ожидал. Оратор никудышный. По бумажке читает тоже плохо. А главное – нудно, тягомотно. К тому же предмет не знает. А претензии велики.

19.12.96.

После заседания в Парламенте Нурпеисов повез меня и Симашко в кафе «ПЕН» пить чай. «ПЕН» – слабость Абе. Он возродил это кафе, вложил в него душу, время, старания и хлопоты, потому чувствует себя счастливым владельцем, все внимательно осматривает, все подмечает, всем дает указания, делает замечания, наслаждается ролью хозяина. Вытащить его из кафе трудно. Сидит, млеет, чай попивает, блаженствует. И все его думы только о кафе, вокруг кафе. Что бы еще достать, кого бы еще

объегорить, что бы еще оттяпать для своего любимого детища? Такая вот слабость...

26.01.97.

Звонил Абе. Его грипп обернулся воспалением легких. Завтра ложится в больницу. Говорил долго о недостатках «Аңыздың ақыры» Абиша. Об этом он и раньше не однажды говорил. Считает, что Повелитель не живой, а просто резонер. Отсюда начало романа – просто статья, публицистика, философские рассуждения. Әмірші жоқ, тірі емес. И вообще, есть, мол, излишества. Если бы их убрать и оживить Әмірші, получилось бы гениальное произведение. Так рассуждает Абе.

6.02.97.

Позвонил Абе. Он полностью выздоровел. И завтра летит в Аральск. По его словам, он решил первую книгу не редактировать, а полностью переписать. «Көп жерін, қанша жақсы жазылса да, тастап отырмын. Бір тарауын – 15-16 бет – түгелдей алып тастаймын. Все! Бастан-аяқ қайта көшіремін. Өзімнің дүнием ғой...»

Таков Абе. «Сен күлме», – говорит.

13.02.97.

Вчера Абе был активно настроен на работу. Обосновавшись в Доме отдыха, разложил с вечера бумаги, рано лег спать, чтобы до зари приняться за дело. Действительно, встал в 4-30, помылся, сел за стол. Но уже через полчаса начал зевать и снова лег. Утром, в 9-м часу, звонит: работа не идет. Видно, перестроиться надо, все-таки возраст, день-другой надо отсыпаться. Минут через десять звонит еще раз: дает наставление по ПЕН-клубу. Потом звонит еще: слушай, в час дня Ерлан дает банкет в «ПЕНе», может, поедем вдвоем, а? Я решительно отказался. Потом позвонил еще: сообщил – холодновато, все тускло, постель не та, телефон не отключается. Словом, не может настроиться на работу. Его сейчас хоть на Луну отправь, работать не будет. Ибо он весь расслабился, кроме честолюбия, ничто им уже не движет. Плохому танцору, как известно, что-то всегда мешает.

7.04.97.

Вечером позвонил Абе. «Дүниеде не бар?» Голос подавленный, больной. «В чем дело?» – «Нездоровится. Весь день голова болит. Сейчас заедет за мной Раушан». Газет не читает. Радио не слушает. Телевизор не

смотрит. Что происходит вокруг – понятия не имеет. Сидит и переписывает в десятый раз свой роман.

29.04.97.

Утром, прилетев через Амстердам из США, позвонил Абе. Доволен. Катал его по городам Америки сын акад. Шарманова. Лицезрел достопримечательности. Получил приятное впечатление. Но больше всего радуется тому, что Артур обрел для кафе пивной аппарат и теперь на пиве намерен сделать кое-какие денежки. Вечером опять позвонил, хотел со мной съездить опробовать пиво, но у меня такого желания не было.

10.05.97.

Утром позвонил Абе. Видно, хотелось ему ко мне зайти на чай, но я сказал, что, отключив телефон и напрочь заперев дверь, намерен сегодня работать. «Ну как же? – говорит он. – Сегодня ведь праздник – День Победы». «Победа была вчера, сегодня – поражение», – ответил я. Он рассказал, что был вчера в представительстве Европейского сообщества, поговорил с министром иностранных дел Люксембурга, любопытным литератором. Речь якобы шла об Арале и Таджикистане. Просил министр «Кровь и пот» на немецком.

25.05.97.

Вечером часа два гулял с Абе. Он рассказал два военных эпизода. Точнее, один военный эпизод (под Сталинградом, когда его сватали в КГБ) и один мирный (когда он был у Чебрикова).

13.06.97.

Более двух часов гулял с Абе. На каждом втором слове зевает. Сладко, мучительно, со стоном. Говорю ему: во Франции сидели вы в президиуме и жевали жвачку, как аральский верблюд. Он добавил: «Как старый верблюд, жующий колючку». Походили-походили, вели совершенно пустой, беспредметный разговор. Газет Абе не читает, радио не слушает, по ТВ смотрит лишь боевики, питается крохами информаций с начальственных столов. Усталый, пресыщенный, почти ко всему равнодушный человек, которому лень даже зашнуровывать ботинки. В помятом, давно не стиранном турецком спортивном трико, нечесанный, небритый, в незашнурованных ботинках на босу ногу, еле-еле цедящий ленивые слова-пустышки, он побродил туда-сюда, лениво отвечая на приветствия знакомых прохожих.

20.06.97.

Абе затеял нудный разговор. Начал с того, что «сенің шаруаң бітпейді», что надо взять компьютерный набор первой книги его романа, сравнивая с новой казахской редакцией, тщательно выудить все поправки, сокращения и дополнения, подогнать к оригиналу, перевести заново все «заплаты». Потом он откажется от перевода П. Краснова, есть якобы его письменное заверение; книга выйдет дважды – в Москве и Алматы и т. д. У меня сразу вспыхнули уши, когда только представил, как Абе хочет незаметно пристегнуть меня к своей тороке и вытянуть из меня все жилы.

25.06.97.

Утром, совсем обескураженный, звонит Абе. Вот, мол, получил «ЛГ», а там одна треть площади посвящена памяти Окуджавы. Бұл қалай? Абе никак не возьмет в толк, почему ему такая честь. Қырылдаған жаман дауысы болатын, қырып салған прозасы жоқ, ақындығы шамалы. Он рассказал, как он выступал против присуждения Окуджаве госпремии в Комитете по премиям, раскритиковал его сборник, «орыстар мені жақтап, Окуджаваны өткізбей тастағанбыз», ал, Машбашты өткіздік. Оказалось, орысы расхвалили Абе за его выступление, называли его «совестью Азии» или «Востока», поздравляли за принципиальность. Бұл қалай? – недоумевает Абе.

Спорить с ним не хотелось. Прелесть и мудрость Булатовских слов ему не доступны, как и большинству азиатских образованцев. Вон Хомейни на вопрос: «Как он относится к Бетховену и Шостаковичу?», говорил, что он таких не знает.

– Ну, и кто знает Машбаша? – спрашиваю.

– Никто не знает, – согласился Абе.

– А Окуджаве аплодировали всюду. И он мог выступать перед многотысячной аудиторией.

27.07.97.

На заседании ПЕНа решили обратиться с письмом в Кармет (сочинять его, как всегда, должен я, Симашко также приложит руку), сдать в наем второй этаж офиса, а кафе французам пока не давать.

В заключении поужинали, распили еврейский бренди из Израиля, поговорили и в 10-м часу разъехались. Посиделки были отменные. Вел вечер Абе, о каждом из нас говорил добрые, проникновенные слова; рассказал о своих снах – видит во сне Мусрепова, Ахтанова; поднял тост за единомышленников. Приятный был вечер.

29.07.97.

Потом с письмом отправился к Абе. Он был в стеганых зимних брюках, в пуховой шали, в толстом халате; на голову намотал женский плат. Вид хмурый. Рядом стояла Ажар, тоже взъерошенная. Абе работал; переписывал какие-то куски первой книги. Показал истерзанные после компьютерного набора страницы. Письмо мое он прочел и сказал: «Болванка отличная. Можно б было отправить и так, но с учетом того, что во главе «ИспатКармета» – иностранцы, далекие от литературных дел, то есть смысл кое-что уточнить и разжевать». После годичного перерыва дал ему четыре мата и отправился домой.

2.08.97.

Потом вместе с Абе погуляли более часа возле Чокана. Он раза три заговорил о моем переводе Айтеке, просил прощения за то, что так долго затянул, похвалил перевод (год назад он отозвался о нем сдержанно), набросал две страницы предисловия к нему, сказал, что после моего приезда из Ташкента вернется к этому делу, предложит мой перевод с его предисловием «Каз. правде». У Абе порой семь пятниц на неделе. То ему что-то нравится, то нет.

4.08.97.

Утром вздернул мои нервы Абе. Ни с того ни с сего, грубо и бестактно, а главное – несправедливо обрушился на меня из-за того, что я не расколол Фонд Сороса на компьютер. Разговор этот он затевает в десятый раз и все более агрессивно. Я вспомнил реплику Ахтанова: «Абе, что бульдог – ұстаған жерінен айырылмайды». Я тоже отгавкался, почувствовав однако, как заколотилось сердце и кровь бросилась в голову. Пришлось принять коринфар и часа на два прилечь.

Вечером позвонил Абе, просил извинить его. «С моей стороны это было настоящим свинством... Я совсем забыл про твое состояние... Что поделаешь, собачий характер... телефон не отвечал... я уж собирался пойти к тебе...» – «Ладно, – сказал я. – Өтті-кетті...»

Вечером, уже в 9, он пришел к «Чоканке», и мы походили, обсуждая последние политические сплетни.

7.08.97.

Абе жалуется на апатию: чувствую, мол, себя утлой лодчонкой без руля и весел. Полное разочарование. Раздвоение. Лучше ничего не знать,

не читать, не слышать. «Е-е... ақыл кірейін деген екен сізге...» – заметил я. «Солай... Бірақ көптен бері».

1.09.97.

Утром звонил Абе. Сказал: «Саған үлкен ренішім бар!» Я подумал, что теперь опять начнет сетовать на то, что я его не читаю, не перевожу, и предложил об «реніше» поговорить позже, но оказалось, он меня разыгрывал: «обижался» он на то, что я до сих пор не читал уникальнейшую поэму выдающегося поэта современности Шаханова, опубликованную недавно в «Каз. правде». Мы от души расхохотались, ибо ничего более глупого и претенциозного и представить невозможно. Выяснилось, что Абе таким же образом разыграл Кабдолова, а меня долго разыгрывать он не осмелился. Сам он работает с подъемом, якобы по одиннадцать часов в сутки.

4.09.97.

«Торжественно докладываю, что вчера в районе пяти часов окончательно закончил свою книгу», – доложил утром Абе. Он поведал мне по телефону, что ему очень хорошо работалось, что ему предоставили исключительные условия, что он испытывал подъем, близкий к вдохновению, временами казалось, что ему кто-то диктовал; три главки он написал за два дня и при переписке почти не внес исправлений. Но ни один журнал не сделал предложения о публикации, и теперь назло и он никому предлагать не будет. Всякое дерьмо печатают, а у него даже не спрашивают. Ну и пусть! Ешкімге бермеймін. Ну, ты прочтешь и сам убедишься, что лучше ничего я не написал... Далее он говорил, что пишет предисловие к моему переводу, что скажет о казахском языке, о «Жеті жарғы», разоблачит всех этих «олжасов, ардайчиков, масанчиков, алимкульчиков, сулеевых», скажет то-то и то-то. Их нужно, мол, пригвоздить к позорному столбу. Я усмехнулся: «Е-е, Абе, айтылмай жүрген мәселе ме?!» Он вознегодовал: әлі де айта түсу керек!

9.09.97.

Звонил утром Абе. Он еще в санатории. Сегодня последний день. С увлечением поведал о том, что книгу закончил, ее набирают на компьютере, скоро он представит первую часть. Он уверен, что сделал хорошо, но внес много стилистических поправок, что-то убрал, что-то добавил; естественно, он хочет, чтобы я, все тщательно сопоставив, привел в соот-

ветствие с новой редакцией русский текст; повторил, что переводчиком буду указан я, что будет гонорар и т. д. Меня это не обрадовало. Связываться с Нурпеисовым само по себе гибельно; я не успеваю завершать свои дела (за зиму надо было хорошо продвинуть повесть); а главное – текст Абе меня не греет: он мертв, как латынь. И оживить его по-русски невозможно, а, может, мне не под силу. Отказывать же ему трудно. Неприлично, неблагородно. Мне бы было больше по душе, если бы он скреб свой опус еще лет десять...

Еще он сообщил, что пишет статью о языке, о президентском окружении, о тяжелом положении аула. Дескать, хочет прямо сказать, что Президента во многом поддерживает, но в кадровом вопросе и в политике по сельскому хозяйству его точку зрения вовсе не разделяет. «Осыны ашық айтам да, Үлкен кісінің өзіне барамын». По обыкновению, он свои мысли фиксирует на клочках – неуклюже, коряво, бессвязно, потом компонует их, сорок раз перепишет, изведет Симашко и меня, изнасилует русский язык и выдаст нечто такое, о чем прожужжал всем уши давным-давно третьестепенный журналист. Публицистика Абеге қол емес. Нет ни острого пера, ни дельных свежих мыслей. Весь пар у него уходит на языковые выкрутасы. Помнится, Аскар говорил об Абе: он тужится, хочет рожать, но ребенок еще не зачат.

16.09.97.

Звонил возбужденный Абе. Оказывается, насел на Дильдяева, убедил его, что нужно дать мой перевод бия Айтеке с моим же предисловием (более 18 стр.), а на другой день дать его послесловие (стр. 9-10). Мой перевод давно готов, я его еще раз прочел, внес пару исправлений. А вот материал Абе еще сырой, его нужно редактировать, выправлять, чтобы довести до кондиции, над ним должны корпеть еще два Симашко и трое Бельгеров.

Вечером Абе опять завел разговор о необходимости работы над его книгой. «Журналыңды таста деп айта алмаймын, бірақ қалғанның бәрін таста». Я ему возразил: «Мендегі уайым жалғыз журнал ма екен? Соросты қайда қоясың? Романымды қашан жазам? Ондаған мақалаларымды кім жазады?!» Он потемнел лицом. Ему это совсем не понравилось: какие еще романы, когда дело идет о его романе?! А перед его романом все остальное бледнеет. Мне действительно сейчас не до него. «Мен неге биыл қатты жұмыс істедім? Өліп кетемін бе деп қорықтым», – доверительно сообщил Абе. «Мен де инфарктан кейін өкірте істедім», – сказал я.

17.09.97.

Утром по телефону решил кое-какие делишки и отправился к Абе: более трех часов мурыжил его статью, привел ее малость в божеский вид – русская орфография и синтаксис для Абе абсолютно чуждые элементы, зато мастер нагромождать слова, через которые продираешься, как через дикие заросли, с трудом вникая в смысл. Статья большая, местами банальная, верноподданническая, со всякими реверансами, оглядчивая, но с претензией на смелость. Впрочем, от Абе большего требовать нельзя. Он был всегда в тени высокого начальства.

28.09.97.

Абе снова завел разговор о переводе его книги. В мои планы никак не вписывается. Опять-таки я ради Абе должен жертвовать собой. Ну, месяц я как бы посвятил. «Нет, – сказал Абе. – Минимум три месяца». Я-то понимаю: получится все шесть – при этом нервные, тяжкие, изнуряющие. Беда! А я хотел за зиму подготовить две рукописи. И на шее у меня еще «Феникс». И самому ведь надо что-то писать. Не знаю, как быть... Жизнь уходит не на то. И Абе отказывать сложно.

3.10.97.

Обратно – по предложению Абе – мы пошли пешком. Он затеял разговор о том, как казахи и власть его третировали в дни юбилея Ауэзова, всячески его отстраняли, оттесняли. Обиду, по его словам, он к сердцу не допустил, однако, чувствуется, задет за живое.

Ему должны были поручить открытие большого собрания; он – а никто другой – должен был открывать юбилей и предоставлять слово другим. Вместо этого все эти нурланы сами открывают, сами говорят, сами тотчас выдвигают вперед Чингиза. Обошли, затерли его всюду, сознательно, демонстративно. И Зейнулла подзуживает: апырмай, сенен басқа кім бар қазір?! Но Зеке это говорит в глаза, а за глаза он поет совсем другое. И Абиш где-то расцеловал всех подряд, а когда черед дошел до него, то отшутился, целовать не стал. А Тулен еще выговаривает: «Почему Вас не было на банкете, на торжественном заседании во Дворце? Бастыки интересовались!» «Не фарисействуй!» – сказал я ему. Я знаю себе цену, – распаляясь, говорил мне Абе. Ладно, Бог с ними, я все эти выходки казахов к сердцу не подпускаю... Но ни Ауэзов, ни Муканов нигде никогда своей доли не упускали...

7 октября 1997 г.

Вечером провели в ПЕН-клубе акцию награждения, точнее, вручения премии Зейнулле Кабдолову. За мной заехал Абе. Вечер получился теплый. Были пеновцы, журналисты из радио и телевидения, фотокоры. Толково выступили Абе, Булат Абилов (вежливый, интеллигентный, умный), аким Бостандыкского района, сам лауреат. Застолье было великолепное. Жигиты гудели хорошо. Я не пил и потому смотрелся белой вороной. Уехал в 9 вечера вместе с Жовтисом и Бадиковым. Многие еще оставались. Абе тоже пил молодечески. Обнимал, целовал, теребил меня, объяснял Тулену (Абдикову), что жизнь свою без меня не представляет. Абе иногда становится мальчиком. Тогда у него душа нараспашку, он стряхивает обычную скованность, становится необыкновенно добрым и сентиментальным. Еле вырвался из его объятий. В ударе был и Симашко, и Калтай, к компании пристал еще громила-американец, читающий лекции в юридическом университете по международному праву. Зеке вел себя солидно и достойно, пил со всеми, благодушествовал поджентельменски. Словом, было очень приятно. По-моему, все были довольны.

12 октября 1997 г

Воскресенье. Абе сообщил свои планы. На днях он выйдет из больницы. Неделю займется своими делишками. Потом отправится на день в Шымкент, оттуда – в Кызылорду, Челкар, Аральск, поставит памятники матери и еще кому-то, потом отправится в Актобе, где намерен дней 10-15 работать с Амантаем, потом, возможно, заглянет в Уральск. Таковы наполеоновские планы. Сомневаюсь, что бы он это осуществил. Максимум через пять дней вернется.

17 октября 1997 г.

Вечером, в начале седьмого, зашли мы с Абе выразить соболезнование Дмитрию Федоровичу Снегину в связи с кончиной его жены Александры Яковлевны. Дверь открыла нам средних лет женщина и провела в кабинет. Покойница лежала в гробу, убранная; несуразно длинная крышка гроба была прислонена к стене. Дм. Ф. сидел в согбенной, скорбной позе, совершенно отстраненный, в кресле у гроба и даже не сразу заметил нас. Потом обнял Абе, заплакал, что-то говорил, потом обнял меня. Мы сели с двух сторон и повели – как всегда в таких случаях – малозначительный разговор.

60 лет – без трех дней – прожили супруги. Сказав это, Дм. Ф. опять заплакал. «Простите мои слезы». Потом мы перешли в другую комнату. Еще с полчаса поговорили. Абе завел было разговор о предстоящем юбилее – 7 ноября Дм. Ф. исполняется 85 лет. Однако Дм. Ф. отмел этот разговор решительно. «Еще 40 дней не будет Александре Яковлевне, а я буду юбилейничать?! Нет, нет... Спасибо! Может, Бог даст, к весне». Абе с этим согласился.

18 октября 1997 г.

...Потом Абе зашел ко мне, немного озабоченный. Показал я свою рукопись «Тихие беседы», думал его заинтересовать, но он проявил полное равнодушие, даже заметил я досаду на его лице, дескать, какие еще рукописи, когда надо мой роман переводить... Но этого он не сказал, а заметил, чтобы уколоть: «а Айтеке?» Тут я ему показал и прочел отрывки из речи Президента в Ордабасы, после чего он сразу успокоился. А я втайне надеялся, что он скажет: «Для твоей рукописи я спонсора найду». Ему это ничего не стоит. Но он промолчал, отмахнулся. Мои писания его не интересуют; на первом месте у него свои дела: он хотел бы, чтобы я был лишь его редактором и переводчиком. Жаль... Расчет на него не оправдывается.

22 октября 1997 г.

Утром звонил Абе. Удручен: финансовые дела в ПЕН-клубе отчаянные, не знает, как выбраться. Хотел было у Храпунова выпросить два миллио

4 ноября 1997 г.

Часа два был у Абе. Сочинили письмо-поздравление новой президентше международного ПЕН-клуба. Составили списки и макет билета членов ПЕНа.

7 ноября 1997 г.

Абе пишет что-то о Кайсыне Кулиеве, и начальные фразы прочел за день раз пять. Оказывается, Кайсыну 80 лет.

8 ноября 1997 г.

...Итак, идея, впервые прозвучавшая весной 94 года на заседании Нац. совета по госполитике, за которую мы все проголосовали, убежденные, что это случится лишь через многие годы, идея, которую большинством голосов поддержали потом депутаты 6 июля 1994 г. (я голосовал «за» и помню все детали), свершилась сегодня. И я могу гордиться тем, что эта акция прошла на моих глазах и даже с некоторым

моим участием. Государственные символы передали, новую столицу провозгласили. Думаю, в Казахстане начинается новый этап. Хуже, лучше – не о том речь. Главное – другой. Многое я вчера ощутил. Глядя на Абе в засаленном костюме, в заляпанных грязью ботинках, нечесаного, лохматого, чем-то внутренне настороженного, ощетинившегося, я вдруг остро понял, что это поколение (и я в том числе) – материал отработанный, новой столице, новому Казахстану уже не нужный. Многие из этих знатных, именитых людей (писатели, артисты, ученые и т. д.) должны уйти с арены. Все они – в прошлом. В новой столице должны всплыть новые люди. Я лично к этому отношусь спокойно абсолютно. Наоборот, рад, что удалось, так сказать, в здравии дойти до этой межи, сказать старому, бывшему, прошедшему: «Прощай!», а новому, неведомому, грядущему: «Здравствуй!»

11 ноября 1997 г.

Абе улетел в Нальчик, а через Раушан он передал текст первой книги. Одолел 25 страниц. Все то же, только немножко короче. Много энергии и сил тратит Абе впустую.

17 ноября 1997 г.

Абе находится в Москве, а собирается в Актобе. Думаю, там он задержится недолго.

18 ноября 1997 г.

Уже в 8 утра Абе оказался дома. В Москве он был сутки. Встретился с Теракопяном, Удальцовым, Мансуровым. Самолета в Актобе не было, и он махнул домой. Юбилей Кайсына ему не понравился: сплошной словесный понос, кавказское словоблудие.

За день закончил читать роман Абе. Все знакомо. Только ошибок наделал еще больше.

19 ноября 1997 г.

Абе полдня провел в больнице. Наведал Тасмагамбетова, Зейнуллу, Еркегали, еще ряд знакомых.

24 ноября 1997 г.

Абе собирается в Актобе, но через Шымкент и Кызылорду.

26 ноября 1997 г.

Днем был Абе. Завез № 1 «EL» с моим интервью на весь разворот под рубрикой «Личность» с двумя фотографиями. И еще передал Абе приглашение Зейнуллы и последний № альманаха «Жалын».

...После обеда Абе вылетел в Актобе.

12 декабря 1997 г.

...Часов в 8 вечера позвонил Абе, поинтересовался моим состоянием (с утра давление было 201/106). С таким давлением я съездил с Абе на торжество Зеке и даже выступил... Юбилей Зеке прошел, по-моему, весьма на уровне. Издано к юбилею несколько книг. Вообще здорово.

Завтра с утра спецрейсом летит в Акмолу большая группа ығай-сығай, в т. ч. Абе, Симашко, Калтай, Госсен и другие. В Алматы туман, в Акмоле – снег. Завтра большой той.

14 декабря 1997 г.

Вечером от Карима узнал, что Абе объявился. Оказывается, часть тойщиков сидела в Шымкенте, а Абе и К° – в Жамбыле. Оттуда их вывезли на военном самолете.

20 декабря 1997 г.

На прогулке Абе долго рассказывает о достижениях Актюбинской области. Дескать, через год-два Актюбинск «рванет»: и тепло, мол, и скот сохранили, и электричество есть, и газ дешевый, и опять-таки нефть. Я выразил сомнение: дай Бог, конечно, но боюсь, не совсем так. Нет, уверяет Абе, аким показал мне график... Я напомнил, что лет десять назад Абе то же рассказывал о Кокшетау. Благоденствуя в санатории «Автомобилист», окруженный лаской и заботой местной власти, он видел сплошной рай. А что мы видим нынче на самом деле? Полный развал и бедствие... Два года назад о достижениях Кызылорды Абе со слов акима рассказывал лиро-эпический дастан. «О, жігіттер жұмыс істеп жатыр екен... Керемет! Айтатыны жоқ!» А что на самом деле? Беда в том, что Абе всегда льнет к начальству и воспринимает реальность их самодовольными глазами. Конечно, у начальства все есть, начальство благоденствует, и задурить ему голову старого литератора, который млеет от того, что его ублажают (резиденция, забота, дастархан, сауна, подарки, льстивые, сладкие слова), ничего не стоит.

Абе задумался и возражать не стал.

...Потом он более часа был у меня; я ему прочел свои воспоминания об Ахтанове – он хохотал до слез и долго рассматривал портрет Таха. Показал

я ему словник национальной энциклопедии, о чем он слышал впервые, хотя и является членом Главной редакционной коллегии. Показал ему и книжки тюрколога Алтая Сарсеновича Аманжолова, с чьим сыном, выяснилось, уже два года дружит Раушан...

24 декабря 1997 г.

Утром два с половиной часа был Абе. Говорил об «Анне Карениной», о «Қаралы сұлу» (заметил, что многие предложения у Ауэзова в этом рассказе построены по-русски, т. е. автор мыслил по-русски, а писал по-казахски).

25 декабря 1997 г.

Дважды звонил Абе: его забота – русский перевод своего романа. Чувствую: переводом Амантая не очень доволен. Щупает теперь Пака. Вчера спрашивал: в какой мере знает казахский язык сын Адибаева. Видно, хочет пощупать и его. На меня – он сам видит – надежды мало.

30 декабря 1997 г.

Съездили с Абе проведать мать Абиша. Она сломала руку. Держится молодцом. Как всегда, рассудительна, мудра, внимательно слушает, красиво говорит. В квартире тарарам. Часть обстановки Клара вывезла в Астану. В квартиру вселяется Аулет с женой (Зухра). Все милые, приятные люди. Посидели с удовольствием. У Абиша в Акмоле тоже стало лучше со здоровьем.

4 января 1998 г.

От Симашко вечером узнал, что Абе с давлением угодил в больницу. Ничего удивительного: почти неделю ходил по гостям (иногда два-три приема в день), естественно, переусердствовал. Попробуй в его возрасте по 9 часов сидеть за столом и все время есть и пить... Свихнешься!

5 января 1998 г.

Утром позвонил Абе: лежит с давлением, но уже лучше. Выдал сентенцию: «Мүмкіндік болса, больницаға жиірек жатқан дұрыс». «Боже упаси! – дедім. – Больницасы құрысын!» Ему так неуютно в семье, что он, бедняга, предпочтет лежать в больнице, где за ним есть хоть какой-то уход.

...После обеда были на заседании Совета Ассамблеи народов. Абе чувствовал себя не лучшим образом, глотал пилюли. Домой пошли с ним пешком.

6 января 1998 г.

Абе жалуется на головную боль, лежит в больнице. Абиш обещал написать предисловие к его роману.

9 января 1998 г.

Позвонил из Акмолы Абиш, минут пятнадцать говорил о романе Абе (о двух книгах), согласился с моими пометами, высказал две существенные претензии, сказал, что будет писать предисловие в общефилософском плане, не обращая внимания на отдельные огрехи. Сам чувствует себя более-менее. С давлением лучше. Но и жилье, и рабочее место пока временные.

17 января 1998 г.

Почти час говорил по телефону Абе: он вымучивает статью о Кенжегали (к его 60-летию). Сказать ему, собственно, нечего. Кенжегали он знает только по дастархану, вот и крутит словесами, выпячивая, главным образом, себя. Получается дрябло, малокровно. Беда в том, что Абе сам этого не замечает.

18 января 1998 г.

Воскресенье. Утром позвонил Абе. Очень ему хочется, чтобы я еще раз прочел его вторую книгу романа, а также перевод Пака и Амантая. Чувствуется, что он переводами не удовлетворен. Сообщил, как он работает с Амантаем. Тот, по-русски грамотный, переводит Абе, а вслед за ним Абе берет перевод и по-своему переписывает, редактирует и вставляет какие-то свои слова. При этом надо учесть, что по-русски Абе не силен, и что́ при таком переписывании он наворачивает, мне хорошо – по горькому опыту – известно. И то, что по наитию, приблизительно, на ощупь сотворил Абе, выправляет на русский лад еще раз Амантай. Такая вот метода, такая, с позволения сказать, продуктивность. Потом Абе этот гибрид-қойыртпақ предложит какому-нибудь «корифею» – в уме, знаю, он держит Распутина. А сейчас как-то незаметно ему, Абе, хотелось бы и меня пристегнуть к этой тягомотине. Но если ему это удастся – я пропал.

25 января 1998 г.

Абе сообщил, что мой перевод Айтеке будет опубликован в третьем номере «Дружбы народов».

26 января 1998 г.

Утром объявился Абе. Отвез Карима в больницу и зашел чай пить. Занес Библию (с готическим шрифтом), приглашение Анеса. Говорит Абе: бессмысленная жизнь, куда себя девать. Съезжу к Михайлову, завезу статью, потом заеду за Каримом, а потом что буду делать... А ведь так оно и есть. Деятельный по натуре, он вдруг везде и всюду оказался не востребован. И не находит себе занятия кроме того, как ходить по гостям.

6 февраля 1998 г.

Вечером председатель Фонда «Айтеке би» провел заседание в ПЕН-клубе. Был весьма богатый дастархан. Присутствовали: сам председатель, Косанов Аймухамбет, его секретарь Мейирхан Акдаулет, его помощник Рысбек, Абе, Симашко, Акселеу, я. Серьезно обсудили план книги о Айтеке би и вообще план работы Фонда. Наиболее глубокие, существенные предложения внес Акселеу. Умница, образован, масштабно видит и мыслит. По предложению Абе, Мейирхан и я стали составителями этой книги. Хлопот мне добавилось. Книгу задумали издать к Ассамблее – к концу апреля. Успеем ли...

9 февраля 1998 г.

К Абе приехал Амантай, начали они свою тяжкую работу; точнее, продолжают.

11 февраля 1998 г.

Утром – еще до восьми – позвонил Абе. Чувствую по голосу – настроение худое, чем-то озабочен. «У тебя есть русско-казахский словарь?» – «Есть». – «Хороший?» – «Мусабаева». – «Плохой, значит. А казахско-русский?» – «Есть». – «Большой?» – «Маленький». – «Чей?» – «Мусабаева». – «Плохой, значит...» После паузы: «Дашь?» – «Дам, но неохотно». – «Почему?» – «Во-первых, словари мне всегда нужны, а во-вторых, то, что вы берете, имеет обыкновение исчезать с концом». – «Верну». – «Когда?» – «Ну верну...»

Оказывается, он с Амантаем перебирается в квартиру Шуги, где собирается – без телефона – основательно поработать над переводом его романа.

Через часок приехал за словарем. В пальто, шапке, ватных стеганых штанах, хмурый, удрученный. Разговор происходит в прихожей на пол-

часа. Удручает его домашняя обстановка; плохо идет перевод, и со мной все неопределенно: буду переводить заплаты первой книги или нет? «Из Фонда Сороса ушел?» – спрашивает. «Нет, Сорос уговорил меня остаться еще на два года. Да еще председателем правления». Абе хмурится еще больше. Ему это не по нутру. Он хотел бы, чтобы я освободился от всего и занялся вплотную переводить его роман. Дескать, «ДН» просит, обе книги готова опубликовать. Очень бы нужно мое активное участие. А у меня то Сорос, то Морос. Да и работать могу только до обеда. Честно признаться: у меня и желания никакого нет корпеть над романом Абе, когда на собственные вещи нет ни времени, ни сил.

«Осы мен 75-ке қашан келем?» – спрашивает озабоченно Абе. «Э, келесі жылы келесіз де». – «Ойпырмай, жақындап қалыпты ғой...» Понятно, ему хотелось бы издать к этому времени и казахский, и русский тексты. Но все идет туго, тягомотно. Каждое предложение Амантая он переписывает заново, потом тот опять исправляет, редактирует. Можно представить, что из этого получается...

Вздохнув, посетовав на жену, на болезнь Карима, на житейские неурядицы, на низкий доход кафе «ПЕН», он уходит, прихватив три тома словаря.

Я помню: разговоры и возня с этим романом начались в канун 50-летия Абе. И тогда у него в гостях, в присутствии, кажется, Елеу Кушербаева (отца Крымбека), я пошутил, что роман Абе закончит наверняка к 60-летию. Абе обиделся и потом напомнил, что шутка моя, мол, неуместна. Теперь он подбирается к 75 годам, т. е. прошло четверть века, а разговоры и возня вокруг этого романа продолжаются и поныне.

14 февраля 1998 г.

Утром завернул Абе. В добром расположении духа. Доволен работой. Сидит с Амантаем по 10-12 часов. Ежедневно продвигаются по 3-4 страницы. За месяц намерены сработать полромана. Потом – после отдыха – предстоит якобы еще месяц работы. Абе нашел гениальный выход. Поскольку мое физическое состояние не располагает к работе, да у меня и желания-настроя нет толмачить «заплаты» к первой книге, Абе предложил сделать это Амантаю, если я согласен взять его в соперевод-чики (Краснова, мол, уберу). Я сразу согласился, лишь бы избавиться от муторной работы... И весь день живу под ощущением свободы. Теперь оставшиеся силы я потрачу на себя.

16 февраля 1998 г.

Абе агитировал меня, чтобы я непременно к нему заехал: ему не терпится прочитать мне страницу-другую их с Амантаем перевода. Я обещал заехать после шести, но не смог из-за высокого давления.

17 февраля 1998 г.

Утром звонил Абе, хотел меня в спешном порядке на полчаса прихватить, но я сказал, что спешка неуместна. Сам он занят книгой Шуги, ему необходимо непременно предисловие Аннинского. По-моему, работа его с Амантаем над переводом несколько застопорилась.

18 февраля 1998 г.

Утром неожиданно зашел Абе. Явно озабочен. Недоволен работой. И Амантай его уже несколько раздражает: чутья, мол, нет, и курит много, весь пропах табаком, рядом с ним и сидеть трудно, и спит много, хочет, чтобы Абе спал дома у себя, а не мешал ему и т. д. Как мне это знакомо! Конечно, с Абе работать тяжко. К тому же ему почудилось, что он по части русского языка сильно вырос. «К 80-ти годам совершенствуетесь окончательно», – неуместно пошутил я. Был он на полчаса, звонил, распоряжался, давал бессметные указания: заправьте машину, помойте ее, прихватите денег, привезите мяса, организуйте обед получше, заберите ребенка и т. д. У Абе столько повседневных мелких забот, что разве ему до усидчивой, тяжкой работы? Хорошо, что я вне этой игры...

21 февраля 1998 г.

Звонил Абе: часов восемь, как я и предполагал, пробыл на юбилее Сагадиева. Потом – на защите докторской Имангалия. Потом – на чьих-то поминках. Ходом работы он не очень удовлетворен, но – по его словам – «ничего». Амантай, мол, что-то умеет, что-то нет, только спит много. Абе, понятно, хотелось бы, чтобы Амантай корпел над его текстом днем и ночью и при этом испытывал постоянно творческое наслаждение.

26 февраля 1998 г.

Абе хворает, работа застопорилась. Он реорганизует ПЕН. Артур уходит в трест. Его заменит Раушанов. Сократят штат. Что за этим кроется – не понял. Абе уверяет: мало доходу. Люди не ходят в кафе. Может, и так.

8 марта 1998 г.

Звонил Абе: настроение кислое – работа идет туго. За весь день сделали одну страницу. Прочитал оригинал, потом – перевод. Мне показалось несколько скованно, напряженно. Нужно оживить свежими, точными словами. Нужен редактор. Я сказал о том Абе, он согласился. Все-таки в этом переводе чувствуется рука Абе, а он насилует русский язык, подгоняя его под свой казахский корсет. Нет легкости, изящества. Возможно, я сделал бы лучше, но лишь в том случае, если бы удалось одолеть назойливого вмешательства Абе. Вообще он зря лезет в свои переводы: слишком ограничены его возможности.

9 марта 1998 г.

Звонил Абе: ломает голову над одним предложением. Я предложил свой вариант. Работа с Амантаем идет туго. Тот по утрам принимает курс лечения.

17 марта 1998 г.

Собрал нас сегодня Президент, т. е. деятелей культуры, интеллигенцию. Человек сто, наверное. Говорил сначала на казахском полтора часа, потом, в конце, на русском еще час. Выступали, в промежутке Козыбаев, Байпаков, Нурпеисов, Абдильдин, Кабдолов, Жунусов. Сакен выступил блистательно, облачив острые суждения в балабольную форму.

21 марта 1998 г.

Утром с дрожью в голосе, возмущенно звонил Абе. Оказалось, он бушевал от ярости из-за третьего номера «ДН». Айтеке вообще не дали. Статью Абе обкорнали, убрали важную цитату Радлова. И Симашко не дали. А вместо этого подсунули писанину Мелехова, где якобы много оскорбительного в адрес казахов. Абе с напором доказывал дикость и отсталость русских, о чем мы, мол, нерусские, не говорим. Потребовал, чтобы я, как ара ағайын, немедленно это прочел, тоже возмутился и обрушился на этих клеветников. Я же про себя подумал: исправишь их!..

22 марта 1998 г.

Звонил Абе. Тоже жалуется на усталость. Понятно: был в гостях целых семь часов подряд. Осталось еще 40 страниц ему с Амантаем переводить. Дней за 15 одолеют.

26 марта 1998 г.

На совершенно дурацкое заседание в Агентстве по эмиграции и демографии убил три часа. Ужасно досадно! Сам председатель (Турысбеков) говорил очевидные вещи целых 1,5 часа (видно, подражает Президенту, а возможно, провинциальная привычка), потом говорили не лучшим образом Бибигуль, Абе, Абдильдин, Татимов, депутат Ыскак, еще кто-то... Понятие этих людей об эмиграции весьма смутное и приблизительное. Один ратовал за то, чтобы всем казахам дать статус беженцев, другой – репатриантов, третий – за запрет абортов, подсчитав, что тем самым можно увеличить казахов ежегодно на 136 тыс. человек. Слушать все это было тяжко. Более разумные вещи говорил Абе. Он – немного невпопад – обличал воровство и равнодушие казахских бастыков.

4 апреля 1998 г.

Звонил Абе. Тоже устал. Убедили его, что нужно кафе ПЕН-клуба перестроить, переоборудовать в ресторан. Тогда якобы будет заработок. Опять, говорит Абе, жылу жинаймын ғой деймін. Амал не? Павлодар, Қарағанды, Қызылордадан деп отырмын... Я вздохнул. Конечно, будет Абе просить; конечно, соберет «жылу»; конечно, переоборудует кафе, только какое все это имеет отношение к литературе, к ПЕН-клубу. Фактически ПЕН-клуб – призрак, видимость. Экономический придаток. Не так я все это представлял. Печально!.. Еще рассказал Абе о сыне Ленина от И. Арманд. Якобы в «АиФ» опубликовано это сведение.

13 апреля 1998 г.

Абе озабочен финансовым положением ПЕНа. Намерен добыть у начальства (главным образом, у областных акимов) тысяч 60-70 долларов. Опять хочет что-то перестраивать. Да и повара надо, мол, заменить, а повар требует 700 долларов в месяц. Все это удручает: никакой творческой работы, одна лишь добыча денег на бесконечные строительные дела. А денег, как известно, никогда не хватает.

16 апреля 1998 г.

...Через полчаса появился Абе, пожаловался на головную боль, попросил измерить давление. Оказалось: 164/102. Для него высоко. У него норма юношеская – 120/80. Взял у меня лекарство, позвонил куда-то, помчался дальше.

28 апреля 1998 г.

Звонил из больницы раза три Абе: он все переписывает русский перевод своего романа, что-то там сокращает, корректирует, вставляет какие-то словечки. По сути дела, напрасный труд. Поразительно: как это ему не надоедает! Пустые потуги. Неисправим!

7 мая 1998 г.

Вечером, уже в десятом часу, зашел Абе, занес сборник «Айтеке би», взял «XXI век». Посидел, поговорил, повозмущался по поводу переименования Акмолы в «Астану», вспоминал сюжетные линии «Крови и пота».

8 мая 1998 г.

Абе завез книгу Шуги (хорошо издано!), № 3 «ДН» и статью Шуги в ответ на очерк А. Мелихова «Патриот тысячи отечеств». Статью Шуги прочел. Неплохо, но излишне запальчиво; оскорбленная нападками Мелихова на казахов, решила тем же макаром оскорбить малость русских. Получается по принципу: «Сам дурак!» Начал читать Мелихова. Обычный русский взгляд на инородцев, но написано увлекательно. Надо дочитать.

21 мая 1998 г.

Звонил Абе. Он приехал из Астаны на крыльях: был у Абиша, Тулена, Байдильды, Оспанова, Кулагина, Абыкаева, прокурора, у Каримжанова, премьер-министра, Президента и т. д., съездил в Павлодар. Словом, обошел все высшие госчины, решил немало дел, и на людей посмотрел, и себя показал. По этой части Абе непревзойден. Начальство он обожает и использует его на всю катушку. Ни один начальник не сорвется с его крючка. По три шкуры с них спускает. Такой вот талант! Неслучайно Абиш назвал его однажды рэкетиром бастыков.

23 мая 1998 г.

Суббота. Утром был Абе. Попросил переделать «аден кумага»... Абе выразил восторг по поводу строительства в Астане. У Абе давняя слабость: он мир воспринимает глазами власть имущих. И тут он неисправим: так удобнее и выгоднее. Задним числом можно посмеяться над начальством, но это уже тогда, когда оно лишилось кресла и пользы от него нет.

27 мая 1998 г.

Звонит Абе. Он сегодня «достал» Храпунова и, по его распоряжению, добился стоянки, газона и чистки арыка. Он устал, но очень доволен. И еще он хотел меня обрадовать, ибо пять дней обитать в вагоне для меня физически тяжко. К тому же считаю, что такое отношение властей к интеллигенции не совсем порядочно...

С удивлением Абе сообщил, что Маканин получил германскую премию. Новость трехмесячной давности Абе узнал только сейчас. Я ему рассказал о множестве премий в России. Абе и понятия о том не имел. Я сказал: в отличие от Казахстана в России еще уделяют внимание творческим людям. Там уйма премий, стипендий и т. д. Для Абе это было неожиданно. Он склонен считать, что если власти приглашают деятелей культуры на презентацию, чтобы они прокантовались несколько дней в вагонах, то в этом и выражено благодеяние и милость к ним. Выяснилось, что у нас в этом вопросе разные точки зрения.

2 июня 1998 г.

Звонил Абе, довольный, радостный. В «Азии – экономика и жизнь» (№ 21) хорошо расписан наш сборник «Айтеке». Озабочен же Абе своим русским переводом.

6 июня 1998 г.

Нурпеисов, сказывают, славословил по «Хабару» столицу и Президента. Параллели проводил – Петербург, Петр Великий. Ай да Абе! Вовремя и эффектно отметился! Кругом столько горестей, а в Акмоле – вакханалия.

8 июня 1998 г.

Говорил по телефону с Абе. Он удручен: очень недоволен своим переводом. Чем больше читает, тем пакостнее на душе. «Ай, шықпайды-ау, деймін». Я посоветовал ему на все закрыть глаза и дать перевод какому-нибудь хорошему русскому стилисту. «Болмайды. Шықпайды, – обреченно говорит Абе. – Нұсқадан ауытқып кетеді». – «Енді не амал бар? – говорю ему. – Бірдемені жоғалтпай болмайды ғой. Амалсыздан көнесіз». Абе удручает особенно то, что перевод второй книги явно ниже первой. «И ты заболел невовремя... Подождал бы года два...» Несколько страниц

он отдал Асе Байгожиной: «Сделай, как Бельгер...» Однако она, по его словам, уже неделю молчит. Недоволен Абе и оформлением своей казахской книги. «Суретшілер жалқау. Все забраковал. Сегодня опять съезжу к ним». Недоволен он и своим выступлением по «Хабару» («Не айтып, не қойғанымды білмеймін. Әбден қиналып, терге түстім. Ананы мақтадым. Петербург дедім. Бұл жұртқа жақпайсың».)

2 июля 1998 г.

Утром звонил Абе. По голосу слышно: раздражен и подавлен, явно не в духе. Собирается завтра в пять утра на машине съездить в Джамбул. («Ажардың шаруасымен».) На сколько? «Бір рауаятта тез қайтып келуім мүмкін. Енді бір рауаятта Қызылорда кетіп, кірпіш, цемент алып, ауылға кетуім мүмкін, аржағында Ақтөбеге соғып, Амантаймен жиырма күндей жұмысқа отырсам ба деймін...» Чем обеспокоен? «Ай, аударма шықпайды-ау... Нашар. Жүрмейді...» Оказывается, был здесь Ан. Ким. Абе поймал его, сунул ему на чтение главку, но Ким все читать не стал, а, бегло просмотрев его «заплатки», дополнения на полях, заметил, что работать с Абе трудно и что нужен художественный переводчик, а не правщик-стилист. Словом, большого интереса и желания не выказал. Абе все же уговорил его прочесть книгу и – если она покажется достойной – взять за доведение ее до кондиции. Но Абе весьма встревожен, недоволен, сам что-то правит, теребит Симашко. Чувствуется, что и на меня в обиде. Дескать, недоступен стал, с одной стороны, мол, у тебя Сорос, с другой – Феникс, с третьей – без собраний жить не можешь. Понимаю: для Абе я был бы хорош, если бы оставил все свои дела и исключительно засел бы за его перевод, перебирая сотню вариантов и терпеливо снося все его капризы и претензии. Но я ныне на такие жертвы не способен. Недосуг мне да и не с руки быть мне ныне толмачом Абе. Не гордыня это, а реальность. Не то здоровье и не те лета.

Еще он раздраженно говорил, что я упрям и неисправим. Зачем, мол, статьи пишешь? Надо в санатории отдыхать, в Анталью с женой съездить. Взять у Сороса деньги («Бәрібір арам ақша!», «Все богачи – воры!») и укатить на месяц на курорт. Потом можно и в Ташкент... Я возражать не стал, и он, побурчав, смиренно сказал: «Жақсы» и положил трубку. Я понял: мой оптимизм, моя бодрость (после поездки в Европу) его раздражают... Узнал я, что он просил у Нуркадилова один миллион тенге, и тот якобы обещал дать

попозже, не сейчас. Для размахов Абе миллион мало. Он просил 100 тысяч долларов у Павлодарского акима, но тот прямо сказал, что этого обещать не может. Мне кажется, что своей привычкой клянчить у всех подряд Абе всем изрядно надоел, и все бегут от него, как от попрошайки или рэкетира.

6 июля 1998 г.

Абе озабочен, мрачен, весь расхристан, алқа-салқа. Жалуется на жару. «Ауа жоқ...» А дача пустует. Все – человек семь – толпятся в душной квартире, покрывают пол лаком. Им даже лень перебраться на дачу. Говорил с Абе о делах ПЕН-клуба. По-моему, Абе сохранил интерес только к кафе, вернее, к его доходам. Остальное ему безразлично. А в литературе его волнует только собственный роман. Неудовлетворенность его русским переводом он возвел в ранг национальной трагедии.

26 июля 1998 г.

Воскресенье. С утра был у Абе, взял главу из его романа на чтение по его просьбе. Он по-прежнему мурыжит свой текст, вставляет и переставляет какие-то словечки, переписывает без конца на клочках бумаги разные абзацы – лепит нелепицу и бестолковость. Неисправимый человек! Теперь его измочаленный текст будет оживлять Ан. Ким. Видел у Абе два тома его шеститомного собрания сочинений. Шикарно, со вкусом издано.

До обеда читал текст Абе. То, что сделал Амантай, Абе еще больше подогнал под оригинал за счет нагромождения деепричастных оборотов и безграмотного калькирования фраз. Получилось по нему, но не по уму. Особенно конец главы – сплошное нагромождение несуразностей, қойыртпақ. На таком уровне он хотел бы, используя меня, сделать и заключительную главу романа. Но я на это не пойду.

27 июля 1998 г.

Был у Абе; написал от его имени письмо на имя Президента Международного ПЕНа. После долгого перерыва сыграли партию в шахматы до голых королей.

24 августа 1998 г.

Абе с Каримом находятся в Турции. Вернувшись, летит в Финляндию.

2 сентября 1998 г.

Абе вернулся в 4 утра. Состояние кислое. Перелет был труден. А 4-го ему снова лететь в Москву и Хельсинки. Подробно расспрашивал о Ташкенте.

3 сентября 1998 г.

Скончался Жанша Танкибаев (73 года) – бывший сосед Абе. По этому поводу Абе сильно расстроился: апырай, аяқ астынан кетті, тың еді, бір ай ғана ауырды. Абе встревожился: как бы скорее закончить книгу. «Аударма менің түбіме жетеді». Планы у него такие: завтра отправиться в Москву и Хельсинки. После возвращения намерен податься в Астану, зайти к премьеру, выпросить у него деньги на ПЕН-клуб и Фонд «Айтеке би». После этого он хочет два месяца работать с Амантаем в Кызылорде. В резиденции акима закончить перевод. С Нового года он хочет пригласить Ан. Кима с женой, устроить их в санатории «Алматы» с тем, чтобы до 1 мая окончательно подготовили русский вариант книги. Словом, к 75-летию прийти с исполненной мечтой, в зените славы. Планы у него громадье... Почему бы в самом деле не стать ему Қаһарманом?!

14 сентября 1998 г.

Звонил Абе: завтра утром летит в Астану. Хочет выбить деньги для Фонда великих биев. Еще сообщил, что Теракопян просит материал, и Абе, понятно, предложил послесловие Абиша к роману «Последний долг». Он хотел бы, чтобы это послесловие перевел я. Но я отказался, сказав, что должен писать свои вещи. Абе вздохнул: ему хотелось бы, чтобы я хоть каким-то образом способствовал его переводам.

19 сентября 1998 г.

Утром звонил Абе: ему прислал французский режиссер сценарий по «Қан мен тер», а издательство – гранки его нового романа. Этим он и хочет заняться.

23 сентября 1998 г.

Позвонил часов в восемь утра Абе: умер Абдильда Тажибаев. Четыре месяца не дотянул до 90-летия. Умер в 4 утра. В 11 мы – Абе, Симашко и я – съездили выразить соболезнование. Уже были люди. Пробыли там два часа в ожидании Крымбека. Он прибыл и очень четко провернул все организационные дела. Провел он все умно, малословно. Просто моло-

дец!.. Абе сказал, что на Тажибаеве оборвалось целое поколение. Альжаппар и Дихан вроде как не в счет...

27 сентября 1998 г.

Воскресенье. Хотели встретиться с Абе, но он всюду задействован «свадебным генералом»: на поминках Сыздыка Абишева (куда соберется правительственная верхушка) и на 60-летие Мамырова. И еще ему надо проводить в Атырау Крымбека. Пожалуй, ни один из казахских писателей не увивается столько вокруг правителей, сколько Абе. Это его слабость.

28 сентября 1998 г.

...Около четырех часов заседали в ПЕН-клубе. Собралось человек двадцать. Прекрасное сообщение сделал Мурат Ауэзов. Мы его приняли в ПЕН и избрали вице-президентом по связям с зарубежьем.

29 сентября 1998 г.

...Потом подался к Абе. Он висел на телефоне и беседовал с узбеками. Здесь находятся Толепберген Кайыпбергенов, Лязиз Каюмов, Сабит Мадалиев и другие. Речь шла о встрече в ПЕН-клубе. Для этого Абе пригласил Раушанова. Минут двадцать мы с Абе помараковали начало сценария (для французского кино). Завтра он собирается в Кызылорду. Расстроен тем, что Амантай почти не продвинул перевод. Все еще якобы застрял на половине книги.

30 сентября 1998 г.

Зашел к Абе. Он, оказывается, решил пока не ехать в Кызылорду. Есть кое-какие важные дела до 10 октября. Нужно встретиться с премьер-министром, написать статью об Алматы (по просьбе мэрии), побыть на свадьбе дочери одного банкира и т. д.

...Абе завел разговор о том, что Кул-Мухаммед как-то предложил якобы издать книгу об Абе. То есть собрать под одну обложку статьи об Абе. Я сказал: идея прекрасная, и составить такую книгу несложно.

Мы ведь знаем, кто что писал. Кое-что у нас найдется. Остальное найдем в библиотеке и Книжной палате. Я сам мог бы предложить целую книгу – пять очерков (стр. 80-90) и все записи из дневников. А потом, кто только не писал об Абе: Аскар, Абиш, Елеукенов, Тарази, Оразбек, Сағат,

Маричева, Марченко, французы, испанцы, немцы, еще курсовые, диссертации, дипломы. Запросто можно составить книгу...

1 октября 1998 г.

Говорили по телефону с Абе. Он пожаловался на то, как иногда его теребят разные представители разных течений, пытающиеся насильно затащить к себе, требуя подписи, защиты, замолвить словечко. Спасу нет! Он-де от многих и много отказывается, открещивается. Қайтесіндер... мен жасым келіп қалған адаммын. Менде билік жоқ...

Теребят не только Абе – всех нас. Власти предержащие хотят, чтобы мы верно служили им; оппозиционеры хотят, чтобы мы были с ними. А мне лично одинаково надоели и те, и другие. Писатель должен быть самим собой. Достаточно мы все играли роль верности партии. Абе опытнее и хитрее. Он никогда не отказывается от возможности использовать власть, воспользоваться ею, но в душе никогда не питает к ней нежности. Власть нужна ему для того лишь, чтобы решить какие-то свои задачи и добиться конкретных своих целей. Может, он и прав, хотя порой это весьма и цинично. Не всякому это с руки.

3 октября 1998 г.

Пригласил Абе, соблазняя газетами – «Ана тілі» (статья Абиша о Нурпеисове, где и я упоминаюсь) и «Известия» (статья М. Чулаки об американском ханжестве). У Нурпеисова находился Раушанов, потом пришел Магзум Сундетов. Абе благодушествовал, настроился с утра на безделье (выбил его из колеи Амантай, который якобы не продвинул перевод романа). И Раушанов вроде как не знал, куда себя девать. Магзум казался чем-то озабоченным. Минут сорок точили лясы, и я ушел.

5 октября 1998 г.

Часа два гулял с Абе. Он надел зимнее пальто, зимние, на меху, ботинки, напялил теплую пуховую шапчонку в то время, как все ходят в пиджаках, без головного убора. «Бір салқындық бар», – объясняет он свое странное обмундирование. Был он у Михайлова, устроил статью Шуги, договорился на полосу об Ахтанове. Собирается пройти курс у какого-то чудо-лекаря с Пекинским образованием. Вечно он ищет каких-то шарлатанов, о которых вначале говорит с восторгом, потом – с отвращением. Доверчивость Абе в этом вопросе совершенно детская.

...По просьбе Абе нужно написать для «КП» две странички об Ахтанове.

7 октября 1998 г.

Звонил Абе. Уже в четыре часа он предложил погулять. Я сказал, что работаю и гулять пойду после шести. «Ей, осы не жұмыс сенікі? Сен де шаршамайды екенсің...» Потом, после шести, мы встретились. Абе говорил о своей опустошенности, о бессмысленности жизни. Вспомнил своего сокурсника по литинституту, который недоумевал по поводу самоубийства Фадеева, дескать, и что ему только не хватало: дача – есть, машина – есть, слава – есть, книги издают... Вот и у меня, заметил Абе, такое состояние: дача есть, машины аж две, книги издают, а я испытываю то же, что, возможно, и Фадеев. «Осымен өмір бітті ғой деймін. Еш қызығы қалмады...»

11 октября 1998 г.

Абе планирует свою поездку на завтра. Едет, по-моему, нехотя. И уж наверняка не на два месяца. Два месяца в отлучке Абе – насколько я его знаю – не выдержит.

12 октября 1998 г.

После обеда Абе пришел посоветоваться по поводу предстоящей беседы с Президентом. Выработали основные тезисы. Кое-что он набросал тут же на кухне.

14 октября 1998 г.

Абе откладывает свою поездку. Пока астанайские бастыки околачиваются здесь, он никуда не поедет. Он по давней привычке всегда держится в тени начальства. Есть такая слабость. Ну и молодец: использует его на всю катушку.

15 октября 1998 г.

В обед заполошенно позвонил Абе: «Жол жүріп барам. Көріскенше күн жақсы. ПЕН-клубқа бас-көз бол... Саған «Егемен Қазақстаннан» анау күнгі келіншек телефон соғады. Екеуіміздің атымыздан бірдеме жазарсың. Ал, жақсы!» – «Не жазамын?» – «Нұрғиса қайтыс болыпты, сол жөнінде қоштасу сөз жаз!»

Действительно, скончался Нургиса Тлендиев – прекрасный композитор, оригинальный, темпераментный человек, домбрист-виртуоз, руководитель великолепного оркестра. Почти легенда. Тесно знаком я с ним не

был, был однажды у него дома, встречал раза три у Нурпеисова, по нескольку раз сталкивался на уличных праздниках, ну а на концертах видел его частенько, любовался его эффектным, театральным, броским дирижированием. Похороны назначены на 18-е.

27 октября 1998 г.

Абе из Кызылорды распорядился, чтобы мы (человек 15) провели в ПЕН-клубе вечер памяти Тахауи Ахтанова. Решили проводить в пятницу.

28 октября 1998 г.

Позвонил из Кызылорды Нурпеисов, но не по поводу моего дня рождения, а просто дал наставления: провести вечер памяти Ахтанова в ПЕН-клубе, пригласить вдову, брата, сестру Зубаржат и ее дочь, подарить вдове жилетку, непременно пригласить Калтая и ограничиться пятнадцатью человеками. Сам он устал, но работает. Вместе с Амантаем обработали 55 страниц первой книги. «Внесли немало улучшений в твой и Краснова перевод».

5 ноября 1998 г.

Звонил из Кызыорды Абе. Хотел, чтобы я подготовил какую-то бумагу для «верхов». Говорит, что работают с Амантаем, но дела продвигаются туго, мардымсыз. Удивляюсь: уже двадцать дней Абе в Кызылорде. Можно представить, на сколько он наговорил по телефону. Половина областного бюджета наверняка уйдет на расходы Абе.

25 ноября 1998 г.

Позвонил из Кызылорды Абе. Чувствуется, что он в неплохом расположении духа. Доволен переводом первой книги. Пока они с Амантаем просмотрели и отредактировали 150 страниц первой книги и 60 – второй. Спросил Абе о новостях в Алматы, я ему коротко рассказал о стройке в ПЕН-клубе и о результатах заседания комиссии по госпремиям. Он выразил сочувствие Кабдолову, намекнул, что на фоне Сафуана он заслуживает премии. Сказал, что на днях, возможно, на денек завернет в Алматы. Поинтересовался Кажегельдиным: зарегистрировали его или нет. По словам Абе, он в Кызылорде не читает газет, не слушает радио, не смотрит ТВ.

го. Какие были личности! «Енді бәрі ұсақталып кетті». Но чувствуя, что я разговор не поддерживаю, заметил: «Жарайды. Жұмыс істеп отыр екенсің. Бөгет болмайын».

12 декабря 1998 г.

...Затеял Абе часовой разговор по телефону. Сначала он пожаловался на скукоту и бессмысленность жизни (любимая тема Абе), потом обрушился на Кодара и молодых, которые утверждают себя за счет разоблачения старшего поколения; досталась от Абе и современным зарубежным модерновым писателям («ештеңе білмейді, оқымайды, өресі төмен»), защитил старших – Шолохова, Эренбурга, Маршака, Паустовского, Чуковского, потом съехал на свою книгу, мол, две главные темы звучат в ней – боль за погибший Арал и бессмысленность бытия; упрекнул, что я его невнимательно читал, посетовал на Нурлана, который затеял некрасивую возню по поводу вожделенной госпремии, вообще говорил много-много.

14 декабря 1998 г.

Звонил Абе. Он простужен. Вызвал врачей. Говорил все о том же: о переводе своего романа. Намерен вторую книгу довести до кондиции с Такурой, а потом все отдать Киму, который уже сейчас готов приступить к работе. А первую книгу он намерен издать в моем и Амантая переводе, но для этого я должен попробовать уговорить Амантая, чтобы он, пересилив свое упрямство и каприз, согласился за дней двадцать довести все до конца в работе с Абе.

Не знаю, получится ли все так, как задумал Абе. Казахское издание вроде как на мази.

15 декабря 1998 г.

Дважды звонил сегодня Абе. Звонить Амантаю мне уже не надо. Надумал Абе работать с Байгужиной и Такурой Жасыбай. Но позвонил акиму Мусину в Актобе. Через него повлиял на строптивого Амантая, уломал его приехать и добить первую книгу. Ким вроде уже готов приступать к делу. Но тут Абе недоволен казахским изданием. Уже отпечатали три тысячи экземпляров, но нелепостей, искажений на каждой странице уйма. Невероятно тяжко дается Абе этот его роман. Сколько людей он вовлек в дело его создания – областных акимов, переводчиков, государственных деятелей, машинисток и компьютерщиков, редакторов, читателей, издателей, сам мучается, а книга никак не родится. Судя по этим безмерным усилиям, должен родиться

небывалый шедевр. Просил Абе зайти, посмотреть хотя бы три странички редактуры Аси.

16 декабря 1998 г.

Звонит Абе. По голосу чувствую, что раздражен. Не спрашивает ни о здоровье, ни о моем состоянии. С ходу обрушивается. «Бір нәрсені қайта-қайта айта берсе, қадірі кетіп қалады». «Иә, солай», – соглашаюсь тотчас, не вступая в пререкания. «Сен жазушысың. Общественный деятель. Главный редактор. Член немецкого Совета. И на все ты находишь время. Ал, ПЕН-клубқа келгенде, мойның жар бермейді. Саған тапсырылған іс екен, неге қашқалақтайсың?!»

А-а... вот в чем дело. Он намекает на документ ПЕН-клуба по поводу президентских выборов. Акселеу предложил еще в октябре выдать декларацию на тему: «Какой Президент нам нужен?» и по его же предложению это было поручено ему, мне и Мурату Ауэзову. Откликнулись всего трое-четверо: Бадиков, Камал, я, еще кто-то. Выборы на носу, а никто из ПЕН-клубовцев никакой активности не проявляет.

«Давай Ақселеуді тап, Мұратқа звонда, қағаз дайындаңдар. Өзің қолға ал. Бәріне уақыт табасың да, осындай шаруаға келгенде жоқсың. Давай істе! Маған тіпті келмей-ақ қой. Симашконы шақырдым. Бірдеме қылармыз. Я сам болею. Ажар Жамбылда. Осы үйдің тамағына өзім жүгіруім керек. Уақыт аз қалды...»

Я не возражаю ни одним словом. Говорю: «Дұрыс! Жақсы. Бүгін мейрам ғой. Ертең кірісерміз. Ладно. Құп болады. Қапа болмаңыз». И раздражение Абе иссякает, он бросает трубку.

Я понимаю: работа над романом совсем его выбила из колеи. А тут еще его друзья заняты какими-то своими делами, которые на фоне его забот и его романа, конечно же, гроша ломаного не стоят.

Вот он и взбулгачен.

19 декабря 1998 г.

Вечером усталым голосом позвонил Абе. Я смотрел ТВ и отозвался сдержанно. Он перезвонил, тяжко вздохнул и сообщил: «Жить неохота». Я взял да и брякнул: «Если жить не хотите, смотрите «Неделькуˮ». «Э, жарайды», – сказал он и разочарованно бросил трубку. Видно, Абе избрал меня в качестве лошади, которой чеховский герой доверил свое горе. Но – увы! – я и на эту роль не сгодился, и не знаю кому Абе поведал свое дурное настроение.

21 декабря 1998 г.

...С Абе съездил в ПЕН-клуб. Огромная перестройка близка к завершению. Кафе преобразилось неузнаваемо. Теперь оно стало рестораном добротного европейского качества. Абе сияет от радости. Хозяйским оком разглядывает свое владение, восторгается по-детски каждой кафельной плиткой, обшивкой стен, ковроланом, немыслимыми люстрами, восхитительными бра, оформлением туалетов, напольными плитами. Довольный, втолковывает мне: это испанское, итальянское, чешское, малазийское. Больше часа с восторгом наблюдал Абе, как девица с парнем из богатого салона старательно развешивают необыкновенные шторы. «Мынаны көр... Енді мынаған қара...» – с азартом демонстрирует Абе все новшества. Я искренне похваливаю его вкус, его подбор, говорю: «Если бы вы не были писателем, вы могли бы быть дизайнером, архитектором, прорабом». Он соглашается. Ему, действительно, нравится обретать, переставлять, переоборудовать, доставать, искать, подбирать. Он по нескольку раз навещает ПЕН, вникает во все: в цены, уборку, оформление, порядок, выдает идеи, заботится о вывеске, о газоне, о каскаде, о живой траве. «Куриный помет достану сколько угодно», – втолковывает он деловому зятю. Мне через пятнадцать минут все это надоедает, не трогает. Вижу, что хорошо, ну и ладно, сколько можно восхищаться каждым гвоздиком, каждой наклеечкой, тряпкой! «Кеттік», – говорю я Абе. «Тоқта... Мынаны көрейік... қалай болар екен... қалай шығар екен...» Он осунулся лицом, то и дело подтягивает брюки, но глаза блестят, цепко вокруг все замечает, делает распоряжения, дает советы, ходит по отсекам, заглядывает во все закутки, не упускает из виду ничего. «Керемет! – говорю. – Айтатыны жоқ. Супер болды». Абе старается быть сдержанным, но радость свою скрыть не в состоянии. Так ликует ребенок от вида новой игрушки. «Ия... енді бір елу мың тауып берсем...» – бормочет он мечтательно. «Енді бір елу мың!..» «Ертең ғой мұның бәрі қалады, – осторожно говорю я. – Придет какой-то пройдоха и всем этим богатством завладеет. На готовое сядет. Будут вспоминать, может быть: да, был такой чудак, все строил, оборудовал, доставал, суетился». Абе улыбается: «Но мы этого знать не будем. Мы это не услышим». А сам хитро щурится, словно уверенный, что это богатство он еще нескоро выпустит из своих рук.

Меня отвез домой Иван Андреевич, а Абе пошел звонить Храпунову: он хочет затащить его сюда, скорее похвалиться содеянным. Я подумал: великий интендант умирает в Нурпеисове. Или министр строительства. Или начальник ХОЗУ при богатом правителе. Есть у него такой дар.

26 декабря 1998 г.

...Был с Абе в ПЕН-клубе. Планы колоссальные. Абе намерен превратить зал в малахитовую шкатулку. Сам он завтра летит в Кызылорду реализовать 1,5 тыс. экземпляров своего романа на казахском языке.

7 января 1999 г.

Звонил Абе, вздыхает: «Скучно и грустно». – «Что случилось?» Перевод стоит. Келиншеки (Ася и Такура) не сгодились в попутчики: одна свою книгу доделывает, другая руку сломала. Амантай отмалчивается.

10 января 1999 г.

...Потом полтора часа гулял с Абе. Он удивил своими рассуждениями. Говорил о лживости, наглости и бесстыдстве политиков. Рассказал о том, сколько нахапал, нахватал один деятель. И вертолет в одной области взял, и машины, и лошадей. И все ему мало!.. Сказал Абе, что – өмір болса – осенью он с группой журналистов объедет глубинки нескольких областей и напишет статью: дескать, вот проголосовали, надеялись, поверили, а что получилось? В чем прогресс?.. Был Абе явно озабочен и чувствовалось, что многое в современной политике он не приемлет, но тут же поручил мне составить текст поздравительной телеграммы на имя вновь избранного Президента.

Говорил Абе и о соблазне купить (приватизировать) «Жұлдыз», «Жалын», объединить их, выпускать в два-три месяца раз. «Сен де мұны ойлан».

18 января 1999 г.

...Заглянул к Абе. У него болело накануне сердце, и он принимал какое-то китайское средство – желтые кристаллики, наподобие нитроглицерина, но жутко вонючие, с гадким привкусом. Но Абе весел, оживлен. Шутил, показывал истерзанные страницы из новой книги, предложил выпить 50 граммов вина в честь дня рождения дочери, работал с редактором, готовился к поездке в Астану на инаугурацию.

19 января 1999 г.

Абе и еще несколько «игі жақсылар» не пустили на инаугурацию. Решили в Астане обойтись без них. Абе вернулся и стал читать письма Толстого. Одно из них – царю Николаю («Любезный брат!») – он прочел по телефону. Поразительно, как оно созвучно нашему времени, нынешнему нашему положению. Господи, какой мудрый старик! Абе сказал: «Сақалыңнан айналайын!» И расчувствовался. Я предложил это письмо опубликовать в «XXI веке». Абе заметил: «Ойымыз бір жерден шығып тұр».

22 января 1999 г.

...Вечером, после похорон Тыныбаева, позвонил усталый Абе, поинтересовался моим состоянием, обрадовался тому, что продержался в норме. Говорили о составе нового правительства и не очень обрадовались незначительным новшествам. Вся та же раздрызганная арба. Только слегка переложили поклажу. И лошади те же, и сбруя та же, и возница тот же. Значит, покатимся по старой колее. Серпіліс жоқ, ірілік жоқ. Стабильный застой. Ввели в правительство одну невзрачную особу, и то без портфеля.

23 января 1999 г.

Звонил Абе. Говорит, что боится лишний раз мне звонить, обеспокоенный моим состоянием. Намерен дать премьер-министру поздравление. Обговорил текст. Сообщил, что будет у него Куаныш Султанов, хочет попросить у него китайское средство для меня. Абе готов меня отправить в Астану или в Кызылорду, обеспечив уход и покой. Очень близко к сердцу воспринял он мои гипертонические мытарства.

28 января 1999 г.

Дважды звонил Абе. С какой-то особой участливостью спрашивает про мое состояние, проявляет нежную заботу. С хохотом сообщил новую пословицу: «Көп жеген – ірі, аз жеген – ұры». Сам сочинил или кто-то другой – не сказал. По структуре больше похоже на калтаевское изделие. Точно, едко, актуально. В другой раз он прочел длиннющее предложение, которое он с явной потугой сконструировал по-русски.

29 января 1999 г.

Около восьми утра позвонил Абе. Спросил о моем состоянии, сообщил, что спал плохо, тревожило сердце, вызвал врача и ложится в больницу. И еще сообщил, что скончался Еркин Нуржанович Ауельбеков. Сердце. На обеде памяти Шала-акына, помню, он выступил пространно, энергично, рассказывал о своих планах, об ауле, который преобразовывает на Кокшетаущине, пил коньяк и производил впечатление здорового, уверенного человека. Абе говорит, что три дня назад беседовал с ним, и он собирался якобы на 20 дней съездить в аул. Человек он был колоритный, одно время весьма популярный. Считали, что он достоин руководить Казахстаном. Днем встретил Карима: подтвердил, что Абе лег в больницу.

3 февраля 1999 г.

Вечером звонил явно встревоженный, усталый Абе. Голос тусклый. Из больницы он вышел с сильной головной болью. А «Начнем...» опять ядовито прошлась по финансовым делам ПЕН-клуба. Раскрывают дела, о которых я слышу впервые. Сам я статью еще не читал, о ней по телефону поведал Баккожа. Конечно, для Абе это крайне неприятно. Сам он, по его словам, даже переводческие деньги отдал на ремонт ПЕНа и теперь не знает, чем заплатить Киму, который собирается приехать в феврале. Ким, надо полагать, рассчитывает на отменные условия (приезжает он с женой), на солидный куш за то, что отредактирует текст, основательно разжеванный подстрочными переводчиками вместе с автором. А этого куша у Абе нет, которому «Начнем...» приписывает гигантские хапки за счет государства. Бизнесменство Абе выходит боком, и его жаль. На старости лет попробуй отмыться от грязной молвы, от дурной славы.

4 февраля 1999 г.

Звонят отовсюду по поводу статьи в «Начнем...». Обвинения и факты довольно серьезные. Отдуваться Абе будет трудно. О большинстве фактов, если они действительно имели место, я и понятия не имел. Выходит кое-что Абе держал в секрете от всех. Некрасивая история! Пятно на всем ПЕНе, хотя в финансовых делах искушены лишь Абе и Артур. Вина членов в том, что все абсолютно доверились Абе. Дескать, он добытчик, он все добывает, сам всюду бегает, следовательно, и нечего его в чем-то подозревать. А вышло скверно. И если даже Абе во многом оправдается

документами или поддержкой самых высоких инстанций вплоть до Президента, слухи и сплетни будут тянуться длинным шлейфом. Особенно, если учесть, что Абе очень многие не любят (нередко из-за элементарной зависти). «Он как японский шпион», – заметил кто-то из чокановских стариков. Суық жымияды да жүреді. Ақша сұрауға келгенде алдына адам салмайды. Бастықтарды жағалайды да жүреді... Так кругом судачат. Боюсь, затравят бедного Абе; досадно, что вся неприглядная история разыгралась в канун его 75-летия.

6 февраля 1999 г.

Утром звонил Абе. Сообщил, что работается ему с Асией неплохо, что его заботит безлюдье кафе, что нет посетителей, что клиентов отбивают соседи, где якобы хороший повар и голые девицы. Не знает Абе, как быть. Может, закрыть кафе. Доходов нет. И еще он сообщил, что до сих пор не читал второй статьи в «Начнем...», что его это особенно не беспокоит, «конечно, неприятно», «конечно, обыватели судачат», но это, дескать, не беда... Я понимаю, что это не так. Встревожен Абе очень. Сказал еще он, что во вторник собирается на пять дней в Астану поездом. Почему поездом? А денег нет, хоть и приписывают ему 60 тыс. долларов в месяц. Почему едет в Астану – я спрашивать не стал. И так ясно: ищет покровительства и поддержки у Президента, Премьер-министра, Абыкаева, Верховного судьи и т. д.

8 февраля 1999 г.

Поедет ли Абе в Астану – пока неясно. Он работает с Байгужиной на квартире, где нет телефона.

15 февраля 1999 г.

Утром звонил Абе. Работает с Асей. И через неделю надеется добить перевод первой книги. А там – вторая, более трудная. Ким собирается прибыть в марте.

22 февраля 1999 г.

Абе сообщил, что в субботу он не работал, собирается в Астану, чтоб передать премьер-министру бумаги по «Улысой» и обговорить варианты по приватизации «Жулдыза» (хотел он еще ставить вопрос о «Просторе», но я отсоветовал). Обговорили также статью к юбилею Симашко.

23 февраля 1999 г.

В шестом часу зашел озабоченный Абе. Жизнь кафе замерла: нет посетителей, нет дохода. Что делать? Как быть? Если бы я знал... Богатых людей мало, для них есть элитные рестораны и сауны с девками. А нищим к чему ПЕНовское кафе? Решил Абе зайти к Храпунову. А с «Начнем» он судится. Требует 20 млн. Не убежден, что из этого что-то получится.

1 марта 1999 г.

Искал меня Абе. Завтра должен прибыть Ан. Ким. Гостиницы Абе не нашел (точнее, денег для гостиницы не нашел) и решил гостя поселить в квартире Шуги. Думаю, с Кимом будут проблемы. Возмутился Абе по поводу «Бальзака казахской литературы» (так аттестовал себя в газете Дукенбай). Абе постоянно повторяет, что это я с Симашко повинны в том, что дали Дукенбаю госпремию.

5 марта 1999 г.

...Абе собирается завтра выехать в Кызылорду. Кима он определил в санаторий. По тому, как он позаботился о членском билете для Амантая и срочно выезжает в Кызылорду, можно сделать вывод, что он едет туда работать в пожарном порядке над переводом. Значит, все ПЕНовские дела зависли. Значит, никаких премий. Значит, Абе решил перво-наперво добить перевод своего романа.

6 марта 1999 г.

Утром заехал Абе. Дышит, как паровоз. Взбегать на четвертый этаж ему уже не легко. Но в хорошем настроении. Ким устроен в санаторий. Кто-то оплатил его пребывание. Двое жакаимцев-благодетелей оплатили ему и гонорар – 10 тыс. долларов. «Құтылдым...» – радуется Абе. Верховный суд и адвокат склоняют дело ПЕНа в его пользу. Сам он едет в Кызылорду, оттуда – в Актобе. После приезда намерен податься в Астану. Поговорили в спешке, прямо в коридоре. Занес он мне «Соңғы парыз» – приятно издано тиражом в 7 тысяч. И еще занес текст перевода второй книги с просьбой пройтись карандашом. Я ему дал свою книгу. Он попросил еще одну для акима Актобе.

25 марта 1999 г.

Абе сообщает: уехал Ким и приехал Амантай. Абе еще не здоров. Вечером отмечаем в ПЕНе юбилей Симашко.

2 апреля 1999 г.

После обеда встретился с Абе, завел меня к себе, прочитал стихи одной юной особы – большеглазой, симпатичной казашки из Актюбинска по имени Сая.

14 апреля 1999 г.

Звонил Абе. Он был у Президента, беседовал 1,5 часа. Передал он Президенту документы «Улысой», письмо на имя премьер-министра относительно премий через Кармет, высказался за отмену звания «Народный писатель» (Президент предложил: «Напишите письмо»), за увеличение суммы госпремии и вообще за увеличение числа поощрений и премий писателям... Беседой с Президентом Абе, чувствуется, доволен. Работа с Амантаем тоже идет неплохо.

21 апреля 1999 г.

Вечером были в Посольстве Израиля. То же, что и в прошлом году. Пожалуй, еще беднее и скуднее... Было неинтересно, и уже через час мы уехали. Абе выглядит устало.. Печален. Озабочен плохим состоянием кафе. Пожаловался, что к обеду уже закладывает уши.

Удручен Абе и тем, что при переводе второй книги много потерей в языковом отношении. «Тағы бір көз жеткізгенім – менің екінші кітабымды қазақ оқымайтын болады. Оқығанның өзінде мың адамның біреуі ғана түсінуі мүмкін».

23 апреля 1999 г.

Звонил Абе. Тоже мерзнет и жалуется на давление. Раушан распечатала дискету – перевод первой книги. Получилось якобы листов 12. Абе рад: чем меньше, тем лучше. Вторая книга, уверяет он, в русском переводе будет листов 8-9. «Жақсы емес пе?» – спрашивает он. И опять посетовал на то, что вторую книгу казахи читать не будут. Я посоветовал вывести на титульном листе: «Роман, который казахи читать не станут». Тогда непременно прочтут.

В «Казправде» вышла подборка стихов Амантая с предисловием Абе. В нем и обо мне сказано несколько слов.

4 мая 1999 г.

После обеда гулял с Абе. Он сильно устал. Работу с Амантаем кончил. Переводом первой книги доволен. Как получится со второй, пока сомневается. Намерен Абе лечь в больницу, а потом собирается в Аральск на 75-летие школы, в которой учился, и «шешемнің басын қарайтамын». Об этом он говорит уже пять лет.

Зашли мы с ним в книжный магазин, любовались шикарными российскими изданиями. Прекрасные книги, но для нас, пенсионеров, дорогие. Восхитился Абе и нашим сквером.

10 мая 1999 г.

Уже утром позвонил Абе из больницы. Повел разговор о том о сем, в т. ч. посетовал на бездарное окружение Назарбаева, о «карманщиках», которые не могли найти в бюджете один миллиончик на укрепление аральской дамбы, разрушенной в половодье. Но волновало Абе – я это понимаю – перевод Кима: сколько я прочел, как оцениваю, хорошо ли… Я сказал: хорошо, по уму. Но и текст был добротный, Киму легко было править. «Солай», – согласился он.

А вечером в нетерпении позвонил еще раз. «Оқып жатырсың ба? Қай жеріне келдің? Қалай?» Сказал: все нормально, вся редакция в общем уместна. Правда, я читаю это за двадцать лет раз двадцать, и мне все это обрыдло, а потому никакого восприятия. Просто вяло любопытствую: что еще сделал Ким? Чем и как он украсил текст?..

И тут Абе спросил в который раз, как я отношусь к переводу второй книги. Сказал: в общем неплохо, но много калек, нерусского изложения, нечеткий синтаксис. Он вздохнул. Позвонил якобы Ким и сказал, что перевод плох, местами даже не знает, что хотел сказать автор. Мне это понятно. И вины Амантая в том нет; это результат излишне энергичного и субъективного вмешательства самого Абе. Он нередко преувеличивает свой текст, а русский перевод воспринимает лишь через казахскую оболочку, не считаясь с русской стихией. Это его беда.

11 мая 1999 г.

Вычитал еще страниц 60 своего романа и столько же романа Абе, который меня поторапливает. Нужно перебрать все на компьютере. Позвонил Абе из СП: 26-го в Бишкеке юбилей Айтматова. Абе хочет обойтись телеграммой: уезжает в Аральск.

12 мая 1999 г.

Добил и роман Абе. Хорошо отредактировал Ким. Все приемлемо. Позвонил Абе, и я ему о том сдержанно сказал. Но Абе этого оказалось мало. Он начал допытывать: «А это как? А то как? А как ответ Энгельса?» Я сказал, что это – факт известный. Тут новости нет. И что публицистика отнюдь не сильная его сторона. Это его задело. Он убежден, что широко известные слова Энгельса об экологии до Абе никто не сказал и не знает. Я настаивал: никакого открытия тут нет, все давным-давно известно. И своей настырностью и занудливостью он поднял мое давление и добился сердцебиения...

13 мая 1999 г.

После обеда настиг меня Абе. Просит еще раз прочесть вторую часть второй книги. Вычитать перед тем, как дать Киму. Я уже столь отравлен этим романом (шутка ли, раз двадцать читать одно и то же?!), но Абе уговорил: «Больше тревожить не буду. Айналайын. Будь добр. Я тебя очень прошу...» Немного сопротивлялся было, сказав: «Ойпырмай, Әбе. Менің де шаруаларым бар емес пе? Бір нәрсені қайта-қайта оқығаннан майы шыға ма? Все это бесплодный труд...» Он настаивал: «Қайтесің? Біздің тірліктің көбісі – напрасный труд... Примаковты көрдің ғой. Жанын салып істеп-ақ еді, ал Ельцин оны көттен бір-ақ тепті». Словом, дня два-три опять убью на роман Абе. Что поделаешь? Сам он мужественно выпил пять литров подсоленной теплой воды, проверил все кишки, обессилел. И что это ему даст в 75 лет?

Читал часа два с удовольствием и восхищением Пушкина. Все знакомо и все как бы внове. Так и с Абаем: маленький томик, а каждую строчку воспринимаешь с удивлением, как будто впервые. Так я могу читать без конца «Смерть Ивана Ильича». А вот читать Абе в двадцатый раз – выше всех сил. Поражаюсь, как это он сам себя читает с умилением всю жизнь?! Конечно, Абе – добротный писатель, но отсутствие знания и ограниченность в мировосприятии (в этом все мы грешны) слишком выпирают. Да еще жуткий субъективизм сковывает. Фраза его тяжелая, вымученная. Отделана, отшлифована, облизана, обмусолена, но не светится, не греет. Может, я несправедлив, излишне строг, раздражен? Или действительно отравлен его прозой, не в состоянии воспринимать ее первозданность. Говорят, любитель колбасы не должен знать, как и из чего

она сделана. Может, и с Нурпеисовым так: слишком знаю весь тот сор, из которого соткана его проза?

15 мая 1999 г.

Вычитал страниц 40 второй книги Абе. К сожалению, Ким прав. Подстрочник в такой степени приближен к оригиналу, все настолько калькировано, что Киму предстоит перекраивать едва ли не каждый абзац, каждое предложение на русский лад. А это едва ли не труднее, чем писать заново. Конечно, после первой книги ему будет трудно. Придется корпеть несколько месяцев. Пожалуй, притягивая первый вариант к оригиналу, Абе и Амантай только ухудшили перевод, усугубили топорность русского текста. В угоду оригинала русский язык изнасильствован до уродства.

18 мая 1999 г.

...Вычитал всю рукопись Абе. Он торопит, хочет скорее отправить рукопись Киму. И Ким хотел бы отвязаться от перевода до своего юбилея – середина июня. А торопиться бы не надо – рукопись тяжелая. Вообще многое в романе Абе меня настораживает. Главное:

1. Явный перебор мифологических трюков, тропу которых истоптали, кроме латиноамериканских романистов, и русские, и казахи, и Дукенбай, и Айтматов. О том свидетельствуют: Көк Өгіз, Белорыбица, Серый Ярый, Белая рыбка, девочка-лиса, рыжая девочка-оборотень, Тополь, Волк на льду, Волчица.

2. Роман по объему небольшой. К тому же в переводе он сокращен. И все равно такое ощущение, что он слишком длинный. Много описания и тавтологии с претензией на психологизм. (Об этом я Абе сказал, а вот то, что я ему не говорил:)

3. Все-таки в романе много надуманного, литературного, умозрительного, искусственного. По сути, Бакизат не отвечает облику учительницы. По сути, академик Азим не соответствует образу ученого. По сути, Жадигер не похож на специалиста с высшим образованием. И весь круг проблем, поднятых в романе, свидетельствует о весьма приблизительном представлении его автора. К сожалению.

Абе об этом так прямо не сказал не потому, что я не хочу его обидеть, а потому, что не уверен, прав ли я стопроцентно. Может, я субъективен и излишне категоричен.

19 мая 1999 г.

По просьбе Абе написал Айман Мусаходжаевой письмо-факс с приглашением на пушкинский вечер. Отправил конец перевода Абе в больницу. Он корпит над пушкинской речью.

20 мая 1999 г.

Дважды звонил Абе. В первый раз поведал о предстоящем вечере, о том, как идет подготовка. А вечером попросил меня немного поработать с ним над отдельными местами перевода. Но я-то понимаю, что нынче мне это не под силу: через 15 минут у меня подскочит давление. Отказался. И Абе, конечно, расстроился. По-хорошему, надо бы над его переводом посидеть добрый месяц, но в моем состоянии это непосильно. Ни времени, ни сил, ни охоты.

22 мая 1999 г.

Эмоционально насыщенный, приятный, яркий день. Провели пушкинский вечер в ПЕНе. С 5-30 до 11 часов. Заслуга вечера полностью связана с Абе. Он проявил себя отменным организатором, всех подтянул, привлек, задействовал, сам выступал, сам вел вечер, для всех находил нужные слова, за столом говорил искренне, от сердца. Я очень жалею, что не записывали его речи на диктофон. Он говорил в присутствии всех горькие слова о неприятии рынка, капитализма, о том, до какого состояния доведен народ. Публика была изысканная: члены ПЕНа, академики Зиманов, Ормантаев, Шарманов, Калиев, Кошанов, Шарбану; журналисты; артисты Ермек С., Нуржамал (сплошное очарование!), Жамиля, Яковенко; посол России; министры. И вечер получился отменный, душевный, обаятельный. Пушкин всех сблизил, породнил, скрепил. Люди раскрылись с приятной стороны. Были просто вдохновенные, высокие речи: Жовтис, Симашко, Ауэзов, Зиманов, Нагима (президент НАН), Крымбек. Люди не хотели расходиться. Ну, и яств было сверх меры.

23 мая 1999 г.

С утра обсуждали с Абе вчерашнее мероприятие... В общем он доволен. Сегодня уезжает в Аральск – установить памятник на могиле матери (где-то для этой цели откармливается кобыла и пяток овец). После этого собирается с Муратом А. в Варшаву на ПЕНовскую конференцию. В общем активно «фукцирует». Еще хочет побыть на юбилее Кима. Все это он изложил в течении 40 минут по телефону.

30 мая 1999 г.

На прогулке встретил Абе. Он утром вернулся из поездки, проводил Раушан в Астану и отправился ко мне. Погуляли полчаса, потом два часа он был у меня. Пообедали. Он долго и подробно рассказывал Рае эпизоды о своей матери (я их раньше слышал, к тому же он эти мотивы использовал в «Крови и поте»). Я его ознакомил с ключевыми статьями из «Времени», «XXI века», «Начнем с понедельника», «Ана тілі». Очень обрадовался Абе статье Исиналиева, несколько раз говорил «Молодец!». С ужасом рассказывал о беспросветной нищете казахов на юге, о детском попрошайничестве на станциях. «До чего доведена страна!» Собирается на днях лететь в Москву на пушкинские дни.

6 июня 1999 г.

Хриплым, усталым голосом позвонил утром Абе. Я-то думал, он в Москве, на пушкинских днях, а он, оказывается, захворал, лежит дома, корпит над своим переводом. Ажар в Таразе. Он дома с внуком.

Часа через три пошел к нему. Сидит за письменным столом, перед ним исчирканный до неузнаваемости дважды отредактированный, дважды набранный на компьютере текст. На Абе рубаха, свитер, чапан, поверх него одеяло; на голову накручен бабий платок. На улице +30. А он укутан, будто на северном полюсе. Марает рукопись, редактирует, шлифует перевод, уже не заглядывая в оригинал. С тоской и гадливостью говорит о нынешнем режиме. Грозится написать Президенту письмо и дать два интервью в «АиФ» и «Новое поколение», в которых намерен разоблачить все свинство власти.

12 июня 1999 г.

Звонил Абе. Кисл, подавлен, сонлив. Уточнил два предложения. Говорили о Леонове. Абе о нем очень хорошего мнения. Считает, что он всегда держался достойно, было в нем что-то простое, скромное и притягательное. Отличался от многих. С властями не ссорился, но сторонился ее. Своеобразный был человек. Истинный писатель. Пожаловался Абе на скудость и убогость нынешней жизни, вспомнил слова своего отца: «Аяғы дүниенің ырың-жырың».

13 июня 1999 г.

Накануне Абе гулял с Каримом у памятника Независимости под дождем и почувствовал себя неуютно. Оказалось, давление (176) и сердце.

Вызвал «скорую». Сняли кардиограмму. Принял лекарства. Получил уколы. Через два часа сбил до 130. Что и говорить, устал Абе, да и возраст солидный. Тем не менее собирается с Муратом Ауэзовым завтра лететь в Москву.

16 июня 1999 г.

От Карима узнал, что Абе вернулся. Позвонил Шуге – а он уже в больнице. Якобы с сердцем нелады. Вот еще печаль.

17 июня 1999 г.

Позвонил Абе: в нем крепко сидит простуда. Сообщил, что 20-го намерен в ПЕН-клубе провести 13-летие Карима. Приглашает.

20 июня 1999 г.

Воскресенье... После обеда до 8-ми вечера был на юбилее (13-летие) Карима. Абе собрал мощную публику: академики Козыбаев, Ормантаев, Кабдолов, Зиманов, его жена, Султангазин, Калиев, мэр города Храпунов с женой, писатели Симашко, Кулкенов, Жиенбай, Смагул, Дулат, я, Ораз Макаевич с женой, родичи из Тараза и Актобе – человек 60-65. Мощный закатил той с речами и обильными возлияниями. Сам Абе вначале произнес проникновенную, очень ладную и складную, назидательную, полную глубокого смысла речь, и я пожалел, что она была не записана, о чем и высказался. Досадно! Яркая, поучительная была речь! Потом камера появилась, а записывать было некому. Прекрасный, теплый получился вечер. Вообще солидно. На подобные акции только казахи и способны.

24 июня 1999 г.

Прочел Абе утром печально-скорбное письмо изгоя Василя Быкова. ПЕН-центр продлил его срок пребывания в Финляндии до 2000 года. Далее Быкову неведомо, где он будет жить. Абе говорит, что будет с ним делиться последним. Лукашенко Быков называет «гауляйтером», «виртуальным вождем славянского мира», сетует на то, что русские друзья отшатнулись. Строго-гордое, полное достоинства и скорби письмо 75-летнего писателя.

Заботит Абе и финансовое состояние ПЕН-клуба, вернее, двух объектов, которые следовало бы приватизировать, на что понадобится 15 тыс. долларов, а их, естественно, нет.

13 июля 1999 г.

После обеда съездили на I Алматы открывать улицу Н. Ровенского. Из ПЕН-клуба – Абе, Морис, Шериздан, Кабдолов, Жовтис, Бадиков, я; из АН – Бейбіт, Св. Ананьева, Алма; из Российского посольства – Сафонов; от семьи Николая Степановича – жена, дочь, внук (все несчастные, убогие, бедные). Весь край пришибленный... Хозяева старались, кое-что привез ПЕН-клуб. В общем, получилось по-человечески.

26 июля 1999 г.

...Потом заседали в ПЕНе – Нурпеисов, Симашко, Елеукенов, я. Обговаривали ПЕНовские дела и письмо Жакиянову, которое поручено писать мне. Абе сдал на год ресторан ПЕН кому-то, тот за год вернет свои деньги и якобы все вернет назад. Очень сомнительным кажется мне все это. Куртыл-муртыл. Но Абе решает все самолично. Это его вотчина. Оба объекта он намерен выкупить, отдав в залог свою квартиру.

27 июля 1999 г.

До обеда корпел над письмом Жакиянову (по ПЕНу). Написал было две страницы, Абе показалось мало: «Қанатын жайыңқыра». Ну, я и расписал и отнес ему. Он вроде как одобрил.

28 июля 1999 г.

Абе уехал на десять дней на Алаколь.

5 августа 1999 г.

Вечером собрались в ПЕНе – Нурпеисов, Симашко, Елеукенов, Ауэзов, я. Поговорили о том о сем. Мурат сделал замечательный доклад о своей поездке в Варшаву и в Китай, блеснул осведомленностью, знанием, тактом, культурой, умом. Очень приятно было его слушать. Поразительные факты он приводил (главным образом о Китае).

...У Абе видел книгу «Исповедь государя». Едкая и умная, глубоко верная книга. Мелькают фамилии «шакалят» и подкупной интеллигенции.

...Абе завтра с утра летит в Астану на торжества по поводу вручения городу премии ЮНЕСКО.

7 августа 1999 г.

Появился из Астаны Абе. «Белгілі жағдай ғой...» Видно, впечатлений никаких. Устал. Обещал зайти в течение дня.

...В обед зашел Абе, написал длиннющее письмо-поздравление моему отцу и передал костюм, явно большеватый для моего отца, но даренному коню в зубы не смотрят. Абе заметно устал и сильно загорел после Алаколя.

Рассказал он о своей задумке: на конкурс Онассиса он хочет преда «Аблай хан». Спектакль, мол, записан, на русский язык пьеса переведена Санбаевым.

20 августа 1999 г.

По приезду из Ташкента заглянул в газеты и обомлел. 19-го скончался М. И. Исеналиев. Отдохнув малость, вместе с Абе отправился в скорбный дом. Выразил семье соболезнование. Хороший у М. И. сын – Тимур. Жалко Майю Ивановну. Ушел Михаил Иванович на взлете, красиво, обласканный благодарной памятью людей. Написал несколько книг и ряд высоких публицистических статей. Красивый человек. Красиво жил. Красиво ушел. Похороны в понедельник, в Каздрамтеатре.

...Более часа гулял с Абе, рассказывал ему ташкентские впечатления.

23 августа 1999 г.

...Вечером опять позвонил Абе: «Қалайсың?» И посоветовал: «Жұмысты қой, план дегенді таста».

25 августа 1999 г.

На рассвете случился со мной удар. Вот до чего довела гипертония. Лишь через неделю компьютер определил: инсульт. Меня из кардиологии перевели в неврологию.

5 сентября 1999 г. (В больнице)

У Абе много недоброжелателей. Особенно среди казахов. Некоторые из-за нелюбви к нему унижают его творчество. А это уже несправедливо. Можно не любить

Абе собирается в Турцию на конференцию по философии тюрков. Хочет лететь через Ташкент, посмотреть на тамошнее положение и завернуть в какой-нибудь кишлак. Абе всем знакомым говорит, чтобы ко мне

не ходили... «Қартайдым, – удрученно заметил вдруг Абе. – Жаловаться грешно, бірақ сеземін: қартайдым». Еще бы 75 лет! «Енді сен семіріп кетесің», – говорит мне Абе. «Неге?» – «Енді жатқан адам семіреді ғой». – «Маған ондай қауып жоқ».

10 сентября 1999 г. (В больнице)

Абе вчера сказал: «Анау неміс журналыңды таста». Ощущение такое, что Абе радуется, что я не смогу работать. «Тастамаймын», – говорю. «Бәрекелді! – говорит он, мрачнея. – Бәрібір ақша төлемейлі. Қайтесің оны?» – «Мейлі. Түбі бір төлер».

12 сентября 1999 г. (В больнице)

Әбенің ойы: XXI ғасырда қазіргі аурулардың біразына ем табылып қалар. Оның есесіне жаңа аурулар пайда болуыы ықтимал.

17 сентября 1999 г. (В больнице)

Зашел Абе, принес две газеты, я ему отдал интервью Өтежана. Завтра Абе вылетает в Шымкент, оттуда – в Ташкент, потом прямым рейсом – в Стамбул. Назад собирается 1-го или 2-го октября. Сидит, поминутно зевает. «Қатты шаршап жүрмін. Үйге адам көп келеді, телефон соғады. Жұрт сенен көмек күтеді, ал, қолыңнан келері шамалы». Зевает, зевает, зевает... «Жүрісті азайтыңыз, Әбе», – говорю. А он делится своими планами. После Турции он намерен съездить на родину, поставить памятник на могиле матери, пригласил 5-7 мулл, чтобы они сотворили молитву. «Это мой святой долг». Потом либо ляжет в больницу, либо отправится в Астану. Такие вот планы... Чувствуя, что играет сердце, я простился с ним. Что он устал – весьма заметно. Мне он советует жить без плана и бросить всякую работу. Советы давать легко...

2 октября 1999 г.

Вечером звонил Абе, вернувшийся из Турции.

12 октября 1999 г.

Абе собирается завтра в Актобе: якобы намерен там раздобыть огнеупорные кирпичи на памятник матери. Тепло простился со мной по телефону и сообщил новости, ссылаясь на Караманова: дескать, комму-

нисты получили на выборах 35 % голосов, потом идут «отанисты», затем – Гражданская партия. На второй тур, мол, остались Дулат, Бигельды, Балташ. Значит, кое-какая надежда есть.

13 октября 1999 г.

Часа в три дня позвонил Абе. Он сочинял телеграмму, приветствуя назначение Касымжомарта премьер-министром. В 4 дня засобирался в Актобе. Пришла ему телеграмма от Мустая Карима: приглашает на свой юбилей, и Абе обрадованно сообщил, что из Актобе он рванет в Уфу.

«Өзіңіздің юбилейіңізді қайтесіз?» – спросил я, Абе ответил резко: «А я на него положил».

22 октября 1999 г.

Сегодня официальный день рождения Абе – 75 лет. Но его самого в городе нет. Он на юбилее Мустая Карима. Ни один свой юбилей Абе не проводил. Видно, готовится к 90-летию.

27 октября 1999 г.

Вернулся из Уфы Абе. Весьма доволен. Коротко переговорили по телефону. Пригласил к себе. Но я не могу подняться на второй этаж. «Тогда я зайду к тебе». Я сказал: не надо, давление поднимается. Он сказал: «Когда давление будет нормально, скажи». Моя статья о нем в «XXI веке» ему знакома. Ее прочел ему за дастарханом в Актобе какой-то почтенный пенсионер. «Ты меня знаешь давно, я у тебя как на ладони, – сказал Абе. – Я растрогался в том месте, где ты пишешь, что я тщеславен, но умею это скрывать. Верно: так оно бывало раньше, а теперь, поверь, не так. Теперь у меня нет тщеславия».

31 октября 1999 г.

То, чего я опасался, случилось. Абе выступил у памятника Пушкину, по словам присутствовавших, тягомотно и нудно. Долго и скверно читал по бумажке, когда и Президент, и скульптор говорили просто, доступно и коротко. Абе якобы говорил больше и дольше всех; публика раза три его обрывала хлопками; учащиеся кричали: «Кончай!», а Абе никак не кончал.

Не своим делом занимается почтенный аксакал. Говорить не умеет, читать не умеет, предложения строит по-книжному мудрено, с претензией, мыслей нет; о Пушкине весьма приблизительное, поверхностное

представление, возраст высокий, вид непрезентабельный, куда он полез?! Правда, показался на глаза Президенту. И только что! Других лавров не пожинал. Жалко, досадно. Некому его отговаривать от подобной показухи. А ведь серьезный человек

1 ноября 1999 г.

Позвонил я Абе, пошел поздравлять его с 75-летием, отнес подарок. В квартиру не зашел: тяжело подниматься. Походили мы с ним 1,5 часа. Он был в добром расположении духа, даже сентиментален. «Сен өлсең, мен де өлемін» – заявил он вдруг. Я ответил: «Онда асықпайық. Өзі де соған келер».

Он готовился к встрече с Президентом. Якобы завтра в три часа. Абе подробно поведал, о чем он намерен говорить с Президентом. Четыре пункта, и все значительные. Я одобрил. Еще один пункт он держит в запасе: премии ПЕН-клуба и отношение к Алтынбеку.

...Потом он рассказал о приезде Кима, о предстоящем в Атырау юбилее Абиша, о том, как зашел к нему Тасмагамбетов. И получилась добрая, исповедальная прогулка.

2 ноября 1999 г.

Зашел в шестом часу Абе. Радостный, довольный, в новом, приличном сюртуке – подарок одной дамы из Актобе. Был он у Президента. Свободно изложил все, что запланировал и о чем он меня вчера проинформировал. Беседа шла не менее полутора часов. Слушал Президент внимательно. О выборах разговор не вели. Президент сказал, что «Народный писатель» отменили, спрашивает Абе о новостях в мире, о результатах Стамбульского саммита, о войне в Чечне, о позиции России. Неосведомленность Абе поражает. Радио (особенно зарубежного) не слушает, газет не читает, пользуется обрывками слухов из Президентского и акимовского источников. Мыслит застойно. Симпатии его на стороне сегодняшней власти. Все время и силы его уходят на тои, юбилеи, дастарханы, на внешние раздражители, на банкеты. Он радуется тому, на каком банкете побыл, когда и вслед за кем выступил, что сказал, сколько было людей, кто из начальства присутствовал. Слово «бастық» он произносит, будто у него шоколад во рту. «Бастыкам» он почему-то всегда втайне завидует. И от каждого «бастыка» он хотел бы что-то иметь. Такая вот слабость. Бог дал ему талант, писатель он большой, и душа, и сердце

чуткие, а вот пендешіліка в нем замешано тоже до черта. Я знаю: некоторые за это его презирают, видят только эту его сторону, другие – посмеиваются (иногда незлобиво), а мне его жалко. И эту свою природную слабину он порой преодолеть не в силах. На старости лет выпячивается все более заметно.

25 ноября 1999 г.

Утром я позвонил Абе, дабы узнать его хал-жағдай. Оказалось, распечатал перевод второй книги теперь читает, по ходу редактируя. Переводом Кима он в общем доволен, но есть кое-какие претензии к лирическим сценам. Чувствуется, настроение его неплохое. Охотно хотел бы, чтобы я читал рукопись, но, зная мое положение, не смеет предложить. Я сказал: «Правильно».

26 ноября 1999 г.

Звонил Абе, корпит над редактурой перевода, боюсь, больше портит, чем улучшает, лезет в чужой огород. Сказал, что завтра в «СолДате» выйдет статья Шуги, и еще одна ее статья была на днях в «Новом поколении» (перепечатка из ДН с сопроводиловкой Аннинского). Пожаловался на усталость и готов лечь в больницу. Что он устал – верю: мотается по поминкам, юбилеям, сборищам, тоям. Тут поневоле устанешь.

27 ноября 1999 г.

Доложил Абе с утра о своем состоянии. Было ему нехорошо: АД 145/110 – нижнее, конечно, многовато, а верхнее – для меня, например – айналайын. Готов Абе лечь в больницу, если только найдется место. Вызвал врачей. Сделали ему укол. И вот он весь разбитый и сонный. Сообщив все, сказал: «Доклад окончен».

5 декабря 1999 г.

Сегодня Абе вылетел с Ан. Кимом в Актау на юбилей Абиша. Нашел Абе меня возле памятника Чокану. Был он одет весьма оригинально: на голове кепка, на плечах синее пальто Ажар, в стеганых штанах и в ботинках на босу ногу. Ни дать ни взять – вумэн. Прогулялись всего минут двадцать. Он спешил: надо было еще речь доделать, мясо сварить, за Кимом в санаторий съездить, в дорогу собраться. Взял он с собой мою телеграмму в адрес Абиша.

10 декабря 1999 г.

В «Қазақ әдебиеті» анкета по казахской литературе. Ответили Аманхан Алим и Ауэзхан Кодар. И оба с выпадом против Абдижамила. Аманхан отнес его к тем, кого переоценивают. «Ал артық бағаланып жүргендер – Олжас Сүлейменов, Әбдіжәміл Нұрпейісов, Мұхтар Шаханов». А Кодар и вовсе эпатирует: «Мені оқымағанда кімді оқиды? Нұрпейісов әулетін бе?» Странно. Я давно заметил, что Нурпеисова многие не любят. Возможно, и есть за что. Но объективности ради надо признать, что он художник, и к творчеству своему, к литературе он относится честно, с высокой ответственностью. Этого отнимать у него не стоит. Конечно, нынешние сорокалетние более образованны, начитанны, обладают большим кругозором – это так. По этой части Абе не блещет. Интеллектуальный багаж его не велик. Но это его судьба. И в этом он не виноват. Как личность он все же выше многих его молодых оппонентов.

14 декабря 1999 г.

Объявился Абе. И тотчас поскакал к Морису (Симашко) прощаться. Так сказать, успел.

Оказалось, после Актау он подался в Атырау, где-то отравился, лежал в больнице и, едва оклемавшись, вернулся домой. Но еще не здоров.

Тоем Абиша он доволен. Говорит, рад за Абиша, наконец, мол, он получил свою истинную оценку, и все шлюзы открылись. Что сие конкретно означает, он расшифровывать не стал.

15 декабря 1999 г.

Утром звонил Абе. Видно, малость оклемался, повеселел. Обсуждение его романа в СП, которое было назначено на сегодня, отложили на конец января. О том, что некоторые жигиты шпыняют его в печати, он в курсе, но сказал: «Если обращать внимание на это, то жить станет невозможно». Сказал, что Кодар якобы выступил в «СолДате» со статьей, где неуместно отозвался о казахах, и Шуга ударила контрстатьей, которую он, Абе, не очень понимает из-за ее излишней учености и множества иностранных терминов, а потому просит мне ее прочесть, и прислал номер со статьей.

Еще он предложил мне перевести статью Абиша о нем (послесловие к роману), сказал, что о том просят и Абиш, и Ким, спросил, согласен ли я перевести эти тридцать страниц за 100-150 «зелененьких», я сказал, увы,

сейчас не в состоянии. Дай Бог управиться со своими делами, не до перевода ныне. Спросил Абе: «Кім бар? Кто бы мог перевести?» Видно, он хотел бы статью Абиша вставить в будущее русское издание своего романа.

17 декабря 1999 г.

Абе рассказал о своем споре с Казаковым по поводу «Черного арапа» Пришвина. Юрий Казаков считал, что казахи должны ставить памятник Пришвину, а Нурпеисов возражал: с какой, мол, стати; автор увидел казаха внешне, отстраненно, отчужденно, не понимая его; казах, дескать, совсем не такой. Не зная языка, народ постичь невозможно. Отсюда и все искажения. Именно с такой позиции подходят к своему народу и разные кодары. В такое, как сейчас, время унижать народ, смеяться над его прошлым, считать, что у него ничего достойного не было, – грешно. Словом, Абе убежден, что точка зрения его дочки абсолютно верна. Я же полагаю, что она верна относительно. И вообще я не приемлю патриотизма, который основан исключительно на преувеличении, возвышении роли своей нации и своих предков в прошлом. Что из величия прошлого, если настоящее жалкое?

Но я спорить не стал, зная болезненность и щепетильность Абе в национальном вопросе.

19 декабря 1999 г.

Абе подтвердил, что Василя Быкова в городе нет (несмотря на циркулирующие слухи), и обрадовался, узнав от меня, что Быкову вручили премию «Триумф». «Ой, жақсы болды ғой...»

21 декабря 1999 г.

Еще до 8-ми позвонил Абе. Голос бодрый. Расспросил о выборных делах в России и о визите Назарбаева в Америку, сообщил, что он сегодня вылетит в Кызылорду «Жайшылық па?» – «Иә, бір шаруамен. Екі күнге». Молодец! В таком возрасте шастает активно. Помню, Ахтанов ему говорил: «Сексенге еркін жетесің».

23 декабря 1999 г.

Как-то Абе спросил меня: «Кого мы будем от нашего ПЕН-центра в этом году на Нобелевскую премию предлагать. Может, Абиша?» Я ответил: «Издайте свой роман на русском, тогда и выдвинем». Он не ответил.

24 декабря 1999 г.

По раннему утреннему звонку я сразу догадался, что прибыл Абе. Действительно, был в Кызылорде, оттуда 450 км проехал на машине до Шымкента, чтобы с Сапарбаевым на его самолете прилететь в Алматы. И в тот же час, с опозданием, отправился на прощальный банкет В. Д. Николаенко, уезжающего посла России, посидел с Храпуновым в отдельном кабинете, получил награду – медаль Пушкина и теперь весь сияет. Настроение хорошее. Сообщил, что в самолете у одного пассажира увидел номер «АиФ» с материалами о нем (интервью Кима и еще двух-трех) и пригласил на вареного осетра. Я сказал: «В следующий раз». Сам он намерен засесть за работу: обещал, мол, Киму восемь страничек «добавки». «Молодец! – говорю. – Активной жизнью живете», и он в ответ рассмеялся.

27 декабря 1999 г.

Понедельник. Час гуляли с Абе. Он в добром расположении духа. Очень доволен статьей-интервью с Кимом в «АиФ». Вообще газета щедро и любовно подала его. Абе сразу же поинтересовался: читал ли этот номер. Мне его принесли после обеда, и я прочел и интервью, и поздравление газеты, и «лебизы» Мурата Ауэзова и Болата Аюханова. Все достойно и высоко! И Ким сказал шикарно и об авторе-юбиляре, и о его романе.

Я передал Абе три номера киргизской газеты «Res Publica». Абе заметил: «Мало тебе казахстанских оппозиционных газет, еще и киргизские читаешь?!» Говорили о политике, о положении в России и Кыргызстане, о поездке Назарбаева в Америку. «Иә, мынау аздаған өмірде біреудің көтін жалау – мүсәпірлік», – заметил он.

Потом зашли ко мне, пообедали, он полистал книги, переданные мне в последнее время, попросил телефоны Майры Ж. и Мурата А. Ближайшая его забота – подготовить страниц десять «добавки» ко второй книге, после чего он считает работу окончательно законченной. Все интересовался, что «Свобода» говорит, что «Азаттық», что происходит в Чечне. Поразительное спокойствие и умиротворенность исходили сегодня от Абе. Будто он обрел некое душевное равновесие. А вот мое поздравление на имя Абиша он посеял, так и не зачитал на тое в Актау. Говорит, по рассеянности доверил Кулкенову, а тот тоже запамятовал. В результате на юбилее Абиша мое поздравление не прозвучало, что, конечно, меня очень огорчило.

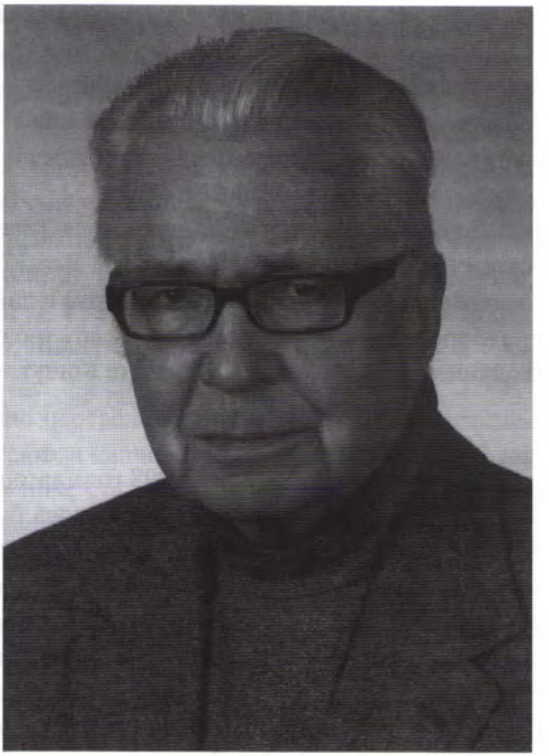
30 декабря 1999 г.

С утра Абе поинтересовался моим здоровьем, спросил, закончил ли я свой роман. Голос усталый, чем-то недоволен. Встал, оказывается, в пять, подготовил завтрак внуку, держащему уразу, снова задремал. Работа не идет. «Жаңа жылдан кейін отырмасам... Жизнь хреновая. Бір жаққа кетпесем...» И вздыхает. «Жақсы. Жай амандық білу ғой...»

31 декабря 1999 г.

Позвонил Абе, очень тепло поздравил с Новым годом. Пожелал здоровья. «В том, что это главное, надеюсь, ты убедился». Я намеревался поздравить его после девяти-десяти часов вечера. Он меня опередил, и мне стало неловко: как-никак он ведь старше меня. «Қазақта мақал бар ғой. Шабан үйрек бұрын ұшар деген. Сол сияқты, мен де бұрынырақ звондап отырмын». Я пожелал ему как можно дальше внедриться в XXI век. Я ему это желаю самым искренним образом и ласково, благодарно говорю ему: «Абе, будьте! Будьте еще долго! И спасибо за дружбу!» Надеюсь, наши добрые контакты продолжатся и в наступающем тысячелетии.

Леонард Кошут

ПРИЯТНАЯ ВЕСТЬ ИЗ БЕРЛИНА

(О книге «Фольк унд Вельт» и ее авторе)

Из Берлина пришла бандероль. В ней объемистая – в 380 страниц – книга. В переводе с немецкого называется «Фольк унд Вельт. Автобиографические свидетельства об одном легендарном издательстве». Автор книги – Леонард Кошут. Большинство литераторов бывшего СССР называют его просто Лео. «Дорогой Лео» – так обращаюсь я к нему в письмах уже тридцать лет.

Не знаю, говорит ли нынешнему поколению казахстанцев о чем-то само название книги и имя автора. А для литераторов моего поколения (и не только казахстанцев, а всех, без исключения, республик бывшего СССР) и само издательство «Фольк унд Вельт», и его многолетний заведующий отделом советской литературы – общительный, элегантный, обаятельный, добрый человек и признанный литературный критик, литературовед, эссеист, переводчик, составитель книг и редактор Лео Кошут стали поистине легендарными.

Верный друг многих выдающихся советских и постсоветских писателей многонационального СССР, Лео Кошут пользовался в течение десятилетий заслуженным авторитетом и любовью и у казахстанских литераторов. Кстати, то же можно сказать и о его супруге, известной переводчице с русского языка Шарлотте Кошут.

О штандпункте

В письме от 13 сентября 1998 года автору этих строк Лео Кошут пишет: «...Все же мне жаль, что не удалось больше сделать – и во времена ГДР, и после, когда мне мерещилась целая библиотека “ex oriente”, начиная с уже намеченной книги Абиша, а вышли только первые две книжки библиотеки, – издательство целиком провалилось. Но все тридцать лет, которые я проработал в издательстве «Культур унд Фортшритт. Фольк унд Вельт» (оно потом так и называлось просто «Фольк унд Вельт»), я отстаивал убеждение, что мы и издаем не просто советскую

литературу, а определенные национальные литературы со своими традициями и особенностями. Это, во-первых, многие не понимали (бывали и идеологические страхи), а, во-вторых, это сталкивалось с интересами других редакций.

А что касается самого моего занятия отдельными национальными программами, в том числе казахской (и казахстанскими), то я сам был бы намного беднее без него, был бы просто другим (во взглядах на мир менее богатым) человеком. В этом отношении меня обогатило даже то, что я прочитал, но что я не смог пробить в планы издательства...»

Немного подробнее о самом авторе книги «Фольк унд Вельт»

Заслуги Лео Кошута (Leonhard Kossuth, Берлин, род. 25.07.1923 г. в Киеве) в популяризации литературы нынеших стран СНГ, в том числе и казахской литературы, бесспорно, огромны.

Более тридцати лет (1958–1989) работая последовательно заместителем главного редактора, а потом главным редактором, заведующим отделом советской литературы в издательстве «Культура и прогресс. Народ и мир» («Kultur und Fortschritt. Volk und Welt», Берлин), он все свои силы, знания, талант и незаурядные организаторские способности по велению сердца интернационалиста и гуманиста посвятил пропаганде лучших образцов русской и многонациональной литературы экс-СССР на немецком языке (А. Блок, В, Маяковский, М, Булгаков, А. Платонов, К. Симонов, В, Тендряков, Ю. Трифонов, Д. Гранин, О. Сулейменов, М. Слуцкис, Ч. Айтматов, Б. Окуджава, О. Чиладзе, А. Кекилбаев, Ю. Рытхеу и многие-многие другие).

Лео Кошут и сам успешно переводит на немецкий язык произведения многих выдающихся русских и национальных писателей, составляет книги, пишет предисловия к ним, статьи о них в немецких периодических изданиях, организовывает радиопередачи, состоит в постоянном творческом контакте с крупнейшими писателями бывшего Советского Союза.

Особенно следует подчеркнуть его давние и плодотворные контакты с казахской литературой. В течение 60-80 годов он неоднократно приезжал с группой редакторов и переводчиков в Казахстан, налаживал живую творческую связь с казахстанскими литераторами, знакомился с их

творчеством, отбирал наиболее достойные произведения для перевода на немецкий язык и с любовью и тщанием, профессионально издавал их в издательствах Берлина «Фольк унд Вельт» и «Ауфбау» (в последнем издательстве долгие годы работала его жена Шарлотта Кошут, переводчица и литературовед, также много сделавшая в деле пропаганды литературы народов СССР).

Вот перечень книг казахстанских писателей, увидевших свет в Германии (бывшей ГДР) благодаря непосредственному участию Леонарда Кошута:

Тахауи Ахтанов. Грозные годы. 1960.

Мухтар Ауэзов. Путь Абая. 1961.

Мухтар Ауэзов. Серый лютый. 1962.

Мухтар Ауэзов. Выстрел на перевале. 1964.

Ануар Алимжанов. Стрелы Махамбета. 1971.

Абиш Кекилбаев. Баллады забытых лет. 1972.

Мухтар Ауэзов. Лихая година. 1974.

Дукенбай Досжанов. Полынь и цветы. 1975.

Абиш Кекилбаев. Хатынгольская баллада. 1973.

Сатимжан Санбаев. Когда жаждут мифа. 1976.

Морис Симашко. Маздак. 1976.

Белая аруана. Рассказы казахских писателей (предисловие З. Клейнмихель, послесловие Мурата Ауэзова). 1979.

Оралхан Бокеев. Когда уходят Плеяды. 1980.

Морис Симашко. Емшан. 1980.

Абиш Кекилбаев. Конец легенды. 1980.

Олжас Сулейменов. По азимуту кочевых народов. 1981.

Морис Симашко. Искупление Дабира. 1961.

Антология «Десять советских немецких писателей» (предисловие Г. Бельгера). 1982.

Абиш Кекилбаев. Степной колодец. 1982.

Абиш Кекилбаев. Соломинка удачи. 1985.

Дукенбай Досжанов. Шелковый путь. 1987.

Примечательно, что под непосредственным руководством жены Л. Кошута – Шарлотты в издательстве «Ауфбау» были красочно изданы романы «Сумерки», «Мытарства», «Крушение» Абдижамила Нурпеисова, который в 1973 году пригласил супругов Кошут в Алма-Ату, где они в

юрте зоотехника Турсунбая Биримкулова (в Узун-Агаче) нарекли именем Шарлотта его новорожденную дочь, ставшую, таким образом, их названной дочерью.

В этом году Лео Кошуту исполняется 80 лет[1]. Он по-прежнему не теряет связей с Казахстаном, переписывается со многими, пишет и составляет книги, с радостью встречается со всеми казахстанцами, бывшими в Берлине.

О чем книга?

Ныне принято ругать или – по крайней мере снисходительно-скептически говорить о том, ЧТО и КАК было в социалистической ГДР. Впрочем, такая же тональность нередко звучит в досужих измышлениях иных бойких перерожденцев, когда речь заходит и о СССР. Я прожил большую часть своей жизни в той эпохе, видел и испытал на себе все ее прелести в кавычках и без, да и личных обид полный мешок, однако и поныне вся моя душа противится тому, чтобы однозначно, одномерно охаивать все прошлое. Что было, то было... В социальном, культурном отношении, несомненно, был и позитив, о котором ныне можно вспоминать только с тоской. В данном случае я имею в виду культурные, творческие книгоиздательские контакты между разными республиками и странами. Были благие явления, которые капиталистической эпохе и не снятся. Которые воспринимаются в век золотого тельца как легенда.

Вот об одном из таких ярких и светлых явлений той эпохи – о легендарном издательстве «Фольк унд Вельт» в ГДР – обстоятельно, с конкретными фактами, выверенными ссылками повествует берлинец Леонард Кошут, более тридцати лет плодотворно служивший духовным контактам двух ныне не существующих стран – СССР и ГДР.

На долю Лео Кошута выпал счастливый жребий, высокая духовная миссия быть верным другом, деятельным издателем, блестящим переводчиком, пропагандистом, благожелательным критиком и знатоком русской (классической и современной) и многонациональной, так называемой советской литературы. За долгие годы работы в издательствах «Культур унд Фортшритт» и «Фольк унд Вельт» (впоследствии объединившихся) он ежегодно по два-три раза приезжал в Москву (как правило, с группой редакторов – специалистов по той или иной литературе), объездил все

[1] Статья написана в 2003 году.

республики, завел личные творческие контакты с общественными организациями, издательствами, редакциями журналов, а также с подавляющим большинством известных писателей необъятного СССР.

Организация, структура, направление, творческие поиски, талантливый коллектив издательств, сложные перипетии по изданию той или иной книги, серий, переводческие проблемы, непростые деловые отношения с властью (известно, что по части бюрократии немцы, пожалуй, впереди планеты всей), многочисленные встречи с писателями, читательские конференции, комические, трагические, щепетильные ситуации, интриги (как же без них в творческой жизни?), дружба и благородство и многое, многое другое – все вместе является объектом книги, ее содержанием и пафосом.

Книга читается с неослабевающим интересом. Лично мне в ней многое знакомо. Знакомы имена и судьбы немецких писателей, издателей, редакторов, литературоведов, в т. ч. и тех, кто в годы фашизма жил в СССР, а позднее работал в московской газете «Нойес Лебен» и других изданиях Москвы; знакомы русские и национальные литераторы (особенно азиатских республик); в курсе я также многих поездок Кошута и его коллег по городам и весям нашей страны. С 1973 года нахожусь в переписке и с Кошутом, и со многими его сотрудниками. Десятилетиями был как бы внештатным информатором этого издательства по казахской и российско-немецкой литературам, встречался с Лео в Алма-Ате, Москве, Берлине в официальной обстановке и в домашнем кругу, и потому все, о чем повествует автор в своей книге, я воспринимаю с сердечным трепетом, как нечто родное и близкое. Да и многое из того, что Лео Кошут написал и издал, он считал нужным мне регулярно присылать. И все его письма я бережно храню, как документ эпохи.

Все вскользь перечисленные мною темы нашли отражение в книге Лео Кошута в подробном изложении с вкраплениями в виде статей, фрагментов, интервью, бесед, фотографий, справочной литературы, живо свидетельствующих о времени и людских (писательских) судьбах.

Как построена книга?

Книга построена по принципу линейного повествования, т. е. строго хронологически от образования издательства до потери его статуса в связи с распадом ГДР. Время и место повествования распределены по

37 главам, подчиненным определенной теме. Вот некоторые названия глав: «Эпилог в качестве пролога» (речь идет об истоках издательства, его основателях, предшественниках и политической атмосфере того времени), «Приход к «Культур унд Фортшритт» (процесс взаимодействия и постепенного слияния двух издательств), «Битва в пути» (трудный путь становления издательства), «13 августа 1961 года» (сложные идеологические перипетии в литературном и издательском деле), «Путь к национальным литературам» («Фольк унд Вельт» издало литературу 23 народностей СССР), «В поисках идеальной структуры» и т. д.

В эти главы вкраплены статьи, вставные новеллы типа «Абай в Берлине», «Маяковский в Германии», «Из Дома дружбы», «Алма-Ата – культурный центр российских немцев», «Наш партнер – журнал «Советская литература», «Есенин и его переводы на немецком», «Трифонов – Айтматов – Быков – Чиладзе», а также ряд бесед, интервью с Айтматовым, Граниным, Анаром, Окуджавой, Марцинкявичюсом, Слуцкисом, Рытхеу и др.

Национальным литературам бывшего СССР и в книге Л. Кошутом уделено много внимания. Скажем, литовской, латышской и эстонской литературам посвящена отдельная глава (13-я); молдавской – отдельная (16-ая); в другой главе речь идет исключительно о литературе Казахстана и российских немцев (17-я). По отдельной главе выделено в книге русской; украинской и белорусской; киргизской, узбекской, таджикской, туркменской; грузинской, армянской, азербайджанской литературам. Кошут увлекательно рассказывает о своих поездках в эти республики, о многочисленных встречах с местными литераторами, о творческих контактах, об отборе рукописей, о переводе и издании книг. Эти главы, уверен, вызовут ностальгию у многих писателей советской эпохи. Ведь тех контактов, встреч, декад, бесед в многочисленных домах творчества, взаимопереводов, взаимопроникновений, взаимовлияний ныне и в помине нет, все национальные литературы варятся в собственном соку, и что творится в культурной и духовной жизни соседей, также никто не знает. И это одна из самых больших потерь, бед, которые принес «парад независимостей». И своей книгой Л. Кошут напоминает нам то благодатное время, перечислив поименно всех друзей «большой» литературы большой страны, которые честно и достойно представляли и свой народ, свою национальную литературу, и ту страну, выпавшую ныне из исто-

рии. Братство и дружба национальных литератур явились той прекрасной реальностью, о которой следует помнить. Книга Кошута – яркое и живое свидетельство той поры.

Одна глава книги Кошута посвящена переводчикам советской литературы на немецкий язык. В ГДР их выросла целая плеяда. Наиболее известными переводчиками были Г. Гупперт, Г. Ангарова, Т. Решке, Е. Пацунг, Э. Тиде, Э. Арндт, К. Лихтенфельд, В. Элерт, Ш. Кошут, Х. Бурк, Р. Ланда, И. Чёртнер, Х. Херборт, В. Арндт, И. Шрёдер, Г. Кюбарт, А. Франк и многие, многие другие. С некоторыми из них я был знаком, с иными переписывался, переводы многих я сравнивал-сопоставлял с оригиналами и должен сказать, что это были прекрасные мастера, знатоки языков, относившиеся к своему делу ответственно и творчески. Они, как правило, переводили с русского. Но в «Фольк унд Вельт» группировались знатоки и национальных языков, переводившие на немецкий язык непосредственно с латышского, эстонского, литовского, грузинского, украинского языков. Я знаю, Зигрид Клейнмихель делала попытки переводить непосредственно с казахского. Сейчас я с тревогой и тоской думаю: что стало с этими кадрами, оказались ли они востребованными в нынешнем ФРГ? Прекрасным переводчиком зарекомендовал себя и сам Лео Кошут. В его книге там и сям воспроизведены его стихотворные переводы из Лермонтова, Окуджавы, Казаковой, Абая. Они отмечены глубоким проникновением в стихию оригинала.

Любопытны встречающиеся в каждой главке своеобразные короткие вставки под названием: «Рассказать вам про один случай?» Эти лапидарные зарисовки, картинки являют собой какой-нибудь интересный факт или забавный случай из встреч и путешествий автора, отражающие дух эпохи или определенную ситуацию. Эти вставки весьма колоритно оживляют повествование.

Выгодно и эффектно дополняет книгу ее справочный материал. Тут и библиография всех изданий, увидевших свет в издательстве «Фольк унд Вельт» в промежуток между 1987 и 2001 годом. Я насчитал 162 названия книг, и это без вошедших в отдельные самостоятельные серии. Впечатляющая, наглядная картина широкомасштабной деятельности.

Отдельной главой воспроизведена в книге персональная библиография автора: его издания, предисловия и послесловия к книгам, переводы, интервью, очерки, эссе, выступления по радио, публикации в газетах и

журналах. Они составляют также солидный творческий багаж. И свидетельствуют о том, что Лео Кошут никогда не сидел, сложа руки.

В конце книги дан список имен, встречающихся в книге, в порядке немецкого алфавита от Абая до Цветаевой – несколько сот имен. Наиболее часто упоминаются в книге Гранин, Окуджава, Айтматов, Трифонов, Эренбург, Маяковский, Есенин, Евтушенко, Шрёдер. Из казахстанских литераторов в книге упоминаются Абай, Ауэзов, Мустафин, Ахтанов, Алимжанов, Нурпеисов, Кекилбаев, Бельгер, Курманов, Исабаев... С особенной любовью пишет Лео Кошут о Казахстане, о казахских писателях, о том, как в 1973 году его с женой пригласил в Казахстан Абдижамил Нурпеисов, как щедро и радушно их принимали в городе, в степи, как жили в юрте, сколько было радостных встреч и незабываемых впечатлений. В книге представлены 66 фотографий, три из них отражают казахстанскую тематику. Увидела книга свет в Берлине в издательстве «Нора».

* * *

Лео Кошут должен (обязан) был написать эту книгу (кто, если не он?!), и он ее написал. Честь ему и слава!

О ярких страницах наших недавних духовных и культурных контактов мы должны были знать, и мы о том узнали. Важнее, понятно, чтобы о том знали и помнили грядущие поколения. Наш германский коллега и собрат написал книгу полезную, поучительную, правдивую, убедительно поведал о том, что сам видел, пережил, перечувствовал, положив в фундамент духового единения культур и народов, по-абаевски выражаясь, крепкий кирпич. Мы, его казахстанские друзья, приветствуем выход его книги и благодарим за добрую, неизбывную память, за совершенные им в нужное, непростое время благородные деяния.

СЕМЕЙНАЯ САГА ЛЕО КОШУТА

Книга написана по-немецки и в оригинале называется «Ach, Väterchen!». Есть и подзаголовок «Meiner Mutter Prinz». А третья строка определяет, уточняет временные рамки: «Familien-Saga 1850–2010». Крупного формата, тщательно, с любовью изданная книга. Плотная бумага, прекрасный шрифт, 215 фотографий. Занимательное, увлекательное,

облагороженное высоким, искренним чувством, благодарной сыновней любовью и памятью повествование. Исповедь. Дотошное исследование ветвистой родословной. Семейная, многоклановая сага, охватывающая эпохи – 160 лет. Автор – Leonhard Kossuth. Книга издана в Берлине в издательстве «Nora».

Получив книгу от автора, я ее два вечера заинтересованно листал, оглаживал, обнюхивал, подолгу разглядывал фотографии: благородные лица, исполненные собственного достоинства и чести, горделивая осанка, броские костюмы и позы, глубокий, умный, цепкий взгляд далеких предков, узнаваемые черты наших современников – их разноплеменных потомков. Неразрывная цепь времен. Портрет и дыхание эпохи. Обаятельная фигура творца саги, живого свидетеля многообразного, многоликого во времени и пространстве бытия.

Именно в этом шарм книги.

Именно в этом ее пафос и значение.

Именно этим она выходит далеко за рамки обыденного семейного повествования и обретает форму панорамной саги, охватывающей страны, судьбы, эпохи, память, страсти, надежды, боль, утрату поколений.

А кто такой Леонард Кошут? С какой такой стати он замахнулся на столь объемистую семейную сагу? И что это будет, если каждый надумает писать и издавать свои пространные семейные истории?

Так вполне резонно может спросить иной неискушенный читатель...

Отвечу коротко.

Леонард Кошут (1923) – «не каждый». Это крупная личность, широко известная в культурном, литературном, издательском мире; он признанный культуртрегер, переводчик, эссеист, критик, составитель и издатель великолепных книг; он благородный связной разных культур и литератур; он бывалый, активный, неравнодушный человек, познавший жизнь во всех ипостасях, свидетель драматических коллизий XX века, участник бурных событий и благополучно и полезно внедрившийся в созидательный процесс XXI века; он само обаяние, излучающий добро и свет, такт и деликатность в общении с людьми самых разных слоев; он носитель культуры народов; воплощение живого ума, высоких порывов, множество лучших человеческих качеств.

Далее не стану перечислять достоинства Кошута, дабы не смущать моего давнего старшего друга. Я его знаю – дай Бог памяти – более трид-

цати лет, встречался с ним много раз в Алматы, в Москве, в Берлине; все эти годы прилежно переписываюсь с ним; храню все его написанные, составленные и изданные книги; в его переводе вдвоем издали две книги Абая на трех языках; и еще: он восемь раз в разные годы посетил Казахстан; издал в свое время два десятка книг казахстанских коллег на немецком языке; он друг моих друзей; друг казахской литературы и культуры; лауреат премии Казахского ПЕН-клуба; он объездил многие страны мира, многие республики бывшего СССР; он хранит в своей цепкой памяти огромное количество выдающихся имен и событий разных стран и культур; он, сын австрийца Роберта Кошута (с австро-венгерскими корнями) и украинки Галины Логиновой, чувствует себя уверенно и надежно и в славистике, и в германистике, обладая широкими познаниями в мировой цивилизации.

Как явствует из книги «O, Väterchen!», Лео Кошут владеет богатым семейным архивом, письмами, дневниками, документами, воспоминаниями, фотографиями огромного числа предков, родичей из разных стран, людей с диковинными судьбами и биографиями. Имея под рукой такое богатство, а за спиной – столь своеобычный жизненный опыт, и вокруг – столько многочисленной, разветвленной родни, не написать масштабную, эпическую сагу, было бы – ей-ей! – грешно. Кошут должен был написать эту книгу, и он ее написал. Это было не только его правом, а обязанностью. Он сумел искусно сплести разрозненные факты семейного уровня и значения, неназойливо вычленить из них общественно-социальную суть и тем самым воссоздать картину Времени и людских судеб, подать все это чарующее многообразие через свою личную и гражданскую судьбу и сотворить Книгу о Времени, о себе, о своих сородичах. Словом, Лео Кошут выполнил с блеском свой сыновний и человеческий долг.

Книга выстроена композиционно искусно, занимательно и читабельно. Чувствуется опыт старого литератора. Кошут умеет рассказывать – просто, доступно, понятно, увлекательно. Главные части повествования составляют Bildteil, в основе которых лежат семейно-клановые отношения разных корневых систем. Скажем, Kossuth + Von Zimani / Kossuth + Rothe. Разговор здесь идет о предках австро-венгерского происхождения и о сородичах по первому браку отца – Роберта Кошута. Обозначаются географические точки повествования – проживание тех родичей: Wien – Odessa – Kiew – Butscha.

Следующий Bildteil: Kossuth + Rothe, то есть идут описания двух семейных кланов. Географические координаты: Odessa – Wien – Archangelsk – Butscha – Hamburg и т. д.

Далее подробно рассматриваются следующие родственные кланы: Buckland + Kossuth; Kossuth + Scheitzel; Kossyth + Himmelmann и т.д.

Есть Bildteil, посвященные друзьям, коллегам, авторам, писателям, потомкам в третьем, четвертом поколениях.

А между этими главами даются короткие новеллки, этюды, зарисовки, воспоминания, выдержки из документов, лирические отступления, выразительные штришки, а венчает каждую главку серия фотографий с текстовками-объяснениями, с обозначением времени и места. В композицию книги уместно вплетены изящные отступления – интермеццо.

Тут я тоже отступлю немного в сторону от изложения своих впечатлений о рецензируемой книге и скажу, что в последние годы у нас, в Казахстане, тоже пишутся много семейных книг-воспоминаний, в которых, как правило, берет верх шежире – родословное клана, племени, жуза автора. Композиционно эти книги выстроены однообразно и скучно. Я их по просьбе друзей и знакомых прочитал не один десяток. К некоторым писал даже предисловия. А сколько накатал рецензий на подобные мемуарные изделия, и не упомню. Должен признаться, что авторы подобных творений обозревают свою пройденную жизнь с невысокого аульного холма. Отсюда узкий горизонт и монотонный монолог. Кошут, как мне кажется, избрал для своей саги самый разумный, оптимальный вариант, дотошно изложив «сухую» фактологическую часть и перемежая ее изящной, доверчивой повествовательной тональностью. Поэтому его семейно ограниченная сага обрела художественную значимость, как впечатляющий, значительный документ эпохи.

Особенно привлекло мое внимание девятое интермеццо, озаглавленное «Was ist das, Heimat?». Дело в том, что для российских немцев это кардинальный, животрепещущий, вечный вопрос. «Что есть Родина?», «Где моя родина?» – о том мучительно раздумывает каждый мой соплеменник. И в моем творчестве – в моих романах, повестях, рассказах – этот вопрос звучит вновь и вновь во всех вариациях. Не обошел его и Лео Кошут.

Тема эта для автора «Ach, Väterchen!» настолько сложна, что он прибегает к реминисценциям, аллюзиям из творчества трех выдающихся

русских поэтов, книги которых он составлял и переводил с любовью на немецкий язык, – Владимира Маяковского, Сергея Есенина и Булата Окуджавы. Во всем Лео Кошут серьезен, сосредоточен и дотошен. Он приводит определение-понятие «Родина» по словарям Дудена и Клаппенбаха и ссылается на поэтические трактовки этого священного понятия в творчестве русских поэтов. Эти литературоведческие, лингвистические, историко-биографические этюды впечатляют и оживляют семейную сагу.

Своеобразием композиции данной книги является и то, что каждую главку венчает и все повествование обрамляет проникновенное лирическое, исповедальное обращение 86-летнего сына к 83-летнему отцу. Сын изливает свою благодарную душу незабвенной памяти отца, объясняется ему в верности, в любви, восторженно вспоминает трогательные случаи и детали прошлого бытия и ведет с ним, как с живым, задушевную беседу.

Эти лирические обращения к отцу сами по себе составляют законченное произведение и звучат как своеобразная «Песня песней». Я написал о своем любимом отце Карле Бельгере (скончался в Ташкенте на 94-м году жизни) две книги, посвятил его памяти роман «Дом скитальца», сделал его прототипом многих своих произведений, но такой одухотворенности и поэтической возвышенности, как Лео Кошут, признаться, не достиг.

«Где бы мы могли собраться все вместе?» – вопрошает автор, перечислив всех живых родственников, большинству которых за восемьдесят и девяносто лет.

В 2003 году Леонард Кошут был приглашен в Алматы своим другом Абдижамилем Нурпеисовым: решением исполкома Казахского ПЕН-клуба он был удостоен премии ПЕНа за заслуги в пропаганде и популяризации казахской литературы в Германии. До этого Кошут приезжал в Казахстан семь раз как заведующий отделом советской литературы ГДР-овского издательства «Volk und Welt» (то в сопровождении жены Шарлотты, редактора и переводчицы с русского, то с двумя-тремя симпатичными и молодыми сотрудницами издательства) и впоследствии как председатель кураториума по культурным связям с немецкой диаспорой за рубежом (вместе с историком, доктором Эрикой Фогт, кстати, давней и доброй моей знакомой).

На этот раз (2003 г.) жил Кошут несколько дней в пустующей квартире Нурпеисова по соседству со мной, и мы много общались, встречаясь

то в домашних условиях, то на моей любимой аллее возле памятника Чокану, то в парке имени 28 героев-панфиловцев (это было в памятный День Победы 9 мая). Мы много беседовали. И мне было приятно его слушать. На площади Независимости Лео предложил мне перейти на «ты», но я, воспитанный в ауле в почитании старших, не смог преодолеть барьер в одиннадцать лет. И все эти годы нашего знакомства я обращаюсь к нему неизменно на «Вы». Так вот, мой старший друг тогда увлекательно и доверительно поведал мне о том, что описано в этой книге: о своем отце, о рано умершей маме, о своей богатой на приключения и испытания жизни, о войне, в которой его, неверующего, должно быть, спасал ангел-хранитель, о том, как был не однажды ранен, как был в плену, как нелегально переходил границу, чтобы свидеться с отцом в Австрии, о своей первой большой любви, как учился славистике и преподавал русский язык, о жизни и службе в Берлине, о родной сестре в Англии, о литературных контактах и многочисленных друзьях в разных странах. И слушая его неторопливую исповедь, я тогда еще подумал: «Вот изложить бы все это на бумаге, получилась бы увлекательная повесть».

Жизнь незаурядного человека всегда привлекательна, интересна и поучительна. И вот годы спустя эти житейские и творческие впечатления, судьбы и многоформатная жизнь, подкрепленные документами, письмами, выверенными фактами и фотографиями, воплотились в объемную семейную сагу, охватывающую временной отрезок человеческого бытия в 160 лет и сотканную из любви, памяти, гордости, достоинства и умения рассказывать живо и проникновенно.

Интересно все же, о судьбах скольких людей поведал нам в этой книге автор? Было бы любопытно посчитать: наверняка не одна сотня. Немецкие, русские, украинские и других национальностей фамилии причудливо перемежались – сплелись в этой многопластовой саге. О многих ее героях сказано столько доброго, приметного, что они предстают перед глазами читателя, как персонажи увлекательного романа. Кошут вообще-то не беллетрист, но слогом точным, ярким и образным владеет блестяще. Имен в саге много. Очень много. Все они тщательно описаны, охарактеризованы и выстроены в повествовании, и потому мне кажется, что в этой по всем параметрам продуманной книге, может, не хватает еще именного указателя. Впрочем, вдумчивый читатель разберется в лабиринте имен и без указателя.

Из разных разностей сплетена величественная сага Лео Кошута. Бросаются в глаза и включают читателя в поток времени исторические, географические, литературные сведения, расширяющие панораму своеобразной «повести временных лет». Это любопытные, тщательно выверенные и точно определенные факты из античной, древнеримской истории и географии, об истории австро-венгерской монархии, из истории Киевской Руси, о катаклизмах Второй мировой войны в ряде европейских стран, о преобразованиях-ситуациях в Германии до войны, во время войны, после войны, после падения Берлинской стены и т. д. Жизнь людей, о которых так проникновенно повествует автор, погружена в общественно-социальную, историко-политическую реальность драматических XIX–XX веков. Такая диалектическая манера повествования, широкоохватный взгляд на бытие с высокой колокольни единого исторического процесса придают, казалось бы, сугубо мемуарной книге социально-художественную значимость.

Многое я узнал из книги старшего друга из Берлина. Я, оказывается, все же маловато знал о его жизни, житейских приключениях, непростой судьбе его в довоенные, военные и первые послевоенные годы, о его гражданском становлении и возмужании. Теперь, когда он искренне рассказал читателю о всех перипетиях своей богатой на впечатления, события и душевные переживания жизни, он стал мне еще более близок, дорог, духовно сроднен, и я испытываю гордость за него, за его высокую благородную душу, за его порядочный, обаятельный человеческий облик. Сказались, проявились в нем высокородные гены, чему казахи, в среде которых я вращаюсь почти 70 лет, искони придают огромное значение.

Узнал я многое не только о Леонарде Кошуте, но и о его окружении, о его предках и родичах, о его друзьях-товарищах, коллегах-литераторах, которых он не однажды упоминает и перечисляет на страницах своего обширного повествования.

Еще многое можно б было поведать о Кошуте и его семейной саге. Ну, например, о ее насыщенной литературной оснащенности: о стихотворных опытах разных лет, о его блестящих переводах, скажем, из Лермонтова (я с восторгом воспринял немецкий «Парус» и «Выхожу один я на дорогу». Какая точность, музыкальность, верность интонации, размеру, ритмомелодике!), Маяковского, Абая, о его, Кошута, художествен-

ных поисках выразительных средств, о его душевной настроенности на лад и склад оригинала, о его литературных и поучительных творческих контактах. Вообще в этой книге Кошута счастливо, органически перемежались-сплелись разные литературные жанры: мемуары, лирические описания, раздумья, стихи, переводы, письма-признания, скетч, пародия, хроника, исследования, очерк, эссе, элементы детектива (арест Шарлотты). Да, обо многом еще можно было бы сказать... Но, чувствую, что должен остановиться. Мои разрозненные заметы и без того растянулись. Я целую неделю не расставался с Кошутовой сагой. Какие-то фрагменты перечитывал не раз. А фотографиями вообще подолгу любовался. Знаю, что к этой книге буду обращаться временами и впредь. И чувствую: главные, достойные и высокие слова о роли и значимости в служении культуре и литературе крупной личности по имени Леонард Кошут еще впереди.

«DAZ», № 40, 41, 2010 г.

ПИСЬМА ЛЕО КОШУТА РАЗНЫХ ЛЕТ

Мы переписываемся сорок лет. За это время накопилось более двухсот писем, открыток, записок Л. Кошута, адресованных мне. Я их сдам со временем в Президентский архив города Алматы. Часть писем написана по-немецки. В данную книгу вошла лишь небольшая русская часть, с сохранением авторской стилистики и орфографии.

Дорогой товарищ Бельгер!

Долгое время прошло уже с тех пор, когда мы побывали у Вас в Алма-Ате. За то время уважаемый нами Абиджамил Нурпеисов побывал у нас в Берлине. В письме к нему мы уже сообщили, что мы прочитали Ваш рассказ «Абильмажин» с большим интересом. О публикации мы пока ничего не можем сообщить Вам. Одно обстоятельство в этом рассказе нам непонятно: что такое «трудовая армия», и как объясняется социальное положение той семьи, отец которой ушел навсегда с этой «армией»?

Дорогой товарищ Бельгер, давно мы уже с большим интересом следим за Вашими статьями в «Просторе», и вчера нам Дукенбай Досжанов прислал номер газеты «Фройндшафт» от 22 мая 1971 года. Все названные и проанализированные Вами рассказы, судя по Вашим очень убеди-

тельным словам, вызывают наш интерес. Мы уже попросили товарища Досжанова прислать их все нам, но если у Вас найдутся произведения, которых у нас нет, и Вы могли бы – хотя на время – предоставить их нам для работы над антологией казахских рассказов, мы были бы очень благодарны. Особенно мы просим Вас прислать нам Ваши собственные произведения. Ваша статья не только информативна как список новейшей литературы, но и в том отношении, что она указывает на проблемы и тенденции даже на таком ограниченном пространстве, как в газетной статье.

Мы были бы очень рады, если бы Вы постоянно оказывали нам консультацию по вопросам Вашей национальной литературы.

С сердечным приветом, надеясь на хорошее дальнейшее сотрудничество с Вами.

Герлинд Кёниг
Редактор

Лео Кошут
Зав. отд. сов. лит.

Г. Бельгеру
480100 Алма-Ата
ул. Калинина, 88, кв. 16

Берлин, 20 января 1986 г.

Дорогой Герольд!

Большое спасибо за Ваше дружеское, информативное новогоднее письмо. Оно помогает нам – мне, Шарлотте, Кристине и другим Вашим друзьям – видеть Казахстан, Алма-Ату, деяние казахских писателей не только в воспоминаниях о нашем пребывании у Вас, но и в движении.

У «Фольк унд Вельт» в прошлом году вышел сборник, который включает повесть Абиша «Соломинка». Роман Д. Досжанова выйдет не в конце 1986, а уже в начале 1987 года (это по причинам производства). В том же 1987 году должен появиться сборник рассказов Абиша «Теплый снег».

По поводу «Теплого снега». Половину рассказов переводит Кристиане Лихтенфельд, с которой Абиш знаком, вторую половину – еще не знакомая ему Ирене Штробель. Это все проблем – кроме творческих проблем перевода – не представляет. За то оказалось трудно получить казахское издание рассказов («Жазушы», 1978?), по которому сделаны русские переводы (мы получили их в рукописи), и – по нашей информа-

ции – недавно вышедшее в Алма-Ате (тоже в издательстве «Жазушы») издание тех же рассказов на русском языке. О том, что эти издания нам нужны, мы писали в разные времена и Абишу, и в Казахстанское отделение ВААП, и в издательство «Жалын» (разговор об этом состоялся и на Международной московской книжной выставке-ярмарке 1985 г.), но, почему-то, все осталось без результатов.

И казахское и русское издания нам нужны для того, чтобы в выходных данных, в содержании указать на то и другое издания (названия, годы издания, издательства), на оригинальные названия рассказов, а также для того, чтобы учесть возможные отличия переводов в книге (в сравнении с рукописью) и т. д. В крайнем случае, нам помогли бы и библиографические даты казахского издания, список казахских названий рассказов. А русское издание, пожалуй, сложнее списками заменить. Абе мы, конечно, видели, когда он приехал на юбилей издательства «Ауфбау» в Берлин. Мы были очень рады этой новой встрече, тем более, что она проходила и под знаком его нового романа «Долг» (первой его книги), за который я завидую «Ауфбау» – но главное, конечно, чтобы книга дошла до читателей Абе в ГДР, так, что с этой стороны я рад хорошей перспективе немецкого издания.

В Берлине мы недавно встречались и с Калтаем Мухамеджановым. Так что немецко-казахские дружеские связи продолжают крепнуть. Здорово было бы, конечно, в один добрый день увидеться здесь и с нашим другом Герольдом!

Привет Вам, дорогой Герольд! Привет Рае! Привет всем нашим друзьям. Приветы передают, конечно, и Шарлотта, и Кристина. Кристина, между прочим, следит теперь за казахской литературой с более «высокой» точки, как, мой заместитель по руководству всего нашего отдела советской литературы, а непосредственно «за казахскую литературу у нас отвечает» новый перспективный сотрудник (сотрудница) – Ганна-Мария Браунгардт.

Дружески, Ваш

Лео Кошут.

P. S.: На первой странице письма следует, конечно, вместо названия «Жалын» писать «Жазушы».

Берлин, 10.04.1986 г.

Дорогой Герольд!

Получил за короткий срок два письма. Спасибо! Обрадовался, конечно, Вашей оценке «Арбатского романса». (Цена у нас шифруется, смотрите на 4-й странице внизу и Вы ее «угадаете».)

Я пишу коротко. Вылетаю на днях в Москву, а здесь надо еще множество дел завершить.

О поэтических переводах, правда, можно бесконечно спорить, и без конкретности любой спор бесполезен. Но в спор о деталях я не вступаю, потому что подойти к самой детали надо, прощупав «пульс» целостного стихотворения (или всей поэмы), а это уже специальная работа. Со многим, что Вы пишете о наших современных поэтах-переводчиках, я бы согласился. Но опять-таки не оптом. Есть среди них и хорошие, среди их работ хорошие. Об одном Кирше можно очень много разного сказать. Автор одной диссертации у нас доказывает, что он блестяще перевел именно Есенина, ругает зато Эндлера. А я с автором диссертации ни в одном, ни в другом случае целиком не соглашаюсь. Все же, есть интересная книга у Кирша – о поэтическом языке, включая язык поэтических переводов: «Das Wort und seine Strahlung».

О Ткачике не буду спорить. У него были хорошие предпосылки, именно для перевода Олжаса. А готовя книгу Олжаса, я с ним безвыходно намучился. Задним числом видно, что он в то время фактически уже умирал. Откуда ему было взять «напор, размашистость, темперамент, дерзость»! И отнять ему работу в том положении было нельзя. Все же, по-разному получились его переводы в той книге, и не он один там представлен как переводчик, есть – на мой взгляд – любопытные работы.

Что касается публикации моего письма о переводах Есенина, то я просто не знаю, что сказать. Писал я письмо, и не Больгеру, а Вам (ему я, конечно, написал бы немного по-другому в смысле личного обращения). Для публикации я бы кое-что уточнил, развил. Но на переделки у меня нет времени (особенно сейчас, уезжая в командировку). Так что, поступайте, как Вам кажется целесообразно.

За все информации – спасибо. Вашим собственным публикациям буду, конечно, рад. Все приветы передал. А какой это был юбилей у Раи? Какой бы он не был – задним числом сердечно поздравляю.

Дружески, Лео Кошут.

30.12.1987 г.

Дорогой Герольд!

Спасибо за радость, которую Вы мне всегда предоставляете напоминаниями о себе.

Еще в Москве, во время Международной книжной выставки-ярмарки, я встретился с Вами: в посольстве ГДР, как только я туда зашел, мне говорят (шутя, конечно): «Ты сегодня самый великий». А потом оказалось, что они имели в виду Вашу статью «Дружба конкретного смысла полна» в «Советской культуре». А в Берлине мне здешний представитель ВААП прислал вырезку из газеты с той же статьей. Мне, конечно, приятно было, читая Вашу статью, вспоминать свои приезды в Алма-Ату, встречи с Вами... Опять-таки: как внимательно всюду Вас читают!

На днях я вернулся из Тбилиси (Илья Чавчавадзе!)*. Нахожу Ваше письмо от 10 октября. И с удовольствием отвечаю. Дукенбай пусть не переживает, его роман «Шелковый путь» только что вышел из печати. (Конечно, о книге были сообщения в каталоге издательства, в обзорных рекламных статьях.) Один из первых экземпляров мы выслали прямой почтой в его адрес – независимо от тех экземпляров, которые, он по договору должен получить через ВААП. Надеемся, что наше издание его устроит. У нас заказы книжной торговли поступают независимо от установления тиража издательством. Тем приятнее, что заказы, которые собраны уже в преддверии появления книги, сильно превышают тираж. Значит, успех.

Я рад, что у Вас лично, видимо, все в порядке. Желаю Вам всего доброго. Поклон Рае.

Обнимаю Вас,

Лео.

* Наша «русская» секретарша долго болела и только теперь отпечатала письмо.

03.09.1990 г.

Дорогой Герольд!

Надеюсь, что известия о нашем приезде уже дошли – и через наше посольство в Москве, и через московское правление общества «Возрождение», и через официальное письмо нашей организации в Берлине.

Прилетим втроем 14 сентября для обсуждения вопроса, как получше помогать обществу «Возрождение». Буду рад нашей новой встрече. В Берлине по этому поводу встречался уже и с Эрлихом, и с Вормсбехером, и с Тутик (Киев). Кроме обсуждений будет желательно получить побольше зрительной информации – о жизни, культуре и искусстве, литературе, о печати, хозяйстве, да и церковных делах и т. д. Узнать итоги Вашего съезда, о дальнейших перспективах, планах. Ваш немецкий театр мы будем принимать уже в Берлине, но заглянуть на его алмаатинскую базу будет тем более желательно. Так что, в субботу и воскресение отдыхать нам вряд ли полагается, надо использовать все время.

И все же надеюсь, что найду немножко времени, чтобы повидаться и с другими своими друзьями – Абдижамилем Нурпеисовым, Абишем Кекилбаевым... Наверно, на короткую встречу в Алма-Ату приедет наша /шарлоттина/ «крестная дочка» из Узун-Агача с родителями. О их пребывании в гостях у нас в Берлине напечатал статью в газете Сейдахмет Бердикулов. Может быть, он напечатает в той же газете и статью или интервью о визите нашего общества, о его целях, о наших с Вами общениях в Алма-Ате.

Привет Рае, привет от Шарлотты. До скорой встречи.

Лео.

Берлин, 13.01.1995 г.

Дорогой Герольд!

Еще раз спасибо за все хорошие вести. Конечно, мне будет приятно и лестно увидеть свою статью в Вашем «Фениксе». Окончательный текст везет Вам Абдижамил Нурпеисов. Встреча наша была, правда, чрезвычайно короткая – он остановился в Берлине проездом на один день, а именно в тот день я должен был ехать в Дрезден. Жаль, мы с Шарлоттой надеялись на «настоящую» встречу. Я даже не успел вовремя приурочить свою статью к Вашей публикации. Дело только в ссылках вроде «in der vorliegenden Ausgabe», «die vorliegende Ausgabe», которые относятся к публикации в здешнем книжном издании. Решайте сами, надо ли эти места переделать, как я это уже сделал в первой присланной Вам рукописи, или нельзя ли все оставить так, как оно есть – ввиду Ваших «предварительных фраз».

Очень рад я информационной карточке Союза писателей Казахстана по поводу Вашего шестидесятилетия. Я и рад, и опечален тем, что не знал вовремя о Вашем юбилее. Но раз идет речь о прожитых шестидесяти годах, да конечно и о предстоящих, по крайней мере, тоже шестидесяти, то три месяца опоздания пожалуй не в счет.

А у меня есть много причин для того, чтобы присоединиться к тем, кто Вас поздравлял вовремя – и в большом кругу Ваших друзей выпил с Вами за Ваше здоровье, за еще много лет счастья, успехов во всех областях Вашей деятельности, за успехи в Вашем творчестве.

Вы были в кругу тех, с кого началось мое непосредственное знакомство с Казахстаном. Для пользы дела мы с Вами встречались, когда я в издательстве Volk und Welt готовил немецкую антологию казахских рассказов, вышедшую в 1979 году. Интенсивно я пользовался Вашей ценной консультацией, когда я в том же издательстве готовил антологию рассказов российских немцев, и я не представляю себе ее издания в 1983 году без Вашего послесловия – первой для читателей ГДР развернутой информации об истории и о положении российских немцев – не обходящей сложных вопросов этого дела. Незабываемое наше с Шарлоттой четырехнедельное пребывание в Казахстане по приглашению Абдижамила Нурпеисова дало нам множество прекрасных впечатлений, одарило нас новыми друзьями – к тому даже новорожденной тогда казашкой, ставшей крестной дочкой, тоже было уже не представимо без общения с Вами. Сколько Ваших и рассказов, и статей я перечитал с тех пор в немецкоязычных (и русских) казахстанских, московских журналах и газетах – особенно уже в связи с моей работой над немецким трехтомником Есенина, готовя библиографию немецких переводов Есенина, включая переводы российско-немецких поэтов, подступая к обобщению их заслуг в немецкой рецепции Есенина. В этом деле Вы оказали мне и прямую помощь, о чем я с благодарностью упоминаю в своем есенинском трехтомнике, который должен выйти из печати в июле 1995 года. После всего этого сама судьба решила, что нам следует встретиться и в новых должностях – Вашей как председателя Немецкого культурного центра в Алматы и моей как президента Кураториума по культурной помощи немецким меньшинствам за рубежом, в том числе по масштабности, в первую очередь, российским немцам. (Не знаю, как быть с терминологией теперь, когда следует из них выделить казахстанских немцев).

«Одним словом», окажись я за Вашим «юбилейным дастарханом», я мог бы черпать из богатого материала, выступая с тостом за Вас, заслуженного юбиляра, моего дорогого друга. Вношу теперь это свое слово задним числом. Поздравляю Вас, поздравляю Раю с таким мужем, приветствую задним числом участников Вашего юбилея, среди них тоже много моих, наших с Шарлоттой друзей. Я не теряю надежду, что мы за все это все же когда-то вместе выпьем – то ли в Алматы, то ли в Берлине.

А раз совместных дел у нас много еще и впереди, спрашиваю Вас под конец письма: а по какому номеру Вы советуете слать факсы Вам? О своем я Вам написал уже: 2318935 (после берлинского кода 030 и называя мою фамилию латынью и мой номер телефона 2727365, так как это факс соседней с нашей квартирой фирмы).

Всего, всего Вам доброго, дорогой друг Герольд. Конечно, к моим поздравлениям присоединяется Шарлотта.

Ваш Лео + Шарлотта.

Берлин, 2.06.1995 г.

Дорогой Герольд!

Я пишу Вам, но с просьбой довести содержание факса и Абишу. Письмом не успеть. Мне открылась возможность издать библиотечку «ex oriente». Произведения национальных литератур стран восточнее ФРГ. 4-5 названий в год, объем книжки – максимально 5,8 авторских листов (с учетом увеличивания при переводе на немецкий). Переиздания и новинки, современное и классика. По качеству и читаемости только вещи, которые обеспечивали бы продолжение библиотечки. Я предлагаю выбор, пишу послесловия. Издает маленькое лейпцигское издательство. Первые две книжки выходят этим летом: «Алые паруса» А. Грина, «Человек ли он?» И. Чавчавадзе. Весной 1996 собираюсь издать Ю. Нагибина «Встань и иди» и Абиша. Называю выбранные вещи Абиша по изданиям Volk und Welt 1982 и 1987 гг.: «Der Wettkampf», «Ein nützlicher Mann». Намеренно составляю историческую повесть с короткой (?) о сравн. современности.

Вопросы: согласен ли Абиш? Правильно ли я помню, что переводы на русский Ваши? Понадобится актуальная информация об Абише, дополняющая по-старому известное мне; также выборочная библиография, фото. В моих руках еще старый Ваш газетный немецкий очерк «Ge-

birgspasse». Мне представляется, что я напишу послесловие – «раму», а вставлю частично ответы Абиша на мои вопросы, чтобы ввести информацию, недоступную мне. Согласится ли он? Вопросы может он, можете Вы к моим добавить, если хочется таким образом существенное добавить, о чем я не спросил. Возможно и косвенное использование ответов с моей стороны. Конечно, от издательства будет гонорар. Печатать имеющиеся переводы будем по лицензии от издательства Volk und Welt.

Желательно получить ответ факсом (после кода ФРГ) 030 / 231-89-35, указывая латынью: Für Kossuth, Tel: 272-73-65. Это – фирма, которая мне передаст (телефон мой). (Биографическое можно, конечно, отдельно и позже прислать).

Впредь не повредят и предложения авторов/произведений на (редкое при маленьком числе книжек) будущее. Это касается все еще и рассказов до 9-ти страниц рукописи для газеты, о чем я когда-то уже писал. (Если на казахском, то хотя бы с подробной информацией о содержании и художественной отделке).

Приветствую Вас, привет Абишу,

Ваш Лео Кошут.

Берлин, 5.12.1995 г.

Дорогой Герольд!

Спасибо за «Феникс», спасибо за письмо от 23.10.95 г.! Вы меня не только публикацией моей статьи об Есенине в «Фениксе» очень обрадовали, но и Вашим предисловием – ордену похожим, а особенно меня порадовало соседство моей статьи с Вашей (Вашими статьями). Опечатки в моей статье простительны, если учесть число опечаток в самом трехтомнике. Вопрос его издания решался годами (из-за финансов), а производство свершалось в большой спешке. Но успех большой, сплошное большое признание – даже в таких газетах как Frankfurter Allgemeine Zeitung и Die Welt. А рецензий – множество. У алматинской Deutsche Allgemeine Zeitung издания нет, а то было бы интересно увидеть и ее рецензию, тем более, что трехтомник построен с учетом российско-немецких переводов и даже критики Фридриха Больгера, напечатанной много лет назад в еще целиноградской Freundschaft.

Ваши «Этюды об Абае» я читал с величайшим интересом. Очень тонко Вы трактуете тысячелетнюю связь между великими поэтами разного национального происхождения (и все же единого мира), вопросы поэтического перевода, величия Абая и трудностей на пути к его восприятию по переводам на другие языки. Я признаюсь, что и в моем сознании Абай живет главным образом благодаря дилогии Ауэзова. Ее я впервые читал по-русски и по-немецки более 35-ти лет назад, когда мы в издательстве Volk und Welt ее издавали – первую книгу («Абай») в переводе Гильде Ангаровой, вышедшей в 1953 году в Москве, а вторую книгу («Абай жолы») в переводе Руппрехта Вильнова, сделанном по нашему заказу в ГДР (а оба перевода основаны на русском переводе). Уже тогдашнее прочтение оказало на меня незабываемое впечатление, углубленное еще моим общением с художником Bert Heller, который по нашему заказу делал иллюстрации. Роман впечатлял меня тем, как образ Абая, его поэтическое творчество вырастают из динамического образа казахстанского общества, его традиций, противоречий, прогресса, его культуры. Это впечатление провожало меня во всей моей ориентации на издательское представление советской литературы как литературы многонациональной, в том числе казахской. Но и в тех переводах вкрапленные поэтические тексты отстают от прозаических, что подтверждает Ваши высказывания о трудности перевоплотить богатство и красоту поэзии Абая на языке перевода. По Вашим указаниям я посмотрю, каковы получились переводы Абая на немецкий вне дилогии Ауэзова.

А дилогию Ауэзова я в этом году перечитал снова в связи с подготовкой к работе над статьей к изданию Абиша Кекилбаева в моей новой библиотечке ex oriente, так как я стараюсь трактовку каждого автора и изданного его произведения «вписать» в образ национальной литературы, из которой он происходит. (Та справка, которую я получил о биографии и творчестве Абиша, правда, очень официальна, так же, как и фото; и о том, имеются ли более новые литературные работы, или над чем Абиш работает, – ни слова.) Я Вам, пожалуй, пришлю вышедшие две первые книжки, чтобы показать Вам (и Абишу), в какую серию он войдет. Издание, правда, задерживается, потому что пока в год выходят вместо четырех-пяти книжек только две. Издательство надеялось на лучшую продажу, надеялось наверно, что при виде моего портрета в каждой книжке – наряду с портретом автора – люди сразу весь тираж раскупят.

Еще по поводу Ваших «Этюдов»: с проблемой непереводимости я столкнулся по-другому, готовя к изданию стихи/песни Булата Окуджавы (я не знаю, известна ли Вам моя книга Bulat Okudshawa «Romanze vom Arbat», изданная и с оригиналами, и с поэтическими переводами, и с моим «пересказом» стихов/песен, и с нотами, и с грампластинкой). Я знал и предвидел, что поэтические переводы, в песнях тем более скованные ритмом и рифмой (являющиеся в оригинале абсолютно непринужденными), не передадут естественности текста. Потому я с одной стороны старался привлечь к делу поэтов, которые все же могли бы справиться с проблемой, а с другой стороны поставил рядом с ними свои «пересказы». После появления книги часть рецензентов замечала, что зря я включил эти пересказы, раз в ней есть поэтические переводы, а другая часть писала, что пересказы намного убедительнее поэтических переводов, так что лучше следовало ими ограничиться. Это, по крайней мере, любопытный результат.

Мне пока еще не удалось найти «оказии», чтобы прислать Вам мой трехтомник Есенина. А по почтовому пути боюсь и повреждения кассеты, и вообще кражи посылки (в которой могли бы иметься иностранная валюта или другие ценности). Но долго откладывать дело тоже не следует. Пожалуй, я все же на днях отправлю издание по почте. Из-за опасений прошу Вас подтвердить получение. А пошлю посылку – именно надежности ради – на Ваш правительственный адрес, даже если Вы оттуда уже ушли.

Видимо, и тем факсом уже в принципе нельзя пользоваться? А, может быть, имеется другой факс? А как у Абиша – раз он депутат, а то еще и при должностях (по письму А. Молдагаринова со справкой – государственный советник Президента Республики Казахстан и заместитель председателя Национального совета по государственной политике при Президенте Республики Казахстан), то у него тоже должен быть факс? Я не знаю, писал ли я Вам уже, что у меня изменились и телефон (030 / 533 73 65) и тот факс, по которому я могу получать сообщения (030 / 617 32 015; с указанием: Für Kossuth, Tel.: 533 73 65). Кроме того, думаю о том, не завести ли свой собственный факс; в таком случае, конечно, сообщу.

У нас меняются не только телефоны, но и названия улиц. Думаю, что у Вас тоже. А все алматинские адреса у меня старые. Так на каких улицах проживают теперь те, кто у меня записан по адресам: Коммунистический

проспект, ул. Карла Маркса, ул. Тулебаева, ул. Маркова (Абиш проживает еще по старому адресу?), ул. Панфилова, Пролетарская ул., ул. Интернациональная, ул. Чайковского; ул. Абая уж вряд ли изменилась.

На конференциях Wiedergeburt я уже давно не бывал. С одной стороны, Гроут наш Kuratorium разлюбил после того, как мы не поддержали его новый курс на выезд всех российских немцев в Германию, а потом он вовсе пропал и вместе с ним наша информация о местонахождении центра Wiedergeburt (говорят, что Гроут переехал в область Калининград), а новая связь с Wiedergeburt у нас не состоялась. С другой стороны, наши хорошие отношения с Гуго Вормсбехером хотя и продолжаются (недавно, принимая участие в московском Международном симпозиуме по поводу столетия со дня рождения Сергея Есенина, устроенном ИМЛИ, я посетил и его в бюро Международного Союза российских немцев), но он очень придерживается требования правительственных органов ФРГ, чтобы все связи шли через VDA (Verein für das Deutschtum im Ausland). Им не нравится наше происхождение из ГДР (хотя Kuratorium основан в 1990 году), и конечно они преследуют далеко идущие политические цели, которые мы не разделяем. Кроме всего этого, такие поездки приходится финансировать из своего кармана.

Таким образом, получается, что наши мероприятия («проекты») по направлению России, Казахстана ограничены в то время, когда мы очень активно сотрудничаем с немецкими организациями в Польше, Чехии, Венгрии, Румынии, устраивая там чтения писателей из ФРГ, профессиональные семинары для писателей/поэтов (Werkstattgespräche), поддержку немецкого театра в Венгрии, приглашаем писателей на выступления у нас и т. д. На все это нужны спонсоры, не все удается, а многое все же (в исключительных случаях все же и с деньгами от Министерства иностранных дел, но чаще от правительств восточногерманских «Земель»). А что касается выезжающих из России или Казахстана немцев, то наш Куратoриум включил в свои задачи и заботу о них (более того, о переезжающих из любых стран в Берлин и немцев, и иностранцев).

Кое-что мы сделали и в Казахстане, участвовали дважды в семинарах, проведенных в Алматы «Фондом Фридриха Эберта» («Friedrich-Ebert-Stiftung»), по нашему приглашению здесь была с персональной выставкой художница Волковинская-Герр из Казахстана, сейчас мы приобрета-

ем для нее моторизированную коляску, поскольку она парализована; с сентября 1996 года мы стараемся устроить члена Кураториума Маргуля (Margul) учителем немецкого языка в 10-ой гимназии в Алматы; не буду уже говорить о том, что нам удавалось в самом начале нашей деятельности, когда мы издали большим тиражом немецкий букварь, пригласили на гастроли в Германию алматинский немецкий театр. Установись у нас постоянная рабочая связь с казахстанской организацией российских немцев, то мы могли бы подействовать намного активнее – независимо от того, идет ли это по линии Wiedergeburt или по линии Zwischenstaatlicher Verband der Rußland-deutschen.

Вы, пожалуй, занимаете еще руководящее место по делам российских немцев в Алматы / Казахстане? Может быть, это все можно устроить с Вашей помощью? Раз Вы уходите «от ветреной особы – политики» и остаетесь «со старой женой – литературой» – не поискать ли новой оказии для приглашения Вас в Берлин (на чтения, выступления или чего бы там ни было)?

Ой, какое длинное письмо получилось! А осталось все же еще одно существенное дело: Хотя и с громадным опозданием, но тем сердечнее я Вас поздравляю с Президентской премией мира и духовного согласия! Прошу передать мои поздравления – с намного меньшим опозданием – по аналогичному поводу и так же сердечно Абишу; я бы ему сам написал, но думаю, что он в связи со своими политическими постами мог изменить адрес. А мне следовало бы вновь установить прямую связь с ним и по поводу издания его в «ex oriente». Между прочим, при таком издании издательство будет очень заинтересовано в том, чтобы его пригласить на выступления/чтения, а я помню, как его встречали читатели, когда он много лет назад был членом писательской делегации в Берлине. Все обращались к нему, а я, как ведущий вечера, с трудом вовлекал других членов делегации в общий разговор, чтобы не было обид (хотя внутренне радовался за Абиша).

Всего Вам доброго, дорогой Герольд! Привет, конечно, и от Шарлотты. Наш совместный привет Рае – как она здравствует?

Дружески, Ваш Лео.

P. S.: Эрике Фогт я сообщил, как хорошо Вы приняли ее статью. Она сообщению рада, благодарит Вас, присоединяется к нашим приветам.

Берлин, 21.05.1996 г.

Дорогой Герольд!

Большое спасибо за письмо, за Библиографию, за новый «Феникс». Вы совершили важнейший труд, и ссылки на заслуженного предшественника добавочно Вам в честь идут. Я с громадным интересом прочитал, прочитал не только предисловие, но все статьи о вошедших в Библиографию писателей. Обязательно отрецензирую – сперва в HANDSCHLAG, что устроить не трудно, пока он еще появляется, а потом попытаюсь в газете или еженедельнике.

Я понимаю, насколько трудно собрать такой материал, и надеюсь, что Вам удастся в будущие издания добавить не найденное еще, о чем Вы говорите в предисловии. Марию Выс, о которой я Вас когда-то спрашивал (переводчица вместе с Г. Люфтом и Д. Шелленбергером), так и не удалось еще найти. В Грузии очень чтут Артура Лейста (1852–1927), который поселился в Тбилиси в 1892 году, прожил там до смерти, там и похоронен; мне пришлось писать о нем в издании Ильи Чавчавадзе (Лейст переводил и прозу, и стихи, писал о Грузии и грузинской литературе). Не знаю, насколько она кандидат для такой библиографии, так как работала только переводчиком художественной литературы с русского на немецкий, но она этому делу всю жизнь посвятила. Гильде Ангарова в Москве; но если назвать ее, возникают сразу другие имена (Юрий Эльперин и др.).

В «Фениксе» я вижу, что Вы заняли должность главного редактора. А сам номер очень интересный, мне не удалось еще все прочитать, но прочту обязательно.

Но сегодняшний повод к письму дает возможность новой попытки послать Вам мой немецкий трехтомник Есенина. Я сегодня узнал, что, пожалуй, в июле собирается из Варшавы в Алматы Игорь Трутанов, а на днях едет к нему из Берлина один знакомый члена нашего «Кураториума» Бандау. Так через него я пошлю Есенина Игорю Трутанову, а с ним Есенин, наконец, до Вас дойдет.

Ваша жизнь беспокойная, и я Вам сочувствую. Но я знаю по себе, что есть люди, за которых еще и еще разные должности цепляются. В этом эти люди сами виноваты – зачем они слишком явно показывают, что это все им под силу! А таким людям очень трудно уберечься хотя бы от того, что им зря силу отнимает. И все же хорошо, что они есть.

Вы называете в Библиографии некоторые свои должности, в письме упоминаете «приличное функционирование немецкого культцентра». Как мне помнится, Вы являетесь и его председателем? Я спрашиваю потому, что мы от «Кураториума» стараемся устроить опять кое-что в Алмате, а это могло бы и Культцентру дать пользу, и мы могли бы кое-что совершить с Вашей помощью. Один «проект» предусматривает, чтобы один немецкий учитель проработал несколько месяцев в одной алматинской школе для немцев (Маргуль, у него есть на это уже порядочный опыт), а второй, чтобы другой учитель немецкого языка (Рау), вместе с тем автор «авторской песни», выступающий с гитарой, поехал на несколько выступлений в Алматы – для выступлений и перед школьниками, и перед взрослыми, проведения работы с тамошними учителями немецкого языка, выступлениями и перед российскими немцами, и перед казахами, представителями живущих там других народов.

Жаль, что почтовая связь настолько скучная и ненадежная. Повторяю свой вопрос, нет ли возможности, обращаться к Вам факсом. Тот же вопрос по отношению к Абишу. Приближается тот момент, когда придет черед его изданию в моей библиотечке «ex oriente», а тогда мне очень понадобится возможность оперативного общения с ним.

Мы с Шарлоттой тоже беспрестанно трудимся. Для четвертой книжки моей библиотечки Шарлотта переводит новые рассказы Булата Окуджавы, а я пишу послесловие (до этого вышли А. Грин и И. Чавчавадзе, выйдет А. Куприн). Кроме того, мы приступили к новому переводу Ю. Рытхэу для одного швейцарского издательства. А «Кураториум» тоже свое берет. Правительство ФРГ, основываясь на проблемах в экономике, прикладывает все силы к тому, чтобы свести на нет социальные достижения. Иссякают деньги в кассах городов, земель, а вместе с тем, выходят из строя спонсоры «Кураториума», иногда находит на нас даже угроза, что не сможем просуществовать дальше. А борьба за это существование стоит больших сил. Кое в чем наша модель тоже «бордель».

На таком оптимистическом высказывании я поставлю точку. Так как приезд Игоря Трутанова предвидится не завтра, я положу одну копию этого письма в кассету Есенина, а вторую копию вышлю почтой – авось, скорее дойдет. Тогда не оаеааеуеоаnii* повторению,

Приветствую Вас, приветствую Раю,

Ваш Лео.

* Эту футуристическую шутку (по Крученыху) самостоятельно устроил компьютер. (Расшифровываю: не удивляйтесь).

Берлин, 15.08.1996 г.

Дорогой Герольд!

Сегодня пишу совсем коротко. Главная цель письма, послать Вам опубликованную именно сегодня рецензию на Ваш лексикон «Российские немецкие писатели». Это – не совсем «рецензия», потому что газета публикует только рецензии на книги, которые вышли в Германии. Но мы договорились, что я напишу «косвенную» рецензию в форме фельетона. А само намерение редакция оценила очень высоко.

Так я прилагаю вырезку из газеты Neues Deutschland, а одновременно высылаю целую газету, которая наверно будет дольше в пути. Авось, дойдет и то, и другое. А в «газетке» Кураториума Handschlag появится скоро еще статья – явная рецензия, во многом конечно повторяющая сегодняшний «фельетон». По правде говоря, я сперва вторую написал, а потом обработал (конечно, и сократил) для газеты.

Я надеюсь, что тем временем дошел до Вас и мой есенинский трехтомник. Игорь Трутанов собирался в июле в Алматы, и ему я издание давно переправил в Варшаву.

Всего Вам доброго.

Ваш Лео.

Берлин, 27.08.1996 г.

Дорогой Герольд!

Недавно я выслал Вам свою статью о Вашей Библиографии, вышедшую в газете «Neues Deutschland»; надеюсь, что она тем временем дошла. Здесь статья вызвала уже ряд интересных реакций:

Сперва ко мне обратился человек, якобы знакомый с Вами, не располагающий Вашим адресом, но заинтересованный в возможности обратиться к Вам; я дал ему адрес.

Потом я получил письмо от нашей Национальной библиотеки в Лейпциге (Deutsche Bücherei. Auslandserwerbung. Frau Kate Schroeter. Deutscher

Platz 1. 04103 Leipzig), они хотели бы приобрести Вашу Библиографию, кроме того, прислали мне на проверку данные о Ваших немецких изданиях, имеющихся у них («Живые приметы родства» и «Лицом к лицу»); я дал им полные библиографические данные о Библиографии, сообщил Ваш адрес, но посоветовал, не утруждая Вас, обратиться за помощью к Национальной Библиотеке Казахстана (с которой у них должен практиковаться обмен) или к одному из спонсоров Библиографии советнику по культуре в посольстве ФРГ Зоненхолю (не зная, правда, как его имя правильно написать по-немецки), сообщил им так же адрес издательства «Жибек Жолы»; что касается полной информации о Ваших на немецком языке изданных книгах, то я сообщил им, что можно черпнуть из самой Библиографии («Чайки над степью» – да еще немецкие издания других авторов), но все же направил их к Вам. Они поинтересовались также журналом «Феникс», которого у них имеются номера до десятого; так я сообщил им, что у меня имеется уже и тринадцатый, присланный мне Вами.

А сегодня обратились ко мне из здешнего русско-немецкого журнала «Studia», просят, чтобы я о них тоже написал, и чтобы я для них написал тоже о Вашей Библиографии.

Статья в «Neues Deutschland» была сокращена еще и по отношению моего сокращенного текста; я прилагаю к письму «просто» сокращенный текст, который все еще не «влез» в отпущенный мне объем.

А тем временем появился и «журнальчик» Кураториума» HANDSCHLAG № 12 с первым – более развернутым и не сокращенным вариантом моей статьи о Библиографии. Отдельной почтой шлю Вам два экземпляра. Отдельной почтой оттого, что толстое письмо за границу обходится дорого, а печатные изделия доставляются дешево. Так зачем зря выступать спонсором почты!

Я надеюсь, что все хорошо дойдет, и на всякий случай прошу подтвердить получение.

О журнале «Феникс» обещает написать статью для HANDSCHLAG Эрика Фогт.

Трудности возникли с моей серией «ex oriente», книги плохо продаются. Издательство, на мой взгляд, правда, слишком мало позаботилось о рекламе, и я с ним спорю о том, как надо поступать в дальнейшем. Пока вопрос еще не решен, а таким образом задерживаются и планы в отношении Абиша. Но я так быстро не сдаюсь.

Всего Вам доброго, дорогой Герольд, привет всем нашим друзьям, поскольку они Вам встречаются.

Ваш Лео.

Берлин, 27.09.1996 г.

Дорогой Герольд!

Собираясь на встречу с выезжающим в Алматы Гендриком Маргуль (Hendrik Margull), который будет там по поручению Кураториума учительствовать, спешу написать Вам хотя бы несколько строчек.

Ваши проблемы с сердцем меня, конечно, огорчают. Очень хотелось бы, чтобы Вам удалось от них избавиться.

Большое спасибо за Ваше письмо от 21/24 августа. Ваши слова о моем есенинском трехтомнике я принял как государственную премию.

Я рад, что до Вас дошла газета с моей статьей о Вашей великолепной Библиографии. Раз газета пришла в ущербном виде, я к этому письму прилагаю еще экземпляр («частичный»).

Между прочим, я 27 августа послал Вам письмо, к которому приложил наш HANDSCHLAG, где моя статья напечатана в немного измененном виде. Возможно, Вы получили тем временем то письмо с приложением, но на всякий случай прилагаю сегодня и то, и другое.

Вы пишете, что мою статью использует DAZ. Если это случится, то я был бы благодарен за экземпляр той DAZ, но, учитывая ненадежность почты, скажу, что мне поможет даже сообщение о том, в каком номере газеты это было – найду. (То же самое на случай, что был какой-нибудь отклик на издание Есенина.)

Сегодня мне фрау Фогт передала присланный Вами «Феникс» № 14 – большое спасибо.

Спасибо, конечно, и за приветы Абе – я бы специально написал и ему, и Абишу, но должен быстро завершить это письмо, чтобы не опоздать на выступление Маргуля.

Всего Вам наилучшего, особенно здоровья!

Ваш Лео.

P. S.: Намарал много ошибок, но это от спешки. А в Ваших письмах меня всегда впечатляет просто-таки художественный почерк.

Берлин, 12.04.1998 г.

Дорогой Герольд!

Сегодня Пасха, пасхальное воскресенье. Мы с Шарлоттой еще вчера выехали на дачу, сегодня проделали «Osterspaziergang». Погода, правда, не очень пасхальная: довольно холодно, и то и дело дождь идет. А все же – природа, чистый воздух, и в саду ждет множество не сделанных вовремя работ. А перед большим панорамным окном постоянное собрание птиц.

Я Вам давно должен был написать. Декабрьской бандероли («Феникс» и др.) я не получил, но получил три книги с письмом от 24 февраля. Я в то время был занят сверх головы. Завершал вместе с Шарлоттой перевод одного романа Юрия Рытхэу для швейцарского издательства. Писал журнальную рецензию о большом и сложном романе Отара Чиладзе («Авелум»), Старался спасти «Кураториум», который, тем временем, все же пришлось ликвидировать из-за потери материальной основы. Так что прошу прощения (надо было хотя бы подтвердить получение!) и сердечно благодарю.

Тем временем я большую часть прочитал, прочту, конечно, все. Прочитал и с удовольствием, и с большим познавательным эффектом, и с волнением книгу «Drunten im Tale». Прочитал в книге «Завтра будет солнце», рекомендованные Вами по сюжету автобиографические вещи, а они дают, конечно, намного больше, чем биографическую информацию. Из-за них я прочту и все другое. В книге «Лики» я тоже пока только отдельные вещи прочитал, остальное еще впереди. Так что польза и удовольствие чтения превосходят ту цель, из-за которой я взялся за чтение. И тем больше я благодарен за возможность написать напутственное слово к Вашей книге о российско-немецких писателях. Пока это, конечно, как всегда, еще задание, которое ждет решения.

Спасибо за сообщения о наших алматинских друзьях-писателях. Мы с Шарлоттой их, конечно, тоже приветствуем – особенно Абе (его покаяние из-за наших открыток, на которые он не ответил, меня немного утешает после моей вины перед Вами). Пусть Абе забудет про те две открытки, а когда он напишет независимо от них о себе, об Ажар, о дочках и внуках мы будем очень рады. Эрика Фогт Вам, наверно, на днях написала. Вам всего наилучшего в смысле здоровья!

Дружески,
Ваш Лео.

Берлин, 3.11.1998 г.

Дорогой Герольд!

Большое спасибо за Вашу статью «Благодарность собрату». Прочитать такую хвалебную статью о себе с одной стороны смущает, с другой стороны эта статья принимает уже сама качество ордена. Очень хорошо Вы к тому же отобрали фотографии: Какие мы были молодые в 1973 году в сравнении с 1994-ым! Хотя на том, позднем мы выглядим более солидными, степенными. А снимок 1973 года напоминает не только о том чудесном пребывании в казахской степи, в юрте, где мы тогда же приобрели нашу крестную дочку. Очень приятно видеть себя опять бок о бок с нашим хорошим другом Тахауи Ахтановым, к сожалению, уже ушедшим. А мысленно появляются за этим снимком сразу и другие наши казахские, казахстанские друзья.

Еще раз – большое Вам спасибо! Я задержался немного с письмом, потому что приехал по стипендии на два месяца наш чукотский друг Юрий Рытхэу, которого мы с Шарлоттой переводим, и с которым я совершаю ряд поездок с чтениями.

А когда все-таки Вы приедете представлять Ваш Лексикон российско-немецких писателей германской общественности? И когда приедет Абдижамил Нурпеисов, который обещал побывать в Берлине этой осенью?

Всего Вам доброго, дорогой Герольд! Привет Вам и всем нашим друзьям в Вашем окружении! Все это и от имени Шарлотты!

Ваш Лео.

Берлин, 30.03.1999 г.

Дорогой Герольд!

Большое спасибо за книгу «Помни имя своё» и письмо. Книга мне, конечно, дорога уже тем, что в нее вошла статья «Благодарность собрату», но она мне также дорога всем своим содержанием. Я еще не успел все прочитать, это – все же не роман, а занятий много. Но завершение

чтения впереди. Одну статью мы с Шарлоттой прочитали сразу, как только книгу распаковали, это статья об Иоганне Варкентине. Мы его хорошо знаем, потому нам было заранее ясно, что задание сложное. И оба глубоко впечатлены чуткостью и основательностью, с которыми Вы соединяете признание его выдающихся свойств с характеристикой тех его черт, которые осложняют отношения с ним даже при самых дружеских намерениях, при уважении к нему и его творчеству, при учете трудной судьбы. Так написать на такую сложную тему, это – высший класс.

На днях я был на Лейпцигской книжной ярмарке (которая все еще существует), говорил там с представителем издательства edition ost, где готовят к изданию Ваш Лексикон. Еще до ярмарки я понял, что на самой ярмарке книга еще не может экспонироваться: только две недели назад я получил контрольный оттиск своего предисловия. Но издательство считает, что Лексикон выйдет из печати в апреле/марте, а около двух недель до выхода в свет Лексикона в журнальчике Das Blättchen напечатают это же предисловие в пользу рекламы для книги. Сегодня же мне факсом прислали контрольный оттиск этой публикации. Вклад маленький, но приятно, что он «работает» в пользу Вашего бесценного Лексикона. Вместе с тем видно, что дело продвигается вперед.

Сочувствую Вам по отношению трудностей с сохранением «Феникса», как и Абе по отношению его забот о ПЕН-клубе. «Кризис духа и бытия» у нас общий, в богатой ФРГ он происходит пока еще на более высоком уровне, но потери не менее ощутимы. Хватило бы денег на войну против сербов (!?), главной целью которой – как мне кажется – является вовсе не Косово, а «эмансипация» НАТО от ООН (под предводительством США).

Я желаю Вам крепкого здоровья для всех Ваших дел (в том числе для завершения романа) – да и просто радости ради. Привет Вам от Шарлотты и – с дружескими чувствами – от Вашего Лео.

Берлин, 12.01.2001 г.

Дорогой Герольд!

14 ноября Вы в письме ко мне прокомментировали рецензию Казака на энциклопедию «Немцы России». Я сообщил Казаку, что Вы написали,

но с условием, что это доверительная информация, и что он без Вашего разрешения ею пользоваться не имеет право. Ему, конечно, Ваш отзыв очень понравился. Он хочет свою рецензию по разным адресам раздарить, и том числе послу ФРГ в России, которого он считает главным виновником грехов. В связи с этим Казак просит разрешения пользоваться Вашим комментарием.

Я прилагаю копию всего Вашего письма. Речь идет о втором абзаце («Ну, а энцикл. «Немцы России» он раздраконил...»). Решите по-вашему усмотрению. Можете передать Вашу резолюцию через меня, можете – если вам интересно установить личную связь – и прямо Казаку. /Prof Dr. Wolfgang Kasack. Schmerbach– str. 41, D-53804 Much. Tel: 049-2245 – 3952; Fax: 049-2245 – 912965; E-Mail: kasack@tronet.de/.

Я надеюсь, что Вы в хорошем настроении прибыли в Новый год. Всего Вам доброго.

Ваш Лео.

Берлин, 12.02.2001 г.

Дорогой Герольд!

Только что, наконец, написал Абдижамилу. Очень долго мы – и Шарлотта, и я – не успевали прочитать его роман «И был день». А роман, несмотря на отдельные длинноты – но мы читали с перерывами, оттого не уверены в таких впечатлениях – очень хорош. Это и в отношении поднятых проблем, и в художественном отношении. Надо еще сказать, что и язык блестящий. Что касается русского текста, надо за это очень похвалить и переводчиков.

Казаку я все передал – и Ваше разрешение, и Вашу просьбу. Передал и Ваш адрес, так что он, возможно, написал уже Вам лично, а я об этом не знаю. На всякий случай сообщите, если реакции положительной нет.

Я, конечно, рад за Вас, что касается «подарка». А еще поздравляю со всеми творческими успехами. Надо будет взять из библиотеки «Феникс» с Вашим романом.

Эрике Фогт я сообщу о Вашем намерении. Пока я ее по телефону не застал. Она могла уехать. Если не застану скоро, напишу.

Всего Вам доброго, привет уважаемой Рае.

Ваш Лео.

Берлин, 1.12.2002 г.

Дорогой Герольд!

Большое спасибо за *«ПРИЯТНУЮ ВЕСТЬ ИЗ БЕРЛИНА»*. В Берлине появились очень хорошие рецензии, но особенно дорого мне восприятие моей книги о Volk und Welt в тех республиках, литературу которых я старался довести до наших немецких читателей. А Ваша рецензия не только очень приятная для меня, она и первая в таком смысле. Я знаю, что написала о моей книге и Белла Залесская в Москве (в моей книге она упоминается на стр. 193 – слишком коротко, если учитывать неоценимую помощь, которую она нам и лично мне оказывала, вроде московского «Герольда Бельгера» по литовской литературе и не только по литовской). Но эта рецензия еще не появилась в печати.

Вы не только первый рецензент моей книги о Volk und Welt вне ФРГ. Четыре года назад Вы уже опубликовали статью «Благодарность собрату», выдержкой из которой я завершаю свою книгу (печатая только отрывок, чтобы этот финал не прозвучал слишком торжественно в пользу собственной биографии). Чем я могу Вас поблагодарить? Наверно, только учреждением увесистой премии имени Герольда Бельгера, удостаивая первым Бельгера этой премии. Это, к сожалению, не в моих возможностях. Хорошо, что хотя бы диссертанты взялись за Ваше творчество!

Ваша рецензия мне не просто приятна. Высылая свою книгу не знающим немецкий язык друзьям в разных постсоветских республиках (включая Россию), я прилагаю теперь Вашу рецензию, чтобы они, по крайней мере, получили понятие, о чем она. Полагаюсь на то, что Вы против такого «злоупотребления» не возразите.

Диссертацию я уже не напишу. Но с интересом познакомился бы с романом «Дом скитальца». По названию надо думать, что он посвящен судьбе российских немцев (по примеру того, что Вы пишете об этапах жизни Вашего отца). Положение здесь в ФРГ для литературы и вообще культуры не очень хорошее. ГДР называла себя Leseland, ФРГ справедливо называет себя Spassgesellschaft. Со времени кончины ГДР у меня лежат еще несколько неосуществленных проектов, о которых тогда существовала даже договоренность с издательствами. Но не исключено, что удастся рецензия. По всему, что я знаю про Ваше творчество, я ду-

маю, что книга написана – при конкретном сюжете – в общечеловеческом духе.

Примите мое соболезнование по поводу смерти отца. Он – опять, судя по трем этапам, – прожил трудную, но тем и богатую жизнь. Конечно, можно утешиться возрастом, до которого он дожил. Но покинуть жизнь, если не угнетают недуги, в любом возрасте жаль, а отец своим детям в любом их возрасте остается незаменим. Так я натыкаюсь на все новые вопросы, о которых мне так жаль, что не расспросил о них отца, когда он был еще жив (а он дожил до 83-летнего года жизни). Даже хотелось бы хоть на один день опять с ним побывать, чтобы обменяться нашими опытами жизни, услышать его мнение. (Не говоря уже о маме, которая умерла в возрасте, в котором теперешние женщины в моих глазах все еще девушки, а она, несмотря на это, – все остается мамой.)

Жаль, что нет у нас возможности общаться так моментально, как это разрешают факс или электронный мейл. Это даже с Абдижамилом – президентом казахстанского ПЕН-клуба – не удается (он мне недавно звонил из Астаны). С другой стороны: ни факс, ни мейл не заменят таких обстоятельных, задумчивых, по форме прямо-таки библиофильских писем, какие я от Вас получаю.

Всего доброго, дорогой Герольд, сердечный привет Рае,

Ваш Лео + Шарлотта.

07.05.2003 г.

«Ну, должен же быть у казахстанца Лео Кошута Абай.
Иначе Лео не поймет казахов, а Абай – Лео.
А это было бы досадным недоразумением».

Герольд.

Пренден, 20.09.2003 г.

Дорогой Герольд!

Я, конечно, внимательно отнесся к такому посвящению в подаренной мне Вами книге ABAI. Buch der Worte и внимательно ее прочел. А теперь надо проверить, насколько я из нее извлек способность «понять казахов» (да еще самого Абая). Прилагаю к письму две попытки перевести стихотворения Абая. Пришлось, к сожалению, исходить из русских переводов.

Пожалуйста, проверьте, насколько мои тексты соответствуют казахским оригиналам. Я специально прилагаю тексты в двух экземплярах, чтобы Вы могли на одном СУРОВО И БЕЗ СКИДОК написать Ваши критические заметки и прислать их мне. До абсолютного соответствия все равно не дойти. Но я хотел бы, редактируя свои переводы, знать, к чему надо стремиться. Будь я моложе, то я поставил бы себе задачу перевести побольше. А так я, в крайнем случае, переведу еще одно стихотворение и в таком случае тоже пришлю, исходя из немецкой пословицы Alle guten Dinge sind drei.

5 октября мы с Шарлоттой едем на три недели в санаторий (Kur). Там я попытаюсь, еще раз прочитав Ваш роман «Дом скитальца», написать рецензию. Предварительно я попытался уже вызвать к нему интерес. Рецензия будет небольшая – столько, сколько разрешает известный Вам уже журнальчик «Ossietzky».

Фотографии, надеюсь, все до Вас дошли. Надеюсь, что никаких катастроф нет – особенно, что здоровье скорее улучшается, чем наоборот. Передаю приветы от Шарлотты Вам и Рае, а по случаю всем нашим друзьям.

Обнимаю Вас,

Ваш Лео.

Берлин, 21.06.2003 г.

Дорогой Герольд!

«В каком году – рассчитывай, В какой земле – угадывай, На столбовой дороженьке Сошлись два мужика...» Один из них был казахом (по крайней мере, принял казахские обычаи), и к старшим относился только с почетом, а другой был немцем (по крайней мере, принял немецкие обычаи), и ставил равноправие выше всего. Так сохраним взаимное обращение таким, каким оно прекрасно действовало уже десятилетия.

Я очень рад, что нам в этот раз удалось провести столько времени вместе, как еще никогда. Вообще я своим пребыванием в Алматы очень доволен – из-за премии, которую я считаю большой честью, и которая вместе с тем направлена на то, что для меня являлось самым главным в тридцати годах издательской работы, является таким главным до сих

пор. И, конечно, я понимаю, насколько я обязан Вам лично за общественное признание того, что мне удалось сделать (а как жаль, что не удалось больше).

Незабываемы еще и те прогулки, которые мы вместе проделали – с встречами ветеранов, со случайными и не случайными встречами с Вебером и Шмидтом, с посещением «Парка им. 28 гвардейцев Панфиловцев»... А то пребывание в Вашем доме – за столом вместе с Раей! Намного четче отображается теперь в моей голове вся внешняя и человеческая география дорогого мне алматинского края.

Спасибо за вырезки из газет с откликами на вручение премий Казахского ПЕН-Клуба. На казахские приятно смотреть, так как они вероятно тоже положительные. А самая большая статья опубликована в русскоязычной газете. С нее я передаю копии всем, кто хочет что-то подробнее узнать про премии и про Казахский ПЕН-Клуб.

На днях должна появиться моя статейка в журнале «Ossietzky». Как я заранее сказал, в том журнале требуется краткость. Даже из того немногого, что я написал, пришлось кое-что вычеркнуть. Зато это – журнал со славной традицией, с большим авторитетом (в первую очередь, у левых, но ненависть правых происходит тоже от этого авторитета). Я даже этой статейкой обязан Вам, надеюсь, что не слишком исказил полученную информацию.

Отдельной почтой вышлю фотографии – отдельной почтой, чтобы никто не подумал, что конверт полон банкнот. Те фото, которые отображают ветеранов, я прилагаю в таком числе, чтобы Вы могли передать по экземпляру тем, кто с Вами. Исключение – «генерал» Калмухан Исабаев, ему я высылаю отдельно. Но передайте и ему при встрече привет от меня. А если чего-то не хватает, сообщите – пришлю. Жаль, что я у Вас в квартире, за столом, при Рае, не снимал.

Главное под конец. Я прочитал весь Ваш роман и сердечно поздравляю автора. Это и хорошая литература, волнующая, временами захватывающая читателя. Но и очень впечатляющее свидетельство об истории российских немцев после их выдворения из Автономной республики, живая информация о трагических перипетиях в их судьбах, а вместе с тем отображение соотношений с простым казахским народом – в какой-то мере объяснение, откуда появились такие люди как Герольд Бельгер, который на пользу и казахам, и немцам, и русским владеет их языками,

знает их культуру, стал даже признанным специалистом по национальному казахскому поэту Абаю.

Это – только беглые наброски моего впечатления. Я должен еще раз пройтись по всему роману, чтобы написать отдельную рецензию. Жаль, что большого издательского влияния у меня уже нет. И перевести роман трудно. Но я уверен, что в Германии есть значительный потенциал читателей (среди переезжавших сюда российских немцев, и среди тех, кого такие судьбы по разным причинам интересуют). Думаю, что в конце концов и издатель должен найтись. Среди моих друзей уже несколько выразили свой интерес прочитать роман (по-русски).

Я не обозреваю все, что в Германии – и не только в ней – на немецком языке издано на эту тему. Наверно, романа российско-немецкого автора с такой тематикой еще нет? В советское время он не мог появиться, а с тех пор? Одним словом – большое спасибо за подарок, который представляет для меня Ваш «Дом скитальца» («скиталец» можно очень поразному перевести, правильно ли сказать «Das Haus des Heimatlosen»?) Если появятся какие-нибудь рецензии, пришлите, пожалуйста, чтобы я мог указывать и на них.

Привет Вам и Рае от меня и от Шарлотты. Обнимаю Вас, Лео + Шарлотта.

Берлин, 16.12.2003 г.

Дорогой Герольд!

Так прыгать ни Вашему давлению, ни Вам не полагается – тем более в степенном возрасте, даже если Вам не восемьдесят, как я наврал в статье о «Доме скитальца», а под семьдесят. Откуда у меня взялись те восемьдесят, я даже не знаю. Наверное, я просто исходил из впечатления от Вашей мудрости. Прошу прощения – не за впечатление, а за вранье.

При такой рабочей нагрузке, как ее представляет Ваш «отчет» о литературных делах, нельзя, конечно, удивляться, что здоровье протестует.

Вышла моя рецензия. Я высылаю журнал отдельной почтой. Но Вы не ответили, как быть, если найдутся интересующиеся издать на немецком языке Ваш роман о поволжских немцах. Согласны ли Вы с моими кандидатами? Можете ли Вы для такой цели предоставить еще экземпляр кни-

ги? Если возникнет серьезный разговор, то советую, без консультации со мной никакие договора не подписывать. «Наш» капитализм именно такой, как он описывался в партучебе. Например, издатели стараются обворовать авторов – при установлении гонорара, при неоплате автора в случае переизданий, предоставления прав для пользования текстом редакциями журналов, другими издательствами. А это все определяется уже договором.

Мне, конечно, приятны Ваши оценки моих переводов Абая. Нейман я предпочитаю именно за ее явную текстуальную точность. Там, где вместо дословности являются метафоры, трудно понять, насколько они соответствуют оригиналу, а насколько они – слишком свободная интерпретация. А рифмы я сознательно предпочитаю «unrein». Они такие – назовем их Assonanzenreime – определяют вообще тенденцию в немецкой современной поэзии. За несколько столетий чистые рифмы настолько «изношены», что эти рифмы-слова теряют всякий вес (будто вообще там слова нет). Это, конечно, не обозначает «зеленую» дорогу для переводчика, заменять рифмы, чем попадется.

«Аул» – сложное дело. Я, конечно, мог в той строфе написать: «Liegt auch der Aul im Schlaf», но немецкий читатель этого без примечания не поймет. А примечание – смерть воспринятой поэзии. Это поняли бы еще в ГДР, где казахская литература распространялась сравнительно интенсивно и большими тиражами. Но ГДР уже 13 лет нет, а в ФРГ даже дикторы радио и телевидения английские фамилии произносят блестяще, а «восточные» – русские, казахские, грузинские фамилии – обязательно исковеркают и произнесут их с неправильным ударением. Даже Айтматова – на западе довольно известного – произносят Aimatoff. Так что, по моему, лучше уж быть не совсем точным в отношении аула. В рецензии я написал «Siedlungen». Это уже слишком неопределенно, на все применимо. Но для стихотворения тем более совсем не годится.

Вместо специальных поздравлений в письме, прикладываю приготовленную уже новогоднюю открытку собственного изделия*.

Ваш Лео.

* Такое поздравление я, кажется, уже послал. Но ничего: «Doppelt halt besser».

Берлин, 22.03.2004 г.

Дорогой Герольд!

Поздно я отвечаю на Ваше оригинальное письмо-книгу. Сперва, утешаясь тем, что я только что – 19 января – Вам написал жалобу на теперешние издательские проблемы. А потом утонул в делах, которые не разрешали поднять голову. Не знаю даже, подтвердил ли я получение добавочного экземпляра книги «Дом скитальца».

А книгу «Карл Бельгер – мой отец» я только сейчас прочитал. Прочитал с большим интересом (прочитал за исключением казахских и узбекских текстов, но об их содержании догадываюсь).

В некоторой степени я был подготовлен к этому чтению – частично нашим давнишним знакомством, а особенно знакомством с Вашим романом «Дом скитальца». Но тем более интересно знакомиться с материалами, отражающими истоки романа.

Кроме того, я замечаю очень много такого, что нас роднит. При том, что я все время жалею, что слишком мало знаю о своем отце. Не расспрашивал я его о его жизни, когда бы я мог. В 42-м году – девятнадцатилетним – был призван в «Вермахт», после войны из-за любви к одной девушке не вернулся в Вену. С 1961 года граница для жителей ГДР была закрыта, так что я и тогда 12 лет до его смерти с ним не мог встречаться, а в целом с 1942 до 1963 года мы виделись слишком редко. А когда он умер, и я неожиданно получил возможность поехать на его похороны, я большинство из собранных им «бумаг» не мог спасти – только семейные документы. А чем больше я сам старею, тем больше вхожу мысленно в его жизненное положение. Перечитывая его письма ко мне, я – будто пророк – все время предвижу, сколько времени ему оставалось жить, когда он мне писал то или другое письмо. А с мамой дело вообще фантастическое: скоро (если я доживу) я достигну возраста, по сравнению с которым она только треть прожила. Как могла сложиться ее жизнь, если бы она не умерла так рано! Женщины 29-ти лет и меньше мне кажутся молодыми девчонками. Только к маме такое определение не применимо. Вот, на такие раздумья приводит меня чтение Вашей книги.

А в целом – Вы составили не просто портрет Вашего отца, а наводите на думы о целом поколении, от жизни которого не раздумывая сегодняшние оппортунисты и многие политики по-дурацки отмежевываются.

А что они оставят будущему поколению, чтобы оно могло вспоминать об их каких-нибудь человеческих, благородных деяниях? Это – в мире, когда главной ценностью стало эгоистическое стремление за наживой. Хорошо, что это не ко всем относится, но те перед напором глобализации бессильны – а ей подслуживает в Германии правительство из так называемых «социалдемократов».

Одним словом: спасибо Вам за книгу о Вашем отце.

В этом году исполнится 100 лет со смерти Абая. Я все думаю, не удастся ли мне заинтересовать один из наших немногих литературных журналов публикацией моих трех переводов абаевских стихотворений. Но это потребовало бы еще и статейку об Абае, что я мог бы выполнить, только пересказывая прочитанные статьи (в первую очередь, Бельгера). Я не уверен, найду ли я подходящую редакцию, но если найду – не согласитесь ли Вы написать небольшую статью? Хотя, как я понимаю, у Вас такая рабочая программа, что с ней даже великанам, с которыми встречается Гулливер в своем путешествии, справиться было бы трудно.

А о немецком издании «Дома скитальца» новостей пока нет. Так нет и новостей об издании «Последнего долга» Абдижамила. Он сам собирался приехать сперва в январе, потом в феврале, а теперь уже март идет к концу, а новостей о его приезде у меня нет. «Интересно» одно: цензуры в «свободном» обществе нет. А не выходят у нас ни Герольд Бельгер, ни Абдижамил Нурпеисов, ни Отар Чиладзе, ни Василь Быков, ни Лев Гинзбург, ни Иосеб Гришашвили (я во всех случаях имею в виду последние или уже вроде классические произведения – а в ГДР эти писатели или активно издавались, или у меня под конец ГДР были даже уже издательские договоры). Зато издаются книги, которые и перечислить не интересно. Цензура денег!

Это не то, за что боролся Карл Бельгер!

Поклон Рае, привет от Шарлотты,

Ваш Лео.

P. S.: Конечно, я буду рад получить тамошние рецензии на Вашу книгу (например, Сайлаубека), а книгу «Герольд Бельгер» тоже.

Берлин, 07.05.2004 г.

Дорогой Герольд!

Недавно у меня появилась некая «Ольга», которая, ссылаясь на Вас и на свою научную работу, просила две Ваши книги. При встрече произвела хорошее впечатление. Я несмотря на опасения – книги ведь автором надписаны и мне, таким образом, вдвое дороги – дал ей книги. А сегодня она в договоренный срок снова звонила: все уже прочитала, а в понедельник книги вернет. Будем надеяться, что ее работа вызовет не менее положительные впечатления.

Об издании немецкого перевода «Дома скитальца» я пока все еще успеха сообщить не могу. Ни Aufbau, ни Suhrkamp, ни Insel (у этих двух имеется берлинский представитель), ни Kunstmann в Мюнхене, ни франкфуртский турецкий издатель, с которым я вел переговоры и об Абдижамиле, не решаются. Чуть ли не единственная книга, которая в этой стране в почете, это – чековая книга.

На Лейпцигской Книжной Ярмарке я поговорил с издателем журнала «die horen» о возможной публикации в связи со столетием Абая. Тот такую возможность к концу года не исключал (а выходит его журнал только два раза в год). Но на посылку информационного материала он пока не откликнулся. Подожду еще немножко, а потом обращусь и к другим. Литературно-политических журналов у нас, правда, не много.

Я тем временем перевел еще одно стихотворение Абая, о котором уже давно думал. Пожалуй, два или три года назад я в одной статье использовал из него даже одну строчку. Прилагаю Вам результат стараний. Они на этот раз оказались особенно трудными, особенно в третьей строфе. Исходным русским текстом был перевод А. Гатова. Буду ждать Вашего приговора.

Несколько дней назад у нас здесь были «казахские дни» – это с приездом Абдижамила Нурпеисова. Но Абдижамил, побывав и в Брюсселе и в Париже, побывал в Берлине только несколько дней. Он жил у посла Казахстана – молодого, симпатичного, интеллигентного человека (К. Сарыбай), – на машине посольства мы с Абдижамилом съездили и во Франкфурт. Он оттуда на следующее утро полетел в Москву, а я на той же машине той же ночью вернулся в Берлин. Какая польза будет от разговора с тем турецким издателем, должно еще оказаться.

Я убежден, что Вы продолжаете работать не уставая, надеюсь, что здоровье Вам при этом не мешает. Шлю сердечный привет уважаемой Рае. От имени Шарлотты и от своего имени желаю Вам всего доброго, Ваш Лео.

Берлин, 01.08.2004 г.

Дорогой Герольд!

Редактора журнала die horen я зря обругал. Он мне 25 июля написал, ксерокопию его письма я прилагаю. Прилагаю также мой ответ ему (включая приложение: мои переводы с пронумерованными строками). Я ему написал так, чтобы он все же разрешил расширить эссе на три или две или хотя бы одну страницу. Но боюсь, что он не разрешит. В таком случае остается вопрос к Вам: Не согласитесь ли Вы написать три страницы об Абае для этого журнала, в котором в таком случае появятся и мои четыре перевода? (Я предполагаю, что Вы напишете по-русски, а я переведу Ваше эссе на немецкий язык, оно вырастет тогда объемом в три с половиной страницы. Я попытаюсь предложить еще портрет Абая – с условием, что он не пойдет за счет текста. Срок – 15 октября – требует, конечно, учитывать почтовый путь из Алматы в Берлин.

Norm-Manuskriptseite это 30 строк по 60 знаков (включая опущенные знаки между словами и знаки препинания, но при переносе слов). 30 Zeilen zu 60 Anschlägen (einschließlich Leeranschläge; mit Silbentrennung).

Для информации надо еще добавить: Литературные журналы существуют здесь чаще всего, за благодетельное отношение к ним авторов. Гонорара от них не ждать. Но я помню такой случай, что именно die horen известной Вам Kristiane Lichtenfeld чуть ли не год после публикации ее интервью с Отаром Чиладзе о его романе «Авелум» (переведенном ею) перевел некоторые деньги. Так что и такие чудеса бывают.

Пожалуйста, сообщите мне поскорее, согласитесь ли Вы написать такое эссе.

Ваш Лео.

P. S.: Ваше эссе «На пути к немецкому Абаю» я попытаюсь предложить журналу славистики (или здешнему, или пражскому).

Берлин, 15.05.2005 г.

Дорогой Герольд!

Мы долго молчали из-за очень утомительного переезда, который нас занимал и до, и во время, и после переправки ста картонов и мебели на новое место. Но теперь мы, более или менее, здесь (по указанному наверху адресу) поселились.

Вчера я был в Потсдаме как участник выступлений по Пушкину. Там же узнал о том, что на этот год жюри решило вопрос о премии для Вас не в Вашу пользу. Но из административного окружения сего жюри нам уже до этого говорили, что шансы скорее мерещатся на следующий год. Я уверен, что посольство Казахстана предложение на следующий год снова внесет. Они Вам, как я думаю, сами напишут, а я выбежал вперед, имея по оказии первую информацию.

В Потсдаме я продолжил и разговор об издании Вашего романа. Кристиана, которая его очень хотела бы перевести и издать, в свою очередь, занимается этим вопросом.

У нас хоть и не зима, но для весны отвратительная погода: холодно, мокро... Но, в конце концов, должна же наступить настоящая весна. Мы надеемся, что в Казахстане в этом отношении все лучше.

На время более теплой погоды Вы обещали мне книгу Ваших эссе. Я им, конечно, буду очень рад.

А новая квартира вместе с нами надеется, что – самое позднее – по случаю потсдамской премии удастся обмыть ее с Вашим участием.

Пока всего Вам доброго, привет уважаемой Рае.

Дружески,

Ваш Лео.

Берлин, 12.06.2005 г.

Дорогой Герольд!

Спасибо за журнал (сам по себе очень интересный), за Вашу статью (она сама по себе для меня что-то вроде Нобелевской премии), за Ваш новый роман «Туюк су» и включенное в книгу письмо, за добавочный экземпляр романа «Дом скитальца» для Потсдама. Перечисляя все это, я понимаю, что я получил целую Weihnachtsbescherung.

Новый роман я, конечно, поскорее прочту, дам прочитать и Кристиане, которой это чтение может пойти впрок при (как я надеюсь) будущем переводе «Дома скитальца». А сам «Дом...» без задержки вышлю Dr. Klaus Harer в Потсдам, напоминая ему, что он считает возможным помочь при получении денег для немецкого издания. Конечно, будем теперь надеяться на следующий год, что касается премии для заслуженного деятеля в области немецкой культуры Герольда Бельгера. Советник при посольстве Казахстана Нурлан Касымкулов на мое письмо по случаю исхода потсдаму их решений в этом году еще не отозвался.

А Ваша статья «На пути к немецкому Абаю» – блестящая работа. Это я пишу не только оттого, что она мне лично очень дорога, а имея в виду убедительность аргументации, ширину взгляда, который делает статью достоянием не только немецкого обзора переводческого «пути к Абаю», а придает теме международное значение. И написал статью художник слова.

Вы, видимо, поняли, что Абай стал для меня не просто интересной попыткой, но серьезной задачей. Вы мечтаете о том, чтобы «составить сборничек Абая на немецком языке», а во мне загорелось уже при работе над переводом тех четырех стихотворений мечта, создать «сборничек» стихотворений Абая на немецком языке. Но я бы этого без Вас не смог.

Во-первых, состав требует настоящего знатока Абая (по оригиналу). Во-вторых, я даже при выборе отдельных стихотворений нахожусь целиком в зависимости от подходящих переводов на русский язык. А подходящими оказываются только те, которые не закрывают доступ до образов, лексики, синтаксиса, мелодики оригиналов. Этого даже самые поэтические переводы не дают, если в них доминирует поэтика переводчика. Вы это сами в своей статье убедительно показали.

Вряд ли можно ожидать, чтобы Вы сами подготовили подстрочники (а не найдутся ли копии с тех, которые готовились для Михаила Дудина?) А без Вашего совета, без критической проверки, дело не обойдется. Я уже не говорю о том, что кроме Вашего отбора потребуются Ваши адресованные к немецкому читателю послесловие и примечания.

«Сборничек» – правильное слово. Мне все-таки самому идет 82-ой год. До начала следующего года я должен вместе с Кристианой Лихтенфельд завершить немецкое издание книги Иосеба Гришашвили «Литературная богема старого Тбилиси» при включении открыток Оскара Шмерлинга «Старый Тбилиси». Мы уже 15 лет назад этот план чуть ли

не реализовали (был даже уже договор), но крушение ГДР, а вместе с тем противоречия в самой Грузии этому помешали. Но так как я не могу сесть за стол с намерением – вот теперь переведу то или другое стихотворение, а я живу постоянно с такой задачей – задача издания Абая была бы постоянно при мне (и во мне).

Возможно, что надо подумать, не издать ли одновременно немецкого Абая в Казахстане и в Германии. Очень вероятно, что к этому делу подключился бы Эльмар Фабер – бывший директор Берлинского издательства Aufbau, который после его выдворения западными немцами вместе со своим сыном создал в Лейпциге издательство Faber & Faber, которое занимает очень своеобразное положение на германском «издательском рынке» – в определенной мере включает в себя наилучшие традиции издательского дела ГДР, пользуясь всеми возможностями теперешней действительности. Он делает книги, на которые никто другой не решился бы. А при том это – маленькое издательство без больших капиталов. Когда выяснится, как задействует наше с Вами сотрудничество, я с Фабером поговорю.

Таким образом, Ваша статья не просто статья, а намечающаяся великая программа.

Большой Вам привет, Ваш Лео.

P. S.: У Вас новый индекс, или это потребовалось только при посылке книги с почтамта?

А что Вы мне скажете по поводу заведенной (якобы) в Казахстане латиницы? Рекомендуется ли пользоваться ею в немецких переводах, или лучше придерживаться нашей традиционной транскрипции?

Берлин, 30.04.2006 г.

Дорогой Герольд!

Спасибо за пополнение моей Бельгерской библиотеки. Удивительно, что Ваша «дурная голова» производит! Поздравляю Вас, конечно, с завершением романа «Разлад».

У меня дела движутся медленнее (правда, при попеременном обращении то к переводу Абая, то к переводу Ашугов из книги Гришашвили; да пришлось мне еще рецензировать роман «Двенадцать обручев» Юрия

Андруховича – сперва по симпатии к украинскому земляку, а после прочтения из-за несогласия с преувеличенными восторгами здешних критиков, которые, правда, хвалят в первую очередь страстного поклонника Евросоюза; а столетие рождества Мусы Джалиля меня тоже занимало, тем более, что я связан с первыми – и до сих пор единственными – немецкими изданиями его «Моабитской тетради»), И все же:

А пока я писал это письмо, почтальон принес Вашу посылку с книгой «Тридцать семь стихотворений». Большое спасибо. Я обрадован и читаемостью шрифта для подстрочников и увеличенным выбором стихотворений для продолжения работы. Ваши сообщения о возможной книге в Казахстане звучат интересно. Никаких возражений против использования для Вашей книжки «Властелин – Слово» нашей с Вами переписки у меня, конечно, нет. (Надеюсь, что особенно тяжелые мои грехи против русского языка Вы исправите.) А для перевода той Вашей статьи на немецкий язык понадобятся определения стихотворений, из которых взяты Ваши цитаты из Абая, и подстрочники тех стихотворений, чтобы цитаты можно было перевести со знанием всего текста. (Но это я пишу, уже имея в виду возможное будущее немецкое издание стихотворений Абая в ФРГ.)

Роллана Сейсенбаева я задним числом поздравляю с шестидесятилетием. Знал бы я заранее дату и его персональный адрес, я бы ему лично написал.

Обнимаю Вас, Лео.

Берлин, 25.06.2006 г.

Дорогой Герольд!

Подхожу к завершению своего плана, но здесь появляются большие новые проблемы. После стихотворения «Қыс» / «Winter» я взялся за «Жаз» / «Sommer». Дело особенно сложное. Это – в отличие от философских – повествовательное стихотворение. Этому надо подчинить и метафоры, и рифмически-ритмическое построение строф. И осуществить целостность стихотворения, его живую душу приходится по-другому. А подстрочный перевод настолько беспомощный, что я сегодня прервал работу над стихотворением, хотя очень хотел бы его включить в

свои «Двадцать». Стихотворная структура у самого Абая другая, чем в его философских стихотворениях. Я это чувствую, всматриваясь в недоступный для меня по содержанию оригинал. К тому же вижу, что и русские переводы формально как и по содержанию сильно друг от друга отличаются. Учитывая все это, я строю структуру ближе к Александру Жовтису (это и с учетом его перевода, как и того, что о нем сообщается в библиографической заметке).

До половины своего черновика (который надо еще доработать во всех тех отношениях, о которых я выше написал), я дошел. Но потом понял, что подстрочный перевод не только умалчивает о всех формальных вопросах – он даже «подстрочное» дает с непонятными пробелами, особенно во второй половине. Даже простой подсчет это подтверждает: в оригинале 60 строк, в «подстрочном» переводе 51. А здесь и русские переводы не помогают: Они по-разному тоже сокращают или не сокращают. Я бы очень хотел доделать этот перевод (потом пройтись еще раз по всему тексту, в котором и рифмы, и ритм, и метафоры требуют еще доработки – не говоря о целостности, о в целый текст воплощенной душе стихотворения). Но без Вашей помощи мне это не удастся. (Между прочим: особенно сложная деталь: «стригунок», для которого в немецкой речи соответствия нет; а имеется ли оно в языке российских немцев?)

Не хватает еще по моим намерениям пяти стихотворений. Одним должно стать «Лето». По Вашим подстрочникам (из них два стихотворения у меня уже были) я думаю о следующих: «Случаются такие мгновения» (хотелось бы на тему поэзии – из переводов Михаила Дудина также возможны «Этих воплей шум пустой», «Не для игры я стал писать», «Стихами для забавы не грешу»), «Мотылек, нарядный, как павлин», «Что ж ты делаешь со мной?» (но я не уверен, справлюсь ли с этим – при очень коротких, сжатых строках – очень длинным стихотворением, в котором легко потерять динамику переживаний). Может быть, Вы как Herausgeber мне что-то в отношении выбора подскажете. (Например, и о том, от каких готовых переводов все же лучше отказаться – например, от «O Gott erhöre mich doch» / «Патша құдай, сыйындым»?). Все же – перед нами – Endspurt.

На всякий случай сообщаю, что нас с 7 до 22 июля дома не будет, мы с Шарлоттой едем в польский курорт Колобжег у Балтийского моря (в бывшем – немецкий Kolberg).

Обнимаю Вас, Лео.

Берлин, 21.06.2009 г.

Дорогой Герольд!

Участвуя в электронных приписках к посланиям Светлане Ананьевой для ускорения Вашей связи с Кристиане Лихтенфельд, можно было от настоящей переписки совсем отучиться. Если я правильно ориентируюсь, Ваше последнее письмо ко мне было от 09.04.2009 года. А мои последние надо искать по мейлам Ананьевой.

Кристиане первую половину своего перевода с учетом Ваших объяснений еще раз просмотрела. На десять дней уехала на отдых у Балтийского моря (с польской стороны), и с новыми силами возьмется за бельгерский «Дом скитальца».

Упомянутое Ваше последнее письмо ко мне от 9 апреля было посвящено искусно изданному Абаю на трех языках. На это я уже как-то отозвался. Все же интересуюсь, как выглядят перспективы переиздания. Я бы, конечно, передал по экземпляру в три библиотеки: в Бывшую центральную ГДР (Deutsche Bucherei, Leipzig), в Бывшую центральную библиотеку ФРГ (Deutsche Bibliothek, Frankfurt/M.), в Берлинскую центральную библиотеку. При большом богатстве посылаю обыкновенно по экземпляру еще и в бывшую Ленинскую, и во Всероссийскую Библиотеку иностранной литературы им. М. И. Рудомино. Так что во всех отношениях было бы хорошо получить книги из нового тиража.

«Семейная сага», несмотря на все отвлечения, движется. Еще четыре главы написать, и первый вариант текста – правда, еще без отбора фотографий – будет готов. Предположим, что к сентябрю завершу первый вариант. Потом пойдет редактирование (прибавки, сокращения, стилистика), отбор фотографий, которые пойдут рядом тематических блоков. То, что мне надо особенно проверить с помощью «действующих лиц», я грубо, для информации переведу на русский язык и пришлю тем, в чьей проверке я нуждаюсь. Проще, конечно, с теми, кто немецкий читает.

Сегодня по календарю начинается лето. Я надеюсь, что оно на Ваше здоровье хорошо повлияет (а на наше – тоже). Мы с Шарлоттой тоже собираемся на Балтийское море (но с немецкой стороны), с 4 июля на целых десять дней.

Обнимаю Вас, передаю Вам привет от Шарлотты и от обоих нас Рае,

Ваш Лео. Лео + Шарлотта.

Berlin, 15.10.2009 г.

Дорогой Герольд!

Как хорошо было до издания нашего немецкого Абая: мы постоянно переписывались, да по существу. Конечно, хорошо, что книга тем временем появилась. Но постоянная переписка прекратилась.

Как хорошо было, пока нам немецкое издание Вашего романа «Дом скитальца» только мерещилось: Мы «персонально» переписывались, несмотря на долгий путь наших писем. Как хорошо, что рукопись перевода превращается сейчас уже в настоящую книгу. Но ради ускорения связи переводчицы Кристиане с Вами нам пришлось воспользоваться электронным объездом по дружескому маршруту, открытому Светланой. А «персональная» переписка уснула.

Пусть Ваш юбилей вернет нам постоянное ощущение близости благодаря взаимно возобновленному регулярному поступлению настоящих писем!

А все же я рад, что – пусть с маленьким опозданием – появится подарком не только автору, но и тем, кто боролись за это издание, и, в конце концов, подарком и читателям DAS HAUS DES HEIMATLOSEN.

Поздравляя Вас с этой книгой, я, конечно, горжусь тем, что я еще в 2003 году своей рецензией в журнале «Осецкий» и призывом к изданию книги в Германии сделал первый шаг к ее немецкой рецепции. Спасибо посольству Казахстана в ФРГ, которое, поддержав включение книги в «Казахстанскую библиотеку», нашло спонсора, и спасибо Немецко-Казахскому обществу, которое содействовало реализации этого пути. Ура присоединению издательства Hans-Schiler-Verlag к нашему энтузиазму. И слава Кристиане, которая – приглашенная шесть лет назад переводить Ваш роман, – с тех пор без колебаний поддерживала свою кандидатуру и в этом году, когда так поздно появились возможности издания, проделала геройский труд, чтобы завершить перевод вовремя для его своевременного появления.

Как жаль, что здоровье не позволяет Вам прилететь на презентацию Вашей книги DAS HAUS DES HEIMATLOSEN. Но мы постараемся проинформировать Вас обо всем происходящем, как будто Вы персонально с нами. Будем надеяться на внимание немецких СМИ и на интерес читателей, хотя я здесь затрагиваю уже особенную тему.

А по отношению к Вашему здоровью хотелось бы пожелать, что появление Вашего романа в Германии – художественного явления, но и волнующего отклика на трагическую и победную жизнь автора – окажется действенным лекарством против всех Ваших недуг.

Herzliche Glückwünsche für Sie, lieber Herold, auch im Namen von Kristiane, im Namen Ihrer künftigen deutschen Leser, Grüße auch an Raja und an Ihre Gratulanten in Almaty von Ihren Freunden

Jleo + Шарлотта.

Берлин, 20.01.2010 г.

Дорогой Герольд!

Спасибо за оптимистически-новогоднее письмо от 14 декабря. Спасибо за еще один экземпляр «Двадцати стихотворений на трех языках» Абая. Спасибо за Ваше внушительное «Резюме». Спасибо за добрые пожелания.

Я повторяю свои пожелания счастья, предвидя уже приятные для Вас (и для Ваших друзей) происшествия, которые Вам наверное уже известны.

Первая презентация Вашего «Haus des Heimatlosen» произошла еще в декабре в связи с научно-культурной конференцией Германо-Казахского общества и Посольства Казахстана. Там представитель посольства Адильбек Альжанов очень хорошо, сердечно выступил об авторе книги. Кристиане очень убедительно говорила о самом романе, о его достоинствах в смысле изображения времени и художественных требований к переводчику. А я, соглашаясь и с Адильбеком и с Кристиане, обратил внимание читателей Вашего романа на то, что они читают не Бельгера, а воодушевлённую Бельгером Кристиане Лихтенфельд, которая – как любой хороший переводчик хорошего иноязычного произведения – должна была находить русским метафорам и диалогам и т. д. адекватные немецкие соответствия. Это относилось к критикам и публицистам, которые слишком часто забывают называть переводчика, делая вид, будто они читали определённое произведение в оригинале. Но официальные мероприятия по общественному представлению Вашего романа начнутся с февраля.

Снова перепечатали мое эссе об Абае и проблемах перевода в солидном издании пражских славистов «Die Ost-West-Problematik in den europäischen Kulturen und Literaturen» (Herausgeber: Siegfried Ulbrecht und Helena Ulbrechtova; Slawisches Institut der Akademie der Wissenschaften in Prag, Neisse Verlag / Praha Dresden 2009). Эти Ульбрехты активно связаны с журналом: Germanoslavica / Zeitschrift für germane-slawische Studien, Prag. Я об этом пишу такие детали, потому что они предлагают прислать Вам бесплатно названную книгу, если Вы твёрдо пообещаете написать для них статью. Я сперва собирался прислать Вам и моим партнёрам, Светлане и Айнур, по экземпляру книги, но оказалось, что она очень дорога при объёме в почти 800 страниц. Я сделаю для Вас копию содержания, а если Вы пойдёте на то предложение, Вы лучше уже продолжите переписку с самими Ульбрехтами.

Начался год Германии в Казахстане. Было бы не плохо, если бы Ваше издание «Двадцати стихотворений на трех языках» вышло в нормальном виде, и я получил нормальное число экземпляров. Я ведь предоставляю свои книги и книги с моими публикациями целому ряду государственных или ученых, общественных библиотек как и Академии искусств. Раньше, в ГДР, у них было довольно денег для собственного заказа, а издательство «Фольк унд Вельт» самостоятельно высылало переводы авторам и издательствам и редакциям в СССР.

Айнур прислала мне копии с моих статей на казахские темы, которые она переводит для двуязычного сборника. Я сам удивился, что получается довольно заметная книжка. Здесь я еще никогда не публиковал сборники своих – не только о казахских авторах – статей. А теперь, завершая издания своей «Семейной саги», думаю о ряде книг, которые мне следовало бы еще составить и издать «под занавес», если Аллах или один из его международных «партнёров» на это оставит время.

Несчастье Абдижамила и Ажар с потерей уже второй дочери нас с Шарлоттой тоже очень болезненно тронуло.

Привет уважаемой Рае и нашим с Вами общим друзьям!

Лео.

Берлин, 24.04.2012 г.

Дорогой Герольд!

Я очень надеюсь, что Вы при хорошем здоровье. Мы здесь были заняты целым рядом приемов и конференций по поводу двадцатилетия суверенитета Казахстана. Были и прием посольства, и конференция Германо-Казахского общества (а на соответствующих встречах киргизов я встречал частично тех же людей). Мы с Кристиане стараемся всюду добиться активных мероприятий для публикации Вашего романа. Но это – дело трудное, Вы могли об этом судить по сумме Вашего гонорара, о чем мы по телефону разговаривали.

Вы, конечно, следили за тем, как у нас быстро следовали один президент за другим. Но хочется все-таки подчеркнуть, что президент Вулфф, которому пришлось так скоро покинуть свой пост, подвергался заслуженной критике (слишком много у него богатых друзей и выгод от них), а Кёлер, который удостоил Вас орденом, ушел со своего поста, потому что он сказал правду, и его за это критиковали (в Афганистане Германия участвует в войне, а не только в акциях, похожих на войну).

Сегодня я спешу только объяснить, почему я несколько дней назад отправил Вам еще один экземпляр моей «Семейной саги». При бывшей типографии работала переплетная мастерская, которая переплетала книги с помощью клея, и делала это плохо. Потому книга, которую Вы «листали, оглаживали, обнюхивали» и так далее, наверно давно рассыпалась на отдельные листики. Та типография заслуженно обанкротилась, мой издатель нашел другую переплетную мастерскую в Чехии, а там делают переплет с помощью ниток (Fadenbindung), что при таком объеме намного надежнее. А реестр я выслал отдельно, потому что по весу толстая посылка получилась бы намного дороже. А я хочу, чтобы у Вас был хороший экземпляр. Пожалуйста, подтвердите получение и того, и другого.

У нас после почти морозной Пасхи начались теплые дни, и я надеюсь, что это настоящее начало весны. Надеюсь, что и у Вас проходят такие приятные процессы.

Обнимаю Вас

Лео + Шарлотта.

Берлин, 28.09.2012 г.

Дорогой Герольд!

Наконец, надеюсь, донести поздравления без опоздания. А с этого и начну: Мы с Шарлоттой поздравляем Вас с предстоящим днем рождения. Желаем ЗДОРОВЬЯ, быстрого продвижения книг, которыми вы подводите итоги собственных семидесяти восьми лет жизни и судьбы Ваших соотечественников (понимая под соотечественниками в первую очередь депортированных с Вами из приволжской родины) и всего полагающегося Вам человеческого счастья.

Долго мы с Кристиане добивались у издательства им. «Шилера» вечера, посвященного Вашему (а в переводе – помимо литературных оценок и дружеских отношений и «нашему») роману «Дом скитальца». Теперь это состоится буквально в канун Вашего дня рождения. Но выступать будет Кристиане без меня: мне приходится участвовать 25 октября в большой конференции в Лейпциге, посвященной RUB (Международной библиотеке лейпцигского издательства «Реклам»). Эта тема соответствует приблизительно тому, что пришлось сказать про издательство «Фольк унд Вельт» при его кончине. А это лейпцигское издательство, конечно, тоже уже не существует. Так что я обязан там выступать, а Кристиане своего автора Бельгера и без меня хорошо представит – тем более, что она – его переводчица.

А я – пытаясь не слишком отставать от Вашей продуктивности – на днях сдаю в издательство свою новую книгу: Der Hut flog mir vom Kopfe / Majakowskis Zylinder? А в завершение сегодняшнего письма: Еще раз – Да здравствует наш алматинский друг Герольд! Урраа! Привет Рае!

Ваши берлинские друзья

Шарлотта и Лео.

Опубликовано в кн.: Г. Бельгер. О Лео Кошуте. Алматы: «Библиотека Олжаса», 2013.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ НА ФОНЕ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ

Шота Валиханов 4
Mein Freund Шот-Аман 6
Фрагменты из дневников разных лет 12

Мурат Ауэзов 46
Тамыр тамыров 48
Полагаю, жить ему сложно... 51
Духовная ориентация Мурата А. 53
Фрагменты из дневников разных лет 56

Абиш Кекилбаев 76
Волны времени. Заметки о прозе Абиша Кекилбаева 78
Он больше, чем писатель, и шире, чем политик 110
Абиш. Эссе-портрет 115
Фрагменты из дневников разных лет 122

Аскар Сулейменов 150
Аскар. Памяти друга 162

Баккожа Мукаи 165
Человек большого парасата 166
На смерть Баккожи 167
Красиво прожитая жизнь 167
Фрагменты из дневников разных лет 169

Абдижамил Нурпеисов 189
Абдижамил – вблизи и рядом 190
Страницы из дневника 191

Леонард Кошут 339
Приятная весть из Берлина 340
Семейная сага Лео Кошута 347
Письма Лео Кошута разных лет 354

Бельгер Герольд Карлович

ИЗБРАННОЕ

том второй

Литературные портреты на фоне дневниковых записей

Редактор-составитель Б. Канапьянов
Верстка и дизайн Л. Рык

Подписано в печать 08.08.2024.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 25. Тираж 3020 экз. Заказ №611

Издательский дом «Жибек жолы»
050000, г. Алматы, ул. Казыбек би, 50
тел. 8 (727) 261 11 09

ISBN 978-601-294-385-6